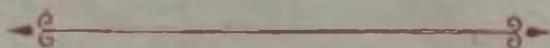

В. П. Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

VII-III вв. до н.э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

В. П. Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ
VI-III вв. до н.э.

**По данным
эпиграфических
источников**

Издательство «Наука»
Москва 1982

В книге рассматриваются основные стадии древнегреческой колонизации: выведение колоний, основание полисов и последующие отношения между колонистами и метрополией. Автор исследует земельный строй колоний, социальные отношения, юридический статус колонистов. Особое внимание уделено колонизационной деятельности Афин и характеристике их колоний. Работа основана на многочисленных источниках, главным образом эпиграфических, многие из которых впервые переводятся на русский язык.

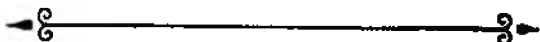
Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ОТ АВТОРА

В этой книге предпринята попытка воссоздать картину эллинской колонизационной практики на основе эпиграфических источников. Ряд ее глав был уже опубликован в различных изданиях \ Рукотись неоднократно обсуждалась в секторе истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, и я глубоко обязан коллегам за ряд полезных замечаний. Приношу свою искреннюю благодарность Т. В. Влатской, постоянно курировавшей мою работу, А. И. Штрахову, Е. С. Голубцовой и Г. Ф. Поляковой, оказавших содействие моей научной деятельности. Я хотел бы также своей книгой выразить глубокую признательность моей матери, Яйленко Марии Стиридоновне, снабдившей меня ценной информацией, касающейся этнографических параллелей из жизни приазовских греков.

¹ К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами. — ВДИ, 1971, № 2, с. 9—24; Греческая колонизация архаической поры в эпиграфических источниках. — ВДИ, 1973, № 2, с. 43—68; Зарубежная историография Древнегреческой колонизации. — Вопросы истории, 1975, № 4, с. 188—198. Древнегреческая колонизационная практика. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 67—73.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Историография древнегреческой колонизации

«Не будь колонизации, Греция не имела бы истории», — в этих словах Р. Ю. Виппера¹ отчетливо отражено перво-степенное значение колонизационного движения для истории древней Греции. Важность этой проблемы была осознана антиковедением давно. Эволюция представлений о характере и ходе греческой колонизации была тесно связана с общим развитием науки о древности. В историографии колонизации можно выделить несколько этапов. Первый этап можно было бы условно назвать антикварно-публицистическим. Он охватывает вторую половину XVIII—первую четверть XIX в. Второй этап — аналитический (до 1865 г.) — ознаменован тщательным сбором и анализом конкретных исторических фактов. Третий этап — критический, начало которому было положено в 1865 г. работами Ф. Ф. Соколова и Г. Дистервега. На этом этапе стали широко привлекать эпиграфические данные. Четвертый — теоретический (с 1893 г.) — этап характеризуется фундаментальными трудами основоположников социально-экономического направления в антиковедении — Э. Мейера, Ю. Белоха и П. Гиро. Последний этап можно было бы назвать комплексным. Начало его относится к 1931 г. (выход в свет работ Ф. Хайхельхайма), и для него характерно широкое привлечение данных археологии и нумизматики.

Интерес антикваров и публицистов XVIII в. к древнегреческой колонизации отчасти был вызван злободневностью взаимоотношений Англии и Франции со своими колониями. Так, диссертация Бугенвиля была озаглавлена: «Каковы были права греческих метрополий в отношении своих колоний, обязанности колоний перед метрополиями и их взаимные обязательства друг перед дру-

¹ История Греции в классическую эпоху. М., 1918, с. 87.

гом»⁴. Столь же характерное название носила и вышедшая в период американской Войны «за независимость» анонимная книга «История колонизации свободных государств древности в применении к современной борьбе между Великобританией и ее американскими колониями»⁵.

В начале XIX в. одна за другой вышли в свет обзорные работы по греческой колонизации, написанные Д. Хегвишем⁴ и Раулем Рошетом⁵. Обе книги носили чисто антикварный характер и представляли собой свод известий, почерпнутых из древних источников. Труд Рошета отличался обширностью и известной глубиной исследования: автор не только собрал всевозможные сведения о различных греческих колониях, но и затронул также некоторые теоретические проблемы, как, например, вопрос о причинах и движущих мотивах колонизации. По мнению Рошета, широкое колонизационное движение было обусловлено в первую очередь неумностью (*vanité*) греков и характером их религиозных воззрений. К этим основным причинам присоединялись местные, случайные — политическая борьба, кровная месть, нехватка земли, голод и т. д.⁶ Лишенная какого-либо критического начала, работа Рошета в целом имела большое значение как первый необходимый этап синтеза сведений по истории древнегреческой колонизации⁷, за которым последовала пора аналитического исследования отдельных ее сторон⁸.

² *Bougainville J. P. de. Dissertation qui a remporté le prix de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-lettres en année 1745. Quels étaient les droits des métropoles grecques sur leurs colonies; les devoirs des colonies envers les métropoles; et les engagements reciproques des unes et des autres. P., 1745.*

³ *A History of the Colonisation of the Free States of Antiquity, Applied to the Present Contest between Great Britain and her American Colonies. L., 1777.* Как было установлено впоследствии (*Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1971, p. XVII, n. 4*), эта книга принадлежала перу Вильяма Баррона. В обзорной статье К. М. Колобовой (*ВДИ, 1949, № 2, с. 122, примеч. 2*) книга ошибочно приписана Бугенвилю.

⁴ *Hegewisch D. H. Geographische und historische Nachrichten, die Kolonien der Griechen betreffend. Altona, 1808.*

⁶ *Rochette R. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. P., 1814—1815, t. 1—4.*

⁸ *Ibid., t. 1, p. 15—26.*

⁷ Как отмечал С. А. Жебелев, со времени появления работы Рошета «рассмотрение греческой колонизации в ее целом не соблазнило ни одного исследователя» (*Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 52, примеч. 2*).

⁸ Литература указана в кнз *Hermann K. F. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer. Heidelberg, 1855, 1, S. 212, Anm. 1, 2.*

Среди последующих работ, носивших еще антикварный характер, выделяются глубокие, на несколько десятилетий опередившие свое время исследования Августа Бёка. В его обширном труде «Государственное хозяйство афинян», вышедшем первым изданием в 1817 г., имелся небольшой, но очень содержательный свод известий древних авторов об аттических колониях, дополненный данными эпиграфических источников⁹. Этой работой А. Бёк заложил основы научного исследования проблем афинской колонизации, к изучению которой он еще раз вернулся в статье, посвященной восстановлению и интерпретации декрета о колонии в Брее¹⁰.

В середине XIX в. вопросы истории древнегреческой колонизации получили систематическое освещение в работах представителя «культурной школы» Эрнста Курциуса. В своей «Истории Греции», первый том которой вышел в 1857 г., Курциус ярко обрисовал сущность и ход греческого колонизационного движения¹¹. Идеалистические представления об эллинской колонизации, являвшейся, по его мнению, исторической миссией греков, призванных распространять свою цивилизацию среди варварских народов, во многом зиждились на утверждении невозможности подробного исследования колониальной деятельности эллинов. Тем не менее Курциус отмечал последовательность и планомерность греческого колонизационного движения, причиной которого была, по его мнению, перенаселенность Греции VIII—VI вв. Среди движущих причин колонизации он отмечал первостепенное значение торговых интересов отдельных городов, местоположением которых определялись их торговые пути. Торговые взаимоотношения с туземцами породили колонизацию: сначала устраивались временные рынки, затем на приобретенных у туземцев территориях — постоянные; наконец на основе торгового пункта возникала в качестве слепка с метрополии самостоятельная эллинская община — колония. В последующих работах Курциус нарисовал столь же яркую, но гораздо более конкретную картину древнейших контактов греков с наро-

⁹ Böckh A. Staatshaushaltung der Athener. B., 1886³, S. 555—566.

¹¹ Böckh A. Kleine Schriften. Leipzig, 1872, 6, S. 167—184

¹⁰ Curtius E. Griechische Geschichte. B., 1874⁴, 1, S. 390 f. *

дами Средиземноморья¹² и очертил общий ход греческой колонизации¹³.

С середины XIX в. антиковедение переходит на качественно новую ступень — трудами А. Бека, К. О. Мюллера, И. Г. Дройзена, Дж. Грота, М. Дункера и многих других ученых критического направления была выработана новая прагматическая методика исследования. Ее характерными чертами стали фактологическая точность и строгий критический отбор данных античных источников. Работой Г. Дистервега «О праве греческих колоний»¹⁴, в которой впервые были подвергнуты критическому анализу данные источников, начинается подлинно научное исследование различных проблем и аспектов древнегреческой колонизации. В дальнейшем исследование пошло по линии накопления новых данных, доставляемых эпиграфикой, а также по пути комплексного пересмотра традиционных известий. В связи с разработкой эпиграфического материала вновь возник интерес к аттическим клерухиям, что нашло свое отражение в ряде исследований¹⁵. Помимо общих проблем греческой колонизации, разрабатывались также такие специальные вопросы, как роль ойкистов¹⁶, типология поселений¹⁷ и т. д.

Результаты аналитических исследований были суммированы в общих курсах по государственным и правовым древностям. В упоминавшемся уже «Учебнике по греческим государственным древностям» К. Ф. Германна давался систематический обзор греческих колоний и их государственного устройства¹⁸. В «Руководстве по греческим государственным древностям» Г. Гилберта содержался краткий очерк истории колонизационного движения, причем особое внимание уделялось взаимоотноше-

¹² *Die Griechen in der Diaspora. Gesammelte Abhandlungen von E. Curtius. B., 1894, 1, S. 163—180.*

¹³ *Curtius E. Die Griechen als Meister der Kolonisation. B., 1883.*

¹⁴ *Diesterueig G. De jure coloniarum Graecarum. B., 1865.*

¹⁵ *Kirchhoff A. Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen. — Abh. Ak. Berlin, 1873, S. 1—35; Foucart P. Memoire sur les colonies atheniennes. Memoires presentes par divers savants a l'Académie des inscriptions. P., 1878, serie 1, t. 9, p. 323 sq. и другие работы.*

¹⁶ *Lampros S. De conditorum coloniarum Graecarum indole, promiisque et honoribus. Leipzig, 1873.*

¹⁷ *Hirschfeld, G. Zur Typologie griechischer Ansiedelungen im Alterthum. Historisch und philologische Aufsätze E. Curtius. B., 1884, S. 355—373.*

¹⁸ *Hermann A. Op. cit., 1, S. 211—257,*

ниям между колониями и метрополиями — прежде всего подданным декрета об эпойках, отправленных в Навпакт¹⁹.

В несколько ином плане эта тема была освещена в очерке «Греческие государственные и правовые древности» Георга Бузольта²⁰. Раздел этого компендиума «Метрополия и колония» был построен на комплексном привлечении литературных и эпиграфических данных; кроме того, учитывались результаты исследований предшествующего времени. По мнению Бузольта, греческая колонизация началась с упрочением эллинов на островах и в Ионии, с расцветом торговли и промышленности. Она обуславливалась, с одной стороны, торговыми интересами, с другой — экономическими и политическими отношениями. Экономический кризис, гражданские раздоры и сильное увеличение числа рабов, как и стремление к странствиям, побуждали толпы греков к переселению. Вкратце обзрев пределы расселения греческих колонистов, Бузольт переходит к рассмотрению собственно колонизационного движения. Очень кратко, насколько позволяли привлеченные источники, он прослеживает процесс отправления колонистов и основания полиса: получив санкцию Дельфийского оракула, государство назначало колонистам ойкиста; основав поселение, переселенцы разделяли город и хору на участки; они сохраняли свои прежние филы и полисные учреждения метрополии. Далее вкратце рассматривались вопросы об эпойках, об отношениях между колониями и метрополиями, об аттических клерухах. Обширный общий очерк греческой колонизации с подробными ссылками на источники Бузольт дал в своей «Греческой истории»²¹.

Во второй половине 1880-х—начале 1890-х годов, с оформлением социально-экономического направления в историографии античности, греческая колонизация получает новое освещение в общих курсах по истории древней Греции. При этом наметились две теории — «торговой» колонизации (Э. Мейер) и «аграрной» (Ю. Белох, П. Гиро). Эти теории возникли независимо друг от друга²²; их

Ю 04

¹⁹ Gilbert G. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer Leipzig, 1885, 2, S. 397-403.

²⁰ Busolt G. Griechische Staats- und Rechtsalterthümer. München, 1892², S. 84—90 (первое издание вышло в 1886 г.).

²¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Gotha, 1885, 1, S. 180—360.

²² Первый том «Истории Греции» Белоха, второй том «Истории древности» Мейера и «Земельная собственность в Греции» Гиро вышли одновременно в 1893 г.

авторов объединял общий взгляд на греческую колонизацию как на результат социально-экономического развития архаической Эллады. однако причины, движущие силы и характер колонизационного процесса трактовались ими по-разному.

Эдуард Мейер подробно обосновал тезис о колонизации как торговой экспансии крупных греческих городов²³. Мысль о том, что торговые интересы были основной причиной греческой колонизации, высказывалась, как мы видели, и раньше. Заслуга Мейера состояла в том, что он первый дал законченную, построенную на данных источников теорию «торговой» колонизации. Мейер отмечал, что греческая колонизация тесно связана с расцветом товарного производства, пришедшего на смену ойкосному хозяйству гомеровской эпохи. Во всех крупных центрах с VIII в. развивается широкое производство товаров массового производства, как и предметов роскоши. Начиная с этого времени в Греции получила значительное развитие морская торговля. В поисках рынков сбыта греки осваивали самые различные уголки Средиземноморья и Причерноморья, чему в немалой степени способствовала перенаселенность эллинских полисов, являвшаяся постоянным фактором их истории. С оттоком населения в колонии в Элладе увеличивается роль рабского труда; благодаря появлению денежного обращения и развитию торговли в Греции коренным образом изменяются социально-экономические условия, приведшие к социальному кризису VII—VI вв.

Теорию «торговой» колонизации полностью поддержал Р. Пёльман, особенно заостривший вопрос о социально-политической борьбе классов как одной из существенных причин греческой колонизации²⁴.

Теорию «аграрной» колонизации независимо друг от друга сформулировали Юлиус Белох и Поль Гиро. По мнению Белоха²⁶, на раннем этапе колонизации торговые интересы не играли какой-либо существенной роли, поскольку промышленность находилась еще в зачаточном

²³ Meyer E. *Geschichte des Alterthums*. Stuttgart, 1893, 2, S. 433-484.

²⁴ Pöhlmann R. *Grundriss der griechischen Geschichte nebst Quellenkunde*. München, 1909⁴, S. 44—45 (первое издание вышло в 1888 г.).

²⁶ Beloch K. J. *Griechische Gdfcehichte*. Strassburg, 1912², S. 229—

состоянии. Недостаток земли вынуждал греков искать плодородные края за пределами их родины. Белох считал, что с самого начала греческие поселения были земледельческими, подтверждение чему, между прочим, он видел в участий Беотии, Арголиты и других аграрных областей Эллады в колонизационном движении. На следующем этапе колонизации ряд земледельческих поселений с течением времени превратился в крупные торговые центры. Одновременно в колонизационное движение включаются большие торговые города Эллады. С этого времени беспорядочное колонизационное движение сменилось планомерным освоением различных уголков Средиземноморья и Причерноморья. Масса колонистов формировалась из тех, кто не находил дома пропитания, кого гнала в далекие края жажда приключений, наконец из людей, недовольных политическим строем своего полиса.

С несколько иных, обстоятельно аргументированных позиций построил свою теорию «аграрной» колонизации Поль Гиро²⁶. Он отметил, что греческая колонизация по времени совпадает с периодом господства режима семейной собственности, приходящимся на XI—VII вв. По мнению Гиро, ни древние авторы, ни ученые нового времени не правы, говоря о нехватке земли, — ее в архаической Греции было достаточно²⁶. Соответственно нет никаких реальных данных, свидетельствующих о перенаселенности Греции в архаическую эпоху. Суть дела заключается не в нехватке земли и не в перенаселенности, а в массовом обезземеливании крестьянства. Земля как собственность в целом принадлежала семье, а не отдельным лицам, она не подлежала, например, разделу среди братьев. Деспотическая власть главы семьи могла поставить любого ее члена вне семейного имущества. Земля всякого полиса была поделена на участки, которыми владел тот или иной род; лица же, оказавшиеся вне рода, утрачивали свои права на родовой надел и семейное имущество и были вынуждены искать себе землю за пределами отечества: они и составляли массу греческих колонистов, расселившихся по всему Средиземноморью и Понту. Гиро, как и Белох, считал, что в первое время основываемые поселения носили преимущественно земледельческий характер.

²⁶ *Gutraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu' à la conquête romaine. P., 1893, p. 78—86.*

^{26a} Ср.: *Od., XIV, 62 sq.*

в дальнейшем же развитие колоний определялось местными условиями.

Теория Белоха—Гиро, убедительно объяснявшая основные этиологические моменты греческой колонизации, была сочувственно принята в позднейшей французской, английской и отчасти немецкой литературе. В исследованиях последующего времени уточнялись и развивались главные положения этой теории. Джон Бэри в своей «Истории Греции», вышедшей первым изданием в 1900 г., согласился с тем, что причины греческой колонизации не могут быть найдены в одних лишь торговых интересах; в большинстве случаев они являлись лишь мотивом²⁷. Греческая колонизация тем и отличалась от финикийской, что она удовлетворяла не одни торговые нужды. Правда, Бэри отмечал, что торговля часто прокладывала путь колонизационному движению и колонисты следовали по торговым путям. Он также отрицал, по крайней мере в отношении раннего этапа колонизации, перенаселенность эллинских полисов; не она, а природа земельного строя вынуждала людей к эмиграции. Бэри целиком воспринял тезис Гиро о том, что патриархальная семейная система часто приводила к исключению ее отдельных членов из участия в общем имуществе. Лица, выделенные из семьи и тем самым обезземеленные, составляли основной контингент переселенцев. Эмиграции благоприятствовали также политические обстоятельства, сложившиеся в большинстве греческих государств, особенно борьба внутри аристократического слоя. Это явление было настолько широко распространено, что политическое недовольство являлось одной из непосредственных причин греческой колонизации, которая, по выражению Бэри, была палладиумом аристократии. Осознавая эти общие причины, писал Бэри, мы не должны в то же время игнорировать многообразные частные моменты.

В специальном исследовании Обри Гвинна выяснялись причины греческой колонизации, изучалось возникновение колоний, их политическое развитие и взаимоотношение с метрополиями²⁸. По мнению автора, греческая колонизация была прежде всего вызвана нуждой в земле. При нормальных условиях функционирования полиса

²⁷ Bury J. B. A History of Greece. L., 1952³, p. 86—87.

²⁸ Gwynn Au. The Character of Greek Colonisation. — JHS, 1918, 38, p. 88—123.

колонизация являлась свидетельством того, что количество населения переросло его производственные возможности. Гвинн обратил внимание на сообщение Фукидида о том, что Эллада архаической поры в основном состояла из деревень (I, 10, 2); этот факт, заключает автор, бесспорен, и его логические последствия для греческой истории нам даже трудно представить. Гвинн указал, что, когда Архия отплыл из Коринфа или первые ионийские колонисты из Милета, в Греции еще не было городов. Полис находился в процессе становления, поскольку жители Эллады были еще земледельцами, а не горожанами. Большинство населения жило не в городах, но в деревнях, и социальные условия, существовавшие в досолоновских Афинах, представлялись Гвинну типичными для большинства греческих государств.

Автор признавал, что греки VI—V вв. были торговцами, но в VIII—VII вв. они таковыми еще не являлись, поскольку до второй половины VII в. торговля и ремесло не доминировали в экономической жизни страны. Спутники Архии, основавшие Сиракузы, большей частью происходили из деревни Теней, находившейся в Коринфской области^{28a}. «Какие торговые интересы могли быть у них?» — спрашивал Гвинн. Конечно, скорее всего, аграрные. В связи с этим автор оспаривал утверждение ряда своих предшественников (в частности, Бэри) о том, что колонисты шли по торговым путям. По его мнению, переселенческие массы двигались «по тропам приключений», что хорошо видно на материале «Одиссеи». Рассмотрев колонии VIII в., Гвинн пришел к интересному выводу о том, что именно торговые связи между ранними колониями и их метрополиями породили позднейшие торговые пути (в качестве одного из примеров приведены Милет и Синопа, при основании которой метрополия еще только начинала развиваться в качестве коммерческого центра). Далее Гвинн вкратце разобрал ряд конкретных моментов колонизационного процесса: формирование контингента колонистов, выбор ойкиста, раздел земли, различия между апойками и эпойками, виды контактов колонистов с местными жителями (завоевание, подчинение, союз). В целом чрезвычайно существенная работа Гвинна на конкретном материале осветила ряд узловых и частных моментов греческого колонизационного движения.

Во французской историографии широкое признание получила теория Гиро: отдельные его идеи были в дальнейшем разработаны более детально или подверглись пересмотру, но общая оценка характера древнегреческой колонизации, данная Гиро, была в целом принята позднейшими исследованиями. Гюстав Глотц, приняв мысль Гиро о том, что колонизация была вызвана не перенаселенностью, а характером системы земельных отношений, уточнил ее, отметив, что разрушение родового строя привело к тому, что в результате парцелляции наследственной недвижимости не все могли обеспечивать себя благодаря полученному участку²⁹. Стремление получить землю было для греков основным стимулом колонизационной активности, но не единственным — она сопровождалась также пиратством, захватом рабов и новых территорий.

Эти идеи Глотц в дальнейшем развил в своей «Греческой истории», содержащей обстоятельную главу о греческой колонизации³⁰. Прежде всего он отметил, что причины колонизации лежат не в политической, а в экономической и социальной сферах. Древние и новые объяснения «нехваткой земли» и «перенаселенностью» в общем правильны, но не совсем. Избыток населения, как и нехватка земли, был относительным — Греция страдала главным образом от пороков своей системы земельных отношений. В результате разрушения родовой собственности многие люди лишились недвижимого имущества. Дробление наследств приводило к образованию групп, не способных содержать себя; отсюда — стремление к захвату плодородных земель, что и явилось главным двигателем колонизационного движения. На первых порах это был стихийный процесс, однако со временем греки перешли к планомерной, направляемой государством колонизации³¹. Небольшой раздел Глотц посвятил также характеристике колонизационной деятельности Афин³².

К «аграрному» направлению примкнул и Ж. Хатцфельд, сделавший упор на некоторые юридические мо-

²⁹ Glotz G. *Le Travail dans la Grèce ancienne*. P., 1920, p. 120—135.

³⁰ Glotz G. *Histoire grecque*. P., 1925, t. 1, p. 153—216.

³¹ Точку зрения Глотца принял в своем очерке греческой колонизация А. Жарде (*Jarde' A. La formation du peuple grec*. P., 1923, p. 222).

³² Glotz G. *Histoire grecque*. P., 1931, t. 2, p. 199—204.

менты³³. Он указывал, что нет ни археологических, ни исторических свидетельств того, что Греция IX—VIII вв. была густо населена. По его мнению, система юридических норм объясняет тот факт, что полисной земли не хватало для всех областей. Земля неотчуждаема и неделима, а человек, исключенный из рода, не имел никаких прав на приобретение земли. Вслед за Гиро автор утверждал, что именно раннегреческий семейный строй объясняет колонизационное движение. Вместе с тем, полагал он, определенную роль играли также политические и социальные противоречия, как и дух предприимчивости, характеризующий молодые народы.

Как видно, Хатцфельд целиком разделял мнение Гиро об отсутствии индивидуальной собственности на землю в ранней Греции, что подверг сомнению уже Глотц. Это положение Гиро оспорил также Жюль Тутэн, который считал, что индивидуальная собственность безусловно имела место в ранней Греции, так же как и наследственный раздел земли³⁴.

В соответствии с мыслью Глотца Тутэн утверждал, что колонизация может быть объяснена разделом отцовского достояния на мелкие участки, которые не могли прокормить их владельцев. По этой причине они были вынуждены отправляться за пределы отечества в поисках большего земельного надела. К эмиграции греков побуждала также ожесточенная политическая борьба (гражданские войны, революции): изгнанники поселялись за границей, чтобы обрести средства существования взамен конфискованного на родине имущества. Тутэн отметил, что с расширением колонизационного движения, носившего первоначально аграрный характер, помимо самого аграрного фактора все большую роль стали играть другие причины. Многие города в силу локальных условий начали ориентировать свою экономику на морскую торговлю. Греки, заняв место финикийцев в средиземноморской торговле, должны были сами стать производящей страной для торговли с туземцами, для обмена своих изделий на сырье и продукты. Эти причины придали греческой экспансии серьезное экономическое значение.

По мнению Тутэна, было два типа колоний — земле-

³³ *Hatzfeld J. Histoire de la Grèce ancienne. P., 1950³, p. 46—47* (первое издание вышло в 1926 г.).

³⁴ *Toutain J. L'Economie antique. P., 1927, p. 32—41.*

дельческие и торговые. Однако эти типы эволюционировали, поэтому с течением времени одна колония, основанная как земледельческая, могла стать торговой; наоборот, другая, основанная в качестве торгового центра, могла стать поставщиком продуктов в Грецию, третья — индустриальным центром и т. д. При этом не следует забывать, что в так называемых «торговых» колониях, как и в «земледельческих», также осваивались земли, пастбища, леса. Далее Тутэн отмечал ту роль, которую колонизация сыграла в экономическом развитии греков. Прежде всего она расширила район их экономической деятельности, освоение же новых районов дало толчок вовлечению огромных нетронутых средств в производство. Возросла роль обмена, что в конце концов привело к возникновению монеты. Сельское хозяйство, ремесло и торговля в результате колонизации поднялись на неведомую ранее ступень развития.

В немецкой историографии первой трети XX в. наметилась тенденция к комплексному изучению локальных групп колоний. Так, Ф. Билабель систематизировал разнообразный, прежде всего эпиграфический, материал по истории, государственному устройству, культуре, календарю многих ионийских колоний и их метрополий³⁵, а Г. Нессельхауф посвятил одну из глав своей работы афинским колониям середины V в.³⁶ С другой стороны; между последователями Белоха и Мейера продолжался спор по теоретическим проблемам колонизации. Долгая дискуссия привела к резкой поляризации обеих точек зрения³⁷. Так, Э. Цибарт утверждал, что греки были прирожденными торговцами; для греческих полисов, таких, как Афины, торговля являлась жизненной необходимостью, вследствие чего их внешняя политика, и в частности колонизационная деятельность, диктовалась коммерческими интересами³⁸. Напротив, И. Хазебрек реши-

³⁵ *Bilabel F. Die ionische Kolonisation. (Philologus. Supplbd. XIV). Leipzig, 1920.*

³⁶ *Nesselhauf H. Untersuchungen zur Geschichte der Delisch-Attischen Symmachie (Klio, Beiheft 30). Leipzig, 1933, S. 120—140.*

³⁷ В прошлом делались также попытки эклектического слияния обоих направлений. См., например: *Swoboda H. Griechische Kolonisation. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Zweiter Supplbd. Jena, 1897, S. 531—543.*

³⁸ *Ziebarth E. Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hambur, 1929.*

тельно отстаивал тезис о том, что все греческие колонии были исключительно сельскохозяйственными³⁹. Он утверждал, что торговля в применении к VIII в. является «историческим нонсенсом»: городская экономика того времени сводилась к сношениям соседних городов; в архаический период можно говорить скорее об экспорте населения, чем предметов производства. По мнению Хазебрека, основанные греками поселения разделялись на три типа: торговые фактории, сельскохозяйственные колонии и военные колонии — клерухии. В более поздней работе Хазебек подробно разобрал отдельные колонизационные потоки (эретрийский, халкидский, коринфский, мегарский и др.) и вновь пришел к выводу о том, что основание греческих колоний диктовалось исключительно аграрными интересами⁴⁰.

В конце концов дискуссия фактически зашла в тупик: обе стороны оперировали определенным набором свидетельств литературных по преимуществу источников, зачастую полностью игнорируя данные археологии и нумизматики. Уязвимость обеих теорий состояла в том, что ни их основатели, ни их адепты, одинаково исходившие из посылки об экономических причинах колонизации, не имели в сущности конкретного и детального представления об экономике архаической Греции, поскольку их концепции основывались единственно на свидетельствах нарративных источников. Это был необходимый этап развития наших представлений о характере и сущности греческого колонизационного движения, однако в конце концов традиционная методика решения этих коренных вопросов изжила себя.

Блестящим образцом решения этой проблемы с новых позиций явилась работа Фрица Хайхельхайма по экономике архаической Греции⁴¹. На основе данных археологии и нумизматики он реконструировал процесс эволюции экономики архаической Греции и пришел к следующим выводам. В VIII в. торговые связи в греческом мире, как отмечал и Хазебек, были еще очень невелики. Например,

³⁹ *Hasebroeck J. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928, S. 110—116 u. a.*

⁴⁰ *Hasebroeck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931, S. 109—122.*

⁴¹ *Heichelheim F. M. Ausbreitung der Muenzgeldwirtschaft und der Wirtschaftsstil im archaischen Griechenland. — Schmollers Jahrbuch, 1931, 51, S. 229—254. Ср.: Idem. An Ancient Economic History. Leiden, 1958, 1, p. 239 f., n. 26 on p. 494 f.*

распространение геометрической керамики далеко отстояло от уровня, достигнутого микенской керамикой. Лишь в начале VII в. мало-помалу по всему греческому миру распространяется коринфская керамика, однако она не была еще продуктом серийного производства, поскольку большинство ваз, считающихся протокоринфскими или коринфскими, на самом деле является продуктом местного производства, имитирующего модные оригиналы. Начиная приблизительно с середины VI в. экономика архаической Греции поднимается на качественно новую ступень: промышленность переходит к серийному производству, соответствующим образом изменяется также характер торговли, предметом которой отныне являются не столько предметы роскоши, сколько изделия массового производства. С этим явлением связан и ход денежного обращения в Греции: после эпохи электровых монет, около середины VII в., в Эгине, Коринфе и Афинах начинается чеканка серебряной монеты, однако только в середине VI в. денежный оборот приобрел первостепенное экономическое значение.

Таким образом, понятие «архаическая эпоха» покрывает собой два совершенно различных периода: до середины VI в. греческая экономика остается примитивной, торговля довольно ограничена и зиждится на натуральном обмене; с середины VI в. греческая экономика приобретает классический характер, поскольку основывается уже на серийном производстве и денежном обращении. Хайхельхайм отмечает, что примерно до 700 г. греческие города в экономическом смысле еще не существовали. Были полисы, и их колониальная активность VIII и VII вв. ни в коей мере не развивалась в связи с торговой деятельностью. Случайная торговля могла сопутствовать инициативе отдельных купцов, но в целом на первом этапе колонии никогда не основывались для того, чтобы быть рынком сбыта продукции из метрополии.

Значение работы Хайхельхайма состоит не только в том, что на конкретном археологическом материале был обрисован ход экономического развития архаической Греции, но также и в том, что автор показал пути нового подхода к решению вопроса о характере и сущности греческой колонизации. Новая концепция экономического развития архаической Греции в определенной степени развенчала «торговую» теорию и подтвердила основные положения Белоха и Гиро. Вместе с тем тезис о чисто

аграрном характере первого этапа колонизации по-прежнему оставался проблематичным: Алан Блякуэй, исследование которого также основывалось на археологическом материале, пришел к выводу о том, что колонизации Великой Греции предшествовал период торгового обмена⁴². (На первых порах широкое привлечение археологического материала было сопряжено с такой трудностью, как отсутствие твердой хронологической шкалы для различных серий геометрической керамики.)

После окончания второй мировой войны исследование греческой колонизации протекало в двух направлениях: по линии дальнейшего привлечения и более глубокого изучения данных вещественных источников и по традиционному пути рассмотрения различных моментов колонизационного движения на основе нарративных источников. При этом характерной чертой современной историографии стали конкретность и локальная ограниченность исследования.

Из послевоенной литературы следует упомянуть следующие работы. Р. М. Кук в большой, чрезвычайно содержательной статье «Иония и Греция, 800—600 гг. до н. э.» рассмотрел хронологию основания ионийских и ряда других колоний в связи с датировкой керамического материала архаической поры⁴³. На основании комплексного сопоставления источников автор пришел к выводу о том, что в рассматриваемое время в Ионии наблюдались определенный рост численности населения и связанное с этим развитие городской жизни, что, в свою очередь, привело к подъему уровня торговли, доставлявшей городскому населению необходимое пропитание. Таким образом, торговля была результатом, а не причиной колонизации, которая способствовала развитию городской жизни.

Исследованию ионийского колонизационного движения были посвящены также обстоятельные труды М. Сакеллариу, детально исследовавшего традицию об освоении греками малоазийского побережья и прилегающих островов⁴⁴, и К. Ребака, изучившего на археологическом

⁴² *Blakeway A. Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily, and France in the VIIth and VIIIth Centuries B. C.* — BSA, 1932/3, 33, p. 202.

⁴³ *Cook R. M. Ionia and Greece, 800—600 B. C.* — JHS, 1946, 66, p. 67—98.

⁴⁴ *Sakellariou. M. B. La Migration grecque en Ionie.* Athènes, 1958.

материале ионийскую торговлю и ее связь с колони-
зационным движением⁴⁶.

Особенно интенсивно учеными разных стран разраба-
тывались различные проблемы колонизации Великой
Греции. Шан Берар критически пересмотрел легендарную
и историческую традицию об основании сицилийских и
южноиталийских полисов, сопоставив ее с данными архео-
логии⁴⁶. Еще большее внимание вещественным источни-
кам по колонизации Великой Греции уделил Т. Дж. Дан-
бэбин в нескольких главах своего фундаментального труда
по истории западных греков⁴⁷. Ему же принадлежит
небольшое, оставшееся незаконченным вследствие прежде-
временной кончины исследование, касающееся греко.-вос-
точных контактов⁴⁸. Л. Лакруа на основе нумизматиче-
ских данных сделал ряд существенных выводов о колони-
зации Великой Греции⁴⁹. Наконец особо следует остано-
виться на работе Жоржа Вале, посвященной ранней
истории Регия и Занклы⁵⁰, поскольку ее значение выходит
за рамки узко локального исследования.

На материале двух греческих колоний Вале попытался
разработать методику изучения греческой колонизации
в целом. По его мнению, анализу должен предшествовать
синтез — сбор всех сведений традиции, на основе которых
следует вывести шкалу абсолютной хронологии, сопостав-
ляемой затем с археологическими данными. Поскольку
при этом исследователь нередко попадает в заколдованный
круг (абсолютная датировка археологического материала
опирается на традицию, а история — на археологию),
очевидно, что возможен только следующий метод иссле-
дования. Нужно точно определить тот материал, который
можно отнести ко времени, предшествующему основанию
города. Этот материал следует сопоставить с ранним
материалом из других греческих городов, избегая при
этом всякой попытки заранее давать абсолютные даты.
Для получения относительной стратиграфической шкалы

⁴⁵ *Roebuck C. Ionian Trade and Colonisation. N. Y. 1959.*

⁴⁶ *Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionals et de la Sicile dans l'antiquité. P., 1941 (вторым, переработанным изданием, книга вышла в 1957 г.).*

⁴⁷ *Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948.*

⁴⁸ *Dunbabin T. J. The Greeks and their Eastern Neighbours. L., 1957.*

⁴⁹ *Lacroix L. Monnaies et colonisation dans l'Occident grec. Bruxelles, 1965 (ср.: ВДН. 1968, №2, с. 198—204).*

⁵⁰ *Vallet G. Rhegion et Zancle. P., 1958.*

в первую очередь необходимо сопоставлять самый ранний материал, найденный в наиболее древних греческих городах. Таким образом, используя стратиграфические наблюдения, можно установить типологию материала, принадлежащего к доколониционному периоду, и сопоставить его с материалом, относящимся к основанию города и начальному периоду его существования. С другой стороны, этим путем может быть выработана относительная шкала основания различных греческих городов. Данные традиции, относящиеся к основанию тех или иных городов, следует сопоставлять со шкалой, составленной на базе археологического материала. Сопоставленные даты нужно рассматривать в качестве простых, полезных и приблизительных хронологических реперов, которым не должно придаваться значение абсолютных (с. 15—17).

Применение изложенной методики позволило автору сделать ряд убедительных заключений о ходе колониционного движения в целом. В частности, Вале установил, что основанию колоний Великой Греции предшествовал период торговых сношений греков с местными племенами, причем объектом обмена были предметы роскоши. После этого предварительного знакомства на плодородные земли Сицилии и Южной Италии хлынули потоки греческих переселенцев. Эта колонизация, преследовавшая аграрные цели, придала новый характер торговым сношениям между Грецией и Западом: в результате подъема новых греческих городов Италии и Сицилии и установления контактов между колонистами и туземцами открылся новый огромный рынок сбыта греческих товаров, производимых главным образом в самих колониях по образцам метрополии. Таким образом, аграрная фаза колонизации дала толчок широкому торговому потоку (с. 57—58)⁵¹.

В послевоенное время продолжалось также углубленное изучение данных нарративных источников, касающихся греческой колонизации. Ряд проблем получил

⁶¹ Как отмечали рецензенты, методика Вале, блестяще примененная им на практике, должна быть положена в основу последующих исследований по колонизации (ср., например, рец.: Metzger H. — In: REG, 1958, 71, p. 447). Вале принадлежит ряд других работ по колонизации Великой Греции, например: *La Colonisation chalcidienne et l'hellénisation de la Sicile orientale*. — Kokalos, 1962, 8, p. 30—51 (совместно с Ф. Вийяром); *Les Phocéens en Méditerranée occidentale à l'époque archaïque et la fondation de Nuyèlè*. — PP, 1966, 21, p. 169—190.

разработку в фундаментальном исследовании Б. Д. Мерритта, Г. Т. Уэйд-Гери и М. Ф. Мак Грегора «Афинские налоговые списки»⁸². Авторы подробно исследовали конкретный ход афинской колонизации V в., дали общий очерк ее истории в V в., разобрали вопрос о типологии афинских колоний, о категориях колонистов (апойки, эпойки, клерухи) и т. д. В ряде статей В. Эренберга была рассмотрена афинская колонизация Фурий⁸³, Херсонеса, Пропонтиды, Пароса, а также типология афинских колоний⁶⁴. Широкие отклики вызвала статья В. Эренберга о терминологии Фукидида в связи с афинской колонизационной деятельностью⁶⁵. Численность афинских колонистов и некоторые социально-политические аспекты были рассмотрены А. Х. М. Джоунзом⁵⁶. Отдельные стороны афинской колонизации рассматривались также в работах Д. Ашери⁵⁷, П. А. Бранта⁶⁸, Ф. Готье⁵⁹, Г. Б. Мат-

⁵² Merritt B. D., Wade-Gery H. T., Mac Gregor M. F. *The Athenian Tribute Lists*. Cambr. (Mass.), 1939—1953, 1—4.

⁶³ Ehrenberg V. *The Foundation of Thurii*. — *AJPh*, 1948, 69, p. 149—170. Этому вопросу посвящены также работы: Accame S. *La fondazione di Turi*. — *RF*, 1955, 33, p. 164—174; Rutter N. K. *Diodorus and the Foundation of Thurii*. — *Historia*, 1973, 22, p. 155—176.

⁵⁴ Ehrenberg V. *Aspects of the Ancient World*. Oxford, 1946, p. 116—143 (немецкий вариант статьи опубликован в сборнике работ Эренберга: *Polis und Imperium*. Zürich; Stuttgart, 1965, S. 221—244).

⁶⁶ Ehrenberg V. *Thucydides on Athenian Colonisation*. — *CPh*, 1952, 47, p. 143—149 (см. об этом подробно ниже, с. 146 сл.).

⁶⁶ Jones A. H. M. *Athenian Democracy*. Oxford, 1957, p. 7, 168—177.

⁶⁷ Asheri D. *Studio sulla storia della colonizzazione di Anfi-poli*. — *RF*, 1967, 95, p. 5—30; *Idem*. *Distribuzioni di terre nell'antica Grecia*. Torino, 1966 (мне недоступна); *Idem*. *Supplementi coloniarì e condizione giuridica della terra nel mondo greco*. — *Rivista storica dell'antichità*, 1971, 1—2, p. 77—91; *Idem*. *I coloni elei ad Agrigento*. — *Kokalos*, 1970, 16, p. 79—88; *Idem*. *Il caso di Aithiops*. — *PP*, 1974, 29, p. 232—236; *Idem*. *Eracle, Eraclea e i Cylicranes*. — *Ancient Society*, 1975, 6, p. 33—50; *Idem*. *Osservazioni sulle origini dell'urbanistica Ippodamea*. — *Rivista storica italiana*, 1975, 87, p. 5—16; *Idem*. *On the «Holy Family» of Astakos*. — *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens*. Leiden, 1978, 1, S. 93—98.

⁶⁸ Brunt P. A. *Athenian Settlements abroad in the Fifth Century B. C.* — *Ancient Society and Institutions. Studies, presented to V. Ehrenberg*. N. Y., 1967, p. 71—89 (обзор ряда афинских колоний и выводы, относящиеся к их типологии).

⁵⁸ Gauthier Ph. *Les clerouques de Lesbos et la colonisation athénienne au Ve siècle*. — *REG*, 1966, 79, p. 64—88 (подтверждение

тингли⁶⁰, м. Манфредини⁶¹ Э. Виля⁶² и др. Виль выдвинул тезис о значительном отличии коринфской и афинской колонизации, «носившей империалистический характер», от традиционной, общеэллинской. По мнению Виль, различие исторических ситуаций определило существование пяти типов эллинских колоний: 1. Древняя независимая апойкия (Коринф, Сиракузы и т. д.). 2. Апойкия древнего типа, но связанная с метрополией общими интересами и личными связями (Херсонес Фракийский, Сигей). 3. Пограничная клерухия, с помощью которой увеличивались размеры полисной земли и происходила экспансия граждан (Саламин, первые клерухии на Халкиде, Эгине). 4. Полуколонии, представлявшие собой формально независимую апокийю, которая устраивалась на предварительно захваченной земле; этот тип имеет две разновидности — старые колонии (Лемнос, Имброс) и новые (Брея, Амфиполь). 5. Классическая клерухия типа V и IV вв.

Своеобразными чертами отличается теория «полиса без территории», выдвинутая Ф. Хамплем⁶³ и развитая его учеником Ф. Гшнитцером⁶⁴. Согласно этой теории коринфская и афинская колонизационная деятельность отличалась от общеэллинской практики тем, что территория колоний фактически принадлежала метрополии. Таким образом, полисы-колонии в сущности не имели своей территории, чем обуславливались их тесная близость и зависимости от метрополии.

В ряде работ рассматривались общие проблемы греческой колонизации. В курсе истории Греции Н. Хэммонда

22

тезиса о том, что афинские клерухи представляли собой гарнизоны. Ранее этот тезис разрабатывал Свобода (*Swoboda H. Zur Geschichte der attischen Kleruchien. Serta Harteliana. Wien, 1896, S. 28—32*).

⁶⁰ *Mattingly H. B. The Growth of Athenian Imperialism. — Historia, 1963, 12, p. 257—273* (цели афинской колонизации).

⁶¹ *Manfredini M. La cleruchia ateniese in Calcide. — SCO, 1968, 17, p. 199—212* (вывод о том, что сообщение Элиана — V, h., VI, 1 — следует относить к афинской клерухии 506 г.; появление термина «гипшоботы» в тексте Геродота (V, 77) связано с ошибкой переписчика).

⁶² *Will Ed. Sur révolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VIe siècle. — La Nouvelle Clío, 1954, 6, p. 413-460.*

⁶³ *Hampel F. Poleis ohne Territorium. — Klio, 1939, 32, S. 1—60* (мне недоступна).

⁶⁴ *Gschützter F. Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958.*

анализировались её цели, причины и последствия⁶⁵. По мнению автора, намерения городов, основывавших колонии, изменялись от случая к случаю; Хэммонд не сомневается, что ряд городов был основан в целях торговли; немалую роль играло также пиратство. В целом эмиграции способствовали общие условия существования и перенаселенность, находившая выход не только в колонизации, но и в наемничестве, а позже — империализме.

В работах Я. Зайберта⁶⁶, А. Дж. Грэйма⁶⁷ и Р. Вернера⁶⁸ получили фундаментальное освещение взаимоотношения между колониями и метрополиями. П. Б. Шмид исследовал греческие сказания об основании городов⁶⁹. Ж. Берар в последние годы своей жизни предпринял попытку обрисовать общий ход греческой колонизации, основываясь на данных, полученных историографией нового времени⁷⁰. Кратко определив основные типологические черты различных колоний (апойкий, клерухий, катойкий), Берар переходит к характеристике трех этапов греческой колонизации, относящихся соответственно к микенской, архаической и эллинистической эпохам. По мнению автора, колонизация является постоянным фактором греческой истории, свидетельствующим о жизненной силе эллинства и его культуры. Говоря о колонизации архаической поры, Берар отмечает, что она прошла две фазы, одна из которых приходится на 775—675 гг., а другая продолжалась с 675 г. до конца VI в. (естественно, что

⁶⁶ *Hammond N. C. L. A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959, p. 109-124.*

⁶⁶ *Seibert J. Metropole und Apoikie. Wiirzburg, 1963 (мне недоступна).*

⁶⁷ *Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece Manchester, 1971.* Перу Грэйма принадлежит ряд других работ о древнегреческой колонизации: *The Authenticity of the OIKION TQN OIKIXTHPON of Cyrene. — JHS, 1960, 80, p. 94—111; The Fifth—Century Cleruchy on Lemnos. — Historia, 1963, 12, p. 127—128; OIKHIOI IKP111101. — JHS, 1964, 84, p. 73—75; Patterns in Early Greek Colonisation. — JHS, 1971, 91, p. 35—47; Corinthian Colonies and Thucydides' Terminology. — Historia, 1962, 11, p. 246—252; The Foundation of Thasos. — BSA, 1978, 73, p. 61—98.*

⁶⁸ *Werner R. Probleme der Rechtbeziehung zwischen Metropolis und Apoikie. — Chiron, 1971, 1, S. 19—73.*

⁶⁹ *Schmid P. B. Studien zu griechischen Ktisissagen. Freiburg in der Schweiz, 1947 (мне недоступна).*

⁷⁰ *Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960.*

принятые цифры приблизительны). Обе фазы отличаются друг от друга рядом прогрессивных изменений, поскольку на протяжении трех веков колонизации архаической поры ее условия и характер существенно изменились. Причины возникновения первой фазы колонизации сложны, однако ясно, что в начале VIII в. в Греции произошли глубокие изменения. К числу факторов, обусловивших эти изменения, относятся: увеличение населения, недостаток земли, переход от монархического государственного строя к аристократическому, имевший место на протяжении XII—VIII вв. и повлекший за собой возникновение крупного землевладения. С другой стороны, источники обрисовывают нехватку земли у бедных крестьян во второй половине VIII в. Наряду с этими демографическими и социальными факторами имело место стремление к достижению богатств посредством торговли, которая на первом этапе колонизации играла еще второстепенную роль. Дух приключений, столь отчетливо проявившийся в «Одиссее», в которой перед нами предстают пионеры колонизационного движения VIII в., также был одним из основных факторов широкой экспансии греков. Иногда имели место и случайные причины: голод, войны, засуха и т. д., которые также приводили к основанию новых городов. Для второй фазы колонизации характерно возрастание роли торговых интересов. Далее Берар вкратце описывает процесс формирования контингента колонистов и их переселения (работа осталась незавершенной вследствие кончины автора).

Краткий очерк греческой колонизации содержится также в научно-популярной книге Клод Моссе «Колонизация в древности»⁷¹. Касаясь переселенческого движения архаического периода, автор пишет о двух фазах, одна из которых приходится на время с середины VIII по середину VII в. и другая — с середины VII до начала V в. Вторая фаза характеризуется расширением ареала колонизационной деятельности, большим числом оснований, преобладающим значением торговых интересов. По мнению автора, колонизация была средством решения аграрного и социального кризиса. Далее вкратце рассматриваются «аграрные» и «торговые» колонии, их взаимоотношения с метрополией, контакты с туземным миром. В от-

⁷¹ Mosse C. *La colonisation dans l'antiquité*. P., 1970.

дельную фазу выделена «империалистическая» колонизация Коринфа и Афин; автор излагает различные точки зрения на характер афинской колонизационной деятельности. Раздел о греческой колонизации заключается краткой характеристикой переселенческого движения в эллинистическую эпоху.

Помимо упомянутых работ, в послевоенное время был опубликован ряд специальных исследований по различным вопросам греческой колонизации⁷².

При всей важности исторических работ по древнегреческой колонизации можно констатировать, что в послевоенное время магистральные пути изучения данной проблемы определялись археологическими исследованиями. Первым на решающий характер археологических данных указал в названной выше работе А. Блякуэй, и предпринятый им опыт характеристики греческой колонизации Запада на основании анализа керамики был для своего времени весьма плодотворным. Широкий фронт археологических исследований, ведшихся в послевоенное время в Средиземноморье и Понте, позволил поставить изучение проблемы на качественно новую ступень. Был добыт огромный материал, существенно расширивший наши представления о греческой колонизации той или иной конкретной местности. Например, процесс колонизации Кирены долгое время описывали исходя из сведений Геродота. Археологические же исследования послевоенного времени перевели изучение этого вопроса на почву твердых материальных фактов — здесь была зафиксирована разветвленная сеть архаических поселений,

⁷² *Bullen H. Geleisestrassen des Altertums.* — *Sb. Ak. München*, Jg. 1947, 2 (München, 1948); *Cassola F. Sull'origine di Side in Pamfilia.* — pp, 1954, 9, p. 41—45; *Forrest W. G. Colonisation and the Rise of Delphi.* — *Historia*, 1957, 6, p. 160—173; *Kirsten E. Raumordnung und Kolonisation in der griechische Geschichte.* *Historische Raumforschung.* Kiel, 1958, S. 25—46 (мне недоступна); *Schaeffer H. Eigenart und Wesenzüge der griechischen Kolonisation.* — *Heidelberger Jahrbücher*, 1960, 4, S. 77—93; *Blumenthal E. Die altgriechische Siedlungskolonisation im Mittelmeerraum.* Tübingen, 1963; *Berve H. Griechische Frühzeit.* Basel; Wien, 1963, S. III f.; *Pugliese Carratelli G. Greci d'Asia in Occidente tra il secolo VII e il VI.* — *PP*, 1966, 21, p. 155—165; *Woodhead A. G. The «Adriatic Empire» of Dionysius I of Syracuse.* — *Klio*, 1970, 52, S. 503—512; *Pugliese Carratelli G. Dalle odyssei ai apoikiai.* — *PP*, 1971, 26, p. 393—417; *Burstein S. M. Outpost of Hellenism: the "Emergence of Heraclea on the Black Sea.* Berkeley, 1976 etc.

одно из которых, Токра, было изучено детально⁷³. Другой пример — раскопки Дж. Кука в Старой Смирне⁷⁴, которые позволили подвергнуть проверке традиционные данные о греческой колонизации Смирны. Археологические исследования показали, что на месте греческого города находилось туземное поселение. Наиболее ранние найденные образцы протогеометрической керамики датируются временем около 1000 г. Преобладающая группа гончарных изделий по IX в. включительно — монохромная керамика, обнаруживающая сходство с эолийской посудой с Лесбоса, что подтверждает традицию об основании Смирны эолийцами.

Большое значение имели раскопки Аль-Мины и Питекусс — двух наиболее ранних греческих колониальных центров, расположенных на противоположных концах греческой ойкумены VIII в. до н. э. Аль-Мину раскапывал еще до войны Л. Вулли, но значение этого материала полнее раскрылось в контексте исследований послевоенного времени⁷⁵. Это самое раннее из известных греческих поселений на Востоке. Аль-Мина расположена в устье реки Оронт, в Северной Сирии (ныне это турецкая территория). Слои X—VII приходятся на время примерно до 700 г. Это было приморское поселение, строительные остатки его довольно просты, и самое важное здесь — греческая керамика, происходящая из различных центров и заполняющая в большом количестве уже древнейшие слои. На протяжении всего VIII в. здесь бытовало несколько групп массовой греческой керамики: эвбейская геометрическая, эвбейские имитации элегантных коринфских котил, эвбейские же скифосы геометрического стиля, кикладско-эвбейские кубки и группа скифосов позднего VIII в., произведенных скорее всего местными греками, проживавшими в этой фактории. Через Аль-Мину греческая керамика шла в хинтерланд. В Аль-Мине, как можно заключить, основную роль играли эвбейцы. Эвбея была

⁷³ Boardman J. Evidence for the Dating of Greek Settlements in Cyrenaica. — BSA, 1966, 61, p. 149—156; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra. Oxford, 1966..

⁷⁴ Cook J. M. Old Smyrna. — BSA, 1959, 53—54, p. 10—22 (см. также статьи Р. Николза и других исследователей в этом же томе).

⁷⁵ Boardman J. Early Euboean Pottery and History. — BSA, 1957, 52, p. 1—29; Idem. Greek Potters at A1 MinaP — Anatolian Studies, 1959, 9, p. 163—169.

ранним развитым центром Греции, где йолучйла интенсивное развитие металлургия. Металлы и изделия из них играли важнейшую роль в торговом обмене Греции с Востоком, в частности в Аль-Мине.

Другая древнейшая колония, расположенная на противоположном, западном конце Средиземноморья — на острове Питекуссы (Искья), также, согласно традиции, была основана эвбейцами из Эретрии и Халкиды. Раскопками Дж. Бюхнера были вскрыты некрополь VIII в. и, частично, собственно поселение, расположенное на Монте ди Вико в северной части острова ⁷⁶. Поодаль известно еще одно синхронное поселение. Основная часть древнейшей керамики — коринфская, присутствуют также эвбейская, критская и родосско-ионийская керамика. В погребениях VIII в. найдены киликийские печати и египетские скарабеи, указывающие на широкий ареал торговой деятельности местных греков уже в то время. Как бы ни ссылались в этих условиях сторонники чисто аграрной колонизации Запада на плодородие вулканической почвы острова ⁷⁷, ясно, что выбор места для древнейшей западной колонии — в обход плодородной Южной Италии и Сицилии — диктовался стремлением эвбейцев и других греков осесть поближе к источникам сырья: здесь были найдены остатки железоделательного производства. Согласно анализам, железо привозилось сюда с острова Эльба.

Грандиозный археологический материал, накопленный к 60—70-м годам текущего столетия, был синтезирован в блестящем исследовании Дж. Боурдмена «Заморские греки», вышедшем первым изданием в 1964 г., а дополненным, вторым — в 1973 г. ⁷⁸ Эта работа, пожалуй, лучшее, что было написано по древнегреческой колонизации. В первой, вводной главе дан краткий очерк состояния Греции в послемикенское и протогеометрическое время, анализируются возможности археологического материала в качестве источника для исследования проблем греческой колонизации. Вторая глава содержит синопсис

⁷⁶ *Buchner G. Pithekoussai: Oldest Greek Colony in the West. Expedition, 1966, VIII (Summer), p. 4—12; Ridgway D. The First Western Greeks: Campanian Coasts and Southern Etruria. — Greeks, Celts and Romans. Totowa, 1973, p. 5—28.*

⁷⁷ См., например: *Cook R. M. Reasons for Foundation of Ischia and Cumae. — Historia, 1962, 11, p. 113—114.*

⁷⁸ *Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973.*

наиболее ранних археологических находок в ионийских и эолийских центрах Западного побережья Малой Азии и прилегающих островов. В следующих главах анализируются греко-восточные контакты по археологическим материалам из Северной Сирии, Финикии и Палестины, Анатолии, Египта. Эти главы дают читателю полное представление о многообразном характере восточных предприятий греков в IX—VI вв. до н. э. и их значении для складывания собственно эллинской цивилизации. Для полноты картины сюда следовало бы добавить лишь в незначительной степени учтенные Дж. Боурдменом результаты датских раскопок в Сукасе (Финикия)⁷⁹. Ряд последующих глав касается греческой колонизации Запада (Сицилия, Южная Италия, Окситания, Иберия), Северной Африки, Северной Эгеиды и Понта. Нет нужды пересказывать содержание монументального труда Дж. Боурдмена — каждая его страница содержит ценную информацию археологического характера и исторический анализ этого материала.

Публикация археологического материала из ранних колоний резко возросла за последние два десятилетия. Особенно интенсивен поток литературы, относящейся к западным греческим колониям⁸⁰.

⁷⁹ Sukas 1. *Riis P. J. The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine.* København, 1970; Sukas 6. *Idem. The Graeco-Phoenician Cemetery and Sanctuary at the Southern Harbour.* København, 1979; *Idem. The First Greeks in Phoenicia and their Settlement at Sukas.* — *Ugaritica*, 1969, 6, p. 435—450; Sukas 2. *Ploug G. The Aegean, Corinthian, and Eastern Greek Pottery and Terracotas.* København, 1973 (см. также: ВДИ, 1978, № 1, с. 198—204).

Поскольку анализ этой бесчисленной и не всегда доступной литературы уже стал делом специального монографического исследования, ограничусь выборочным перечнем. Обширные и существенные материалы содержат труды съездов по изучению Великой Греции (*Convegno di studi sulla Magna Grecia*) и интернациональные сборники «*Dialoghi di archeologia*». Из отдельных работ назову: *Inmerwahr S. A. Mycenaean Trade and Colonisation.* — *Archeology*, 1960, 13, p. 4 f.; *Will Ed. La Grèce archaïque.* — In: *2-me Conference int. d'histoire économique.* P.; La Hayet., 1965, 1, p. 42—58; *Roebuck C.* — *Ibid.*, p. 97—106; *Wasowicz A. Plan miasta i plan zaplecza rolniczego kolonii greckiej.* — *Kwart. hist. kult. mater.*, 1967, 15, s. 743—756; *Alexandrescu P. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug.* — *Revue archéologique*, 1975, 1, p. 63—72; *Salviat F. La colonisation grecque dans le nord de l'Egée: céramique pariennne orientalisante. Ceramic précoloniales à Thasos.* — In: *Le Rayonnement des civilisations grecques et romaine sur les cultures*

В русской историографии греческой колонизацией впервые занялся выдающийся исследователь и педагог Ф. Ф. Соколов. Его «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии», вышедшие в Петербурге в 1865 г., ознаменовали собой переворот в подходе к источникам по вопросам колонизации (напомню, что книга Г. Дистервега, положившая начало критическому исследованию соответствующих источников в западной историографии, вышла в том же году). Первая глава магистерского труда Соколова была посвящена источниковедческим и методологическим проблемам. Автор выступил против наметившегося в немецкой историографии крайнего скептицизма в отношении древних источников и одновременно показал несостоятельность воззрений антикваров типа Р. Рошета, считавшего «драгоценным преданием» всякие басни о Девкалионе и т. д. Основные методологические послышки Соколова заключались в требовании «аккуратности и осторожности» исследования. Автор указал на недостатки, присущие отдельным сочинениям современных ему немецких ученых, которые «можно разделить на три главные формы: фикции догадок об исторических фактах, фикции догадок в исправлении текста древних писателей и фикции излишнего неверия и скептицизма» (с. 24—25). В третьей и четвертой главах книги Соколова разобрана легендарная и историческая традиция об основании греческих колоний в Сицилии. Передовая методика Соколова дала блестящие результаты — ряд его выводов сохранял свое значение на протяжении долгого времени. В другой работе —

peripheriques. P., 1965, p. 299—303; Clavel-Leveque M. Marseille grecque. Marseille, 1977; Guzzo P. G. Scavi a Sibari. — PP, 1973, 28, p. 278—314; Humphreys S. C. Il commercio in quanto motivo della colonizzazione greca dell'Italia o della Sicilia. — Rivista storica italiana, 1965, 77, p. 421—433; Miller M. The Sicilian Colonisation Dates. Albany, 1970; Schenk von Stauffenberg A. Trinakria: Sizilien und Grossgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München, 1963; Sjoquist E. Sicily and the Greeks. Studies in the Relationship between the Indigenous Population and the Greek Colonists. Ann Arbor, 1973; Uggeri G. ΚΑΗΡΟΙ arcaici e bonifica classica nella ΧΩΡΑ di Metaponto. — PP, 1969, 24, p. 51-71; Vallet G. La colonisation grecque en Occident. — В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1973, т. 1, ч. 2, с. 53—72; Vallet G., Villard F. Megara Hyblaea. 2. Ceramique archaïque. P., 1964, Villard F. La ceramique grecque de Marseille (VI—IV s.). Essai d'histoire économique. P., 1960; Woodhead A. G. The Greeks in the West. L., 1962.

«Клирухии афинские» Соколов подытожил результаты предшествующих исследований и дал общую картину афинской колонизационной деятельности в VI—IV вв.⁸¹

Другой выдающийся русский эпиграфист — А. В. Никитский исследовал аргосский декрет о Кноссе и Тилиссе, рисующий отдельные стороны взаимоотношений между колониями и метрополиями⁸². Его исследование в значительной мере продвинуло вперед интерпретацию этой надписи.

Глубоко прогрессивные идеи, не вполне оцененные наукой своего времени, содержались в работах Э. фон Штерна⁸³, который первым показал огромное значение археологического материала для изучения греческой колонизации (в западной историографии, как указывалось выше, этот вопрос был поставлен лишь на исходе первой трети XX в.).

Некоторые результаты были достигнуты русскими учеными также в отношении теоретических проблем колонизации. Так, В. В. Латышев еще в 1887 г. высказал мнение, принятое и современной наукой, о том, что главной причиной проникновения греков в Северное Причерноморье послужили их торговые интересы⁸⁴.

В концепции Р. Ю. Виппера причудливо сочетались идеи Мейера, Белоха и Пельмана⁸⁵. Автор отмечал такие черты греческой колонизации, как перманентность, смена первоначальной беспорядочности планомерностью. Гомеровских рыцарей сменили купцы и промышленники: колонии первых были преимущественно земледельческими, со вторыми преобладающая роль в колонизационном движении перешла к торговому капиталу. Аналогичной точки зрения придерживался и А. И. Тюменев: торговая колонизация идет вслед за земледельческой; первая приходится на VIII в., вторая господствует в VII в.⁸⁶

⁸¹ См.: ЖМНЦ, 1903, сентябрь, с. 408—431; Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910, с. 411—436.

⁸² Никитский А. В. К аргосской надписи о Кноссе и Тилиссе. — ЖМНЦ, 1911, июнь, с. 251—266.

⁸³ Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. — ЗООИД, 1900, 22, с. 1—21.

⁸⁴ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. II сл.

⁸⁵ Виппер Р. 10. История Греции в классическую эпоху, с. 80 сл.

⁸⁶ Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Пг., 1924, 1, с. 43 сл.

Чрезвычайно обстоятельный очерк греческой колонизации был написан С. А. Жебелевым для общего курса по истории Греции⁸⁷. По его мнению, главной причиной колонизационной активности греков был экономический переворот VIII—VII вв. Колонизация, таким образом, была обусловлена комплексом экономических и социальных причин: нуждой в земле, торговыми интересами, социальной борьбой. Жебелев целиком воспринял тезис Гиро об обезземеливании крестьянства как одном из основных мотивов колонизационного движения. Вместе с тем автор выказывал себя сторонником «торговой» теории Э. Мейера. В частности, он полагал, что государственной инициативе по выведению колоний предшествовали частные торговые предприятия⁸⁸.

Оригинальные черты (в сочетании с отдельными идеями Мейера) свойственны концепции греческой колонизации, изложенной С. Я. Лурье в его общем курсе по истории ранней Греции⁸⁹. По мнению автора, колонизация явилась причиной распада аристократического общественного устройства и экономического переворота, заключавшегося в подъеме сельскохозяйственного и ремесленного производства. Колонизация произвела коренные изменения также и в социальной сфере, разрушив родовые устои и выдвинув на первый план политической жизни богачей из простонародья. Она создала народоправление, уравнивая в богатстве знатных и незнатных. По мнению Лурье, на раннем этапе колонизация преследовала земледельческие цели, на смену которым пришел торговый интерес. Ряд отдельных работ Лурье был посвящен эпиграфическим памятникам, проливающим свет на греческую колонизацию.

В послевоенное время вышло исследование А. А. Исесена о греческой колонизации Северного Причерноморья (написанное в 1942 г.)⁹⁰. Автор впервые развил тезис о двусторонности колонизационного процесса (ранее эту мысль

⁸⁷ История древней Греции. М., 1936, 1, с. 146—170. Чрезвычайно насыщенные фактическим материалом работы С. А. Жебелева по греческой колонизации Северного Причерноморья собраны в упоминавшемся сборнике «Северное Причерноморье».

⁸⁸ Эти положения были развиты Жебелевым в кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 112 сл.

⁸⁹ Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940, с. 93—110.

⁹⁰ Исесен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. JL., 1947.

вскользь высказал М. И. Ростовцев)⁹¹. На основе широкого археологического материала Иессен пришел к следующим выводам. Возникновение греческих колоний в Северном Причерноморье было подготовлено предшествующими полуторатысячелетними меновыми сношениями этого региона с южными странами, в том числе и с Эгеидой. Оформление скифского общества в Северном Причерноморье происходило ранее возникновения там постоянных греческих поселений. Только с переходом местного населения на высшую ступень варварства создались условия для основания и развития греческих колоний. Чрезвычайно интересная работа Иессена дала толчок последующей интенсивной разработке проблем греческой колонизации Северного Причерноморья в советской историографии⁹².

В 1949 г. был опубликован первый и единственный до сих пор обзор общей историографии древнегреческой колонизации⁹³, ссылки на которых! время от времени встречаются в современной литературе⁹⁴. Однако, к сожалению, содержащиеся в этом обзоре оценки не всегда достаточно объективны. Приводя отдельные цитаты⁹⁵, К. М. Колобова явно недооценивает серьезных достижений антиковедения, заключая (с. 129), что «история греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. еще не написана и все основные проблемы остаются нерешенными. Более того, решение этой проблемы еще и не начиналось» (!). Ряд теоретических соображений автора вызывает серьезные сомнения. Например, бездоказательным выглядит утверждение, что, «пока в греческих полисах путем нерегуляр-

⁹¹ *Ростовцев М. И.* Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918, ⁹²36 сл., 77 сл.

См. об этом: *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 7 сл.

⁹³ *Колобова К. М.* К истории вопроса о греческой колонизации. — ВДИ, 1949, № 2, с. 121—131. В несколько переработанном виде статья была включена в работу того же автора: Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 143 сл. Помимо обзора К. М. Колобовой по общей историографии древнегреческой колонизации есть специальный обзор Х. Нойбауэра советской литературы о колонизации: *Neubauer L.* Die griechische Kolonisation in sowjetischer Geschichtsforschung. — Saeculum, 1960, 11, S. 132 f.

⁹⁴ Например: *Лавин В. В.* Указ. соч., с. 6, примеч. 1.

⁹⁵ При этом автор обзора широко оперирует цитатами из заведомо слабых работ Мичела и Жарде (о ранних работах последнего отрицательно отзывался еще А. В. Никитский. См.: Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова. СПб., 1905, с. 105, 139).

ного торгового обмена и пиратства не скопились достаточно большие группы привозных рабов, до тех пор, пока рабство-должникство оставалось главной базой развития рабовладения, до тех пор не могла начаться колонизационная экспансия»⁹⁶. Но ведь нам пока ничего не известно о связи рабовладения и колонизации.

Вместе с тем другие разделы книги К. М. Колобовой, в которых рассматриваются конкретные вопросы колонизации Родоса, написаны интересно и содержат весьма убедительные выводы.

В советской историографии трех послевоенных десятилетий на конкретном материале разрабатывались различные вопросы греческой колонизации, в особенности Причерноморья⁹⁷. Нет резона давать здесь анализ каждой такой работы — историографический обзор этой литературы содержится в упоминавшейся уже монографии В. В. Лапина о греческой колонизации Северного Причерноморья. Поэтому ограничусь тем, что вкратце коснусь этой книги Лапина и подробней — работ последнего десятилетия.

В своей очень содержательной книге на материале безрезанского поселения Лапин попытался выявить некоторые общие закономерности греческого колонизационного процесса. Он пришел к выводу о том, что колонизация носила земледельческий характер. Автор отрицает теорию Иессена о двусторонности колонизационного процесса

⁹⁶ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества, с. 154

⁹⁷ См., в частности: Капоицина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; JL, 1956, с. 211—254; Она же. Ранние этапы греческой колонизации нижнего Побужья. — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 273—275; Гордеев В. Н. Основание Фурий как опорного пункта Афин на Западе. — Труды Ленингр. библиотеч. пн-та, 1957, 2, с. 63—78; Ломоури Н. И. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Он же. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 167—172; Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1965, 7, с. 116—141; Залесский Н. Н. К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965; Он же. К вопросу о начале этрусской колонизации Кампании. — В кн.: Античное общество, с. 33—38; Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э. — ВДИ, 1969, № 2, с. 3—19; Циркин Ю. В. К вопросу о родосской колонизации в Испании и Галлии. — ВДИ, 1970, № 1, с. 86—92.

и отмечает ненаселенность Северного Причерноморья в эпоху основания ранних колоний. Исследование археологического материала позволило ему утверждать, что в социальном отношении переселенческая масса состояла из трудовых и неимущих слоев. Раскопки в ольвийском регионе показывают, что наряду с городами в процессе колонизации быстро возникали сельскохозяйственные поселения в хоре. Хотя с рядом положений Лапина трудно согласиться (например, оценка Березани как чисто аграрного поселения), его книга, бесспорно, является значительным вкладом в отечественную историографию греческой колонизации Северного Причерноморья. Основные выводы монографии В. В. Лапина во многом были приняты в последующей литературе.

Серьезным стимулом к расширению исследований по древнегреческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья стал первый Цхалтубский симпозиум 1977 г. Ряд авторов представил интересные работы, и опубликование трудов этого симпозиума является большой заслугой грузинских ученых⁹⁸.

В дискуссионной работе «Некоторые проблемы греческой колонизации» И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов, дав краткую историографическую справку о концепциях торговой (Э. Мейер) и аграрной (Ю. Белох) колонизации и подчеркнув важность понятийно-терминологического аппарата, предлагают свою систему «колонизационной» терминологии. Они разъясняют такие термины, как «колонизация», «колония», «доколонизационные связи», «фактория», «пригород», устанавливают понятия «полис-хора», «контактные зоны». Затем следует беглое изложение современных концепций греческой колонизации. Перечислив точки зрения советских исследователей, занимавшихся вопросами колонизации, авторы доклада отмечают, что в последние десятилетия ряд зарубежных ученых пришел к выводу, что процесс колонизации нельзя рассматривать как однозначное явление. «Предполагается, что характер колонизации зависел от целого комплекса конкретных исторических ситуаций как в центрах колонизации — метрополиях, так и в районах, куда эта колонизация была направлена» (с. 35). Далее рассматриваются узловые вопросы колонизационного движения: ситуации

⁹⁸ Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

в районах колонизации, доколониционные связи, контактные зоны, понтийская колонизация.

Что касается первого вопроса, то здесь все большее внимание привлекают демографические ситуации: «густота и характер заселения территории, общественная организация данного конкретного общества, уровень его социально-экономического развития, политическая организация и т. д.» (с. 36). В зонах с многочисленным оседлым населением и высоким уровнем социальной организации греческие колонисты сталкивались либо с противодействием, либо с содействием. В районах с нестабильным кочевым населением колонисты получали «большую свободу выбора при определении экономического характера колонии и ее территориальной организации» (с. 37). Только при изучении каждой конкретной ситуации в каждом конкретном случае, заключают авторы, «можно будет правильно понять конкретные цели колонизации и попытаться определить изначальный характер той или иной колонии» (с. 37). По гипотезе Ж. Вале, в зависимости от конкретных географических и демографических ситуаций в районах колонизации ее целью могло быть либо создание «колоний для заселения», либо торговых колоний.

К вопросу о доколониционных связях авторы относятся довольно скептически. Они указывают, что при изучении западной колонизации большинство исследователей сейчас приходит к отрицательным выводам в отношении доколониционных связей. Исходя из своего определения доколониционной торговли — «связи, которые непосредственно предшествовали появлению на данной территории первых колоний» (с. 33), авторы утверждают, что в Северном Причерноморье такой торговли не существовало. Они признают предлагаемое Э. Вилем понятие «доколониционные плавания» более удачным, нежели «доколониционная торговля».

Относительно контактных зон авторы высказывают мнение, что в колонизованных районах всегда создаются системы полис-хора (за исключением факторий на варварских поселениях), и это на территории расселения варварских обществ с момента основания полиса приводит к образованию контактных зон, в которых создаются новые ситуации, например, разложение прежних социально-экономических отношений и образование новых в варварских обществах, а в самих греческих колониях —

к появлению новых форм эксплуатации, этническому смешению, новым связям и т. д.

В заключение И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов иллюстрируют ряд изложенных ими положений на примере различных зон греческой колонизации Причерноморья.

Следует отметить полезный информационный характер рассматриваемой статьи, кратко вводящей читателя в круг теоретической проблематики греческой колонизации. Благодаря этому советский читатель смог ознакомиться с отдельными положениями работ Ж. Вале, Э. Лепоре, А. Дж. Грэйзма, Э. Виля и других зарубежных исследователей. Основной недостаток данной работы — обильные *loci communes*, слегка прикрытые современной терминологией, такой, как контактные зоны, колонизационные модели, демографические или палеографические ситуации, система полис — хора, пограничная зона и т. д. Бедна фактологическая база — вся статья содержит лишь отдельные ссылки на археологические данные да несколько ссылок на древних авторов, чего, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы трактуемые положения обрели доказательную силу, чтобы изложение стало тканью живого исторического исследования.

Излишним представляется терминологический раздел. К примеру, вряд ли обогатит теорию колонизации определение пригорода, под которым предлагается понимать «только часть городского поселения, расположенную за пределами его оборонительных сооружений и непосредственно прилегающую к ним» (с. 32). Заслуживающий специального рассмотрения термин «колония» [«условный термин, объединяющий все виды и типы поселений, основанных греками на новых землях. В это понятие мы включаем как те поселения, которые именуются современными исследователями полисами с момента их возникновения, так и те, которые обозначаются как эмпории, торговые фактории, рыболовецкие станции, клерухии и т. д.» (с. 32)] трактован в неприемлемо расширительном плане: нельзя ведь всерьез ставить на одну доску полис и рыболовецкую станцию.

Серьезное упущение содержит историографический раздел — формирование аграрной теории колонизации обязано не столько Ю. Белоху, сколько Полю Гиро, исследование которого «Земельная собственность в Греции», как указывалось выше, вышло в 1893 г. одновременно с «Историей Греции» Ю. Белоха и вторым томом «Истории

древности» Э. Мейера. Основная мысль статьи в целом: «Таким образом, на современном уровне знаний греческая колонизация понимается как сложный процесс, который не может быть объяснен ни аграрной, ни торговой теориями колонизации. Более того, и стимулы этого процесса не могут быть сведены только к аграрным и торговым факторам» (с. 43—44) — фигурировала, как мы видели, еще полвека назад у Ж. Тутэна.

Подытоживая сказанное, отмечу, что в целом статья сыграет положительную роль в ознакомлении советских антиковедов с современной проблематикой изучения греческой колонизации.

Наибольшая часть статей сборника посвящена греческой колонизации Северного Причерноморья, причем основное внимание уделено исследованию греческой колонизации ольвийско-березанского региона. Активные исследования Березани, Ольвии и ее хоры, предпринятые в послевоенное время археологическими экспедициями ЛОИА, Института археологии АН УССР и Эрмитажа, привели к накоплению известной суммы фактов, относящихся к архаическому периоду развития данного региона. Эти археологические данные, однако, количественно еще недостаточны, а по содержанию неоднозначны, что и повлекло за собой построение различных, иногда полярных моделей греческой колонизации ольвийского региона, представленных в работах Л. В. Копейкиной, В. М. Отрешко и других исследователей. Так, если Л. В. Копейкина предполагает раннее активное развитие торговых функций Березани и Ольвии, то И. А. Лейпунская относит их в Ольвии к рубежу VI—V вв.; возникновение каменного домостроительства здесь Л. В. Копейкина датирует серединой VI в., а С. Д. Крыжицкий — началом V в. Тем не менее построение различных моделей исторического развития ольвийско-березанского региона в архаическую эпоху на основе одних и тех же, но трактуемых неоднозначно археологических данных представляется необходимым, поскольку в дальнейшем, с накоплением археологических и эпиграфических источников, картина греческой колонизации здесь уточнится в ту или иную сторону.

Наиболее полная характеристика исторического развития ольвийско-березанского региона в VII—VI вв. до н. э. дана в работе Л. В. Копейкиной «Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониза-

циейого процесса». По ее мнению, Дата оснований Еорисфениды — 045 г. у Евсевия — относится к Березанскому поселению, поскольку согласуется с археологическими материалами, самые ранние из которых приходятся на вторую четверть VII в." Причины основания Березанского поселения кроются во внешнеполитическом положении Милета, хора которого подвергалась в VII в. нашествиям лидийцев¹⁰⁰. Необходимость снабжения метрополии продовольствием как раз и могла стать причиной основания Березанского поселения. С другой стороны, расположение Березанского поселения на (полу)острове у устья водных путей, ведущих в глубь хинтерланда (Днепр, Южный Буг), как и другой милетской синхронной колонии в Причерноморье — Истрии, основанной на острове у устья Дуная, указывает на торговый характер обеих колоний.

В результате своих исследований архаической керамики березанского поселения Л. В. Копейкина пришла к выводу, что так называемые «родосско-ионийские» сосуды происходят из Восточной Ионии, а не с Родоса. Собственно родосский импорт здесь очень незначителен, и это элиминирует тезис К. М. Колобовой и С. И. Капошиной о родосской колонизации и тем более о конкуренции родосской и милетской колонизации в Северном Причерноморье¹⁰¹.

По мнению Л. В. Копейкиной, березанско-ольвийский регион в своем развитии на протяжении VII—VI вв. про-

⁸⁹ Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы из раскопок на острове Березань. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 19. Jahrgang. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*, 1970, 8, S. 559-564. Она же. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань. — *СА*, 1973, 2, с. 240—244; К сожалению, на симпозиуме не состоялся исключительно интересный по материалу доклад П. О. Карышковского и В. В. Лапина «Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975г.». Клад был найден в слое VII—первой половины VI в. в небольшом ионийско-родосском расписном кувшинике VI в. и включал золотые ювелирные изделия (пара серег, две подвески, бусина), а также 4 архаические монеты ионийской чеканки (Милет, возможно Эрифры): статор приблизительно последней трети VII в. и три трифы первых десятилетий VI в. (Проблемы греческой колонизации. . . , с. 105).

¹⁰⁰ *Hdt.*, I, 14-22.

¹⁰¹ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества, с. 164; Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, с. 233—234.

шел три этапа: 1) вторая половина VII—начало VI в.; 2) первая половина VI в.; 3) середина VI—начало V в. до н. э. К первому периоду относится основание Березанского поселения, характеризовавшегося жилищами в виде землянок, полуземлянок и количественно небольшим импортом керамики. Слой VII в. в силу интенсивного обживания острова в античное и средневековое время пока не найден. На второй период приходится керамический импорт, указывающий на экономический расцвет поселения. Домостроительство остается земляночным и полуземляночным. Территория поселения достигает наибольшего территориального распространения. К рубежу VII—VI вв. относится основание Милетом ряда поселений в Причерноморье — Ольвии, Пантикапея, Аполлонии, что указывает на рост милетской колонизации берегов Понта Евксинского. Третий период характеризуется новым качественным скачком: керамический импорт уменьшается сравнительно с первой половиной VI в., но происходит интенсивное образование сельских поселений в Нижнем Побужье и на берегах Березанского лимана. На Березани и в Ольвии наблюдается развитие каменного домостроительства, появляются участки с регулярной планировкой. Все это, по мнению Л. В. Копейкиной, свидетельствует о широком притоке новых поселенцев, о наличии большого количества рабочей силы. Бурный расцвет Березанского поселения был кратковременным — уже в начале V в. до н. э. его территория резко сокращается. Наиболее важные его функции торгово-транзитного центра переходят к Ольвии.

Концепция Л. В. Копейкиной основана на глубоком изучении керамического импорта и строительных остатков архаической Березани и Ольвии, она построена на широком фоне милетской колонизации Причерноморья в целом и безусловно сыграет большую роль в дальнейшем осмыслении процесса исторического развития рассматриваемого региона. Вместе с тем — и это естественно — отдельные моменты ее модели требуют уточнения, в первую очередь хронология каменного домостроительства. Тезис о широком притоке новых колонистов, приведшем к образованию нескольких десятков сельскохозяйственных поселений в Нижнем Побужье, по существу правильный, представляется односторонним, поскольку не учитывает в полной мере возможностей экономического роста Собственно Березанского Поселения.

Широкое вовлечение туземного населения в аграрно-ремесленную деятельность Березанского полиса очень хорошо продемонстрировано в работе К. К. Марченко «Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.»¹⁰² Лепная керамика VI в. из Ольвии, Березани и многочисленных сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья, по мнению К. К. Марченко, свидетельствует о вовлеченности в экономическую деятельность греков Березанско-ольвийского региона, фракийцев из Заднепровья, туземного населения степи и лесостепи¹⁰³. Преобладание лепной керамики из лесостепи указывает на преимущественно лесостепной источник поступления рабочей силы для сельскохозяйственной деятельности аграрных поселений Побужья. По справедливому заключению К. К. Марченко, в процессе освоения экономического потенциала района греки Нижнего Побужья создали слой экономически и политически зависимого населения, проживавшего по преимуществу на поселениях ольвийской хоры. В этно-культурном отношении этот слой не представлял однородного образования и являлся искусственным объединением представителей различных районов хинтерланда — главным образом яштелей Карпато-Дунайского бассейна и лесостепной зоны Северного Причерноморья. В первой половине V в. скифы-кочевники прервали каналы поступления туземных элементов сюда. По заключению К. К. Марченко, произошла быстрая трансформация этнического состава, и с середины V в. по вторую половину IV в. пополнение туземной прослойки в греческих аграрных поселениях шло в основном за счет жителей степи и лишь отчасти лесостепи.

Данные К. К. Марченко, на мой взгляд, позволяют думать о значительном туземном источнике рабочей силы для аграрно-ремесленного освоения хоры березанско-ольвийского полиса. Приток новых греческих колонистов на

¹⁰² Проблемы греческой колонизации. . . , с. 130—138.

¹⁰³ Замечу, что лепная керамика на Березани и в других греческих центрах Северного Причерноморья, относящаяся к первым десятилетиям их существования, могла быть принесена туземками: переселенцы обычно отправлялись без женщин (ср.: *Hdt.*, I, 146); поскольку основную их массу составляла молодежь (*Hdt.*, IV, 150, 153; *Just.*, XVIII, 4, 2., *Plut.* *Mor.*, 298-299a; *Paus.*, VIII, 3, 5 и т. д.), то она добывала себе жен на новом месте жительства из окрестной туземной среды.

протяжении VI в. также был значителен, он стимулировал рост экономического потенциала березанско-ольвийского полиса и влиял на количественную и качественную сторону процесса местного исторического развития. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что при высоком уровне грамотности греческого населения Березани и Ольвии в VI в., о котором свидетельствует массовый материал — граффити, в первую очередь имена и сокращения имен собственников на донцах сосудов, надписи подобного рода встречаются гораздо реже в этих сельскохозяйственных поселениях VI в.

Интересна также работа В. М. Отрешко «К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху» (с. 151—158). Представляется очень перспективной примененная автором методика исследования археологического материала. Он показал, что в первой половине VI в. в процессе экономического освоения Нижнего Побужья выделились две зоны: 1) район очаковской степи с преимущественным развитием земледелия и скотоводства и 2) Кинбурнский полуостров, служивший сырьевой базой и центром ремесленного производства.

В рассматриваемом сборнике трудов первого Цхалтубского симпозиума ряд работ посвящен греческой колонизации Колхиды. Здесь в советской историографии наметились две полярные точки зрения. Одна группа ученых — А. И. Болтунова, Ю. Н. Воронов, Г. А. Лордкипанидзе, Г. К. Шамба и в какой-то степени Г. Ф. Дундуа — признает, что процесс греческой колонизации Колхиды привел к образованию эллинских полисов (по меньшей мере одного-двух — Фасиса и Диоскуриады). Другая группа — Ю. Н. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе и примкнувшие к ним в той или иной степени Т. С. Каухчишвили, Г. Т. Квирквелия — отрицает возможность образования в Колхиде самостоятельных греческих полисов.

В работе А. И. Болтуновой «Эллинские апойкии и местное население Колхиды» (с. 256—274) отмечается, что картина греческой колонизации Колхиды в настоящее время может быть намечена лишь в самых общих чертах, поскольку эллинские города еще не найдены, как Фасис, или не раскопаны, как Диоскуриада, а известия древних авторов о них чрезвычайно скудны. Создание греческих апойкий в Колхиде — Фасиса и Диоскуриады —

осуществлялось в соответствии с общегреческой колони-
зационной практикой, т. е. в форме основания полисов.
Местное земледельческое население жило еще родовым
строем, и колхи в VI в. были подчинены ахеменидской
Персии. Уже на первом этапе существования греческих
городов количество земледельческих поселений абориге-
нов вокруг них увеличивается, местное население интен-
сивно включается в хозяйственную жизнь греческих по-
лисов. Торговые связи эллинов затрагивали не только
окрестное население, но и хинтерланд; зародилось и раз-
вивалось денежное обращение. В среде местного населе-
ния, которое к исходу V в. до н. э. уже было свободно от
власти персов, происходил ускоренный процесс имуще-
ственной и социальной дифференциации. Экономический и
культурный расцвет эллинских полисов на территории
Колхиды приходится на IV—II вв. до н. э.

Г. А. Лордкипанидзе в исследовании «О характере
колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э.»
(с. 322—326) отметил, что греческие ремесленные изде-
лия поступают в Колхиду с самого начала VI в., причем
во второй половине столетия, с основанием здесь гречес-
ких городов, объем поставок греческой ремесленной и
сельскохозяйственной продукции резко возрастает. В ре-
зультате мирных греко-колхских отношений в конце VI в.
в Фасисе возникла местная монетная система. Некоторые
монетные номиналы с изображением лежащего льва или
его головы свидетельствуют о тесной связи с Милетом,
что подтверждает указание античных авторов на основа-
ние Фасиса этим городом. О том же свидетельствуют до-
шедший до нас фрагмент из фасисской Политии и наличие
здесь храма Аполлона Предводителя (граффито из кур-
гана у Зубовского хутора).

Греческие приморские города осуществляли активные
экономические и культурные связи с колхскими центрами
хинтерланда. Так, по данным М. Лордкипанидзе, пред-
полагается, что в Вани в V в. до н. э. существовала мас-
терская по изготовлению гемм, перстней-печатей, в ко-
торой работали ионийцы. Вероятно, греческие мастера
участвовали в строительстве колхского храма в районе
Сачхере, где была найдена дорическая капитель. С пер-
вой половины V в. в глубь страны распространяется и
греческая письменность. Исследование могильника в Пич-
внари позволяет предполагать наличие здесь с V в. гре-
ческого полиса, жителями которого были выходцы из

Афин; впрочем, лишь дальнейшие исследования могут показать, была ли здесь апойкия или только эмпорий. У Г. А. Лордкипанидзе не вызывает возражения тезис о своеобразии путей колонизации в Восточном Причерноморье, но имеющийся материал не позволяет отрицать наличие греческих полисов в прибрежной Колхиде.

Взгляды ученых второй группы, отстаивающих тезис об очень высоком уровне развития Колхиды в раннеантичное время, что делало невозможным образование здесь греческих полисов, наиболее полно отразились в работе О. Д. Лордкипанидзе «К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды)» (с. 187—256), изданной также отдельной книгой¹⁰⁴.

Материалы второго Цхалтубского симпозиума (1979 г.) по теме «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации» были столь же содержательны, как и материалы первого симпозиума^{101\}.

Заключая краткий историографический обзор зарубежной и отечественной литературы, прежде всего следует отметить длительный и поступательный характер эволюции наших знаний о сущности и ходе древнегреческой колонизации. На мой взгляд, было бы излишне вдаваться в детальную критику тех или иных положений, гипотез и теорий упомянутых выше исследователей, поскольку, как правило, они отвергались или получали подтверждение в последующих трудах. Я убежден, что ни одна из упомянутых работ (за исключением откровенно ненаучных) не должна быть отброшена — все они сохраняют историографический интерес, все они, каждая в своем роде и степени, способствовали приближению к истине наших представлений о греческой колонизации. В противоречивости суждений и борьбе мнений постепенно выкристаллизовывались современные методы исследования и, *можно* сказать, современные взгляды на суть древнегреческой колонизации.

В результате длительного изучения древнегреческой колонизации было установлено, что она явилась следствием глубинных социально-экономических процессов, происходивших в греческом обществе. Колонизация была постоянным фактором истории греческого народа. В эво-

Ю4 Тбилиси, 1977. Подробно о ней см. ниже, с. 247 сл.

Юia Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.

45
люции колониационного движения можно наметить следующие этапы: 1) колонизация микенской, субмикенской и раннеархаической эпох, завершившаяся прочным освоением западного побережья Малой Азии и островной Эгеиды; 2) колонизация архаической поры (начало VIII—конец VI в.), подразделяющаяся на два периода, грань между которыми приходится на вторую половину VII—середины VI в.; 3) колонизация классической поры (с начала V в. до последней трети IV в.); характеризующаяся прежде всего экспансионистскими устремлениями Афин, Спарты и Коринфа; 4) эллинистическая колонизация (последняя треть IV в.—середины II в. до н. э.).

Современные представления о колонизации архаической поры, которая была предметом проведенного выше историографического обзора, на мой взгляд, вкратце могут быть суммированы в следующем виде. На протяжении архаического периода развитие экономических и социальных отношений в греческом обществе прошло две фазы. В первой фазе в экономике целиком доминировало сельскохозяйственное производство; торговля играла очень незначительную роль, поскольку ремесло находилось еще в неразвитом состоянии. К началу колониационного движения в собственно Греции еще не существовало городов как экономических центров — были полисы, объединявшие деревенские общины. Вместе с тем в ряде областей (Эвбея, Иония, Коринф и др.) на протяжении VIII в. развивалась городская жизнь, что сопровождалось ростом населения. К середине VIII в. были основаны первые греческие колонии на Востоке (Аль-Мина) и Западе (Питекуссы), снабжавшие Грецию сырьем для развивающегося ремесла, прежде всего для производства оружия. Интенсивные контакты с Востоком ускорили складывание собственно греческой цивилизации архаической поры.

Колонизация была прежде всего демографической проблемой. Ее определяющими факторами были, во-первых, несоответствие между наличными производительными ресурсами страны и численностью населения в целом, а во-вторых, неадекватность их распределения в пересчете на душу населения. Процесс смены аристократического строя олигархическим повлек за собой перемены в составе землевладельцев. Одним из результатов этого процесса было массовое обезземеливание части как аристократии, так и рядового крестьянства, вызванное

также разрушением родовой собственности, с одной стороны, и, с другой — наследственной парцелляцией родовых участков. Массы обезземеленного крестьянства составили основной контингент колонистов, искавших за пределами отечества плодородные края. Уход в колонисты мог быть вызван также различными политическими и стихийными обстоятельствами.

Предварительное знакомство с новыми землями имело место в результате предприятий отдельных лиц, торговавших предметами роскоши с туземным населением. Размах переселенческого движения, освоение колонистами плодородных земель и установление экономических контактов с туземным миром дали толчок быстрому экономическому подъему колоний. В новых городах стало развиваться широкое производство массовых товаров, предназначенных для торговли с туземцами и удовлетворения внутреннего спроса. Таким образом, аграрная фаза колонизации вызвала увеличение промышленного производства, сопровождавшееся широким развитием торговли, в первую очередь морской. К этому времени оформился в качестве крупных экономических центров ряд городов собственно Греции — Коринф, Милет, Халкида, Эритрея и др. При этом в их становлении немалую роль играли экономические связи со своими колониями. Коммерческие контакты между ранними колониями и их метрополиями способствовали возникновению ряда позднейших торговых путей.

Расширение колонизационной деятельности греческих торговых городов, в числе которых были и наиболее развитые колонии, ознаменовало собой начало второй фазы колонизации архаического периода (примерно вторая половина VII—конец VI в.). С началом второй фазы греческая экономика вследствие развития внутренних ресурсов и вовлечения огромных нетронутых средств во вновь освоенных районах поднялась на качественно новую ступень. Она приобрела классический характер: производство перешло к массовой серийной продукции, что повлекло за собой широкое развитие торговли и монетно-денежного обращения. В новых условиях в силу местных обстоятельств изменялся характер колоний. По выражению Ж. Тутэна, одна колония, основанная в качестве земледельческой, могла стать торговой, другая, основанная как торговый центр, могла стать поставщиком продуктов в Грецию, третья — "ремесленным центром и т. д.

Таким образом, колонизация явилась одной из существеннейших причин экономического переворота в архаической Греции, она в значительной мере повлияла на рост греческих городов. Вместе с тем она в немалой степени способствовала социально-политическому развитию Греции, разрушению родовых устоев, распаду аристократического строя, возникновению олигархических и раннедемократических полисов.

§ 2. Три направления изучения греческой колонизации

Как явствует из обзора историографии, изучение древнегреческой колонизации велось в основном по двум направлениям: 1) решение общих теоретических вопросов (характер, сущность, ход, причины, движущие силы, цели, последствия колонизации); 2) исследование частных, локальных вопросов (конкретная история колонизации той или иной местности). Однако существует еще один аспект — исследование собственно колонизационного процесса.

На протяжении двух столетий истории Великой греческой колонизации была выработана система норм и канонов во взаимоотношениях между колонией и метрополией, которую уже греки V в. до н. э. называли *я-Хати? ѵβ[ι]ο?*¹⁰⁵. Согласно этим «древним обычаям», колонисты и их потомки должны были, в частности, на общенародных празднествах воздавать метрополии «положенные почести» (*τὰ ὑερα τὰ νομιθεῖσθαι*), при жертвоприношениях предоставлять первенство ее жителям, а при основании колонии приглашать из нее ойкиста¹⁰⁶. Система общепринятых обычаев сложилась не только в сфере взаимоотношений между колонией и метрополией, но имела место и на предыдущих этапах — в сфере общих норм вывода и основания колоний (ср. *τὰ νομῶλεα* у Геродота)¹⁰⁷. Таким образом, колонизационный процесс состоит из трех последовательных стадий: выведение колонистов, основание полиса, отношения колонии с метрополией. В то время как последняя стадия подвергалась фундаментальному исследованию в упомянутых работах Я. Зайберта

¹⁰⁵ *Thuc.*, I, 24, 2.

¹⁰⁶ *Ibid.*, ср.: I, 25, 4.

¹⁰⁷ *IldL.*, V, 42, 2.

а А. Дж. Грэйзма, предыдущие стадии колонизационного процесса изучались спорадически и в довольно небольшом объеме. По несколько страниц им уделено внимание в общем курсе по греческим государственным древностям Г. Гильберта, в статье О. Гвинна и в последней книге Ж. Берара. Общий очерк, содержащийся в известном компендиуме Г. Бузольта и Г. Свободы и по сей день является наиболее полным собранием реалий, относящихся к выводу колонистов и основанию полиса¹⁰⁸. Авторы компендиума рассматривают типологию греческих колоний (апойкия, эпойкия, клерухия) и соответствующие категории колонистов, а также обрисовали роль института ойкистов. Далее трактуются вопросы, связанные с набором колонистов и основанием ими города: раздел земли, выделение клеров и теменов, политическая организация. Вкратце характеризуется также система норм и традиций во взаимоотношениях между колониями и метрополиями. Особый раздел посвящен афинским клерухиям — он содержит материалы об их истории, органах управления, праве, культовых отправлениях.

При всей своей обстоятельности очерк Бузольта и Свободы довольно краток и, естественно, не покрывает все доступные нам источники, относящиеся к данной проблеме. Восполнить этот пробел и призвана предлагаемая работа, посвященная реконструкции системы норм и обычаев в сфере вывода колонистов и основания полиса. Иначе говоря, выявлению общих и частных норм эллинистической колонизационной практики.

§ 3. Значение эпиграфических источников

В античных литературных и эпиграфических источниках (например, Магтог Parhim) сохранились разнообразные сведения о возникновении различных городов, представляющие собой жалкие остатки большого количества сочинений древних авторов, посвященных основанию колоний¹⁰⁹. Некоторые сведения подобного рода сохра-

¹⁰⁸ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Munich, 1926, 2, S. 1264—1279.

¹⁰⁹ «Многие на разные лады излагали генеалогии, мифы, историю колоний, а также родство имен и основание городов» (Pniuh., IX, 2. Пер. Ф. Мищенко).

йили и эпиграфические памятники¹¹⁰. Вместе с тем и в доставшемся нам скудном наследстве нелегко разобраться, поскольку выдуманное и реальное переплетены в нем настолько сильно, что зачастую нет возможности твердо отделить одно от другого. Во многих случаях исследователь целиком зависит от сведений того или иного автора, не имея возможности установить их подлинность. Можно привести в качестве примера основание Кирены. В нашем распоряжении — подробный рассказ Геродота, согласно которому голод и какие-то несчастья ферян привели к вынужденному отправлению колонии в Кирену (IV, 150 сл.). С другой стороны, по сообщению киренского историка II в. до н. э. Менекла, причиной вывода колонии в Кирену явились гражданские междоусобицы и борьба политических партий на Фере¹¹¹. Располагая этими противоречивыми данными, историк не может вынести окончательное решение о подлинности той или иной версии, т. е. вопрос в сущности остается открытым. Однако благодаря эпиграфическим данным он может быть решен положительно: существует декрет киренян, содержащий сведения об отправлении колонии с Феры, который позволяет не только прийти к определенному заключению о подлинности версии Геродота, а не Менекла, но и значительно дополняет его данные.

Этот пример показывает, насколько важны сведения эпиграфических источников для исследования различных вопросов греческой колонизации. До нашего времени сохранилось примерно два десятка более или менее пространственных надписей, связанных с отправлением колонистов или основанием полиса. В силу своей документальной подлинности эти памятники должны рассматриваться в качестве основополагающих источников при изучении греческого колонизационного процесса. Здесь особенно существенно то, что подчас колонисты могли принимать участие в выработке того или иного документа. Интерпретация сведений подобных надписей, разумеется, должна сопровождаться максимально возможным привлечением свидетельств литературных источников.

Вместе с тем эпизодическое привлечение эпиграфических данных по тому или иному вопросу, имеющее

¹¹⁰ Например, киренская «стела основателей», «Паросский мрамор» и др.

¹¹¹ *Menekles*, fr. 6 Jacoby (FGH, III, A 270).

место в научной литературе, представляет собой только начальную ступень работы. Комплексное изучение возможно большего числа дошедших до нас эпиграфических источников, естественно, принесет большие плоды¹¹². При этом следует отметить, что, поскольку предлагаемая работа основана на эпиграфическом материале, исследование каждой надписи представляет собой в то же время отдельный очерк по истории вывода или основания той или иной колонии.

Итак, для того чтобы на основе надежных и достоверных данных составить детальное представление об отправлении колонистов и основании полиса как о реальном процессе, или, иначе говоря, об эллинской колонизационной практике, необходимо прежде всего систематизировать и исследовать имеющийся в нашем распоряжении эпиграфический материал. Привлекаемые документы должны также освещать по возможности единое в историческом плане явление, т. е. при отборе материала следует иметь в виду тот факт, что в период эллинизма (со времени походов Александра Македонского) характер греческого колонизационного движения существенно изменился, вследствие чего к исследованию могут быть привлечены надписи в основном доэллинистического времени. (Лишь одна привлеченная надпись — декрет иссейцев III в. до н. э. — выходит за рамки IV в. до н. э., но она очень важна для исследования нашей темы и довольно консервативна по духу своих установлений.)

В результате систематизации эпиграфического материала к реконструкции эллинской колонизационной практики были привлечены следующие надписи VII—III вв.¹¹³:

№ 1. Киренская «стела основателей».

№ 2. Локридский закон о земле.

№ 3. Декрет опунтян об эпойках, отправленных в Навпакт.

№ 4. Иссейский закон о разделе земли колонистами.

¹¹² Это можно видеть на примере тематических собраний Ф. Майера и Д. Ашериды (*Maier F. G. Griechische Mauorbauinschriften. München, 1959—1961, 1—2; Asheri D. Leggi greche sul problema dei dobiti. Pisa, 1969 (=SCO, 1969, 18, p. 5-122).*)

¹¹³ В дальнейшем ссылки на эти надписи приводятся в соответствии с данными номерами. Цифре после точки означает строку Надписи.

Исследованию и́ших надписей посвящена Первая часть данной работы. Остальные надписи, которые анализируются во второй части, почти все происходят из Аттики и позволяют воссоздать своеобразную картину афинской колонизационной деятельности:

№ 5. Декрет о колонии, отправлявшейся в Брею.

№ 6. Декрет о неизвестной колонии.

№ 7. Декрет о Фаселиде¹¹⁴.

№ 8. Декреты из Эрифр.

№ 9. Декрет о Милете.

№ 10. Декрет об Эретрии.

№ 11—13. Декреты о Гестиэе.

№ 14. Декрет о снаряжении колониальной экспедиции в Адриатику.

№ 15. Декрет о саламинской клерухии.

№ 16. Декрет о митиленянах.

№ 17. Декрет о лемносских клерухах.

№ 18. Декрет о пошлинах.

Исследование эпиграфического материала связано со специфическими трудностями. Во-первых, часть надписей сохранилась в довольно фрагментированном виде. Во-вторых, интерпретация отдельных мест в ряде надписей довольно затруднена ввиду лексико-синтаксической неясности текста. В-третьих, отдельные надписи (№ 1—2) включают в себя разновременные тексты. Указанные особенности привлеченного материала обусловили необходимость проведения тщательного источниковедческого анализа, предваряющего в каждом отдельном случае собственно исторический анализ. Эти же обстоятельства обусловили и форму исследования: изложение строится не по сквозному тематическому плану, а по отдельным надписям, сгруппированным в тематические отделы; тексту каждой надписи предпослана лемма; после перевода или до него следует источниковедческий раздел, на данных которого основывается интерпретация содержания текста, т. е. исторический анализ.

В процессе исследования отдельные места ряда надписей были реконструированы автором, однако исторический анализ проводился, как правило, без учета вос-

¹¹⁴ Для исследования весьма фрагментированных декретов о Гестиэе возникла необходимость привлечения ряда документов (№ 7—10), но связанных с вопросами колонизации.

становлений. При ссылках на реконструированный текст, за исключением бесспорных случаев, всегда следует иметь в виду, что его данные — это лишь один из возможных вариантов.

Прежде чем перейти к исследованию указанного материала, следует остановиться на состоянии разработки привлеченных надписей. В аспекте изучения вопросов эллинской колонизационной практики этот материал рассматривался довольно слабо, хотя в целом ему посвящено немало литературы (подробности историографического характера см. также в соответствующих главах данной работы).

«Стела основателей» (№ 1) была опубликована С. Ферри в 1925 г. в числе других новонайденных киренских надписей¹¹⁵. Издатель датировал ее IV в., связал с ферской традицией об основании Кирены и сопроводил кратким лексическим комментарием; при этом ряд крупных лакун в тексте он оставил незаполненными. Надпись вызвала большой интерес; в 1928 г. вышли сразу три работы, посвященные ее интерпретации. А. Феррабино в противоположность С. Ферри высказал мнение о том, что надпись отражает киренскую традицию¹¹⁶. Он связывал составление надписи со стремлением Кирены установить контакты со вторым Афинским морским союзом через входившую в него Феру путем возобновления старых связей со своей метрополией. А. И. Доватур высказался в пользу компромиссного характера надписи и видел в ней попытку примирения киренской и ферской традиций об основании Кирены¹¹⁷. По его мнению, текст клятвы не является аутентичным и заимствован скорее всего из какого-либо ферского исторического труда. Существенна повторная публикация надписи, осуществленная Г. Оливеро, который обследовал подлинник и заполнил все лакуны в ее тексте¹¹⁸. Свою републикацию Оливеро сопроводил обстоятельным лексико-историческим комментарием.

¹¹⁵ *Ferri S. Alcune iscrizioni di Cirene. — Abh. Ak. Berlin, 1925, p. 19—24.*

¹¹⁶ *Ferrabino A. La stele dei patti. — RF, 1928, 56, p. 250—254.*

¹¹⁷ *Доватур А. И. Киренская клятва основателей. — ДАН, 1928, с. 233—236.*

¹¹⁸ *Oliverio G. Iscrizioni di Cirene. 2. La stele dei Patti. — RF, 1928, 56, p. 222—232. Текст Оливеро был воспроизведен в SEG, IX, 1, N 3.*

В дальнейшем изучение надписи шло в направлении уточнения текста «клятвы основателей» и ее характера. А. Вильхельм, Л. Джеффри и Дж. Оливер предложили свои варианты восстановления текста, частично утраченного в сткк. 29—30¹¹⁹, а П. Фрэйзер вновь обследовал подлинник¹²⁰. Важна вышедшая в 1960 г. обстоятельная работа А. Дж. Грэйэма, в которой были исследованы различные аспекты интерпретации текста надписи¹²¹. Путем подробного анализа лексики «клятвы основателей» Грэйэм одновременно с Л. Джеффри показал несостоятельность господствовавшего до того времени мнения об ее апокрифическом характере и по сути дела вместе с Л. Джеффри возвратил этот ценный памятник в круг исторических источников архаического времени¹²².

Локридский декрет о разделе земли и приеме эпойков (№ 2) был опубликован в 1926 г.¹²³ У. Виламовиц, внося свои эмендации в текст, дал соответствующий перевод, исследовал шрифт, орфографию и диалект надписи, сопроводив ее кратким лексическим комментарием¹²⁴. Он отметил, что дошедшая до нас бронзовая пластинка содержит лишь часть закона о приеме поселенцев и разделе пастбищ. По его мнению, текст *C* нельзя вставлять в разору стк. 6 надписи, как это делал Паппадакис. В том же году были опубликованы текст, перевод и краткий комментарий С. Я. Лурье к лексике надписи¹²⁶. Л. Джеффри датировала надпись последней четвертью VI в. и высказала предположение о связи этого документа с из-

¹¹⁸ *Wilhelm A. Griechische Inschriften rechtlichen Inhalts. Athenai, 1951, S. 5—7; Jeffen/ L. H. The Pact of the First Settlers at Cyrene. — Historia, 1961, 10, S. 139—147; Oliver J. II. Herodotus 4. 154 and SEG, IX, 3. — GRBS, 1966, 7, p. 25—29.*

¹²⁰ *Frazer P. M. Berythus. 1956—1958, p. 120 сл.* (мне недоступна). Его чтение было учтено Мейгтзом и Льюисом, публикация которых (ML, № 5) является наилучшей из существующих.

¹²¹ *Graham A. G. The Authenticity of the OPKION, p. 94—111.*

¹²² К сожалению, мне недоступна упоминавшаяся уже работа Я. Зайберта, в которой с. 9—67 посвящены «стеле основателей». Другие подробности историографического характера см. ниже, гл. I.

¹²³ Паллсайд? Ν. Αοχρικό; στεαρών; — 'Αρ^Λ. 'Щ., 1924, а. 119 f (номер вышел в 1926 г.). Полный свод библиографии см. у Клаффенбаха: IG, IX, pars 1, fasc. 3. В., 1968, S. 2.

¹²⁴ *Wilamowitz U. Ein Siedelungsgesetz aus West-Lokris. — Sb. Ak. Berlin, 1926, S. 7—17.*

¹²⁶ *Luria S. Zum neugefundenen lokrischen Gesetz. — ДАН, 1927, с. 216—218.*

вестным декретом опунтян об эпойках, отправленных в Навпакт¹²⁶. Текст надписи с краткими, но содержательными комментариями был помещен в ряде эпиграфических сборников¹²⁷. В ряде других работ рассматривался вопрос о локализации надписи¹²⁸.

Подробному историческому анализу содержание надписи было подвергнуто лишь в последнее время в работах К. Ватэна и Д. Ашери¹²⁹. По мнению Ватэна, сохранившаяся надпись содержит второй закон, регулирующий последствия раздела земли, и две поправки к первому, не дошедшему до нас закону о формах раздела земель. Автор следующим образом реконструирует ход событий, связанных с выработкой сохранившегося декрета. Сначала был принят закон о разделе земли. Однако городу угрожала опасность и в число граждан была принята группа боеспособных колонистов, с поселением которых население города удвоилось. В связи с этим формы раздела земель были изменены в двух поправках. (Следует отметить, что Ватэн, как и ряд других авторов, излишне широко пользуется презумпцией о том, что всякие мероприятия полиса должны сопровождаться фиксацией соответствующих законодательных актов.) Поскольку текст дошедшего до нас декрета является достаточно цельным документом, предположение Ватэна о существовании трех законов, не подкрепленное убедительными соображениями, представляется весьма произвольным, как и усмотренная им связь между этим декретом и итальянскими локрами. Интересен лексический анализ надписи, проведенный Ватэном; ряд его соображений продвинул вперед интерпретацию текста. Большое внимание он уделил также диалекту надписи, который, по его мнению, носит искусственный характер. Суждения автора по этому поводу открывают новый аспект изучения памятника.

Глубокие, подчас исчерпывающие соображения содержатся в обстоятельной работе Д. Ашери, который пришел к следующим выводам. В начале V в. один из полисов западной Локриды предпринял раздел участков, образо-

¹²⁶ LSAG, p. 105-106.

¹²⁷ Buck, p. 255-257; IG, IX, p. 1, f. 3, p. 2-4; ML, N 13.

¹²⁸ См. ниже, с. 93.

¹²⁹ Vatin C. Le bronze Pappadakis, étude d'une loi coloniale. — BCH, 1963, 87, p. 1—19; Asheri D. Distribuzione di terre e legislazione agraria nella Locride Occidentale. — JJP, 1965, 15, p. 313—328.

ванных в четырех округах общественной земли¹³⁰. В связи с этим был издан аграрный закон, согласно которому граждане, уже владевшие «первоначальными наделами» на центральной равнине, получали также право выпаса на общественных лугах. Участки этих лугов и право выпаса на них должны были регулироваться действенным наследственным правом, обеспечивавшим их неотчуждаемость и прямое наследование от отца к сыну. Кроме того, поддерживалась инициатива частных лиц по культивации пастбищ. Проведенное распределение было признано окончательным и подлежало изменению только в случае приема эпойков. Специальное добавление к закону определяло основные правила возможного перераспределения округов, предусмотренных законом, и в первую очередь утверждалось деление пополам участков, образуемых в этих округах. Автор отмечает, что, согласно закону, право выпаса становилось привилегией, связанной с владением наследственным участком, и справедливо указывает на антидемократический характер этой меры, лишавшей остальных жителей города права пользования пастбищами. Расходясь с Ашеро в ряде отдельных моментов, должен отметить, что его выводы, основанные на тщательном анализе текста, служат надежной базой для дальнейших исследований памятника.

Декрет опунтян об эпойках, отправленных в Павпакт (№ 3), разрабатывается уже свыше столетия. В десятках трудов изучались язык, текстуальные апории, исторический контекст и содержание надписи¹³¹. Останавливаться на этом здесь не имеет смысла, поскольку основные выводы фундаментальных исследований Э. Мейера¹³² и Р. Майстера¹³³ известны достаточно хорошо и в значительной степени апробированы литературой нового времени.

Декрет иссойцев о разделе земли колонистами (№ 4) большой библиографией не обладает. Должному истори-

¹³⁰ Заключение о наличии четырех участков представляется довольно спорным, см. ниже, с. 88—89.

¹³¹ Полный свод библиографии см.: IG, IX, 1, 3, p. 91.

¹³² Meyer E. Drei lokrische Gesetze. 1. Gesetz über eine Kolonie nach Naupaktos. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892, 1, S. 291—305.

¹³³ Meister R. Das Kolonialrecht von Naupaktos. — Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. 1895, 47, S. 272—333.

чѣскому анализу этот декрет как источник для изучений раздела земли колонистами еще не подвергался (частичный исторический анализ содержания надписи провел П. Лисичар, но его интересовали главным образом вопросы развития иллирийского общества)¹³⁴.

Парадоксально, но не многим лучше дело обстоит и с афинским декретом о колонии, отправлявшейся в Брею (№ 5). Давно вошедший во всевозможные хрестоматии и сборники, этот документ исследовался главным образом в плане определения места и времени вывода колонии. В то же время детальный исторический анализ содержания этой надписи в литературе еще не дан¹³⁵.

Декреты о неизвестной колонии (№ 6) и пошлинах (№ 18) вообще оставались до сих пор вне поля зрения исследователей.

Афинские декреты о Гестиэе (№ 11—13) в силу своей фрагментарности привлекались к исследованию в незначительной мерс. Исключение составляют работы Ф. Ф. Соколова, реконструировавшего в общих чертах содержание текста¹³⁸, и М. Кэри, более подробно разобравшего эти документы¹³⁷. К сожалению, Кэри широко пользовался реконструкцией Хиллера фон Герtringена и своими восстановлениями, в силу чего эта статья представляется устаревшей и ее выводы по большей части не могут быть приняты.

Декрет о снаряжении колониальной экспедиции в Адриатику (№ 14) изучен достаточно хорошо как в текстуальном¹³⁸, так и в историческом плане¹³⁹. К сожалению, в интересующем нас аспекте этот декрет предоставляет довольно скудные данные.

Обширна литература, посвященная саламинскому декрету (№ 15). Одно из первых исследований принадлежит У. Келеру, который проследил историю афинской клерухии на Саламине и предложил ряд своих восстановлений

¹³⁴ *Lisicār P. Crna Korkira. Skopje. 1951, s. 94 sq.* Отдельные замечания по вопросу об отчуждаемости земли на Черной Керкире содержатся в статье: *Finley M. I. The Alienability of Land in Ancient Greece: a Point of View. — Eirono, 1908, 7, p. 27—32.*

¹³⁵ Наиболее содержательный, по слитком краткий анализ можно найти у Ф. Ф. Соколова (Клирухин афинские, с. 427—429).

¹³⁸ *Соколов Ф. Ф. Клирухин афинские, с. 425—427.*

¹³⁷ *Caru M. Athens and Hestiacca. — JUS, 1925, 45, p. 243 f.*

¹³⁸ См.: *Tod, 2, p. 284—280.**

¹³⁹ *Жебелев С. А. Афинская колония на Адриатике. — ДАН, 1930, с. 59—65.*

утраченных частей надписи¹⁴⁰. В дальнейшем]!. Фукар^ш и Г. Липсиус¹⁴² предложили свои варианты реконструкции текста декрета. А. Вильхельм¹⁴³ и В. Юдейх¹⁴⁴ полагали, что надпись имеет в виду не столько афинских клерухов, сколько местное население Саламина, вовлеченное в орбиту афинского государства. Новая община составлялась из афинских клерухов и саламинских жителей; те и другие должны были уплачивать подати в афинскую казну и служить в афинской войске. Свои участки саламинцы не должны были сдавать в аренду.

Следующий этап изучения надписи связан с трудами С. Я. Лурье¹⁴⁵. Согласно его реконструкции текста, которую он последовательно отстаивал на протяжении долгого периода времени, саламинские клерухи обязаны были проживать на острове; сдача участков в аренду возбранялась, за исключением того случая, когда они оказывались не в состоянии исполнять свои гражданские и военные повинности. Запрещение клерухам сдавать землю в аренду, как указывал Лурье, имело в виду не военные цели (постоянное присутствие клеруха на острове при своем воинском подразделении), а интересы мелкого крестьянства. Такая политика была характерна для Писистрата, ко времени которого Лурье и относил надпись.

В результате дальнейших исследований были уточнены некоторые традиционные и открыты новые аспекты ре-

Ю 04

¹⁴⁰ Köhler V. Attischer Volksbeschluss aus dem sechsten Jahrhundert. — AM, 1884, 9, S. 117-126.

¹⁴¹ Foucart P. Décret athénien du VIme siècle. — BCH, 1888, 12, p. 1—8.

¹⁴² Lipsius H. Zum ältesten attischen Volksbeschluss. — Leipzig Studien, 1890, 12, S. 221—224.

¹⁴³ Wilhelm A. Altattische Schriftdenkmäler. — AM, 1898, 23, S. 466—486.

¹⁴⁴ Judeich W. Der älteste attische Volksbeschluss. — AM, 1899, 24, S. 321—338.

¹⁴⁵ Luria S. Noch einmal das salaminische Psophisma. — ДАН, 1924, с. 134—137. См. также статью: Aegyptus, 1925, S. 311—315 (мне недоступна); *Idem*. Zur Rechtfertigung meiner Ergänzung von IG, I², 1. — Klio, 1926, 21, S. 68—74; *Idem*. Zur Frühgeschichte des griechischen Alphabets. — Kadmos, 1964, 3, S. 100—107; *Он же*. Древнейшие аттические надписи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.; JL, 1937, с. 79—82; *Он же*. Новые эпиграфические находки в Афинах. — ВДИ, 1939, № 1, с. 157—158 и другие работы.

конструкции содержания надписи¹⁴⁶. Наилучшее представление о состоянии разработки текста декрета дает последняя публикация Р. Мейггза и Д. Льюиса (№ 14). Однако, несмотря на определенный прогресс в понимании текста надписи, ряд ключевых вопросов остается неясным. Так, определено неизвестно, могли клерухи сдавать землю в аренду или нет (сткк. 3—4), архонт должен взимать штраф или речь идет о получении им арендной платы (сткк. 7—8)?

Афинский декрет о Митилене (№ 16) сохранился в довольно плачевном состоянии. Несмотря на усилия Ф. Дэвиса¹⁴⁷, В. Д. Меритта¹⁴⁸ и Э. Эркслебена¹⁴⁹, данные этого декрета о клерухии на Лесбосе и по сей день остаются проблематичными, поскольку они целиком зависят от того или иного варианта восстановления. Реконструкция Меритта особенно привлекательна, однако в силу значительной утраты текста ее данные не могут быть привлечены для исторического анализа.

Афинский декрет о лемноских клерухах (№ 17) также довольно фрагментирован. Его восстановлению была посвящена статья С. Я. Лурье¹⁵⁰; по мнению автора последнего издания этого декрета — Р. Страуда, эта реконструкция во многом не соответствует сохранившемуся тексту¹⁵¹.

Такова в целом картина разработки привлекаемых надписей. Какая-либо сводная работа, посвященная интерпретации указанных надписей, отсутствует, как нет и отдельной работы по вопросам реконструкции эллинской колонизационной практики. В интересующем нас аспекте часть этих документов получила освещение в работе

¹⁴⁰ Meritt B. D. Notes on Attic Decrees. — *Hesperia*, 1941, 10, p. 301—307; Wade-Gery H. T. The Sixth-Century Athenian Decree about Salamis. — *CQ*, 1946, 40, p. 101—104; Guarducci M. L'origine e le vicende del fisoî attico dei salaminii. — *RF*, 1948, 76, p. 232—237.

¹⁴⁷ Davis Ph. H. Two Attic Decrees of the Fifth Century. 1. The Cleruchy on Lesbos. — *AJA*, 1926, 30, p. 177—179.

¹⁴⁸ Meritt B. D. Athenian Covenant with Mytilone. — *AJPh*, 1954, 75, p. 359—368.

¹⁴⁹ Erxleben E. Die Kleruchien auf Euböa und Lesbos und die Methoden der attischen Herrschaft im 5. Jh. — *Klio*, 1975, 57, S. 92—100.

¹⁵⁰ Luria S. Die lemnische κροῦρα. — *ДАН*, 1924, с. 130—133.

¹⁵¹ Stroud R. S. Inscriptions from the North Slope of the Acropolis. — *Hesperia*, 1971, 40, p. 168—175.

А. Грэйэма «Колония и метрополия в древней Греции». В первой части этой книги, именуемой «Акт основания», исследуются следующие вопросы: «Традиционная практика» (с. 25—28), «Роль ойкиста» (с. 29—39), «Декреты об основании» (с. 40—68). В первой главе, имеющей самое прямое отношение к теме нашего исследования, автор вкратце затронул два вопроса: о роли дельфийского оракула в колонизационном движении; о клятве, которую давали друг другу колонисты и жители метрополии. Грэйэм высказался против точки зрения Ж. Дефрада о том, что Дельфийский оракул начал играть существенную роль в общегреческой жизни лишь с VI в.¹⁵², поддержав мнение В. Форреста об активной роли святилища Аполлона уже на самых первых этапах Великой греческой колонизации¹⁶³. Вопрос о клятве, даваемой колонистами, решен положительно на основе свидетельства киренской «стелы основателей». Следует заметить, что более надежные свидетельства предоставляет декрет опунтян (№ 3.11—14), поскольку соответствующие строки киренской надписи представляются неаутентичными тексту первоначального подлинного документа¹⁵⁴. Вместе с тем эта инвенция VI—V вв. отражает действительно существовавший обычай давать клятву при отправлении колонистов. В целом Грэйэм рассматривает сткк. 24—51 декрета как аутентичные тексту первоначального документа, который трактуется им в качестве «договора». На мой взгляд, однако, большая часть указанного текста является апокрифической, а сам документ лучше трактовать в качестве «клятвы», а не «договора» (см. ниже, с. 61—62). Скудость материала этой главы может быть объяснена единственно отмечавшейся уже неразработанностью вопроса об эллинской колонизационной практике в научной литературе.

В третьей главе «Роль ойкиста» привлечен почти весь доступный материал, вследствие чего автору удалось в полной мере показать роль ойкиста как основателя города. Тем не менее трудно согласиться с его мнением о том, что власть и полномочия ойкиста Демоклида (№ 5. 8—9) были ограничены различными предписаниями декрета, такими, как избрание комиссии геономов и при-

¹⁶² Defradas J. *Thèmes de la propagande delphique*. P., 1954, p. 233 f.

¹⁵³ Forrest W. G. *Colonisation and the Rise of Delphi*, p. 160 f.

¹⁵⁴ См. ниже, с. 74—75.

сутствие апойкистов. Избрание представителя от каждой филы в комиссию геономов, занимавшуюся распределением земли, было связано с тем, что по существующему обычаю земля прежде всего распределялась между филлами¹⁵⁵. Следовательно, вопросы распределения земли могли и не входить в данном случае в компетенцию ойкистов. Что же касается апойкистов, то необходимо иметь в виду, что присутствие этой коллегии в декрете обязано очень маловероятной реконструкцией текста (№ 5. 4—5; в античных источниках апойкисты засвидетельствованы лишь один раз среди глосс Гесихия). На мой взгляд, Демоклиду были предоставлены самые широкие полномочия во всех вопросах, связанных с основанием колонии и созданием государственного аппарата, к чему его и обязывало звание автократора.

В четвертой главе «Декреты об основании» Грэйм подробно рассматривает декрет опунтян; вкратце затронуты также некоторые данные иссейского и локрядского законов о земле и декрета о Брее. Автор полагает, что цель декрета опунтян не состояла в регулировке отношений между колонией и метрополией, как полагали некоторые исследователи. Он справедливо указывает, что декрет регулировал взаимоотношения между Опунтом и отправленными колонистами. В спорном вопросе об интерпретации сткк. 2—3 декрета Грэйм примыкает к точке зрения Р. Майстера, с которой, однако, можно и не соглашаться¹⁵⁶. Вызывает сомнение также предположение Грэйма о политической зависимости Навпакта от Опунта. На мой взгляд, отношения между этими городами строились на основе полного равноправия: Опунт отправлял колонистов на помощь навпактянам не как политический гегемон, а как метрополия своим колонистам¹⁶⁷. Интересна трактовка автором рассматриваемой книги статей декрета о навпактских колонистах по вопросам наследования. Вызывает сомнение лишь его предположение о том, что доля каждого из братьев в отцовском имуществе увеличивалась в случае смерти одного из них. Оно верно лишь в том случае, если у покойного не было прямого наследника (ср. № 3. 16). В целом тем не менее нужно отметить, что предложенная

¹⁵⁵ *Пурег.*, IV, 16-17.

¹⁵⁶ См. ниже, с. 102—103.

¹⁵⁷ См. ниже, с. 105—106.

Грэйэмом интерпретация представляет ряд Данных декрета опунтян в новом свете.

Помимо указанных глав первой части, к теме нашего исследования примыкает также девятая глава второй части «Афины и поздние имперские колонии» (с. 166—210). В первом разделе главы, посвященном клерухиям, Грэйэм полемизирует с Хамплом и Гшнитцером, развивавшими теорию «полиса без территории», согласно которой территория выведенной государством колонии полностью принадлежит метрополии. Грэйэм справедливо указывает, что эта гипотеза верна лишь в отношении нескольких случаев. В вопросе о «колониальной» терминологии Фукидида автор полностью примыкает к точке зрения В. Эренберга, которая предполагает включение в число клерухий ряда афинских колоний, о статусе которых идет спор. Так, колония в Гестиэе причислена Грэйэмом к числу клерухий, что противоречит свидетельствам Фукидида и афинских декретов о ней. Далее Грэйэм подробно рассматривает вопрос об афинских колониях V в. на Эгине, Лемносе, Имбросе, Скиросе и утверждает, что они также представляли собой клерухии.

Вторая часть главы посвящена другому типу колоний — апойкиям. Автор приходит к выводу о том, что некоторые метрополии, как, например, Синопа, в V в. стали устанавливать свой контроль над колониями. Наиболее яркое выражение такая политика получила в отношениях между Афинами и их колониями.

Таковы основные положения прекрасной в целом работы А. Грэйэма, имеющие прямое отношение к поставленным в нашем исследовании вопросам. Отдельные соображения других ученых, касающиеся проблем афинской колонизации (например, В. Эренберга, авторов ATL) разобраны в четвертой главе данной книги.

ЭЛЛИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава I

ОТПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИИ В КИРЕНУ

(по данным «стелы основателей») (№ 1)

§ 1. Текст и перевод надписи

Этот чрезвычайно интересный документ был найден, впервые прочтен и опубликован Сильвио Ферри. Надпись вырезана на мраморной прямоугольной стеле (ныне находится в музее Кирены). Верхняя и средняя часть лицевой стороны довольно сильно сглажена, так что текст поддается чтению с трудом; в некоторых местах имеются незначительные лакуны. Текст надписи разделен составителями на две части, озаглавленные большими по размерам буквами в сткк. 1 и 23. По палеографическим признакам памятник датируется первой половиной IV в.²

Надпись состоит из двух частей. Первая содержит предложения киренянина Дамида насчет предоставления гражданских прав группе ферян (сткк. 2—И) и постановление киренян, утверждающее эти предложения (сткк. И—22). Вторую часть (сткк. 23—51) составляет «клятва основателей», в соответствии с которой народное собрание приняло ферян в число граждан своего полиса. Необходимо отметить, что выражение $\sigma\chi\iota\upsilon\omicron\gamma\sigma\iota\epsilon\tau\omicron\&ai$ (в медиальном значении) означает как акт произнесения клятвы, так и

¹ *Ferri S. Alcune iscrizioni di Cirene*, p. 19—24.

² Ср. соображения исторического плана в работах: *Ferrabino A. La stele dei patti*, p. 253—254; *Жебелев С. А. Северное Причерноморье*, с. 41, примеч. 1.

скрепленные клятвой обязательства³. Термин ὄρκιον исследуемой надписи некоторые ученые переводят как «договор»⁴, что возможно, однако его более точное значение здесь — «клятва». Дело в том, что в надписи различаются ὄρκος ферян и ὄρκιον основателей Кирены (сткк. 14, 18); когда имеется в виду и то и другое, употребляется множественное число ὄρκια (сткк. 9, 40, 47, 49). Колонисты и феряне давали друг другу клятву, возможно, не идентичного содержания; ср., с одной стороны: «пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (подразумевается — феряне) некогда клялись», где значение «договор» невозможно (сткк. I S - IS), и, с другой: «Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в Ливийскую Кирену», где выражение ὄρκιον .. ἑασι-ῖααvГо определенно означает не «договор», а «клятву», поскольку указывается действие лишь одной из сторон. В связи с этим заголовок второй части надписи перевожу как «Клятва основателей» (сткк. 23), под чем, естественно, подразумеваются также «клятвенные обязательства».

Нижеследующий текст надписи воспроизводится по сборнику Р. Мейггза и Д. Льюиса (ML, № 5, за исключением сткк. 29—30), которые основывались на чтениях Г. Оливеро и П. Фрэзера⁶.

ввод.

xб^а аya&á.

Δαρ-ig Βα&oxXstig ὕji-Ks- ρεπι <lv Xeyovxi xoi Or]pato[i]
 KXeoBdjiaq EédoxXeoδg, βλαv? á it6Xii; op&ffixai xai 6 8[a]-
 jlog eóxo^Tji 6 Kopavai'cov, ánoS6|Asv xotg 0Tjpaioig x-
^B áA noXix^Tjiav xaxá tá redxpia, tá ol rcpóyovoi éjroiTpa-
 xo, oi te Κορῦvaj xa[xdj]cxtfav ©rjpa&e xai ol sv ©Vjpat [JAS]-
 vovxsg, xa&ibg 'ΑΤΟΧΧΟΟV Ιβυ>xe Βάxxcoi xai xotg 07]p[ai]-
 oig xotg xaXoixifaat Κορῦav eúx^'sv sfAjiéovxa? xo[tg]
 ὄρκιοig, xa ol itpóyovoi sTtoiQ'avxo aóxoi etox' aih&δ, óxa
¹⁰ xav amnxia'v aixsixeXXov xaxá xav ETUXC.JLV xffii 'An6[X]-
 Xoxog xffii 'Ap^ayéxa' aya&ái xúaot, SsSó^&ai xffii Sáfjioifi],
 xaxajaetvai 0i]patoig toapi rcoXixirj'av xai éy Kopavai x[a]-

³ См.: LSJ, s. v. ὄρκιον, II, 1; *Доватур А. И.* Присяга афинских архонтов. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. JL., 1968, с. 118.

⁴ Например: *Graham A. J.* The Authenticity of the OPKION, p. 103-104.

⁶ *Oliverio G.* Iscrizioni di Cirene, p. 224—225; *Frazer P. M.* Berythus, p. 120 f.

xa ocota noieto&ai 8s rcavxag 07]pai'oog xod s~i3r,j.s[ov]-
 xag e-f Kopavai xov aoxov opxov opixer xoi aXXot rcox-
 15 s Bitopxcoav' xai xaxaxaxjev ed qpxav xai rcaxpan Ig &e
 evvf'a ixaiprjag. xaxaypdcpev 8s xo8s xo fapcpiz'a ev axaXfav]
 XuySi'av, OSJASV xav, axaXav ed, xo tapov TpaXpfifov xai,
 'AroXXcovog xffiv ITo&iu), xaxaypatpsv xai xo opxiov ed xav axaXfav],,
 xo ol, oixiaxrpjeg eTaitpo^xo xaxa-rXecoaavxeg AifJoavSe [au]-,
 20 p, BaxTou @Tjpaftsy Kopavavos. xo xa avaxo)[xa xo 8b]i eg x[ov X]-
 aov, ^ eg xa-f xaxaypacpan ol eTciotaTted erci xod aJoXoyod [*0]-
 [xtoao&wv atco xffiv 'AftoXXtovog npoaoScov. vacat
 "Opxiov - xffiv, oixioxTjpaiv. ,
 [s]8o!;e, xai eXXXtpT'ar sresi 'atcoXXcov auxop.axi?sv B[ax]-
 25 xan xai 07]pai'oig d'oi'fxi^ai] Kopavav, opiaxov •SoxsT^07)[pai]-
 [o]ig aromsfiTtev ed xav [Aif3]cav BaxxoJA jxev, ap/ayexa[v]
 [x]e xai paaiX^a, xaxipoug 8s xooq 07]pai'oog TCXSV km xai, ioa[i x]-
 at xai ofjioTai tXcy xaxa xov olxov, oiov 8s Iva xaxaX[s]-
 yea&ai xod os eX[eo\$epod oioq] xai xooq Tj^ffivxag, xai xffiv, [/'o^]-
 80 fp)a)v 07]pat'iv eXeo&epod [av8pag] uXsv. ai [xsv 8s xa xaxs^a>v]-
 xi xav otxiaiv of aitoixoi, xffiv oixctov xoy xaxanXsovfxa]
 8axspov elg Ai^yav xai iroXix-rjag xai TpaXp TSQSjfsv]
 xai -fag xag aSsaIoxu) drcOXay^dysv. al 8s xa jFY) xat[éx]-
 uivxi xav olxtai'av [XT]8s ol e'pato' [j,iv Sovffivxai Iπixou[pe]-
 85 v, aXXa avayxai d'effivxi [XT]EM TOBVXS. SX xao yag anlfitev]
 aStliog 0T]pav8e , , xa auxffiy ^puxaxa xai -FIJASFL itoXtax-
 ag. o 8s xa fil] Xtj nXsv aicooxeXXoioag xag TcoXioy &avd[oi]-
 fj,og xsvxai xai xa ^p7)[iaxa sbxu) aoxou eajj.0aia. o 8s at-
 40 oSexofiEvog yj d8-fjCu>v yj rcax-φ olon fj aSsXtpeog a8sX-
 ipeov TtaiaeT xai aJep o f-fj Xcov TCXSV. sm xouxotg opxia en-
 oi^aavxo oi xs aqxsT jxevovxsg xai oi itXsovxeg olxi^ovxs-
 g xai apag e-toi'iaavxo xod xaQxa Ttap^sffivxag xai j,7] sp-
 (isvovxag , xffiv eX AtPuat oixsovXwv w xffiv aoxeT jxsv-
 45 ovxiov. xTjpfvog irXaaaavxsg xoXooq xaxsxaiov eJa-
 peu)jjevoi Ttdvxsg oovev9ovxeg xai avSpsg xai y^>°ux-
 sg xai TtatSsg xai iraiSiaxar xop p-Y] efl,j,ibvovxa xouxoig
 xotg opxEoig, aXXa irap^effivxa xaxaXeφea&aE vtv xai xa-
 xapsv ualop xod xoXoaog, xai aoxov xai yovov xai jipTj-
 j,iaxa, xoTg 8s s(i)J.svoiaiv xooxotg xotg opxEoig xai xotg
 50 •EXSOIOI sX Ai^oav x[ai] x[otg p.s]voiat sv Oicpai ^p-sv TCOXX-
 a xai aja&a xai ao[xotg xai JoJvoij]-

Перевод:

«Бог! Счастливая судьба!

Дамид, сын Батуклея, предложил: в отношении того, что говорят феряне (пусть будет так, как предложил)⁶ Клевдамас, сын Евтуклея. Чтобы город (наш) возвысился и народ Кирены благоденствовал, предоставить ферянам гражданские права согласно отеческим установлениям, которые выработали (наши) предки, как заселившие Кирену с Феры, так и остававшиеся на Фере, поскольку Аполлон определил Батту и ферянам, заселившим Кирену, благоденствие (на все то время, пока) они сохраняют верность клятвам, которые предки дали друг другу в то время, когда они выслали колонию согласно повелению Аполлона Архагета. Счастливой судьбы! Народ постановил, чтобы феряне и в Кирене остались на таких же самых гражданских правах⁷. Пусть все феряне, поселяющиеся в Кирене, принесут клятву, которой и остальные (феряне) некогда клялись. Распределить их по филам и кланам, а также среди девяти гетерий. Записать это постановление на беломраморной стеле (и) поставить ее в отечественном святилище Аполлона Пифийского. Написать на стеле и клятву, которую дали основатели, приплывшие в ливийскую Кирену вместе с Ваттом с Феры. Деньги, необходимые на (приобретение) камня или составление надписи, пусть финансовые магистраты возьмут из средств (храма) Аполлона.

К л я т в а о с н о в а т е л е й .

Народное собрание постановило. Поскольку Аполлон изрек предсказание Батту и ферянам заселить Кирену, феряне вынесли определение — Батту отправляться в Ливию в качестве архагета и царя, а ферянам — отплывать в качестве (его) спутников. На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причем в число (колонистов) брать по одному сыну; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из ферских округов. Если колонисты прочно обоснуются на новом месте жительства, то пусть сродственники, приплы-

⁶ В сткк. 2 здесь опущено *m&algr* (ср. № 5. 32—35).

⁷ *Chatoux F.* *Sugène sous la monarchie des Battiados.* P., 1953, p. 105. В сткк. 12—13 дается чтение *x[a]tá tá aítá*. Смысл этой фразы заключается в том, что феряне получают *ц ffnpene* такие же гражданские права, какие они имели на Фере,

вающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли. Если же (колонисты) не утвердятся на новом месте и феряне не смогут им помочь, то пусть в силу необходимости они переносят тяготы в течение пяти лет, (после чего могут) вернуться из той страны без страха на Фере к своему достоянию и быть полноправными гражданами. Ежели кто-нибудь, предназначенный городом к отправлению, не захочет отплыть, то пусть он будет предан смерти, а имущество его конфисковано в пользу государства. Укрывающий или не выдающий, будь то отец сына или брат брата, понесет то же наказание, что и не желающий отплыть. На таких условиях остающиеся на Фере и отплывающие колонисты принесли клятвы и призвали погибель на нарушающих оные и не сохраняющих им верность как из тех, кто переселяется в Ливию, так и из числа остающихся на Фере. Сделав восковые изображения, сожгли их, призывая проклятия, все сошедшиеся — и мужчины, и женщины, и дети, и отроковицы⁸. Пусть, словно эти изображения, расплывется и пропадет тот, кто не сохраняет верность этим клятвам, но преступает (их) — и он сам, и потомки, и достояние; сохраняющим же верность этим клятвам — как отплывающим в Ливию, так и остающимся на Фере — пребывать в благе и довольстве им самим и их потомкам».

Первый издатель Ферри, пользовавшийся консультациями Белоха, Виламовица и других исследователей, опубликовал текст с большими лакунами⁹. После него тщательное обследование подлинника провел Оливеро, который видел следы многих букв, впоследствии почти или совсем исчезнувшие. Он заполнил все лакуны текста, и его чтение¹⁰ легло в основу последующих изданий надписи¹¹. Фрэзер, в последнее время обследовавший оригинал, пересмотрел чтение Оливеро в некоторых

⁸ Присутствие ферян всех возрастов при совершении клятв олицетворяет обязательность последних для всех поколений. Волхование при помощи восковых фигурок, восходящее к первобытной магии, дожило вплоть до средневековья. Ср.: Александрия. М.; Л., 1965, с. 8.

⁹ Ferrt S. Op. cit., p. 20—22.

¹⁰ Oliverio G. Op. cit., p. 224—225.

¹¹ SEG, IX, 1, N 3; Chamoux T. Op. cit., p. 105—106; Graham A. J. The Authenticity . . ., p. 94—95 etc.

Восстановление $\chi\omicron\upsilon\nu$ [y a p]y e^patcov sXe'jftspo; [avSpag] iXsv основано на тексте Геродота: феряне постановили послать в колонию по одному из братьев от города и мужей из семи округов острова: $\chi\alpha\iota$ a'po' xlviv ^apiov e'pko. sov'xmv <ϋδρας (IV, 158, полный текст см. ниже)¹⁶.

§ 2. Характер документа

«Клятва основателей» в текстуальном отношении является чрезвычайно сложным и многослойным памятником¹⁷. Ввиду этого прежде всего необходимо выяснить характер, т. е. происхождение, формирование и историческую достоверность, этого документа.

Как явствует из декрета (сткк. 18—20, ср. 5—7), клятва была дана основателями Кирены, которым их сограждане, оставшиеся на Фере, также принесли клятву со своей стороны. Таким образом, составители надписи претендовали на то, что записанная ими на стеле клятва восходит ко времени отправления колонии с Феры¹⁸. Однако язык «клятвы основателей» целиком не может соответствовать памятнику VII в., поскольку в ней содержатся отдельные элементы, определенно свойственные лишь документам IV—III вв.: $\text{I}\delta\omicron\text{f}\epsilon$ $\chi\alpha\iota$ $\epsilon\chi\chi\text{X}\tau\rho\tau\prime\text{c}\iota$ (стк. 24)¹⁹, $\delta\rho\iota\alpha\chi\omicron\nu$ $\text{S}\omicron\chi\text{s}\iota$ $\text{b}\iota\text{j}\rho\alpha\iota\omicron\iota\text{s}$ (сткк. 25—26)²⁰ и, вероятно, $\text{O}\alpha\nu\alpha\tau\iota\text{j}\text{j}\text{.o}\text{g}$ ²¹. Таким образом, основная задача текстуальной критики надписи заключается в выявлении характера того источника, который киреняне IV в. использовали для записи на стеле «клятвы основателей».

в данном месте следует читать $\text{u}\acute{\epsilon}$ $\text{B}\kappa$ $\acute{\epsilon}\text{;}$ [ilón-a; ofdsj %-zl. Словом, чтение стк. 29 неясно и вплоть до осмотра подлинника предложенное восстановление этой строки остается гипотетическим.

¹⁸ Оливерно восстанавливал лакуну в стк. 29 (а не 30, как У меня) в соответствии с этим указанием Геродота о наборе колонистов из числа жителей ферских округов (Op. cit., p. 224—225).

¹⁷ Предметом дальнейшего исследования является вторая часть надписи, т. е. «клятва основателей».

¹⁸ Это событие имело место около 631 г. (Chamoux F. Op. cit., p. 121).

¹⁹ Экклесия засвидетельствована на Фере в IV в. (IG, XII, 3, № 1289.10). Вводные формулы как первой, так и второй частей стелы синхронны и характерны для документов IV—III вв. (например: IG, IV, N 917; Michel Ch. Recueil descriptions grecques. Bruxelles, 1900, N 21, 441, 442; Idem. Supplementum. Bruxelles, 1912, N 1453, 1457 и др.).

²⁰ Graham A. J. The Authenticity. . ., p. 107—108.

²¹ Встречается еще один раз в*«Диаграмме Птолея» из Кирены (последняя четверть IV в.). См.: SEG, IX, 1, N 1. 53.

На мой взгляд, фиксируя этот источник, они частично переиначили его текст применительно к языку своего времени, сохранив, однако, не только смысл, но и лексику и фразеологию прототипа ²².

Существуют две основные точки зрения на характер «клятвы основателей». В течение многих лет господствовало мнение об апокрифическом характере этой надписи, т. е. сфабрикованной в качестве основания для предоставления ферянам прав киренского гражданства ²³. По мнению Виламовица, этот документ по своему характеру примыкает к придуманным магнетами надписям об основании Магнезии и об отправлении ими совместно с критянами колонии в Малую Азию ²⁴, составленным в III в., но претендовавшим на аутентичность времени основания полиса магнетов. В последнее время это мнение поддержал Душанич. В 1960 г. такая точка зрения была подвергнута сомнению: Грэйм и мисс Джеффери одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу о том, что «клятва основателей» в отдельных своих частях аутентична действительно существовавшему документу времени отправления колонии в Кирену ²⁵. Оба исследователя высказали мысль о том, что клятва — подлинный документ, переоформленный в редакции IV в.

Мысль об аутентичности памятника поддержали также Мейггз и Льюис. По их мнению, клятва является отражением ферской традиции об основании Кирены, причем внутри этой традиции подлинный архаический документ подвергся долгой и сложной модуляции ²⁶.

Решение вопроса о характере «клятвы основателей», на мой взгляд, может быть достигнуто прежде всего путем сопоставления ее текста с рассказом Геродота об основании Кирены. Геродот излагает две версии — ферскую (IV, 150—153) и киренскую (IV, 154—156), причем последняя отличается лишь следующими моментами: 1. Батт не просто происходит из знатного рода, как утверждает

²² "Случаи" переписывания надписей с более древних стел известны в греческой эпиграфике, например: Syll.³, N 1020; ML, N 86.

²³ *Graham A. J. The Authenticity. . .*, p. 95.

²⁴ *Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeandros. B., 1900, N 17, 20; Abh. Ak. Berlin, 1925, S. 38—40* (примечание Виламовица к статье Ферри).

²⁵ *Jeffery L. H. The Pact of the First Settlers*, p. 141 f.; *Graham A. J. The Authenticity. . .*, p. 95 f.

²⁶ Мейггз констатировал эту мысль еще в 1952 г. в примечаниях к кн.: *Bury J. B. History of Greece. L., 1952, p. 861—862.*

ферская версия, а через свою мать восходит к царскому роду (эта генеалогия, разумеется, продиктована патриотической амбицией). 2. Пифия повелевает самому Ватту, а не Гринну, отправиться в колонию в Ливию (что отражно и в надписи, сткк. 24—25). Сохранен опущенный ферянами нелестный для них рассказ о том, как они прогнали своих сограждан, пытавшихся вернуться на родину после безуспешных попыток основать колонию (аналогичный случай произошел и с эритрейцами, основателями Мефоны)²⁷.

Далее, в гл. 157—158, следует рассказ, совпадающий в обеих версиях.

Если сопоставить изложение Геродота с текстом клятвы, то обнаруживается интересное сходство, сопровождающееся лексико-фразеологическими совпадениями и соответствиями²⁸. Геродот: $\beta\text{-}\tau\text{j}\rho\alpha\lambda\omicron\tau\alpha\iota\ \delta\epsilon\ \iota\alpha\text{Se}\ \delta\text{Se}\chi\text{i}\rho\epsilon\omicron\nu\ \tau\epsilon\ \alpha\text{Tr}\alpha\text{Se}\chi\text{p}\epsilon\iota\omicron\nu$ ²⁹ $\tau\epsilon\varsigma\mu\epsilon\varsigma\text{i}\nu$ **тсАХó** $\chi\alpha\text{^}\omicron\nu\chi\alpha\ \chi\alpha\iota\ \text{'}\ \alpha\text{i}\omicron\ \text{'}\ \chi\text{f}\text{i}\nu\ \text{'}\ \alpha\text{p}\alpha\text{i}\nu\ \text{κτó.}\ \sigma\omicron\nu\nu\omicron\nu\ \alpha\nu\text{Sp}\alpha\text{c,}\ \epsilon\text{Ev}\alpha\text{t}\ \delta\text{s}\ \alpha\text{p}\sigma\text{i}\nu\ \chi\alpha\iota\ \tau\text{j}\rho\epsilon\beta\nu\alpha\ \chi\alpha\iota\ \text{[}\ \beta\alpha\alpha\text{i}\chi\text{sa}\ \text{B}\alpha\text{T}\chi\omicron\nu\ \text{(IV, 153)}\text{]}^{\text{30}}$. — Клятва: $\omicron\text{p}\text{i}\alpha\chi\omicron\nu\ \text{Sox}\epsilon\text{i}\ \epsilon\text{'}\rho\alpha\text{t}'\omicron\text{i}\epsilon\ \alpha\text{p}\omicron\kappa\chi\text{p}\epsilon\upsilon\ \text{SQ}\ \chi\alpha\nu\ \text{A}\text{i}\rho\text{u}\alpha\nu\ \text{B}\alpha\chi\chi\omicron\text{j.}\ \text{[}\ \chi\text{sv}\ \text{ap}^{\wedge}\text{-fexav}\ \text{xe}\ \chi\alpha\iota\ \rho\alpha\alpha\text{i}\chi\text{f}^{\wedge}\ \dots\ \text{rcXsv}\ \text{xa}\text{xa}\ \text{xov}\ \omicron\text{i}\chi\omicron\nu\ \omicron\text{i}\omicron\nu\ \delta\text{s}\ \text{sva}\ \text{xa}\text{xa}\chi\text{i}\text{ye}\alpha\&\text{at.}\ \dots\ \chi\alpha\iota\ \chi\text{f}\text{i}\nu\ \dots\ \text{O}\text{]}\rho\alpha\text{E}\text{i}\omicron\nu\ \epsilon\text{Xsu}\&\text{spoc.}\ \dots\ \text{i}\text{i}\chi\epsilon\nu\ \text{(сткк. 25—33)}$.

Как видно, помимо аналогичного содержания, в обоих пассажах имеются общие лексические и фразеологические соответствия:

1. Свойственный эпиграфическим документам прескрипт: $\text{O}\text{]}\rho\alpha\text{i}'\omicron\text{i}\alpha\text{i}\ \delta\text{s}\ \text{I}\alpha\delta\text{s.}\ \dots\ \text{T}\text{sp,T}\text{t}\text{t}\nu\ \text{—}\ \omicron\text{p}\text{i}\alpha\chi\omicron\nu\ \text{Soxst}\ \text{O}\text{]}\rho\alpha\text{i}\omicron\text{i}\omicron\text{g}\ \text{d}\chi\text{u}\text{oT}\text{u}\text{S}\text{J}\text{i}\text{t}\epsilon\nu$.

2. Батт назначается предводителем и царем переселенцев: $\text{T}\text{j}\text{ye}\text{f}\text{j}\text{i}\omicron\nu\alpha\ \chi\alpha\iota\ \text{[}\ \beta\alpha\alpha\text{i}\chi\text{sa}\ \text{B}\alpha\chi\chi\omicron\nu\ \text{—}\ \text{B}\alpha\chi\chi\omicron\text{j}\ \rho\text{i}\nu\ \text{d}\rho^{\wedge}\text{a}\text{y}\text{s}\chi\alpha\nu\ \text{xe}\ \chi\alpha\iota\ \text{(}\ \beta\alpha\alpha\text{i}\chi\text{]}\text{ja}$.

3. Согласно рукописному тексту Геродота, в число колонистов должен уходить каждый из двух братьев, согласно же клятве — от каждой семьи в колонисты должен быть записан один сын. Конъектура Леграна хорошо со-

²⁷ *Plut.* Мог., 293Б.

²⁸ Хотя надпись содержит близкие параллели к рассказу Геродота, она очевидным образом не обнаруживает никаких признаков зависимости от него. См.: ML, p. 8; *Graham A. J. The Authenticity. . .* p. 101—102.

²⁹ $\alpha\text{S}\text{s}^{\wedge}\text{y}\epsilon\text{i}\omicron\nu$ — конъектура Леграна (вместо рукописного $\alpha\text{S}\text{s}^{\wedge}\text{y}\epsilon\text{i}\omicron\nu$).

³⁰ «Феряне постановили отправить (в качестве колонистов) по одному из братьев, на которого падет жребий, а также мужей из всех семи округов, причем предводителем и царем быть у них Батту».

гласует текст Геродота с эпиграфическим документом (между прочим, с выражением $\delta\sigma\chi\rho\sigma\nu\ \chi\sigma\ \alpha\tau\epsilon'\ \alpha\sigma\sigma\chi\rho\sigma\sigma\tau\iota\nu$ у Геродота ср. $\delta\delta\epsilon\chi\rho\sigma$; $\delta\sigma\epsilon\chi\rho\sigma\nu$ клятвы, сткк. 39—40).

4. Помимо рекрутируемой молодежи, из полиса в колонисты могут пойти также добровольцы из остальных ферян.

Приведенные параллели очевидным образом свидетельствуют о том, что оба пассажа могли быть заимствованы Геродотом и составителями киренской надписи из общего источника. Как известно, Геродот многократно пользовался эпиграфическими документами, иногда приводя в несколько модифицированном виде выдержки из них³¹. К числу последних принадлежит также вышеприведенный пассаж, начинающийся с известного архаике прескрипта выройтса $\delta\gamma\ \lambda\alpha\sigma\varsigma$ (ср. закон второй половины VII в. из Дрероса: $\alpha\sigma'\ \epsilon\phi\alpha\&s\ \tau\omicron\chi\iota$)³². Следовательно, пассажи из Геродота и «клятвы основателей» могут восходить к подлинному документу, составленному ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию. К этому же документу следует отнести и сткк. 37—40, в которых говорится о наказании лиц, нарушающих содержащиеся в сткк. 25—30 предписания.

К числу параллельных мест в рассказе Геродота и «клятве основателей» относятся также следующие пассажи. Геродот: $\hat{\alpha}\rho\sigma\sigma\tau\iota\nu\ \sigma\upsilon\ \chi\eta\tau\iota\ \tau\rho\iota\nu\nu\omicron$. . . $\tau\epsilon\pi\epsilon\ \alpha\chi\chi\omicron\nu\ \dot{\iota}\hat{\alpha}\rho\alpha\ \tau\epsilon$ $\rho\omicron\tau\kappa\tau\eta\ \chi\eta\lambda\epsilon\tau\nu\ \iota\nu\ \lambda\epsilon\phi\omicron\tau\eta\ \rho\epsilon\omicron\chi\tau\nu$ (IV, 150, 3); «клятва»: $\text{'}\text{Ατο}\zeta\text{Χ-}$ $\chi\omicron\nu\ \alpha\omicron\chi\omicron\tau\eta\ \acute{\alpha}\chi\iota\zeta\epsilon\nu\ \beta\acute{\alpha}\tau\chi\iota\ \chi\alpha\iota\ \beta\iota\sigma\tau\alpha\iota\omicron\iota\<$; $\acute{\alpha}\iota\omicron\iota\chi\iota\text{'}\text{Sai}\ \text{Κορ}\acute{\alpha}\nu\alpha\nu$ (сткк. 24—25). Структура и содержание этих фраз очевидным образом восходят к общему источнику. Краткое и емкое $\text{'}\text{Ατο}\chi\chi\omicron\nu\ \alpha\tau\chi\omicron\tau\eta\ \acute{\alpha}\chi\text{'}\text{-isv}$ первоисточника, выражающее внезапность прорицания до вопроса или вне связи с ним, Геродот передает пространным $\hat{\alpha}\rho\epsilon\omicron\tau\omicron\iota\nu\nu\omega\ \delta\sigma\acute{\alpha}$. . . $\tau\epsilon\pi\epsilon\ \alpha\chi\chi\omicron\nu\ \dot{\iota}\hat{\alpha}\rho\alpha\ \tau\eta$ $\rho\omicron\tau\kappa\tau\eta$, имеющим тот же смысл внезапности, несвязанности

³¹ См.: *Graham, A. J. The Authenticity. . .*, p. 110 (с указанием соответствующей литературы).

³² ML, № 2. 1—2. Конструкция $\epsilon\phi\alpha\epsilon$ с зависящим от него *dat. personae* свойственна эпиграфическим памятникам самого различного времени. Параллель с законом из Дрероса указывает, таким образом, лишь на возможность наличия этой формулы в архаическом декрете ферян. У Геродота эта конструкция встречается еще четыре раза (I, 151, 3; IV, 145, 5; 201, 2; VI, 106, 3). На мой взгляд, в указанных пассажах следует видеть следы зависимости текста Геродота от использованных им декретов (за исключением, видимо, IV, 145, 5, о чем см. ниже, с. 72—73); ср.: *Graham A. J. The Authenticity. . .*, p. 110.

с вопросом³³. Остальные соответствия: 1. $\chi\eta\iota\sigma\iota\nu\ \iota\nu\ \text{Αφ}\beta\delta\tau\theta\omicron\chi\iota\nu$ — $\sigma\sigma\tau\iota\theta\tau\iota\lambda\alpha\tau$ Κορῶναν. 2. $\chi\alpha\iota$ в $\nu\alpha\sigma\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\upsilon\sigma$ клятвы соответствует $\alpha\chi\chi\omicron\iota\ \chi\theta\iota\nu\ \rho\omicron\chi\iota\tau\epsilon\omicron\upsilon\upsilon$ предыдущей фразы Геродота. Можно восстановить примерную структуру предложения первоисточника: Аполлон (Пифия) — внезапно прорицает — Гринну — и свите — заселить Ливию. Аналогична структура фразы и из киренской версии: δ $\varsigma\delta$ Ποῖ{Ηρ} ἀπὶ (ферянам) $\epsilon^{\nu}\tau\gamma\alpha\epsilon$ αουχχτσοοοι Βαχχῷ ΚορτjVτjν χτ? Λφoτj? (IV, 156, 2).

Отмеченные соответствия между рассказом Геродота об основании Кирены и «клятвой основателей», как мне представляется, определенно указывают на то, что в основе обоих памятников лежал один общий источник нарративного характера, в который был включен (в какой-то степени, вероятно, уже модифицированный) архаический декрет ферян об отправлении колонии в Ливию³⁴. На нарративный характер этого источника прямо указывает наличие в клятве не свойственной эпиграфическому документу повествовательной части (сткк. 40—46), отличающейся по стилю от остального текста (который зависит от прескрипта $\text{I}\sigma\omicron\varsigma\ \chi\alpha\tau\ \text{I}\chi\chi\text{-}\tau\acute{\eta}\alpha\tau$). Очевидно, что этот фрагмент является вставкой, заимствованной из нарративного источника, которым могло быть ферское предание об основании Кирены — ктисис³⁵. Поскольку этим источником пользовался Геродот, можно заключить, что он был составлен не позже середины V в. С другой стороны, упоминание в клятве Кирены (сткк. 25) может указывать на то, что этот первоисточник был составлен после основания Кирены, когда данное название стало известным греческому миру. Однако в рассказе Геродота об основании Кирены повсеместно употребляется название Ливия, т. е. Кирена могла и не упоминаться в первоисточнике. Тем не менее содержащееся в нарративной вставке выражение $\chi\theta\iota\nu\ \text{I}\chi\ \text{Α}\iota\tau\acute{\alpha}\omicron\alpha\iota\ \omicron\chi\epsilon\omicron\nu\chi\omicron\upsilon\upsilon$ определенно свидетельствует о том, что этот повествовательный источник был составлен после основания Кирены; феряне VII в. не могли употребить

³³ Этот же оттенок присутствует и в киренской версии (оракул Батту, IV, 155, 3). Поскольку надпись составлялась в Кирене, естественно, что Гринн первоисточника в соответствии с местной версией заменен Ваттом.

³⁴ *Hdt.*, IV, 153; Клятва, сткк. 25-30, 37—40.

³⁵ Геродот излагает ряд аналогичных местных преданий об основании, в том числе самой Феры (IV, 147—149). По мнению Шаму, впрочем, высказанному им вскользь, общим источником для Геродота и составителей «клятвы основателей» послужила ферская хроника (*Chamoux F. Op. cit.*, p. 111).

это выражение, поскольку еще не было ясно, утвердятся ли колонисты в Ливии. Кроме того, упоминание как в рассказе Геродота, так и в клятве имени царя Батта явственно указывает на то, что первоисточник был составлен после основания Кирены, т. е. в VI или первой половине V в.³⁸ Сам Геродот знал, что настоящее имя царя было другим (IV, 155, 1—2), в то время как в обеих переданных им версиях (resp. первоисточнике) царь и вождь колонистов именуется Ваттом³⁷. Следовательно, сткк. 24—25 (ercei ... **Κορᾶν**) клятвы отражают нарративный источник³⁸, из которого, на мой взгляд, был заимствован также текст сткк. 30—37 (ai...rcoXiatā;). На это может указывать содержащийся в этих строках фразеологический оборот, характерный для источников V—IV вв.: xai rcoXitcas xai xi-**lla:j**. rceBe^ev xai fa? xag a3eatoкш arcoXay^avev (сткк. 32—33). Ср. аналогичный оборот у Геродота (IV, 145, 4): минии хотят поселиться у лакедемонян, [xoipav xe xixeu^v fxexspvxe; (=эолийско-дорийскому TεSe^ovxeg) xai xῆς -p.? arcoXapvxe].

Вопрос об аутентичности этого оборота (и, следовательно, сткк. 30—37 в целом) ферскому декрету VII в. чрезвычайно сложен. В пользу его положительного решения как будто свидетельствует тот факт, что указанный пассаж из труда Геродота (IV, 145, 4—5) может быть определен в качестве реликта древнего устного договора — ретры — минийцев и спартанцев, восходящего к началу I тыс. до н. э. Если это так, то указанный оборот мог быть присущ памятникам архаической эпохи. Кроме того, предусматриваемая в сткк. 33—37 возможность

72

³⁶ Первоначальное имя царя было Аристотель, которого уже в Кирене прозвали Баттом, что по-ливийски означало «царь» (*Hdt.* IV, 155, 2). Сведения античных авторов об этом собраны Шаму (Op. cit., p. 97). В одной из киренских надписей позднего времени упоминается «высланный с Феры Батт Аристотель» (*Oliverio G.* Op. cit., p. 231). По мнению 10. Покорного, термин *battos* — это средиземноморский субстратный реликт, родственный груз. *baton* — «господин», а также балканскому названию пастухов — *batš*. Производными от этой основы антропонимами могут быть также имя паннонского царя *Bato* и троянское женское имя *Battekx* (*Покорный J.* — In: *Mitteilungen der antrop. Gesellschaft in Wien. Sitzungsberichte*, 1917, 47, S. 43).

³⁷ Таким образом, упоминание имени Батт в подлинном документе времени отправления колонии^ (*Hdt.* IV, 153; клятва, сткк. 26) является позднейшей вставкой.

³⁸ О неаутентичности этих строк подлинному документу VII в. см также: *Parke II. A Note on apo^atcш in Connection with Prophecy.* — *JHS*, 1962, 82, p. 146.

возвращения колонистов на родину имеет аналогию в соответствующих предписаниях позднеархаического декрета опунтян об эпойках в Навпакте (№ 3. 6—10). Однако приведенные аргументы довольно спорны. Во-первых, определение двух небольших фраз указанного пассажа как реликтовых остатков предполагаемой древней ретры само по себе проблематично. Ни фон Скала, ни Бенгтсон, ни Грэйэм не включили этот пассаж в число договоров, содержащихся в тексте Геродота³⁹. Во-вторых, передавая отрывок из этой ретры, а точнее — из ферской ктисиссаги (гл. 147—149), Геродот мог пользоваться фразеологией своего времени. И в-третьих, отдельные элементы данного фразеологического оборота вряд ли восходят к памятникам архаической поры⁴⁰.

Приведенные данные, как мне представляется, обнаруживают неаутентичность сткк. 30—37 подлинному документу VII в., откуда следует, что клятвенное обязательство предоставлять полные гражданские права «прибывающим впоследствии сродственникам» было сфабриковано ферянами VI—V вв. в связи с возрастанием их интереса к своей богатой падчерице — Кирене⁴¹. Массовое предоставление полных гражданских прав жителям метрополии несвойственно эллинской колонизационной

³⁵ *Von Scala R. Die Staatsverträge des Altertums. Leipzig, 1898; Die Verträge der griechisch-römischen Welt/Hrsg. von H. Bengtson. München, 1962; Graham A. J. The Authenticity. ., p. 110.*

⁴⁰ См.: LSJ, s. vv. *σποχαι-^dvco, 'abiatozoι*. Эти слова, отсутствующие в гомеровских поэмах и архаической лирике, зафиксированы лишь в источниках V и последующего веков. Ср., впрочем: LSJ, Supplementum, 1968, s. v. *abtoKozos*. Любопытно сопоставление статей о возвращении колонистов, содержащихся как в «клятве основателей», так и в декрете опунтян о навпактских эпойках, гласящем следующее: «Если гипокнемидские докры будут силой (Бия' авачха?) изгнаны из Навпакта, то им дозволяется вернуться обратно на прежнее место жительства без (внесения) пошлин» (№ 3. 6—10). В «клятве основателей» присутствует та же *avd-fxa*, что и в декрете локров, однако роль ее прямо противоположна: локридских эпойков она может вернуть домой, ферских же колонистов она заставляет в течение пяти лет пребывать вдали от родины. Возможно, однако, и иное понимание этой фразы. См.: *Graham A. J. Colony. ., p. 53, 225.*

⁴¹ Этот вывод может быть подтвержден отсутствием каких-либо связей между Ферой и Киреной в течение долгого времени после отправления колонистов. С другой стороны, ср. вымышленный декрет критской койнонии об отправлении колонистов в Магнезию, составленный маггетами ок. 200 г. н. э. в силу их заинтересованности в связях с критскими городами (*Kem O. Die Inschril'ten von Magnesia am Maeander, N 20*).

практике, согласно которой лица, прибывшие после основания города, получали неполные гражданские права и меньшие земельные наделы⁴². Учитывая это обстоятельство, на мой взгляд, в VI в. или первой половине V в. феряне и ввели в «клятву основателей» пункт, предусматривающий получение ими в случае переселения в Кирену одинаковых с колонистами и их потомками гражданских прав: «. . . пусть сродственники, приплывающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребию — (наделы) из незанятой земли» (сткк. 31—33). С другой стороны, поскольку в киренском предании прочно сохранился нелицеприятный для ферян эпизод о том, как их предки прогнали попытавшихся было вернуться домой на Фेरю утомленных странствиями колонистов, не сумевших основать город⁴³, в целях реабилитации перед киренянами в текст клятвы был введен пункт о возможном возвращении колонистов на родину по прошествии пяти лет (сткк. 33—37; ср. 4—11 и примеч. 7).

Сомнительны в отношении аутентичности документу VII в. также сткк. 46—51, поскольку они продолжают по смыслу предыдущую нарративную вставку (сткк. 40—46). Так как термин *ορχοι* содержится именно в этой вставке и ее продолжении (сткк. 40, 47, 49), наличие его в тексте подлинного документа VII в. в свете вышеизложенного представляется довольно проблематичным. Принесение клятвы колонистами и их соотечественниками засвидетельствовано локридским декретом об эпойках, отправленных в Навпакт (№ 3, первая четверть VB.). Однако в отличие от киренской надписи эта клятва содержала лишь один пункт, а именно обязательство колони-

⁴² Это явление имело место на самой Фере, а также в других городах. См.: *Arlst.*, Pol., IV, 3, 8, № 4. 9—10, Черная Керкира, III в. Ср.: *Arist.*, Pol., V, 2, 10—11 (вставка, отмеченная Иммишем скобками, поясняет, что причиной раздоров между иотомственными жителями городов и вновь прибывающими колонистами была борьба последних за полные гражданские права). Ср. также: IG, IV, № 917, IV в.: эпидаврийцы предоставляют своим колонистам и эвергетам астипалеянам лишь свободу от пошлин и неприкосновенность, но не гражданские права. Только в эллинистическое время некоторые метрополии эпизодически предоставляли отдельным жителям своих колоний гражданские права, т. е. в том числе и земельный участок (IG, IX, 1, № 173, Этолия, середина III в.), или заключали договоры об исополитии.

⁴³ *Hdt.*, IV, 156, 2—3.

стов не отпадать добровольно от метрополии (§ 1), причем это условие имело силу в течение 30 лет, после чего с согласия обеих сторон клятву можно было возобновить. На основании этой аналогии можно заключить, что если основатели Кирены и принесли клятву ферянам, то в ней вряд ли содержались пункты о предоставлении полных гражданских прав прибывающим в последующее время ферянам, о необходимости пятилетнего пребывания колонистов на чужбине и т. д.

Проведенный текстуальный анализ «клятвы основателей» показывает, что этот памятник состоит из двух разных по времени и характеру пластов⁴⁴. Основной пласт отражает нарративный источник — сложившееся в VI—первой половине V в. ферское предание об основании Кирены (сткк. 24—25: ἐ«εἰ . . . ῥοχιτῆ; сткк. 30—37: α! . . . τολκῆταδ; сткк. 40—51: ἐτὶ . . . γόνον;). В основе этого предания лежал подлинный документ VII в. — декрет ферян об отправлении колонии в Ливию, который на протяжении VI—V вв. оброс вставками апокрифического характера, среди которых основное место занимало обязательство предоставлять «прибывающим впоследствии» ферянам полные гражданские права. Составленному таким образом документу был придан вид «клятвы основателей», связывавшей киренян определенными обязательствами по отношению к своей малоимущей метрополии.

Другой пласт составляет текст подлинного декрета ферян, принятого около 631 г. в связи с отправлением колонии в Ливию (сткк. 25—30: *Q-qrαιου*; . . . jtXév, сткк. 37—40: ὁ . . . nXsv). Данные текстуального анализа, на мой взгляд, позволяют представить текст этого подлинного декрета в следующем (отвлеченном от диалектных особенностей VII в.) реконструированном виде:

0Ttjpafoic ēaSs⁴⁵ ἀγπολέρλεγευ ἔ? χάν Αι(3ύαν 'ΑρχοχοῦΧτ)⁴⁶ [xév
 ár^a-fexav xe xai (ЗаслXт^а, éxatrou? 8s xoE? @i]pafovg ixév^ krzi
 xat laai xai x,at djiotai (?)⁴⁷ t.Xsv хаха хов ofxov, ofov 8s iva
 καταλέγεσθαι· xbs 8s εХеи&ερο; oiog xai xo!>? ^[3пхад xai xffiv
 γύρων e^pai'wv εХео&ερος avSpag TtXsv. 6 8s ха jay] X^t TtXév ἄλο-

⁴⁴ Прескрипты в сткк. 24—25 были введены составлявшими надпись киренянами и ферянами, очевидно, по типу современных им постановлений народного собрания Феры (см. выше, примеч. 19-20).

⁴⁵ Форма прескрипта сохранена Геродотом (IV, 153).

⁴⁶ См. выше, примеч. 36.

⁴⁷ По поводу этой формулы см. ниже, с. 82.

σπῆλλοῖσιν Tag 1:0X105, &avaoi(iog Tivxai xai ta ;fpi)(шта loxu) aotoa Sajj-ooia. 0 Ss ditoSex6[i.evog 'j d\$T]fcov 3 tearПp oiev n ide Xpog aSeXtpeov rcatastIat aππp o JAY] xswv ftXev.

§ 3. Причины и обстоятельства отправления колонии (по данным ферского декрета VII в.)

Согласно ферской традиции причиной выведения колонии послужила семилетняя засуха⁴⁸, повлекшая за собой голод. С этим обстоятельством ферской версии перекликается рассказ Тимея об основании Регия халкидянами, которые «как передают, из-за недорода по повелению оракула посвятили каждого десятого человека из своей среды Аполлону, а впоследствии переселились сюда из Дельф, захватив с собой с родины также других сограждан»⁴⁹. Таким образом, в традиции об основании Регия и Кирены имеются следующие общие моменты: одинаковая причина — недород, голод; определенная часть населения обрекается на выселение; эта акция совершается по повелению оракула; к тем, кого определили на выселение, присоединялись лица, добровольно пожелавшие уйти в колонию. Следовательно, ферская версия — это исторически реальный тип предания об основании, входящий в более широкую группу саг о «священной весне». Статья декрета ферян VII в. о выделении в колонисты по одному возмужалому сыну от каждой семьи (сткк. 28—29) отражает одну из характерных черт этого архаического обычая⁵⁰.

Вместе с тем существовала традиция, согласно которой причиной выведения колонии явилась политическая борьба на Фере. У схолиаста к Пиндару⁶¹ сохранился отрывок из «Ливийских историй» киренянина Менекла (II в. до н. э.). Схолиаст отмечает: «Действительно, то, что Менекл говорит о гражданских раздорах как о причине (обращения Ватта к оракулу), кажется в высшей

⁴⁸ *Hdt.*, IV, 151, 1.

⁴⁹ См.: *Stb.*, VI, 257 (пер. Г. Страпановского). Относительно принадлежности этого отрывка Тимею см.: *Stb.*, VI, 260. Об этом же эпизоде сообщает Аристотель (fr. 611, 55 Rose). Ср. также: *Hdt.*, I, 94 — *ver sacrum* у лидийцев; *Plut.*, *Мог.*, 298—299а — у критян.

⁶⁰ Ср.: *Plut.*, *Мог.*, 294 е: из двух братьев локров один отправляется в колонию. См. об этом обычае: *Eisenhut W. Ver sacrum.* — *HE*, VIII, A 1, 1955, Sp. 911 f.

⁶¹ *Plnd.*, *Pyth.*, IV, 10.

степени правдоподобным, а то, что (говорят) о недостатках речи, — весьма баснословным. (Менекл) сообщает же, что граждане Феры впали в междоусобные раздоры и разделились на две партии, вождем одной из которых был Ватт. Вследствие происшедшей борьбы группировок сторонникам Ватта пришлось оставить город и бежать из страны; не имея надежды вернуться на родину, они стали совещаться по поводу (отправления) колонии. Отбив в Дельфы, Ватт стал спрашивать о раздорах: бороться ли им (за возвращение на родину)⁵² или выслать колонию в какое-либо другое место». Далее следует оракул Пифии, советовавший Ватту оставить Феру и основать город на материке.

Традиции о колонистах Феры как о политических изгнанниках, однако, определенно противоречит статья декрета о наборе колонистов от всех ферских семей (сткк. 28—29), т. е. очевидно, что контингент переселенцев формировался вне зависимости от принадлежности к какой-либо политической группировке. Если на Фере около 631 г. и происходили какие-то раздоры, то, как явствует из данного предписания, они закончились не изгнанием одной из группировок, а всеобщим принудительным набором колонистов. Сообщение Менекла о статисе на Фере VII в., приведшем к отправлению колонии в Кирену, обязано, вероятно, не столько древней киренской традиции, сколько свойственным эллинистической историографии «модернизаторским» тенденциям.

История социально-политического развития архаической Феры освещена в источниках чрезвычайно слабо. Из сообщения Аристотеля нам известно, что на этом острове «меньшинство свободных властвовало над большинством несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения»⁵³. Такое состояние общества архаической Феры само по себе было чре-

⁵² *Menecl. fr. 6 Jacoby* (FGH, III A, 270. Leiden, 1940, p. 83). Текст последней фразы испорчен: «за возвращение на родину» добавляю по смыслу предыдущей фразы. Ср. также: *Scholia Vetera in Pindari carmina*/ Ed. A. B. Drachmann. Leipzig, 1910, 2, ad. 1. 7.

⁵³ "S

⁵³ Это сообщение Аристотеля (ф>01., IV, 3, 8) относится не только к современному ему ферскому строю, но и к более ранним временам, ибо сохранение власти потомственной аристократией, разумеется, предполагает ее господство в предшествующие времена.

вато потенциальной возможностью возникновения гражданских междоусобиц; видимо, отправление колонии в Кирену сопровождалось какими-то раздорами, которые нашли отражение в киренской ктисис-саге и которые в передаче Менекла трансформировались в междоусобную борьбу двух политических партий. Однако о характере этих раздоров, если только они имели место, можно строить лишь предположения; не исключено, что они могли быть связаны с набором колонистов. Геродот утверждает, что набор колонистов производился при помощи жребия (IV, 153), в то время как декрет ферян предоставляет на усмотрение каждого отдельного дома решение вопроса о том, какому именно из сыновей отправляться в колонию (сткк. 28—29).

Как бы ни решать этот вопрос, данные декрета ферян о наборе колонистов из всех семей определенно свидетельствуют против версии Менекла; колонизация Кирены была вызвана не гражданскими междоусобицами, а голодом, постигшим небольшой остров.

Колонизация Кирены, безусловно, носила аграрный характер. Ферские колонисты, поселившиеся сначала на острове Платее (совр. Бомба), через некоторое время перешли на материк⁶⁴. Однако выбранная ими местность, видимо, не отличалась плодородием и еще через шесть лет колонисты продвинулись к западу вдоль побережья, где и основали город Кирену. Слова ливийцев, приведших их: «Здесь, эллины, вам надлежит поселиться, ибо небо тут отверсто» — являются метафорическим указанием на обилие дождей в этой местности⁶⁵.

В постановлениях об отправлении колонии, древнейшим образцом которых является декрет ферян, обычно содержатся основные принципы социально-политического устройства будущего полиса. Согласно декрету, новый полис должен представлять собой монархию: Батт был назначен царем, а колонисты составляли его окружение. Эти строки (сткк. 26—27: $\delta\rho^{\wedge}\alpha\upsilon\imath\mu\nu\ . \ . \ nXsv$), безусловно, аутентичны VII в.: они обрисовывают тип государства, близкий удельным раннегреческим басилевиям, а предначертанная Батту роль архагета созвучна образу гомеровского Навсифоя, устроителя города феаков: «Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный в Схерию.

⁶⁴ *Hdt.*, IV, 156, 5; 157, 3.

⁶⁵ *Hdt.*, IV, 158, 3.

вДаль от людей, в труде свою жизнь проводящих. Там он город стенами обвел, построил жилища, Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан»⁶⁶.

Употребленный в надписи термин «архагет» соответствует архаической поре, в то время как V и последующим векам более свойствен термин «ойкист». Архагеты и ойкисты VIII—IV вв. до н. э. обязательно принадлежали к знатному роду, в чем следует видеть традицию, перешедшую из героической эпохи и корнями своими уходящую в первобытность, когда миграциями племен руководили вожди⁶⁷.

Колонисты, в основном состоявшие из молодежи, именовались «спутниками» архагета и царя⁶⁸. Сам Батт также был довольно молод⁶⁹.

Согласно декрету, в состав колонистов могли быть включены только свободные. Это предписание также можно рассматривать как аутентичное VII в. — понятие «свободный человек», не известное Гомеру, впервые встречается у Алкея: ἀνσπεγ ἐξσὸδεποι λαχαῖν ἔοικεγ ἐχ κοχVjwv «свободные мужи, происходящие от славных предков»⁶¹.

Свидетельство декрета об обязательном свободном состоянии колонистов (сткк. 29—30) чрезвычайно важно. Оно помогает вскрыть механизм социальной стратификации населения в колонии. Согласно распространенной практике первые колонисты и их потомки обладали полными гражданскими правами и владели лучшими землями полиса. Переселенцы, прибывавшие впоследствии, получали гражданские права (они не имели доступа к магистратам) и наделялись участками из незанятой земли⁶¹.

⁶⁶ Od., VI, 7—10. Пер. В. В. Вересаева.

⁵⁷ Сами названия племенных вождей указывают на их функции предводителей: ст.-слав. вождь, лит. vadas — «вождь», лик. ^йЬа-wata — «предводитель», др.-верхненем. herizogo — «ведущий отряд», «герцог». Древнегреческое ἀρχηγός в семантическом плане претерпело эволюцию от «вождя племени» до «предводителя колонистов», сохранив оба значения в историческую эпоху.

⁵⁸ Молодежь принимала широкое участие в колонизационном движении. Так, по сообщению Юстина (XVIII, 4, 2), Утика была основана присланной из Тира молодежью. Грини говорит Пифии, что он уже стар и не может отправиться в колонию, указывая при этом на молодого Батта (*Hdt.* IV, 150, 3). Ср.: *Hdt.* IV, 153; *Paus.* VIII, 3, 5; *Plut.* Мор. 298 f - 299 а.

⁵⁹ Он царствовал около 40 лет, следовательно, можно думать, что при отправлении в колонию ему было лет 20—30.

⁶⁰ Fr. 45 Snell.

⁶¹ *Arist.* Pol. IV, 3, 8. *Polyb.* XII, 5, 6; *Asheri D. Supplement coloniari*, p. 78 f.

Поскольку это распространенное явление засвидетельствовано на Фере⁶², можно предполагать, что оно имело место и при основании Кирены. Действительно, события дальнейшей истории колонии подтверждают это предположение.

Геродот сообщает, что в течение более 50 лет, прошедших со времени основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» с Феры (IV, 159, 1). При третьем царе, Батте Счастливом, в Кирену хлынул поток переселенцев из всей Эллады, после чего последовала вспышка гражданских междоусобиц. Эти раздоры в конце концов завершились тем, что по повелению оракула киреняне пригласили к себе умиротворителя из аркадской Мантинеи. Демонакт, исследовав причины неурядиц, разделил население Кирены на три филы: феряне и перизки составили одну филу, пелопоннесцы и критяне — другую, а все остальные островитяне — третью⁶³. Это мероприятие Демонакта было наиболее существенным актом государственного строительства: разрозненные до того группы переселенцев из разных уголков Эллады были объединены в триединую полисную систему⁶⁴. При этом обращает на себя внимание тот факт, что феряне были выделены в особую филу. Общая консолидация киренского населения при сохранении формальной обособленности ферян указывает на то, что смысл борьбы, происходившей в Кирене, заключался в стремлении массы дополнительных переселенцев обрести одинаковые с потомками первых колонистов гражданские права, на что прямо указывает и Аристотель⁶⁵. В конце концов они достигли своей цели: все политические прерогативы были переданы народному собранию⁶⁶. Следовательно, фактическая ликвидация монархии, по всей видимости, сопровождалась отменой преимущественных прав потомков первых колонистов.

Означает ли свидетельство декрета ферян о наборе колонистов из числа свободных, что остальное население

⁶² См. выше, примеч. 42.

⁶³ *Hdt.* IV, 161, 3.

⁶⁴ Ср.: *Arist.* Pol. V, 2, 10: разноплеменность населения вызывает раздоры в среде граждан до тех пор, пока не будет устроено согласное бытие.

⁶⁵ *Pol.* V, 2., 9; *Diod.* XIV, 34.

?« *Hdt.* IV, 161, 3.

не принимало участия в колонизации Кирены? По-видимому нет, несколько этот небольшой остров (81 кв. км) был перенаселен, а несвободные, как указывалось, составляли большинство его населения ⁶⁷. Переселенцы из этой массы, на мой взгляд, и составили сословие перизков, которых Демонакт объединил в одну филу с ферянами ⁶⁸. Очевидно, что распределение киренян по филам осуществлялось в соответствии с территориальным принципом. Поэтому, если бы перизки были переселенцами из различных частей Эллады, то Демонакт включил бы их во вторую или третью филу. Следовательно, сам факт объединения перизков в одну филу с ферянами указывает на их ферское происхождение.

Таким образом, население, принимавшее участие в колонизации Кирены, разделялось на три категории: свободные первые переселенцы, свободные дополнительные колонисты ⁶⁹ и всякого рода несвободные переселенцы. Эти категории колонистов составляли соответственно три сословия в киренском обществе: полноправных свободных, неполноправных свободных граждан (эпойки) и зависимых перизков. Социальная стратификация колонии обычно повторяла общественное устройство своей метрополии, однако процесс формирования общества в ней имел свои особенности. Так, уходя в колонию, свободные

⁶⁷ *Arist. Pol.*, IV, 3, 8.

⁶⁸ Бузольт, Ларсен, Джоунз, Шэфер считали перизков туземным зависимым населением (см. литературу: *Chatoux F. Op. cit.*, p. 221). Это мнение основано на том, что в другом месте Геродот прямо говорит о ливийцах-перизках (IV, 159, 4). Однако, как мне представляется, этот термин употреблен Геродотом в различном смысле. В одном случае (IV, 159, 4), говоря об обидах, чинимых греками окрестному туземному населению, Геродот употребляет слово *ἰτρυβίοχοι* при Лфие? в его обычном значении — «живущие вокруг» ливийцы. В другом же случае (IV, 161, 3) *περσοῦχοι* следует рассматривать как *terminus technicus*, поскольку речь идет о государственных учреждениях, введенных Демонактом. Именно из этого вытекает специальное значение этого термина: перизки как социально-политический слой эллинского населения Кирены. Шаму справедливо подверг критике точку зрения вышеупомянутых исследователей, указав, что широкое включение туземного населения в состав греческого полиса само по себе является «невероятным фактом» (*Chatoux F. Op. cit.*, p. 222). Ввиду этого он пришел к выводу о том, что и в Кирене перизки были эллинским зависимым населением хоры.

⁶⁹ Например, в «Линдийской хронике» (сткк. В 109—117, ed. *Wlinskenberg*) утверждается, 'До линдийцы основали Кирену вместе с Ваттом.

неполноправные, если они были дополнительными **переселенцами**, сохраняли свое политическое состояние, но более прочная экономическая база на новом месте жительства, побуждая их к политической борьбе, как в Кирене, могла способствовать изменению их социального статуса. В целом социальная динамика в колониях отличалась большей активностью, нежели в их метрополиях, что и было одним из факторов окончательного оформления нового полиса и его ускоренного экономического подъема.

Наконец, в связи с вопросом о составе переселенческой массы следует затронуть еще один момент. Согласно декрету ферян, колонисты отправлялись в Кирену «на равных и одинаковых основаниях» (сткк. 27—28). Вопрос об аутентичности этой формулы VII в. сложен. Она зафиксирована лишь с середины V в., но в памятнике, отражающем архаическую традицию (гортинские законы)⁷⁰. Таким образом, идея равенства колонистов менаду собой в общем может восходить к подлиннику VII в.⁷¹ Эта идея могла перейти в общество VII в. из героической эпохи, преломившись сквозь призму полисной идеологии; ср. гомеровское $\iota\omicron\omicron\lambda\iota\omicron\omicron\upsilon\upsilon\alpha\iota \delta\acute{\omicron}\lambda\iota\grave{\alpha} \nu\epsilon\Gamma\sigma\pi\omicron\iota\sigma\iota\upsilon\upsilon\upsilon\alpha\iota\sigma\tau\eta$ — «равного с ним и в правах и судьбой одаренного равной»⁷². Раздел имущества производился при помощи жребия, что также указывает на существование в архаическую эпоху идеи равенства, генетически связанной с первобытными представлениями.

Итак, проведенный во втором разделе данной главы текстуальный анализ «клятвы основателей» позволил определить сткк. 25—30 и 37—40 как текст, аутентичный со стороны формы документу VII в. Исторический анализ, проведенный в третьем разделе, показал аутентичность текста сткк. 25—30 документу VII в. также и со стороны содержания⁷³. Поскольку аутентичность и формы и содержания очевидны, указанные строки «клятвы основа-

⁷⁰ Schwyzer. N° 175. 2—3. В связи с колонистами эту формулу приводит Фукидид (I, 27, 1; 145).

⁷¹ Ср.: Graham A. J. The Authenticity. . . , p. 108.

⁷² П., XV, 208—209. Ср. также: Od., XI, 304. Об идее равенства в гомеровском эпосе см.: Вогескú В. Survivals of some Tribal Ideas in Classical Greek. Pr., 1965, p. 14, 22 f.

⁷³ Сткк. 37—40, развивающие содержание сткк. 25—30, включают репрессивную формулу, известную эпиграфическим документам VI в. Ср., например: № 3. 11—12 сл.

телей» определенно могут рассматриваться как слегка трансформированный текст подлинного декрета VII в., принятого ферянами в связи с отправлением колонии в Ливию.

§—8

Глава II

СТАТУС ЛОКРИДСКИХ ЭПОЙКОВ

§ 1. Раздел земли и прием эпойков локридским полисом

(по данным «таблицы Паппадакиса») (№ 2)

Эта надпись, как указывалось во введении, была опубликована Н. Паппадакисом в 1926 г. и сразу привлекла к себе внимание эпитафистов, историков и лингвистов¹. Точное место находки надписи не вполне ясно: по одним сведениям, она была обнаружена в районе Навпакта, по другим — в этолийском местечке Псориани (ныне находится в афинском Национальном музее). Время составления документа Л. Джеффери отнесла приблизительно к 525—500 гг. Надпись вырезана на обеих сторонах бронзовой пластинки, в трех углах которой имеются круглые отверстия. Шрифт западнолокридский, бустрофедон. На оборотной стороне пластинки содержатся три различных текста: продолжение текста лицевой стороны, предписание в отношении демиургов (текст В) и отрывочная фраза неизвестной принадлежности (текст С). Текст надписи приводится по сборнику Мейггза и Льюиса (№ 13), за исключением сткк. 2, 6, 15, 16²; текст В, не относящийся к трактуемой теме, опущен.

А

твдр-о? о8е пері та? уа? 3s(3aioc гато хат . *
tov dv5ai0[iov лХахо? uXtag xai Xiaxapta? xai <

¹ Полный свод библиографии см.: IG, IX, 1, 3, р. 2. Библиографические сведения об этой надписи см. также выше, с. 52—54.

² По поводу стк. 2 см. ниже, с. 86—89. В стк. 6 ставлю две точки между 01 и ON, поскольку там есть место еще для двух букв. В дополненном тексте стк. 16 опускаю 5ε в соответствии с указанием Клаффенбаха (IG, IX, 1, 3, р. 3). 6 сткк. 15—16 вслед за Клаффенбахом помещаю toLVTSOSY., а не тохултесцу, как у Мейггза и Льюиса.

xōv dmoxófiiov xai xōv Sajioatov. STuvojlta 8'ēaxo
yoveroiv xai Ttat8r at 8e p.s Ttatg el's, xopar at 8s [is xopa etc>
⁶ a8sX<peof at 8s p.s a8sXcpo<<> ste, av^iaxsSav 4rctvep.sa8o xa xo
Sixatov at 8s [uf, xet e7itv6[-iot Oil..ON, hō xt 8s xa cp'jxsoasxat,
tauXog etaxo. at |Je TroXsfioi avavxaCojievoti; So^at a-
v8pdotv hsvi xsxaxov aptaxtvSav xet TcXsdet avSpag 8ta-
xaxto5 petaxov a^tofid^oi; sretFotxoi; sepayea9at, hoax-
¹⁰ iq 8s Satfiptov sv<pspoi i (3>avov diacpspot sv repetyat 's'v τῶντι 3
'v aTOXHeatat I axdatv τῶντοι Tepi yaSatatag, auxog [J.S-
v Feppsxo xai ysvsa a'fiaxa -ixdvxa, ^psj].axa 8s 8a[jtsu6o&ov
xai Foixta xataaxarctEaOo xdx xōv avSpcpovtxōv TST&JA-
ov. 6 8s hex&ixog iapog saxo tō 'AitoXXovog xō IlyO'io xai xōv guyy-
¹⁵ [dov s[xsv 8s xet xa]oxa r:apj3atvovxt sf[6Xetav aoxet xai 'ysveat xai
7tavxsgiy, xet 8' eoaefisovxi ht'Xaog eaato. a 8s -[f[a xo jxsv [jxtaov]

Verso

G

xop-ιCotsv, ἀφιορίταδ sato xāv aōxō 'otxivt ^p̄stCot.

vacat

A(cont.)

xōv imaTipoa&tSlov šaxo, xō 8'Ip.taov xōv 'smFotxov 'sa-

xo.

vacat

vacat

²⁰ τὸδ 8s xotXog [Jtopog 8ta8ovxo: aXXaya 8s [3sj3aio-
g saxo, aXa^sado 8s 'avxi xō 'ap^o.

1. Лексический анализ и перевод надписи

Интерпретация текста закона сопряжена с рядом значительных трудностей, поскольку смысловое и синтаксическое значение отдельных его элементов не вполне ясно. В связи с этим я считаю целесообразным предварить перевод надписи комментарием к наиболее затруднительным местам.

hex&ixog 83e. Это выражение может указывать как на последующий текст, так и на предыдущий; в подтверждение последнего Ватэн ссылается на выражение 83e xsv&x6g в стк. 14, где 83e «очевидным образом указывает на предшествующее»³. Однако в стк. 14 лучше читать не 83g hex&ixog («вышеизложенный закон»), а 6 8s tetpōd («этот закон»), как приняли Мейгтз и Льюис; ср. аналогичное

³ Vatin C. Op. cit., p. 5.

употребление $\delta\varsigma$ в качестве союза (после артикля), а не энклитической частицы в синхронных локридских надписях⁴. Выражение $\chi\eta\kappa\&j\cdot\beta\gamma\ \delta\theta\epsilon$ стк. 1 следует рассматривать как определенно указывающее на последующее содержание закона, а не предшествующее; ср. 68' $\acute{\omicron}$ $\chi\eta\tau\&\rho\delta$ дельфийских надписей, стоящее в начале ряда законов⁵. Отсутствие артикля перед $\chi\eta\kappa\&j\cdot\beta\gamma$ в нашей надписи обусловлено постановкой $\delta\theta\varsigma$ после существительного (ср. $\Lambda\&\Gamma\upsilon\alpha\sigma\sigma\omicron\nu\ \eta\theta\prime\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\varsigma\&\alpha\nu\omicron\nu$)⁶. Таким образом, выражение $\chi\eta\kappa\omicron\upsilon\delta\ \delta\theta\epsilon$ определенно указывает на последующее содержание закона, что со всей очевидностью свидетельствует против предположения Виламовица и поддержавшего его Ашери о том, что данный текст является продолжением основной части закона, вырезанной на другой, ныне утраченной табличке.

$\chi\acute{\alpha}\chi\ \chi\acute{\omicron}\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\alpha\tau\theta\prime\text{-}\text{f}\iota\tau\beta\nu$. В данном сочетании $\chi\acute{\alpha}\chi$ с винительным падежом существительного могут выражаться различные оттенки: отношения, причины, способа действия. В других местах надписи $\chi\acute{\alpha}\tau\alpha$ с accusativom выражает способ действия («согласно обычаю» — стк. 5; «в соответствии с законом» — стк. 13). В данном контексте выражение $\chi\acute{\alpha}\chi\ \chi\acute{\omicron}\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\alpha\tau\theta\prime\&\text{f}\iota\acute{\omicron}\nu$ может передавать оттенки отношения или способа действия, т. е. его следует переводить «в соответствии с разделом» или «в отношении раздела».

Термину $\acute{\alpha}\nu\delta\alpha\tau\theta\prime\&\text{f}\iota\acute{\omicron}\nu$ соответствуют также $\delta\alpha\tau\&j\cdot\beta\gamma$ (стк. 10) и $\upsilon\alpha\delta\alpha\tau\alpha\prime\alpha$ (стк. 11, аттич. $j\eta\tau\<$; $\delta\alpha\alpha\rho\cdot\beta\gamma$). Заключение Ватэна (р. 6) о том, что соотношение терминов $\delta\alpha\tau\theta\prime\text{-}\chi\acute{\omicron}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\tau\theta\prime\&\text{f}\iota\acute{\omicron}\nu$ «совершенно ясно: последнее означает новое распределение», представляется излишне оптимистичным: $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\tau\theta\prime\text{-}\beta\gamma$ (аттич. $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\alpha j\iota\delta\gamma$) может означать как «передел», так и просто «раздел»⁷. По одному этому термину, к сожалению, нельзя определить характер проведенной полисом земельной реформы — это мог быть как революционный по своей сущности передел, так и обычное периодическое перераспределение угодий среди членов общины. Поэтому и

⁴ Buck, N 57.24; 58.3.

⁵ Schwyzer, № 323. С 19 (около 400—390 гг.), № 324.1 (около 380—365 гг.).

⁶ IG, I², № 943, 2—3, 50—51.

⁷ LSJ, s. v. $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\theta\prime\text{f}\iota\acute{\omicron}$; Asheri D. Distribuzione di terre, p. 315. К значению $\acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\theta\prime\text{f}\iota\acute{\omicron}$ ср. № 4.11: «пусть власти поклоняются, что ни город, ни хору не подвергнут переделу» ($\acute{\alpha}\nu\text{V}\alpha\iota\chi\omicron\nu\ \tau\alpha\iota\text{-}\Gamma\upsilon\alpha\prime\text{E}\varsigma\iota$), а также: *Hdt.* IV, 159[^] оракул: «Кто в многожеланную Ливию ирибует впоследствии, после раздела земли ($\text{f}\varsigma\prime\ \acute{\alpha}\nu\alpha\delta\alpha\theta\prime\text{f}\iota\acute{\omicron}\nu\alpha\gamma$), тот, говорю, пожалеет об этом».

в связи с неясностью точного значения перевозжу этот термин нейтральным «раздел»⁸.

тсХахо; ιΧια; χαί Χταхарια? χαλ τῶν ἰχθυοτόκων χαί τῶν Σαγαφῶν. Интерпретация этого пассажа чрезвычайно затруднена. В частности, о значении слов Χταхарια?, ἰχθυοτόκων можно только догадываться. Пезопулос читал тсХахо? ТХi'a?. Виламовиц — ПХахос οΧi'a?. Ашери, Мейггз и Льюис — тХахи ТХi'a; χαί Ατοχαρι'a?. Клаффенбах — ПХаход ТХi'ag χαλ Αταχαρταg. Ватэн, сближая Χταхарια с Χιαυ'αρτων—«борона» и Χιοχров «заступ», высказал предположение о том, что в οΧtag и Χταхарια? следует видеть имена, образованные по типу — iа; в таком случае, заключает он, Χταхарια будет означать «новину», «обработанную целину» в противоположность ιΧια— «зарослям» (р. 7). Эта гипотеза представляется довольно привлекательной. Сближение Χταхарια исследуемой надписи с позднегреческим Χιαυ'αρτων—«мотыга», «лопата», засвидетельствованным в схолиях к Феоокриту и у Свиды⁹, с фонетической стороны можно поддержать бытующим в некоторых новогреческих говорах Приазовья словом Χιαхар «лопата» (при новогреческом димотическом Χ'a-p.pt— «грабли», «борона») ¹⁰. Итак, Χταхарια можно понимать как

⁸ Заслуживает внимания еще один семантический аспект этого термина. Содержащееся в рассказе Геродота о Кирене выражение υἱς ἀνασααφικ, как следует из контекста, специфическим образом означает «наделение земельными участками прибывающих впоследствии колонистов», т. е. в сущности таких же эпойков, о которых идет речь в исследуемой надписи. Ср.: IV, 159: «Посредством оракула Пифия побудила всяких эллинов отплывать для того, чтобы вместе с киренянами заселять Ливию, поскольку киреняне приглашали (колонистов), обещая наделить их земельными участками» (*knixaleovzo* -υαρ ο| Κυριζατοι εἰη ἄτι ἀνασααφισ). См. также: IV, 163: Аркесилай, собирая войско для возвращения в Кирену, «побуждал всяких людей, обещая наделить их «земельными участками» (εἰη φη? ἀνασααφ-ιη).

⁹ LSJ, s. V. Χτα-φαριων.

¹⁰ Например, в говоре села Македоновка (ныне Октябрьское Володарского р-на Донецкой обл.). У греков Приазовья еще в начале XX в. лискар был неизменным атрибутом ежегодно проводившегося среди членов крестьянской общины передела земельных участков (ἰοCρααΙ.α). Общинная земля была расположена в окрестностях села, земли же богатых собственников, не входивших в общину, были расположены дальше, причем по своим качествам частновладельческие угодья далеко превосходили общинные земли. Каждый из общинников имел несколько участков в различных зонах, на которые делилась общественная земля в зависимости от естественных качеств почвы. Наделение общинников землей проводилось по кварталам, в порядке расположения домов на улице. Общинник, получивший свой надел, забивал в углах кольшек, который обкапывался с обеих сторон при помощи лискара.

«обработанная, культивируемая земля». С другой стороны, **υΧία** — это «земля, покрытая зарослями», ср. упоминаемую в декрете филы Антиохиды от 303/2 г. в области Оропа «лесистую землю» — **ΙροΧορ** («полесье», из **ἐρcl 5Xov**)¹¹. В Гераклейских таблицах упоминаются аналогичные названия видов земли, связанные с характерными естественными свойствами последней: **ἐρρηγεῖτα** «обработанная земля», **αχίρογ** «участок, покрытый зарослями», и др.¹² Таким образом, в локридском полисе, издавшем исследуемый закон, надо полагать, различались такие виды земли, как **υΧία**, **Χιαχарία** и, вероятно, **χοΧα** (ср. стк. 20 и *Ag. Nub.*, 325). Если эти слова рассматривать как топонимы, очевидно, что они все же отражают реальные свойства обозначаемых ими земель¹³.

В сткк. 2—3 упоминаются **ἀτέτοζα** и **8αρ.βαία**, значение которых не вполне ясно. **Δαΰβασα** — это общественные земли, которые состояли из теменов и, возможно, как и в Аттике, включали в себя пастбищные угодья¹⁴. Слово **ἀτέτοζα** [ш Вилламовиц переводил как «склоны» (*der Abhänge*)¹⁵, Бак — как «части, отрезанные (от общественного домена)»¹⁶, Паппадакис и вслед за ним Ашерри — как «завоеванные районы»¹⁷. Все эти предположения мало аргументированы, и, на мой взгляд, наименее насильственной является этимологическая интерпретация Бака. Характер этих участков может быть определен весьма приблизительно. По мнению Мейггза и Льюиса, в них следует видеть священные участки — темены¹⁸. (Замечу, однако, что термин **8αφιόαια** может включать в себя понятие темены. Ср., с одной стороны, *Ps.-Arist.*, *Οεζ.*, В II, 2—1346b 14: византийцы, нуждаясь в деньгах, **χά τςιαςβυ**) **τὰ 8ρjij.βαία ἀτсгЗоуто**¹⁹, а с другой — *Hdt.*, V, 29, где **τὰ 8ιrjfAοαία** обозначает общественные земли, т. е. в том числе и темены.)

¹¹ SEG, III, № 117.15; **йХи**) — это «подлесок», «кустарник» (*LSJ*, s. v. **йБ**).

¹² *Buck*, N 79, 1.36—37 и др.

¹³ Ср.: *LSJ*, s. v. **χοUо?**, I, 2.

¹⁴ Ср.: *Андреев В. Н.* Аттическое общественное землевладение V—III вв. до н. э. — *ВДИ*, 1967, № 2, с. 54, 60.

¹⁵ *Wilamowitz U.* *Em Siedelungsgesetz aus West-Lokris*, S. 8.

¹⁶ *Buck*, p. 256.

¹⁷ *Asheri D.* *Distribuzione di terre*, p. 314.

¹⁸ *ML*, p. 25.

¹⁹ Далее Аристотель замечает, что среди них были плодородные и неплодородные участки (**χάργiα**, **αχартса**).

На мой взгляд, в ἀποχοῖχα следует видеть понятие, противоположное ἄρχοαία, т. е. частновладельческие участки, отрезанные от общественных угодий (ср. аналогичный по образованию русский термин «отруба»). Глагол χεῖν-ἄνν (с различными префиксами) широко употребляется в источниках в связи с парцелляцией земельных угодий²⁰. В частности, в медиальной форме **δβμς|ῖεο&αἰ** он употребляется для обозначения экспроприации земельных угодий одной общиной у другой²¹ или царем у других народов²². Он же употреблен в аргосском декрете о Кноссе и Тилиссе в связи с индивидуальной, частновладельческой экспроприацией земли: «... жителю Кносса возбраняется приобретать собственность в Тилиссе, однако жителю Тилисса (можно делать это) в Кноссе, если он пожелает. Нельзя также ни отрезать полосы от (какого-либо) участка (**fx^Se ^opag aitoxafj.vsa&ai**), ни экспроприировать его целиком»²³. Таким образом, **αἰοτοα** можно рассматривать как индивидуальные участки²⁴, которые полис выделил своим гражданам из общественного фонда — **Σαῖοοία**, приче **ἰ** последние, видимо, представляли собой в основном неводеланные угодья, в то время как **ατοχοῖχα** — культивированные (см. ниже). Такая интерпретация согласуется с фактом раздела земель, о котором идет речь в надписи.

Как бы ни решался вопрос о характере земель, перечисленных в сткк. 2—3 закона, думается, что они не составляли четырех различных сельскохозяйственных округов (*distrette*), как полагал Ашер²⁵. Мне представляется, что эти земли перечислены попарно: сначала в зависимости от своих естественных свойств (или в качестве топонимов, что дела не меняет), т. е. как «лесистая» и «культивированная» земля, а затем они же упомянуты по признаку собственности как «частные (отруба)» и «об-

²⁰ Например: II, VI, 194; IX, 580; в Гераклеийских таблицах, I, 11—13: «Мы измерили, начиная от межевой группы (ατοτῆ αυχόφιου), которая... отделяет (τῆ ΣιαxdjAvovxo?) сянщенные земли от частновладельческих участков...».

²¹ *Hdt.*, I, 82; IV, 3; *Dem.*, XIII, 32; *Schwyzler*, N 186.8.

²² *Isocr.*, V, 22; *Theocr.*, XVII, 86.

²³ *Buck*, N 85.23—26.

²⁴ Так полагал и Клаффенбах (*IG*, IX, 1, 3, p. 3).

²⁵ *Asheri D. Distribuzione di terre*, p. 315; по его мнению, этими четырьмя округами являются две равнины (яХаοῖ; ΤΧτα? χαἰ Αἰαχαρία;), завоеванные зоны (ἐπιχοῖχα) и общественный домен (Σαῖχοατα).

щественная земля». Мне думается, что в пространственном отношении это был один массив, одна равнина, частью культивированная и частью покрытая подлеском, которая была поделена на частновладельческие и общественные угодья. В целом сткк. 1—3, на мой взгляд следует понимать таким образом: «Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины²⁶, как индивидуальных отрубков, так и общественных угодий».

ΕΤΥοϋϋα. Обычное значение этого термина — «право выпаса», которое представлено в многочисленных эпиграфических документах, относящихся, правда, в основном к III—II вв.²⁷ С таким значением как будто согласуется факт поощрения культивации неводеланных земель (сткк. 6—7), а также определено целинный (пастбищный?) характер ἰΧία. Однако из надписи явствует, что разделу подверглись обе упомянутые в ней категории земли — и подлесок, и культивированная земля, которые составляли общественный и частный земельные фонды полиса. Раздел же пастбищ на индивидуальные участки — беспрецедентный факт, практически вряд ли осуществимый. Ввиду этого представляется плодотворной попытка Ватэна²⁸ видеть в термине ἑΤυοϋϋα эквивалент слова χΧ4ροορῖα, что подтверждается равнозначностью слов σιυοfΑοg и χΧrροβ[ι]οs относящейся, правда, ко времени не ранее III—II вв. до н. э.²⁹ Более важным, нежели аналогии, указанием на то, что в данной надписи под эпинимией подразумевается «право наследования», являются однокоренные термины ὚τυεfκααῖ и ἰβυοfῖοg (сткк. 5—6), определено имеющие значение «наследовать» и «наследник». Точка зрения Ватэна в настоящее время получила признание в среде исследователей³⁰.

²⁶ λΧαχο? ἰΧfαs χαῖ Χιαχαρῖα?.

²⁷ К IV в. принадлежат свидетельства Ксенофонта (Суг., III, 2,23) и, может быть, проксении из Таламиса (*Schwyzler*. № 53.7). Остальные параллели см. по индексу в сборнике Швицера (s. v. εἰυοfΜα). В Локриде эпинимия засвидетельствована [еще раз в проксении II в. — IG, IX, 1, 3, № 750.31. См. также: *Никитский А. В.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901, с. 58.

²⁸ *Vatin C.* Op. cit., p. 7—9.

²⁹ LSJ, s. v. ἑfμοϋϋ?, III.

³⁰ Д. Ашери, ранее полагавший, что эпинимия здесь означает «право выпаса», после ряда устных дискуссий с Ватэном, Лепором

yoveu^{ai}v xal itaiSt. В этой фразе речь идет о принадлежности права наследования, причем, как полагает ряд исследователей, под yovels подразумеваются «главы семьи»³¹. В yovstg, как мне представляется, следует видеть не это специфическое значение, а обычное — «родители», поскольку право наследования могло принадлежать и матери. Таким образом, сткк. 3—6 переводятся следующим образом: «Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если не будет дочери — брату (родителя или родительницы, ср. декрет об эпойках в Навпакте, № 3. 16, 29—31); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику. . .».

Установленный здесь порядок наследования близок другим архаическим системам наследования; особенно показательна в этом отношении правоспособность женщины как наследницы, что зафиксировано в законодательстве Спарты, Крита и Аркадии. Критская гортинская система наследования отдает преимущество прямым потомкам в третьем колене перед ближайшими родственниками. В целом в гортинском законодательстве различается следующая последовательность наследственных групп: 1) родители, дети, внуки; 2) братья (умершего), племянники, дети племянников; 3) сестры (умершего), их дети, их внуки; 4) в случае отсутствия перечисленных лиц наследство переходит к тем, кому надлежит наследовать его в соответствии с происхождением имущества (этот пункт не вполне ясен) и далее — к членам войкии, составляющим клер³².

Аркадская система наследования более компактна и менее детализована; она ближе к локридской: имущество переходит от отца к родным сыновьям, далее — к родным дочерям; в случае отсутствия таковых оно может перейти к незаконнорожденному потомству и далее — к близким родственникам³³.

и другими коллегами, отказался от своего прежнего взгляда и теперь также склоняется к мысли об эпинномии как о «праве наследования» (письмо к автору от 8 января 1972 г.).

³¹ *Buck*, p. 256; *Asheri D. Distribuzione di terre*, p. 317 и др. В этих работах говорится о «праве выпаса».

³² *Buck*, N 117, Y. 9—28.

³³ *Schwyzler*, № 57B, 'Тегея, V в.

ОН.. ON. Значение этих букв совершенно неясно³⁴. Клаффенбах отмечает, что текст между словами ἀεὶ X<ρσῶι и ἡο τῆ (сткк. 5—6) находится в разуре³⁵. Эти буквы меньше по размерам, они как бы втиснуты между сткк. 4—5 и 6—7. Как полагает Клаффенбах, состояние этого текста, вероятно, указывает на то, что резчик, заметив свою ошибку и видя, что должный текст не умещается в оставшемся месте, перенес его остаток на обратную сторону. Таким образом, этот авторитетный исследователь высказался в поддержку мнения Паппадакиса и Джеффри, согласно которым текст C должен быть помещен в разуре, т. е. αἰ ἄς ἰκς χολ ἡυοῖχολ χοῖῖCο'εῦ δEioCoxag εοχο χαῦ αἰχο οἰχῖνι ἄρκQοι — «Если же наследники не станут проявлять должной заботы, то пусть право наследования по достоинству будет дано тому, кто пожелает». Эта гипотеза довольно привлекательна, тем более что опативные формы текста C имеют аналогию в основном тексте закона (сткк. 10—11). Однако αἰο8οχαg текста C не показывает неукоснительно соблюдаемого в основном тексте закона удвоения? (сткк. 7, 9, 15), поэтому в целом вопрос остается открытым.

χῶλ itXIdei. Как указал Ватэн, это выражение можно понимать не только как «большинством голосов», но и как «числом», причем в последнем случае остается неясным, к кому относится это слово — к совету 101 или к колонистам³⁶. Эти соображения, аргументированные эпиграфическим материалом, были учтены мною при переводе, причем χῶλ Tixstefi отнесено к совету 101, что дает более связный текст.

το; ἄς χοτ'Xoc (χοροg. Словом ἰοροῖ в Митилене обозначались земельные участки³⁷. Но Гесихию, это синоним слова χῆτ)ρο?³⁸. Как можно заключить из одной эпиграфической параллели, χοτ'Xot ἰοροῖ — это лощинные, а не долинные участки³⁹. В целом очевидно, что сткк. 20—21 были добавлены не в качестве дополнения к закону, а во исполнение одного из его пунктов (сткк. 7—9).

³⁴ Предлагавшиеся варианты чтений и дополнений приведены в сборнике Мейгга и Льюиса (р. 23) и у Клаффенбаха (IG, IX, 1, 3, р. 3-4).

³⁵ См.: IG, IX, 1, 3, р. 3-4.

³⁸ Vatin C. Op. cit., р. 11.

" Schwyzer, № 621B; III в.

³⁸ Lexicon, s. v. црси.

³⁹ Ср.: Schwyzer, № 664, 28; если бы го^αХа были долинами, то граница между нолисами была бы обозначена более точно.

ἀλλὰ γὰρ. Под этим термином имеется в виду обмен, т. е. продажа участков⁴⁰, что свидетельствует о невысоком качестве лощинных угодий. Ввиду этого предположение Паппадакиса и Ашери о том, что с помощью колонистов были завоеваны и разделены новые территории⁴¹, представляется маловероятным.

Перевод:

«Следующий закон о земле пусть имеет силу в соответствии с разделом подлеска и обработанных земель равнины, как индивидуальных отрубков, так и общественных угодий. Пусть право наследования принадлежит родителям и сыну; если же не будет сына — дочери; если не будет дочери — брату (родителя или родительницы); если не будет брата, пусть наследует ближайший родственник согласно обычаю. Если же (и такового) не окажется, то наследнику. . . . что кто ни высадит для себя, пусть будет неприкосновенен. За исключением случая, когда в силу обстоятельств военного положения совет, (избранный) соответственно доблести в числе ста одного человека, решит ввести по крайней мере двести боеспособных эпойков, всякий, кто станет предлагать раздел земли или голосовать за это либо в совете старейшин, либо в народном собрании, либо в совете апоклетов, или будет поднимать распрю в целях проведения раздела земли, пусть будет изгнан и сам, и род его навеки, имущество конфисковано, а дом срыт до основания, как и по закону о человекоубийстве. Этот закон пусть будет под покровительством Аполлона Пифийского и сохранных богов. На преступающего эти установления пусть падет гибель — на его самого, на род и все достояние, к чтущему же их пусть (Аполлон) будет благосклонен. Пусть земля наполовину (оборот) принадлежит прежнему населению города и наполовину — эпойкам.

Пусть распределяют лощинные участки. Продажа пусть будет в силе, продавать, однако, в присутствии магистрата».

⁴⁰ LSJ, s. v. ἵππ-ρῆ, II, 1.

⁴¹ Asheri D. *Distribuzione di terre*, p. 316.

2. Принятие полисом эпойков и раздел земли

Название города, принявшего этот закон о земле, нам неизвестно; вероятно, это был Навпакт или какой-нибудь другой полис Локриды⁴². Согласно данным надписи, в городе функционировали народное собрание, совет старейшин и совет апоклетов (сткк. 10—И); из магистратов упоминаются демиурги и архос (стк. 21 и текст В). Полис имел довольно развитое, хотя и сохраняющее еще архаические черты, законодательство, о чем можно судить не только по его наследственному праву (сткк. 3—6), но и по уголовному, вышедшему за пределы примитивного обычного права (сткк. И—14). Полис, по всей видимости, имел олигархическое устройство, подтверждение чему можно видеть прежде всего в выборе совета 101 (стк. 8). Моральный аспект, который видели в выражении ἀριαχίῳ Σαῦ Ἐμαρ и Лера⁴³, вполне уместен в контексте архаической эпохи (ср. декрет об эпойках в Навпакте, стк. 35); вместе с тем совет 101 может соответствовать выборному совету из 100 граждан в Опунте и Навпакте, исполняющему временные функции (там же, стк. 13).

В какой-то момент своей истории полис издал закон о земле. Как уже упоминалось, по мнению Виламовица, исследуемая надпись содержит лишь заключительную часть этого закона, основной текст которого был вырезан на другой, примыкавшей, но утерянной ныне бронзовой табличке⁴⁴. Эту точку зрения развил Ашери, который считал, что дошедший до нас текст открывается заключительной фразой основного содержания декрета, за которой следуют две второстепенные клаузулы (сткк. 3—7).

8*⁴² Упоминание в надписи храма Аполлона (стк. 14) может указывать на ее связь с Навпактом, где находился Аполлопπο (Thuc., III, 91, 1). Другим вероятным местом происхождения может быть Гида, один из городов Западной Локриды, упоминаемый Гесихием (см.: Buck, p. 256). Остальные локализации менее вероятны: Псориани в Этолии, неподалеку от западнолокридской границы (Lerat L. Les Locriens del'Ouest. P., 1952, 2, p. 10). Полис, город, расположенный к востоку от Амфиссы (Chatzes. 'Αρᾶιο Χοῦσις| 'Εῤῥεπισ. 1927—1928, а. 181 сл. Цит. по: LSAG, p. 105). Предположение Ватэна о связи надписи с итальянскими локрами (Op. cit., p. 18—19) представляется довольно фантастичным.

⁴³ Lerat L. Op. cit., 2, p. 123—124. Лера вообще отрицает наличие олигархического устройства в локридских городах, полагая, что там были аристократии.

⁴⁴ Wilamowitz. U. Op. cit., S. 9, II.

составляющие переход к статье об утверждении закона (сткк. 7—16)⁴⁵. По мнению Ватэна, было издано три закона: один из них, не сохранившийся, регулировал систему раздела земель; второй, дошедший до нас (сткк. 1—16), регулировал последствия проведенного раздела земли; третий представляет собой поправки (сткк. 16—21) к первому закону, которые изменили формы раздела земли⁴⁶.

На мой взгляд, эти гипотезы излишне усложняют вопрос о характере документа. Выражение *te&rd 68e*, как было показано выше, определенно имеет в виду последующий текст закона. Этот закон не обязательно должен содержать подробности проведенного раздела земли, отсутствие которых привело Виламовица к указанному заключению. Его цель состоит в ином — в закреплении проведенного раздела земли. Закон включает ряд статей, содержание которых сводится к следующему: 1) утверждается действительность проведенного раздела земли (преамбула, сткк. 1—3); 2) результаты раздела закрепляются на будущее время посредством устанавливаемой системы наследования участков (сткк. 3—6); 3) поощряется культивация «мертвой» земли (сткк. 6—7); 4) устанавливается нерушимость проведенного раздела земли, причем предусматривается случай, при котором вопрос о нем может быть поставлен вновь (сткк. 7—14); 5) закон освящается авторитетом Аполлона Пифийского, являющегося блюстителем незыблемости данных предписаний (сткк. 14—16).

Перечисленные статьи достаточно ясно показывают разнообразие, целенаправленность и логическую последовательность содержания закона, определенно свидетельствующие о его цельности как документа. Однако содержание закона указанными статьями не исчерпывается: предписание о разделе земли поровну между колонистами и исконным населением города (сткк. 16, 18), как мне представляется, также принадлежит к основному содержанию закона, поскольку оно непосредственно продолжает его текст в сткк. 16⁴⁷.

⁴⁵ *Asheri D. Distribuzione di terre*, p. 314f.

⁴⁶ *Vatin C. Op. cit.*, p. 5.

⁴⁷ Текст закона не обязательно заключается формулой проклятия, он может продолжаться и вслед за ней; ср., например, тот же декрет об эпойках в Навпакте, сткк. 38 сл. С другой стороны, следует отметить, что сткк. 20—21, не входящие в текст разбираемого закона, соответственным образом начинаются с новой строки.

На мой взгляд, ход и смысл событий, связанных с изданием закона о земле, таков. Некогда полис в силу каких-то причин провел раздел земли, который был закреплен дошедшим до нас законом. Проведенный раздел, характер которого неясен, был объявлен нерушимым, однако оговаривалось, что он может быть проведен вновь в том случае, если неблагоприятное военное положение заставит полис принять дополнительный контингент эпойков (сткк. 7—14). По прошествии какого-то времени обстоятельства, связанные с военной ситуацией (ср., сткк. 7, 9), привели к приему эпойков в число граждан полиса. В качестве основания для раздела земли, проведение которого было возможно лишь в этом случае, с изданного ранее закона была снята копия; именно таким образом, мне представляется, может быть объяснен тот факт, что и текст закона, и предписание о наделении вновь прибывших эпойков лощинными участками (сткк. 20—21) сделаны одним и тем же резчиком. Следовательно, исследуемая надпись, видимо, представляет собой копию с изданного ранее закона, которая была снята *ad hoc*, по случаю приема эпойков в число граждан города и наделения их землей. Впрочем, эта гипотеза отпадает, если предположить, что издание закона и прием эпойков были проведены на протяжении небольшого отрезка времени (т. е. сткк. 20—21 могли быть добавлены тем же мастером, который вырезал и основной текст).

Смысл проведенного полисом раздела заключался в том, что каждому гражданину выделялся участок (скорее ряд участков) земли, которая представляла собой частью культивированные, частью некультивированные угодья. Пользование этими участками закреплялось на будущее за каждым гражданином посредством наследственного права.

Данные надписи явно свидетельствуют о том, что принятие эпойков не влекло за собой передела всей хоры полиса, как предполагал Паппадакис. Лощинные участки, которые разделялись пополам между горожанами и колонистами (сткк. 16, 18—19), могли быть новой территорией, присоединенной при помощи эпойков, но скорее всего в ней следует видеть свободную часть хоры полиса. Интересно отметить, что закон предусматривал раздел земель, указанных в сткк. 2—3, однако фактически разделу подвергся другой массив земельных угодий. Можно определенно утверждать, что лощинные участки по своим естест-

венным качествам не представляли собой первосортных угодий, в то время как равнинные земли (стк. 2), составлявшие основной фонд сельскохозяйственной хоры полиса, были (согласно общему земледелию) наиболее благоприятными для культивации⁴⁸. Видимо, в связи с этим полис разрешил продавать лощинные участки (сткк. 20—21). Это предписание, очевидно, имеет в виду не столько эпойков, сколько население города, которое, помимо лощинных участков, имело надель на равнине. В олигархических государствах, каким, по всей видимости, был и наш полис, власти принимали все меры к сохранению «основного» земельного надела⁴⁹, в то время как остальные, благоприобретенные участки могли продаваться.

Наделение эпойков участками не из основного земельного фонда полиса свидетельствует о том, что их рассматривали как «второсортных» граждан, и этот факт имеет многочисленные параллели. Так, в Фуриях эпойки получали надель в дальних районах хоры⁶⁰. На Черной Керкире они получали меньшие надель из «неподеленной» земли (№ 4. 9—10), при этом они не имели «основного» надела, вследствие чего доступ к высшим магистратурам был для них закрыт⁶¹. Неравноправность положения эпойков была имманентным, довольно широко распространенным явлением эллинской колонизационной практики, что следует из многих известных нам фактов⁶². Судя по всем данным, положение эпойков, упоминаемых в исследуемой надписи, не было исключением из общего правила.

Эпойки как категория колонистов впервые в греческих источниках упоминаются в этой надписи. Прежде всего обращает на себя внимание бесспорная связь ввода эпойков с состоянием военных дел полиса: необходимым условием принятия в число новых граждан является боеспособность колонистов (стк. 9). Данные надписи свидетельствуют о том, что эпойки главным образом и прежде всего были необходимы полису как военная сила.

⁴⁸ Ср.: Фишпсон А. Средиземноморье. М., 1911, с. 162. Наглядную разницу между равнинными и лощинными участками в Западной Локриде можно видеть по фотографиям, приложенным к работе Лера: т. 1, табл. 9 (2, 4) ср. с табл. 22 (1).

⁴⁹ *Arist.* Pol., VI, 2, 5.

⁶⁰ *Diod.* XII, II, 1.

⁶¹ См. ниже, гл. * 132—133.

⁶² Помню "приведенных выше фактов, ср.' также: *Arist.* Pol., V, 2, 10. Подробнее см.: *Asheri D. Supplement coloniari*, p. 77 f.

Текст надписи приводится по сборнику Мейггза и Льюиса (№ 20), но без густого придыхания; в стк. 7 принимаю чтение хахаХет'novха, а в стк. 35 с птахег сняты знаки тонкого придыхания и ударения, но поставлены на ее; опущена также оригинальная интерпункция документа. При этом следует отметить, что интерпретация отдельных мест текста допускает различные варианты, — несмотря на то, что за столетие с лишком, прошедшее со времени опубликования надписи, вышло большое количество посвященных ей работ, «одни места остаются сомнительными, другие — неясными»⁵⁷. Начальные строки надписи (1 — И) составляют преамбулу, далее следует ряд пронумерованных статей уложения (ftedjuov, стк. 46)⁵⁸.

ev Naonaxxov ха хōv&e ha 'niFotxt'a. Ao9pov хōv hunoxvafiiStov
 en-
 et ха Nauroxxxioг ysvsxat. Naonaxxtov eovxa, hono lsvoy oata
 Xav^av-
 stv xai fiostv e'efetji.ev emxujjovxa, at ха Set'Xexar at ха Sst'Xe-
 xat, 86eiv xai X-
 av^avetv xe' Sdjxo xs' Qoivdov auxov xai хō ^evog хах' alFet*
 xsXog хо-
 8 од entFotxoog Ao9pov хōv hunoxvajuStov jx̄e cpaetv ev ЛoфpoT;
 xoi-
 g hunoxvajuStotg tptiv x' a5 xig Лo9po; ysvexat хōv honoxvaju-
 Stov at
 SeiXsx' av^opstv. хахаХет'novха Iv xat taxtai natoa hs^axav Γ
 8X<po>. ef-
 sT(xev aveo evsxepcov, at ха hun' avdvxag ansXaovxat e' Nao-
 пакто Λοφ-
 pol xol hurtOxvafu8iot. e'efetfiev av^opstv, hono Fsxaoxog Iv,
 aveu e-
 10 vexeptov. xsXog м.с (pipeiv aeSsv hox̄t [iis fiexa Aocppov хōv Feo-
 napf-
 ov. A. Ivop9ov xotg entFoi9otg ev Naonaxxov [ie' noaxafiev an'
 '0<no>vxtov
 xsxvat xai jj-a^avāt [ieSefuai F\$9ovxag. хōv hopxov e'etp-ev at
 ха 8st-
 Xovxat. enaysv fisxa xpta9ovxa Fexea an6 хō hop9o hexaxov
 avSpag '0-

⁵⁷ IG, IX, 1, 3, p. 93. Там же см. полную сводку литературы (p. 91) и различные варианты чтения текста (p. 93).

⁵⁸ О форме декрета см.; Graham A. J, Colony and Mother City, p. 230-232,

«Ov³⁰otg Naunaxxtov xat Naunaxxfotg 'Onovxt'ojg. B. hdaoxtg xa
 XtnoxeXse-
 16 t ky Naunaxxo xov sntFot'9ov. ano Ao9pov eljiev evxe x' ano-
 xet'aet xā vō-
 jua Naunaxxt'otg. Γ. at' xa [is yevog ev xat taxt'at et I χεπί-
 Fov'9ov It ev Naunaxxot. Ao9pov xov liunoxvaatSt'ov xov enav^ia-
 xov xpaxetv. Ao9pov hōno x' et. auxov tovxa. at x'avsp It e
 [isvōv at δs [is. xotg Nawaxxiotg vojittotg j'peaxat. A. e' Nau-
 παίς, χρτόν
 20 ovxa sv Ao9poid xoog h'-inoxvajitScODg sv Naunxxxot xapofat ev
 naixo av^ops-
 Yofat. xev Ao9potg xot<g> h'InoxvafiiSt'otg ev xat noXt. ho x'et.
 xa-
 xayopāt. E. nep9odaptav xai Moaa^sov enst xa Naondxxt<g
 xap5|at sv
 t, aixog xai xa ^plfiaxa xsv Naonaxxot xotg ev Naonaxxot χρῆσ-
 τας ἑνετα-
 xa 8'ev Ao9potg xotg honoxvafuStotg ^psjiaxa xotg h'vποκναμιδι-
 25 otg ται,

Verso

vomiois xrestai. honog a noXtg Fsxaxov vomilet Ao9pov xov
 honoxv-
 afu8t'ov at xtg huno xov vojit'ov xov sntFot'9ov dv^opest Πep9o-
 Saptā-
 v xat Mwa^sov xotg aoxov vop-totg ^peaxat xaxā noXtv Fexdaxo'jg.
 F. at x'a8eX<peol lovxi xov Naonaxxov Fotxsōvxog hōnog xai
 Ao9pō-
 30 v xov hunoxvajiiStov Fexaaxov vojioj 'gaxt. at x'anoMvst xov y-
 pejiaxov xpaxetv xov snt'Fotxov. xō xaxt9o[jievov xpaxstv. I.
 xoog sntFot'9ouog ev Naonaxxov xav Stxav npō3t9ov hapsaxat nō
 xoog δ-
 txaaxepag. hapsaxat xai 86jiev sv'Onosvxt xaxā Feog aoxajiapov.
 Ao9-
 pov xov hunoxva[xt8t'ov npoaxdxav xaxaaxaāt xov Ao9pov xontF-
 35 ot9ot xai xov fmFot9ov xot Ao9p5t. hotxtveg xa maxeg svxtfiiov
 eg. H. hōaa-
 xtg x'anoXfntst naxdpa xai xo fiepog xov ^pejiaxov xet naxpt.
 enef x'
 anoYevexat. l^etjiev anoXa^eTv xov entFot9ov sv Naonaxxov.
 O. hoaxtg xa xa FeFa8s9oxa ^a^&et'pst xl^vai xai [xa^avāt xa-
 i [u5i. hoxt xa jits avepoxapotg Soxset. honovxtov xe j'Xlov nXe&-
 40 at xai NaFnaxxt'ov xov entFot'9ov nXe&at. axtjiov elfiev xai ^pe-

(xata Ла^ато^а^вТараГ ТovxaXst|J.evoi Tav St'xav 8o[xsy Tov ap-
^ov, BV ΤΡΙΑΘΟΥΤ' ajxapais 86;xev, at xa zpid<повх' ajiapai Xet-
7TOVT.

at та? ap^а?- а҃ ха jie otSot TOI IvxaXsipivot Tav Stxav, aφ,-
ov sTij-ev xai ^πεрата лар.ато<payeTara1, to jiepo? [xeta. Fo-
45 txtaxav Stop-ooat hop9ov [O' vofnov' sv uSpiav Tav tj)a<piφ-
ftv eljisv. xai to &s&[xrov TOI? himoxva|J.tSioi(; AοφpoT? тао-
xot TσXSOV eijiev XaXetcot? TOI? aov 'AvTtcoTat F,ot9εTate.

Перевод:

«В Навпакт (выводится) колония на следующих основаниях. Локру гипокнемидскому, когда он станет навпактянином, как гражданину Навпакта в случае пребывания (в метрополии), дозволяется в качестве ксена получать свою долю жертвенного мяса и приносить жертвы, если он пожелает. Если пожелает, пусть получает свою долю жертвенного мяса и приносит жертвы при общенародных и групповых священнодействиях, как он сам, так и его род во все времена. Эпойкам из числа локров гипокнемидских не вносить подать в Локры гипокнемидские, пока кто-либо из локров не станет снова гипокнемидянином. Если (колонист) пожелает вернуться назад, быть тому без (внесения) пошлин за принятие в число граждан, но при условии оставления дома взрослого сына или брата. Если гипокнемидские локры будут силой изгнаны из Навпакта, то им дозволяется вернуться обратно, на прежнее место жительства без (внесения) пошлин за принятие в число граждан. Никакой подати не вносить, кроме как вместе с западными локрами. 1. Пусть навпактские эпойки поклянутся никоим образом и никаким путем добровольно не отпадать от опунтян. Если они пожелают, то по прошествии тридцати лет со времени принятия этой клятвы можно возобновить ее (присягой) ста навпактских мужей опунтянам и опунтийских — навпактянам. 2. Всякий из эпойков, имеющий задолженность по налогам в Навпакте, пусть будет вне локров до тех пор, пока не уплатит навпактянам положенное по закону. 3. Если (у колониста) не будет семьи в доме или наследника из числа колонистов в Навпакте, то пусть владеет (имуществом) ближайший родственник из гипокнемидских локров, откуда бы из страны локров он ни происходил, явившийся лично, будь то мужчина или мальчик, в течение трех месяцев. В противном случае пользоваться навпактийскими законами. 4. Возвращаю-

щийся из Йавпакта в Локры гипокнемидские пусть объявит об этом на агоре в Навпакте; также и в том городе гипокнемидских локров, откуда он родом, пусть объявит на агоре. 5. Когда кто-либо из перкофариев или мисахеев станет гражданином Навпакта, он сам и его имущество, находящееся в Навпакте, пусть подлежат юрисдикции навпактийских законов, имущество же, находящееся в стране гипокнемидских локров, пусть подлежит юрисдикции гипокнемидских законов, согласно тому, как предписывает соответствующий город гипокнемидских локров. Если кто-либо из перкофариев или мисахеев выйдет из-под юрисдикции законов (навпактийских) колонистов, то пусть они, каждый в своем городе, будут подсудны своим законам. 6. Если у навпактского эпойка есть братья, то в случае смерти (кого-либо из них) пусть колонист получает свою долю имущества, полагающуюся ему согласно законодательству соответствующего города гипокнемидских локров. 7. Пусть навпактские эпойки пользуются правом первоочередного разбирательства дел в суде; разбор их исков и слушание дел против них в Опунте пусть производятся немедленно. В Локрах гипокнемидских пусть назначат простата из числа локров для колониста и для локра — из числа колонистов, в какой бы должности они ни были (?). 8. Всякому навпактскому эпойку, оставившему (дома) отца и (свою) часть имущества у него, в случае смерти (отца) можно получить свою долю. 9. Всякий, кто тем или иным способом или средством станет отменять эти постановления и подвергнет осквернению, будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано, за исключением случая, когда обе стороны сочтут нужным постановить это в собрании тысячи опунтян и собрании навпактийских переселенцев. Пусть архонт предъявит иск обвиняемому и разберет это дело в течение тридцати дней, если ему еще осталось тридцать дней пребывания у власти. Если же не станет предъявлять иска обвиняемому, то пусть он будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано, в том числе клер вместе с войкиатами. Пусть (судьи) принесут клятву по закону. (Производить голосование), опуская камешки в сосуд. Этот устав гипокнемидским локрам пусть имеет силу (и) У халейских поселенцев, возглавляемых Антифатом.»

Надпись, таким образом, касается трех основных проблем: связи эпойков с метрополией, возможности их возвращения на родину, вопросов наследования.

Уложение открывается статьей 0 Возможности участия колониста в религиозной жизни своей метрополии (сткк. 1—4). Текст стк. 2 допускает различные толкования; так, Р. Майстер, читая здесь *Naonaxtuov sovxa*, полагал, что эпойки могли участвовать в тех сакральных действиях в Навпакте, где религиозные предписания это позволяли иностранцам (*bomv esvov oaiia*)⁶⁹. Однако такая трактовка, имеющая свои положительные стороны, не вполне удовлетворительна. Прежде всего представляется странным то, что гипокнемидские локры издают такое предписание, как: «Если пожелает, пусть получает свою долю жертвенного мяса и приносит жертвы при общенародных и групповых священнодействиях, как он сам, так и его род во все времена» (сткк. 3—4). Представляется очевидным, что это детализованное предписание, продолжающее предыдущее, может иметь в виду только сакральные дела самих гипокнемидских локров, т. е. в сткк. 1—4 речь идет о пребывании эпойков не в Навпакте, а в метрополии: «Локру гипокнемидскому, когда он станет навпактянином, как гражданину Навпакта в случае пребывания (в метрополии), дозволяется в качестве ксена получать свою долю жертвенного мяса и приносить жертвы, если он пожелает». Предлагаемая интерпретация выражения *horoo Csvov oaiia Aav^aveiv ml &6etv* может быть аргументирована тем, что *oaiia* при *&6sv* лучше принимать в сакральном смысле, т. е. как *oaiia* (а не *oata* — «можно», как у Майстера). Далее поскольку речь определенно идет о религиозных делах, *oaiia Xav^avsiv* следует понимать, как указывали Э. Мейер и Ф. Ф. Соколов, в узком сакральном смысле («получать свою долю жертвенного мяса»), а не в таком широком, как полагали Тод, Мейгз, Льюис и другие исследователи («участвовать в общественной жизни» и т. д.)⁶⁰.

Майстер отвергал трактовку выражения *horoo Csvov* как «в качестве ксена» на том основании, что в таком случае эпойки в своей метрополии приравнивались бы к чужеземцам, что, по его мнению, противоречит общему духу декрета, предоставлявшего ряд привилегий эпойкам с целью привлечения гипокнемидских локров к участию в колониальной экспедиции⁶¹. Заключение Майстера не

⁶⁹ *Meister R. Op. cit., S. 274.*

⁶⁰ *Meyer E. Forschungen, 1, S. 297; Соколов Ф. Ф. Клирухин афинские, с. 435.*

⁶¹ *Meister R. Op. cit., S. 282.*

представляется правильным, поскольку эпойки в действительности получили привилегии, которые выражались как раз в этом разрешении доступа к сакральным действиям своей отчизны, в которых обычные ксены не принимали участия; как можно понять из одного хиосского сакрального закона, они обходились своими священнодействиями⁶². Кроме того, обычные ксены вряд ли могли бы принимать участие в культовых отправлениях обособленных групп — *ῥοτῶν* (стк. 4), под которыми обычно понимаются фратрии, куда ксены, как известно, не включались.

Предоставление эпоикам возможности принимать участие в религиозном богослужении на их бывшей родине перекликается с предписанием афинского декрета о колонии, направлявшейся в Брею, которое предусматривало периодическое участие посольств из колоний в общеаттических религиозных празднествах (№ 5. 11—13). Принесение колонистами жертв в Афинах и участие в торжественной общей трапезе символизировали их прежнее пребывание у отеческих святынь и участие в религиозной жизни своей родины⁶³.

На этих же празднествах афинские колонисты приносили в дар полный набор гоплитского вооружения, что символически отражало их тесную связь с метрополией в военно-политической сфере. Аналогичным образом опунтские локры и их колонисты были связаны друг с другом в этой же сфере, на что указывает клятвенное обязательство эпоиков не отпадать от метрополии (§ 1). Со своей стороны, опунтяне приносили клятвы собственным колонистам. Эти клятвы сохраняли силу в течение 30 лет (т. е. на протяжении жизни одного поколения), по прошествии которых они могли быть возобновлены.

Согласно декрету, колонисты целиком освобождались от выплаты податей в гипокнемидской Локриде (сткк. 4—6). Этот факт указывает на то, что эпойки теряли прежнее гражданство; выражение «когда он (гипокнемидский локр. — *В. Я.*) станет навпактянином» (сткк. 1—2), собственно, и означает обретение колонистами навпактийских гражданских прав. Переселившиеся в Навпакт эпойки

⁶² *Schwyzler*, № 694, ср. 729. Напротив, декрет скиафейцев и их колонистов (*Buck*, № 53, IV в. до н. а.) предусматривает одинаковые правила для совершения жертвоприношений *Iex* и других в Дельфах.

⁶³ См. ниже, с. 162-163.

вносили подати по новому месту жительства (ср. § 2). Помимо обычных податей, они вносили вместе с остальными навпактянами еще особую союзническую подать. Предписание декрета «Никакой подати не вносить, кроме как вместе с западными локрами» (сткк. 10—11) может означать внесение эпойками этой подати как в общелокридскую казну, так и в казну западнолокридской койнонии. Исследовавший этот вопрос Л. Лера пришел к неожиданному выводу, что это предписание имеет в виду не особую союзную подать, а обычную гражданскую⁶⁴. На мой взгляд, такое заключение противоречит форме, в которой выражена мысль о внесении податей совместно с западными локрами. Если бы Опунт и мог делать предписание в отношении городских обычных пошлин, то тогда следовало бы ожидать упоминания не западных локров вообще, а навпактян, к которым присоединялись эпойки. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к выяснению характера взаимоотношений Опунта с другими локридскими городами.

Опунт уже во время Персидских войн рассматривался как метрополия всех городов Локриды, о чем свидетельствует надпись локров, стоявшая в Фермопилах⁶⁵. Следовательно, в эпоху издания исследуемого декрета локридские города, в том числе и Навпакт, считались колониями Опунта, политического и религиозного центра локров. Очевидно, что декрет не предоставляет никаких прямых данных для гипотезы о политической зависимости Навпакта от Опунта⁶⁶, ни тем более для предположения об экспансионистской политике Опунта в отношении городов западной Локриды⁶⁷. Взаимоотношения Опунта с локридскими полисами, на мой взгляд, строились на основе равноправия и были очень деликатны. В декрете нет ни одного предписания, которое хоть как-то нарушало бы интересы навпактян; напротив, опунтяне соблюдают их, ставя вне локров тех своих эпойков, которые не уплатили навпактянам «положенные по закону подати» (§ 2). Далее, в случае отсутствия у колониста наследника из числа гипокнемидских локров, дело о судьбе наследства передается на усмотрение навпактян (стк. 19). Если колонист собирается вернуться на родину, он должен объявить

⁶⁴ *Lera L. Op. cit.*, 2, p. 31.

⁶⁵ *Stb.*, IX, 425.

⁶⁶ Как думал Э. Мейер (*Meyer E. Forschungen*, 1, S. 293).

⁶⁷ Как думал Олдфазер (*RE*, 1927, XIII, Sp. 1239 f.),

об этом властям и жителям Навпакта (сткк. 19—21). Это предписание лишало эпойка возможности ускользнуть от претензий навпактян, если таковые имелись. Наконец, уважительное отношение к законам различных полисов Локриды проявляется также в предписаниях о перкофариях и мисахеях (сткк. 26, 28), а также в статье о наследовании (стк. 30).

Эпойки происходили из различных городов гипокнемидской Локриды (стк. 21), однако отправление колонистов не было совместным предприятием нескольких городов — это была акция одного Опунта, объявившего набор колонистов. Отсюда и пристекают правомочия опунтян издавать предписания в отношении всех колонистов, хотя среди последних были не только жители Опунта. Отправление эпойков, судя по всему, было вызвано просьбой Навпакта о помощи⁶⁸. Опунт именно как метрополия отправляет эпойков в поддержку своим колонистам. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что Опунт был теснее связан с городами гипокнемидской Локриды, нежели с озольскими полисами⁶⁹. В то же время выражение *αοῖ Αοῦρον στῆσις* показывает, что Опунт как религиозно-политический центр локридской койнонии был вправе применять санкции в отношении отдельных лиц, нарушающих интересы ее членов. Приведенные факты свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что отношения между Опунтом и западнолокридскими городами строились на основе равноправия и уважения суверенитета каждой общины; говоря словами одного локридского декрета, которые приводил Тимей, это были отношения «между родителями и детьми»⁷⁰.

Что же касается подати, которую эпойки вносили, «вместе с западными локраями», то в свете приведенных данных об отношениях озольских полисов с Опунтом представляется, что это были взносы в общелокридскую казну. Если даже предположить, что в VI—V вв. существовала

⁶⁸ *Lerat L. Op. cit.*, 2, p. 30.

⁶⁹ Ср. сткк. 5—6: предписание о внесении податей в отношении всей гипокнемидской Локриды; стк. 17—18: юрисдикция Опунта распространялась на всю гипокнемидскую Локриду в отношении наследственного права; сткк. 33—35: выбор простата из числа всех гипокнемидян. По-видимому, в это время существовала койнония гипокнемидских городов во главе с Опунтом, к которой тяготели не организованные в койноншо города озольской (западной) Локриды.

⁷⁰ *Polyb.*, XII, 9.

койнония Заиадных локров ⁷¹, то сам характер ПолитикН опунтян, как мне кажется, не позволяет говорить о возможности издания ими предписаний в отношении союза озолян.

В отношении своих колонистов политика опунтян носила примерно такой же характер, но в ней проявлялась ббльшая твердость. Так, колонисты дают клятву не отпадать добровольно от своей метрополии в течение 30 лет и не прибегать ни к каким хитростям в отношении Опунта (§ 2); далее устанавливается действенность принятых постановлений и предусматриваются суровые меры против нарушителей (сткк. 38—41). Вместе с тем декрет опунтян предусматривает возможность изменения отдельных пунктов уложения с согласия обеих сторон (сткк. 39—40). Тон традиционной формы проклятия отличается от безапелляционной по характеру соответствующей формулы локридского декрета о земле (№ 2.9—14). Меры наказания, налагаемые на ослушника, отличаются большей мягкостью. Если в предыдущем декрете преступивший закон подвергался вечному изгнанию со своим родом, имущество конфисковывалось, а дом сравнивался с землей (№ 2.11—13) ⁷², то декрет опунтян предусматривал только атимию и конфискацию имущества лишь в отношении самих нарушителей (сткк. 40—41) ⁷³. Характерно, что к магистрату, не исполнившему свою обязанность, применяются более крутые меры (сткк. 43—45). В целом декрет пронизан духом благожелательности и заботы об эпойках, что в первую очередь объяснялось необходимостью привлечения локров к участию в колониальной экспедиции. Колонистам предоставлялись различные привилегии в случае пребывания в метрополии: они могли принимать участие в отправлении культа (сткк. 2—4); из числа гипокнемидян для них выбирались простаты (сткк. 33—35) ⁷⁴; колонисты пользовались пра-

⁷¹ Ее существование засвидетельствовано для IV в. (IG, IX, 1, 3, № 665, 667).

⁷² Ср.: № 5.20—25: нарушивший установления колонист подвергался атимии вместе со своими детьми, а имущество конфисковывалось.

⁷³ Не вполне ясно, обвиняемый вызывался на суд архонта или обвинитель, поскольку медиально-пассивная форма причастия *évxodeljivo?* (сткк. 41, 43) допускает оба варианта. См.: LSJ, s. v. ἔρσιXεσι, II, 1.

⁷⁴ Выражение *ga mazzi* ἔντιχοι ε? (стк. 35) довольно неясно. Думаю, что ΕΕ — это форма третьего лица множ. числа импер-

вом первоочередного разбирательства дел на суде (сткк. 32—33).

Кроме указанных привилегий, колонисты имели право возвращения на родину. Оно удерживалось за всем контингентом в случае насильственного изгнания колонистов из Навпакта (сткк. 8—10). Этот пункт статьи свидетельствует о нестабильности положения в Навпакте, который подвергался угрозе с чьей-то стороны. Таким образом, отправленные в Навпакт переселенцы представляли собой такой же контингент «беспособных эпойков», как и колонисты, упоминаемые в предыдущей локридской надписи (№ 2.9). Также и в мирное время всякий колонист имел право на возвращение, которое, однако, ограничивалось условием оставления в Навпакте взрослого сына или брата (сткк. 6—8). Колонист, пожелавший вернуться на родину, должен был объявить о своем намерении властям и жителям Навпакта (сткк. 19—21), уплатить сполна навпактянам положенные подати (сткк. 14—16) и, возвратившись на прежнее место жительства, также объявить об этом на агоре (сткк. 21—22). При этом пошлины за предоставление гражданских прав с него не взимались (сткк. 7—8).

Право возвращения колониста на родину, в той или иной мере обусловленное, составляло одну из важнейших черт эллинской колонизационной практики. Так, когда афинские колонисты в Амфиполе, Гестиэе, Скионе, на Эгине, Мелосе и в других местах были изгнаны спартапцами, они возвратились в Афины⁷⁶. В киренской «клятве основателей» также говорится о возможности возвращения колонистов на родину, однако, как указывалось выше, эта статья не представляется гомогенной первоначальному тексту ферян; эта инвенция VI—V вв. тем не менее отражает реально присущее эллинской колонизационной практике право колониста на возвращение^{7в}.

фекта ε« — «были» (из *^αααv; ср. санскр. Ssaп, аттич.-ион. tjaav, беот. Tπαρ-εΓαv), вариант к sv — «были» (стк. 9). См.: *Back*, p. 128, 251; *Schwyzler*, № 362, ad. v. 35. Загадочное mate?, вероятно, по значению сопоставимо с EVTICOC и связано с такими словами, как Tαρ (Майстер), TUVV. Слово Ivctfiot может либо относиться к простатам, либо иметь значение «власти», «магистратуры».

⁷⁶ *Thuc.*, IV, 106-107, 1; *Xen.*, *Hell.*, II, 9, 1; *Plut.*, *Lys.* • 14, 2-3.

^{7в} Это право не носило безумлвного характера и не было обязательным во всех случаях, как можно заключить из следующих

Наконец, данные декрета предоставляют в наше распоряжение ряд сведений о статусе колонистов в связи с вопросами наследования. Уложение опунтян рассматривает их в двух аспектах: наследование имущества колониста; правоспособность колониста как наследника. Декрет устанавливает определенную последовательность наследственных прав отдельных лиц. Ближайшие наследники, подразумевающиеся под словом *υἱὸς* — это сын, далее, вероятно, дочь, затем брат колониста, как и в предшествующем декрете (№ 2.4—5). Интересно, что при отсутствии перечисленных лиц имущество переходит к наследнику из числа колонистов (стк. 16). Таким наследником мог быть, вероятно, какой-нибудь родственник покойного, но не всякий колонист, потому что далее предусматривается наследование имущества ближайшим родственником мужского пола из гипокнемидских локров. В каком бы городе этот родственник ни проживал и в каком бы возрасте ни находился, для получения наследства он обязан был явиться лично в Навпакт в течение трех месяцев. В случае отсутствия претендентов наследство подлежало юрисдикции навпактийских законов (§ 3).

В декрете предусмотрены также случаи, когда колонист выступает в качестве наследника. Фактически за ним закрепляются те же наследственные права, какими он обладал бы, если бы не покидал родину. Как явствует из текста, переселенец, отправляясь в колонию, мог либо забрать с собой полагающуюся ему в отцовском хозяйстве часть имущества, либо оставить ее у отца. Такое заключение вытекает из формулировки начала § 8: «Всякому. . . оставившему (дома) отца и (свою) часть имущества у него». Отсюда можно понять, что часть колонистов выделяла свою долю из отцовского имущества. Колонисты, оставившие такую долю в хозяйстве отца, в случае смерти последнего могли получить ее (§ 8). Эта доля состояла из движимого и недвижимого имущества; последнее, видимо, либо продавалось, либо могло служить поводом

эпизодов греческого колонизационного движения. Когда Херсикрат с коринфянами выбил эритрейских колонистов с Керкиры (около 733 г. до п. э.), последние попытались вернуться в Эритрею, но, будучи забросаны в гавани камнями, были вынуждены удалиться восвояси, после чего основали Мефону (*Plut., Mor., 293ab.*) Аналогичная история, как мы видели, произошла и с основателями Кирены, пытавшимися после первой неудачной попытки вернуться домой, на Феру.

возвращению колониста на прежнее место жительства, если он имел взрослого сына или брата, согласного заменить его в колонии (ср. стк. 7).

В случае смерти брата и отсутствия потомства у него колонист мог выступить в качестве сонаследника вместе с остальными братьями (§ 6). Согласно декрету, он получал свою долю, причитающуюся ему по законодательству соответствующего города (в котором проживал покойный).

Таким образом, декрет опунтян предоставляет в наше распоряжение ряд ценных сведений об эпохах, и в первую очередь об их взаимоотношениях с метрополией. Подробность содержания этого документа, предусматривавшего различные аспекты взаимоотношений, свидетельствует о том, что к началу V в. в Локриде юридические вопросы статуса колонистов были довольно хорошо разработаны. Этот факт может быть объяснен активной колонизационной деятельностью локров в предшествующее время.

8—8

Глава III

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ КОЛОНИСТАМИ

(по данным декрета иссейцев) (№ 4)

§ 1. Текст надписи и его реконструкция

Декрет иссейцев, трактующий вопросы раздела земли колонистами, к сожалению, дошел до нас в сильно фрагментированном виде. Основные фрагменты стелы, в том числе и фрагмент А, содержащий текст декрета, были найдены в 1877 г. среди развалин средневековой церкви села Лумбарда, находящегося на крайней восточной оконечности о. Корцула (древняя Черная Керкира) Метрополия отправленной сюда колонии — город Исса, народное собрание которой приняло этот документ, — расположена на одноименном острове (ныне о. Вис), лежащем примерно в 80 км к западу. В настоящее время эта надпись хранится в Археологическом музее Загреба. По характеру письма и формам букв декрет относится к III в. до н. э.

¹ Расположен у адриатического побережья Югославии.

В верхней части стелы находится текст декрета, ниже приводятся имена иссейских колонистов, расположенные в три колонки, в соответствии с тремя дорийскими филами. Около трети декрета — на его правой стороне — утрачено. Дополнения текста, сделанные И. Бруншмидом², принял В. Диттенбергер (Syll.², № 933), который вместе с тем внес ряд своих значительных добавлений. Эти дополнения были критически переработаны А. Вильгельмом³; его восстановления почти полностью принял Ф. Хиллер фон Герtringен (Syll.³, № 141). Последующие исследования несколько уточнили отдельные пункты чтения надписи. С учетом этих и наших добавлений, которые обосновываются ниже, текст основной части этого документа гласит⁴:

αι-α&ᾱ χό αι. Ιερ' ΙσποϋΑϋαίηιοϋϋ ΟραΕιΣάηιοϋ, Μαϋάϋέοϋ, αοϋ-
 ΟΥϋα ολϋιο]-
 χαϋ 'Ααααυϋ χαι ΠΟΧΧοι χαι χοϋ οοϋ Δαϋοο. χαδς ουϋ[s8svxo
 οι οιχταχαι]
 χαι ε8οϋς Σιϋιϋϋϋϋϋϋϋ ϋ αι' ϋεχοϋ χοοϋ ϋεϋεοχοϋϋ [χαχαΧαη3οϋϋχαϋ·
 ϋαϋ
 ϋαϋ χαι χει^αϋϋχαϋ χαϋ τϋοχιϋ χα? ϋοΧηοϋ ο'λϋοϋϋεϋοϋ Ιϋ Ιχαοϋϋ
 χεχετ ^ταηεϋαϋ Ηατ'ϋςϋοϋ αοϋ χϋηι ϋιϋει. χαϋ 8ς εϋεϋο αΧΧο οί-
 χοϋϋ χαι χαϋ ϋ^αϋεϋοϋ χοϋ ϋϋαϋοϋ χΧαϋοϋ [Χαηβειϋ χαϋ
 χΟΙΤΣΟϋ αε].
 ΤηςΧς&ϋα χϋτα. χαϋ 8ς αΧΧαϋ χαι :η.εϋη. αϋαϋατϋϋ^ϋϋ ος [χοοϋ
 χΧαϋοοϋ οοοϋ χς χ]-
 αι] σι Ιχαοχοϋ ΙΧα^ε. χαχαηηιοϋοϋ 8ε εηηιεϋ αοχοϋϋ χαι χϋτοϋ
 εϋχ^οϋοις ϋελεϋεϋϋ-
 οϋ χαι -ηϋηαϋ ϋχααχϋτ. Χαη3ετϋ §1 χοοϋ εϋςϋεϋεϋοϋ χαιϋ ΤόΧηοϋ
 οτχοηεϋοϋ ϋϋ

² *J. Brunshmid* J. Die Inscliriltten und Miinzen der gricchischer Stiidte Dalmaticns. — Abhandlungen der arch.-epigr. Seminares des Universitat Wien, 1898, 13, S. 2 f.

³ *Wilhelm A.* Neue Beitrage zur griechischen Inschriftenkunde. — Sb. Ak. Wien, 1913, 175, 1, S. 3 1.

⁴ Полный текст надписи с именами колонистов, а также дополнениями И. Бруншмида, В. Диттенбергера и В. Вильгельма см.: *Lisiclar P.* Op. cit., 98—102. Четыре новых фрагмента из списка имен колонистов см.: *Rendic-Miočević D.* Nekoliko novih ulomaka grčkog natpisa iz Lumbarde. — *Vjesnik Arheol. muzeja u Zagrebu*, 1970, 4, s. 3 !.; *Idem.* Isejska naseobina u Lumbardi (Korčula) u svjetlu novih istrazivanja. — *VAHD*, 1960, 08, labl. 24, 2.

10. **α.1** x[a]g aotatps'ou nsXs&pa xsaapa xai τικιον. x[a]g 8s **αργυρος**
ofAvovan **Πικιο**
εποτ]ε xav ixoXtv [L]iSe xav copav avoaixov 7ior[aca{ai [j.7]8a]Amg.
i si 8s xt
ka προ&τ. ij 'exag **οταγορερι παρ'** x[a s^atpiop.sva,
auxog axiji.og xai
xa U7tap)^ovxa 8a:j.6a[ta **εοx**]и, afooiog [8s o arcoxxecvag auxov--]
- -ТОГ- -
18 - -ПАТ1- -

[/ - el xa xwi 8]afj.un s6[STTJ. -]

[O]i8[e] xaxsXapov xav ^wp[av xai exei^iSIJav xav noXtv'
[Af]j[ia]veg [TXXeif] najxcpoxoi.

v. 1: Maf^aveog. ouv&T]a Xoyia— Di⁵.; oixta Wi⁶. v. 2: auvSYpa<]av oi oixioxai — Wi.; ooy[ε&evxo — Di. v. 3 — suppl. Bru.⁷
v. 4: oixoit[s8ov Iva Ixaoxov xag — Di.; iv-Wi. v. 5: e[co aoxag XafSciv xoog aoflxoog— suppl. (Di. et) Wi.; s[fw aXXo [ispog XaBeTv ab]xoog- Kla.⁸; oixorceSov— supplevi. v. 6 supplevi.
v. 7/8 in.: [xai xag X^uP^a cov zs j xai — Di.; [xai xov xXapov xai xa [xspj or]eT — Wi.; xoog xXapoug — supplevi. v. 8/9 in.: x[otg sTrvotg reSxe | &po]v — Bru. По количеству утраченных в начале стк. 9 букв следует читать [7tsXs&po]v. exyovoig — Wi. v. 9/10 in.—suppl. Wi. v. 10 —suppl. Di. v. 10/11 in.: [[xt]8]ercoxe]—Di. [[j.7j]s[7tox]s — Ma.⁹ v. 11/12 in.: «oirj-[oed&ai [iT]8ajia]g — Bru.; el 8s xt | xa ap^cov] — Di. (Syll.³ № 141); apx<»)jy]—Ma. v. 12: προ&τ]. ouvappTioT]— Schw.¹⁰
v. 12/13: x[a stjTi!pio]i.Iva. aoxog axip-og xai | xa 6itap^]ovxa 8a:j.6a[ta ~~axip~~ — Bru.; e<j)a<]pia]j.5va—Di.; a&wolg s[s o d/rcoxxsivag aoxov Di.; a&<5iog—Ma. v. 16: el xa tan 8]ajiuH 86-[Stji — Di.; 8ofTi — Schw. v. 17/18: Oi8s] xxX. — suppl. Bru.; [o]78[e] — Ma.

П е р е в о д :

«Счастливой судьбы! При гиеромнемоне Праксидаме, в месяце Маханее, договор ойкйстов иссейцев, и Пилла, и его сына Даза. Они составили следующие предписания, и народ постановил: (§ 1.) Первым переселенцам, занявшим местность и обстроившим город стенами, получить

⁶ Dittenberger W. Syll.², N 933.

⁶ Wilhelm A. Op. cit., S. 16.

⁷ Brunsmid J. Op. cit., S. 7.

⁸ Klaffenbach G. Zur Siedlungsinschrift von Korkyra Melaina. —

В кн.: Изследования в чест на Д. Дечев. София, 1958, S. 219—220.

⁸ Maier F. G. Op. cit., I, S. 205.

¹⁰ Schwyzer. N 147.

в качестве привилегии в городе, внутри /же возведенные стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебном] участком, а вне стен им же получить еще по ойкопедону и в хоре в качестве привилегии — основной надел в три плетра из наилучшей земли, а из прочей — те (же) доли. (§ 2.) Записать о клерах, сколько и где каждый получил по жребию. (§ 3.) Пусть всегда у каждого из них и из их потомков будет по полтора плетра земли. (§ 4.) Присоединяющимся переселенцам получить в городе по одному ойкопедону и из неразделенной земли — по четыре с половиной плетра. (§ 5.) Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. (§ 6.) Если же архонт замыслит что-либо против установленного или гражданин поддержит это, то пусть он будет вне закола, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным. . . (§ 7.) Если народу будет угодно . . . Следующие лица заняли местность и обнесли город **стенами**:

Диманы

Гиллеи

Памфилы».

Далее следуют имена колонистов, расположенные в три колонки соответственно трем дорийским филам.

Удачное дополнение Бруншмида в стк. 3, основанное на аналогичной формулировке стк. 17, позволяет предполагать с учетом изгиба облома, что в лакуне сткк. 2—8 не хватает примерно по 17 букв, в сткк. 1 и 9 — 18, в сткк. 10 и 11 — 19, в сткк. 12.— 30 букв. Надпись вырезана довольно убористо, поэтому при дополнении. строк следует придерживаться указанного расчетного количества букв, соответствующего к тому же очень вероятным дополнениям к сткк. 8—11.

Восстановленное Вильгельмом [οἰκίαρχων и οἰκσαῖ в сткк. 1—2 более предпочтительно, нежели [Χοῦρίαρχων Бруншмида и $\sigma\upsilon\lambda\upsilon\epsilon\sigma\epsilon\nu\tau\omicron\upsilon$ $\tau\epsilon\sigma\tau\alpha\chi\chi\alpha\chi\omicron\iota\eta$] Диттенбергера, поскольку внутреннее устройство колонии, и прежде всего раздел земли, было основной функцией ойкистов. Так, в близкой по времени иссейскому декрету надписи второй половины III в. до п. э. из Терма об устройстве колонии на Саме упоминаются $\alpha\rho\tau\omicron\iota\omicron\chi\iota\omicron\alpha\tau$, как будто производившие распределение земли и домов¹¹.

¹¹ IG, IX, p. 1, f. 1, N 2.10. В «Одиссее»-, 'отразившей раннюю пору греческой колонизации, архагет Навсифой возводит дома

Сохранившееся в стк. 2 *ooyf-*] "указывает на коллегияльный характер действий ойкистов иссейцев, Пилла и Даза, которые, стало быть, совместно выработали условия распределения земли". Можно с уверенностью полагать вместе с первыми исследователями иссейского декрета (ср. Syll.³, № 141, коммент. 3), что Пилл и Даз были местными далматскими династами, в сфере влияния которых находилась Черная Керкира (или часть ее)¹³. Дополнение *ol olxtaxa!* в стк. 2 предполагает, по интересной мысли Л. Маргетича, что Пилл и Даз входили в число ойкистов¹⁴. Иллирийцы в данном случае, видимо, были заинтересованы в основании на их земле греческой колонии, с которой они могли бы установить соответствующие экономические связи. Ввиду этого далматские царьки предоставили иссейцам часть своих владений для поселения. Более того, иллирийцы имели право присоединиться к жителям нового города, получить в нем участок под дом и надел в хоре — именно такой смысл, как кажется, содержит § 4 декрета, открывавший колонию как для эллинов, так и для местного населения.

При таком толковании этой статьи декрета становится понятным участие туземных вождей в составлении закона, цель которого состояла в определении прав двух категорий колонистов — первых и присоединившихся. Далматские вожди, предоставив грекам землю для поселения в своих владениях, очевидно, выговорили за это для своих подданных право присоединиться к колонистам (видимо, при этом прежде всего подразумевались интересы населения той местности, где основывался греческий город); именно поэтому Пилл и Даз участвовали в выработке закона о разделе земли между колонистами, представляя интересы туземного населения, составлявшего часть вто-

городскую стену и разделяет землю между колонистами (VI, 7—10). Ойкисту выведенной около 445 г. до н. э. афинской колонии Брей Демоклиду предписывается «в качестве автократора устроить колонию как можно лучшим способом», что подразумевало внутреннюю организацию поселения (№ 5.8—9). Ср. также: *Plat.*, *Epist.*, 11. О роли ойкиста см.: *Graham A. J. Colony and Mother City*, Ch. III.

¹² На сколе стк. 2 сохранилась левая вертикальная гаста от *но*. Здесь можно вместе с Вильгельмом восстанавливать *aoyle-fpa^av*] или *oay[e9evto]* Диттенбергера.

¹³ Имена династов — иллирийские. См.: *Russi I. I. Illirii. Bucur.*, 1969, p. 203—204, 240.

¹⁴ *Margetic L. Psefizma o ositivanju grfike kolonije na otoku Korculi.* — *Ziva antika*, 1971, 1, s. 191—192.

])ого контингента колонистов. Такое понимание § 4 подтверждается фактом постепенного увеличения в дальнейшем иллирийского населения в греческих полисах Адриатики¹⁶. Таким образом, одним из каналов проникновения иллирийских элементов в греческие города могло быть включение местного населения, на земле которого основывалась колония, в число ее граждан^{15&}.

Декрет четко определяет права и преимущества первых колонистов, основателей города. Предикативное определение *σιαιρε-сов*, встречающееся в § 1 три раза, указывает, что именно первые колонисты получают в качестве преимущества: ойкопедон внутри городских стен (стк. 4), дополнительный участок при нем (*ixcno?* — стк. 5), наконец, «основной» надел в 3 плетра в хоре плюс еще некие «доли» там же (сткк. 6—7). Это *ε'ουρεχον* (сткк. 3 и 5) определяет восстановление формы единственного числа (стк. 4) — *ο!xbit[ε8ov]*, т. е. первые колонисты получали по ойкопедону с приусадебным участком внутри городских стен (*tā; TSTet^iafiiva;*).

С другой стороны, как указал Г. Клаффенбах, выражение *tā; 8s* в стк. 5 подразумевает не *ta; pbXy;*, т. е. территорию вне города, как полагали Диттенбергер и Вильхельм, а *tā; tete^a^Eya;*. Таким образом, § 1 предписывал получить, во-первых, ойкопедон с приусадебным участком внутри стен и, во-вторых, ойкопедон или участок вне стен (на разделительный характер предписания указывает союз *8s*)¹⁶. В связи с этим Клаффенбах восстанавливал в стк. 5 *tā; 8s ε'ουρεχον* «XXo pipo; Xa(3sv aο||too; «вне стен им же получить другой участок под сад», полагая, что о двух ойкопедонах речь вряд ли могла идти¹⁷.

Нам представляется, однако, что наделение двумя садовыми участками более проблематично, нежели выделение двух ойкопедонов. В гипотезе Клаффенбаха, во-первых, вызывает сомнение «целевое» назначение только

¹⁶ Сошлось, к примеру, на ономастический материал надписей с Хвара. Д. Рендич-Миочевич также отмечает тенденцию к расширению иллирийского ономастикона в греческих надписях, с одной стороны, а с другой — указывает на его постепенную эллинизацию (*Rendic-Miocenic D. Iliri u natpisoma greckih kolonija u Dalmaciji*. — *VAND*, 1950-1951, 53, s. 43, 56-57).

^{15a} Ср.: *Diod.*, XII, 9, 2; *Etym. Magn.*, s. v. *Ἰστοπιλαία*.

¹⁶ *Klaffenbach G. Op. cit.*, S. 219—220.

¹⁷ *Μισπο?* — это приусадебный участок под сад и огород. Подробней об этом см. ниже.

распределяемых, еще не культивированных земельных угодий среди граждан основанной колонии под сад (или виноградник, как полагал Вильхельм, дополняя стк. 6). «Целевая» культивация, в частности насаждение садовых культур, широко практиковалась в отношении полисной земельной собственности; что же касается частновладельческих угодий, тем более в только что основанной колонии, то подобная регламентация, подавляющая хозяйственную инициативу индивидуума, вряд ли вероятна. Во-вторых, подобное дополнение оставляет совершенно необъяснимым следующее обстоятельство, почему-то ускользавшее от внимания исследователей. Согласно декрету, первым колонистам ойкопедон дается в качестве преимущества перед присоединяющимися колонистами, на что указывает в стк. 3 предикативное определение *eSai'petov* — «особо», «как привилегия перед дополнительными переселенцами». [Дело отнюдь не в том, что этот ойкопедон на городской территории выделялся с приусадебным участком — это особо оговорено и отмечено другим *s'atpetov* — при выражении (*Xajzeiv*) *aov* тап jxerei в стк. 5.] Но если первые колонисты получали ойкопедон в городе в качестве преимущества, то дополнительные колонисты либо получали его вне города, либо в пределах городских стен, но меньших размеров, т. е. сткк. 9—10 следовало бы дополнять чем-то вроде та [*oixonsa se to xio; xai ta*]: *aSiapsTOu xTX*. или *toiv -tjfu'asiv oixotcsoou xai ta*]; *xTX*.

Однако предоставление ойкопедонов присоединявшимся колонистам как за пределами городской стены, так и меньших размеров²⁰ пока что остается в сфере проблематичных предположений, поэтому более вероятным представляется заключение о том, что дополнительные колонисты получали по ойкопедону в городе, а первые переселенцы — по два ойкопедона, один из которых был расположен в пределах городской стены, а другой — вне ее. Исходя из этого, в стк. 5 можно дополнить: та; 8e e[?a) aXXo otxonsSov ao]]тоб;.

¹⁸ Ср. предписание локридского декрета о разделе земли, поощряющее всякую индивидуальную культивацию вообще: *ho Ti bk xa. (pu'tuehat, aauXo? eia-uo (№ 3.6—7).*

¹⁹ Некоторые данные по этому интересному вопросу как будто имеются в отношении Олинфа и других городов, но вопрос этот требует специальной разработки.

²⁰ Ср.: *to oUonibou to %nau — IG, XII, 5, № 272. 63 (здесь под ойкопедоном подразумевается» двор с его хозяйственными постройками).*

Наделение первых колонистов двумя ойкопедонами имеет свой *raison d'être*; во всяком случае, наличие ойкопедонов на клерах в хоре засвидетельствовано как археологическими, так и письменными источниками. Ойкопедон как строительный участок при выделяемом наделе может быть усмотрен в проксении из Гортины: проксену предоставляются $\text{Fotx}\sigma\alpha\nu \text{ sv AFX}\sigma\upsilon\iota \text{ svSo?}$ $\text{тi}\rho\upsilon\omicron \text{ xai Foix}\sigma\upsilon\iota\epsilon\text{Sov}$ $\epsilon\chi\alpha\omicron\iota$, уЭч. хТХ., т. е. дом в укрепленной части Авлона, а вне ее — ойкопедон, земельный участок и пр.²¹ В декрете из Додоны неизвестной корпорации (?) предоставляются $\{\text{oixov x}\}\text{ai ta E}\tau\tau\prime\sigma\chi\alpha \text{ arcavTa}$, $\alpha\pi\omicron\upsilon\pi\alpha\nu \alpha\upsilon \text{ Κοζοϋ}^1$, $\text{Xei}\tau\iota\tau\iota\upsilon\upsilon\alpha \text{ 'ETC 'A}\&\text{spi'UN}$, $\alpha[\chi\tau\epsilon\chi\chi\omicron\omicron; \text{ nap K}\omicron\chi\alpha\tau \text{ x[ai] oix}\epsilon\tau\tau\text{Sov}$, т. е. дом со всей движимостью, пашня, луг и виноградники в разных местах хоры, а также ойкопедон, видимо, при винограднике²². В данном случае, как и в ряде других надписей, текст не позволяет определенно установить, ч^то подразумевается под ойкопедоном — строительный участок или возведенные постройки, но сам факт наличия ойкопедонов при земельных участках независимо от значения слова является терминологическим свидетельством наличия некогда строительного участка при наделе в хоре: слово, обозначавшее строительный участок, стало обозначением возведенных на нем построек²³. Данный вывод находит подтверждение в «Законах»: Платон прямо рекомендует наделять колонистов двумя ойкопедонами²⁴.

Усадьба на сельскохозяйственном наделе является практической необходимостью. Например, при размежевании хоры Херсонеса Таврического, проведенном на Гераклеяском полуострове в III в. до н. э. и носившем единовременный характер, было образовано около

²¹ *Schwyzler*, N 176 (бустрофедон).

²² SGDI, 1899, 2, N 1365.

²³ Ср.: IG, II—III², № 1594 В.52: $\lambda\omicron\prime\text{n.ЦккБа}$ то х[^]pio; № 1598 А. 12: $\gamma\pi\sigma\upsilon \text{ xai otv.oucSov}$; Syll.³, № 302: $\text{oixois}\&\alpha$ при невозделанной земле, отданной для культивации. В «Аттических стелах» упоминаются земельный и строительный участки около святилища Аполлона: $\text{x}^{\rho}\text{L}^{\text{ov}} \text{ -}\epsilon\lambda\epsilon\tau\epsilon\text{r}\omicron\text{t}\omicron\text{c}\omicron \text{ ITu}\tau\iota\text{[iov]}$ vac. $[\text{oix}\epsilon\tau\tau\text{Sov}]$ $[\xi]\text{X}\upsilon \text{ [x]at x}\epsilon\text{ДрH} \text{ n[6]Siov}$ (ML, AS 79.99—101). Большой материал об ойкопедолах в хоре содержит папирусные документы; обсуждение его и литературу см.: *Pritchett W. K. The Attic Steiai*, II. — *Hesperia*, 1956, 25, p. 265.

²⁴ *Plat., Legg.*, 745c, 775o; ср.: *Arist., Pol.*, II, 3, 8. По-видимому, Платон имеет в виду не только городскую территорию, но и хору: $\text{t}\epsilon\upsilon$ (sc. $\text{oixijai}\nu$) TSV кауахcov — *Legg.*, 745o ср. с окраинными участками хоры — *Legg.*, 745c.

380 клеров площадью по 26,4 га, каждый из которых имел усадьбу²⁵. Усадьбы состояли из нескольких хозяйственных и жилых помещений, двора и ограды общей площадью от 500 до 700 кв. м; встречаются и более крупные усадьбы площадью до 2000 кв. м²⁶. В данном случае факт единовременного возникновения усадеб при клерах в результате размежевания земельных угодий полиса сам по себе может свидетельствовать о выделении клеров вместе с ойкопедонами. Во всяком случае, выделение клера с ойкопедоном безусловно имело место на Маячном полуострове, составлявшем хору так называемого «Страбонова» Херсонеса, который располагался тут же, на перешейке, отделявшем Маячный полуостров от Гераклеяского. Вся площадь Маячного полуострова (около 360 га) была размежевана в IV в. до н. э. примерно на 80 клеров по 4,5 га каждый²⁷. При всех клерах имелись усадьбы, часть которых служила капитальным жилищем. Наличие жилщно-хозяйственных комплексов при клерах, в данном случае не являвшихся необходимостью, поскольку городские жилища были расположены тут же, в непосредственной близости, определенно свидетельствует о практике выделения клеров вместе с ойкопедонами при размежевании.

Наделы иссейских колонистов были очень маленькими (в сравнении хотя бы с теми же херсонесскими), и это обстоятельство могло быть причиной льготного наделения первых колонистов дополнительным участком под усадьбу при клере.

Выражение τᾱ; 5ε ᾗΧΧα; стк. 7 предполагает противопоставление другому виду земли, упоминавшемуся в лакуне стк. 7. Дополнение Вильгельма [τᾱ; ;xsv duTtsXfTioo;], как указывалось, представляется маловероятным, поскольку предполагает «целевой» или специфический вид земельных угодий. В лакуне стк. 6, на мой взгляд, следует искать обозначение вида земли более общего характера. Аналогичное выражение, соответствующее τᾱδ δρτα; та; нашей надписи, содержится в рассказе Диодора о разделе земли в Сиракузах при Дионисии Старшем, когда

²⁵ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник. Симферополь, 1961, вып. 4, с. 51—52.

²⁶ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 117—123; Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 87 сл. •

²⁷ Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., с. 29—32.

ближайшие сподвижники тирана в качестве привилегии получили лучшие земельные угодья — $\chi\lambda\ \acute{\alpha}\rho\tau\acute{\alpha}\chi\tau\grave{\iota}$ (sc. $\gamma\tau\grave{\iota}$)²⁸. В § 1 декрета также устанавливаются преимущества первых колонистов при разделе земли, поэтому в лакуне стк. 6 можно ожидать аналогичное определение земли, противопоставляемое $\chi\lambda\ \acute{\alpha}\chi\chi\alpha$ следующей стк. 7. Следовательно, в стк. 6 возможно восстановление [Χοφέβ χαγ δρτ-ахад].

Земельные угодья античного полиса оценивались в зависимости от качества почвы, характера окружающего рельефа (равнинности, близости источников) и по степени близости к городу. Такое заключение можно сделать из 14-й главы пятой книги «Законов» (745c—d), где Платон трактует вопросы, связанные с основанием города. Он отмечает, что сначала следует выбрать соответствующую местность; определив место акрополя, его следует окружить стеной. Начиная отсюда делят на 12 частей и самый город, и всю страну. «Эти двенадцать частей должны быть разными; те участки, где почва хорошая, будут меньше, а где плохая, — больше. . . Каждый из них (наделов — *В. Я.*) опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний; из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо соединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу, — с таким, который не на самом краю, и так далее. При этом разделении на две части надо обращать внимание, как мы сейчас указали, на плохое или хорошее качество почвы, соответственно увеличивая или уменьшая участки» (пер. А. Н. Егунова).

Естественно думать, что под основной надел отводились лучшие земельные угодья. Поэтому, имея в виду выражение Платона $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\epsilon\ \gamma\tau\grave{\iota}\gamma$, возможно и другое восстановление лакуны стк. 6: [Χαγ3stv хāг āγa&āг уāг]. Вариант [Χαf3stv хāг āpfaxag уāг] представляется более вероятным, поскольку в таком случае получается аналогичная пара противопоставлений: $\chi\theta\ \delta\delta\ \acute{\omega}\rho\alpha\gamma\ \chi\tau\upsilon\ \acute{\alpha}\rho\iota\theta\tau\upsilon\upsilon$ — $\chi\tau\upsilon$

²⁸ *Diod.* XIV, 7, 4: Дионисий в 404 г., «отобрав лучшую землю, одарил друзей и ближайших сторонников, а прѣхую распределил поровну среди наемников и граждан» (Πλκ 5E X*P⁰υ Τυν ἀριαιτjυ εJeXόφιεvos εStορjαιTO τοT? те tplXon xai τοT? &<p' fjjt[xo^(a<; Texayfilvois, tijv S' āXXijv εfiipiaev εrc' icijs ijevio те xai twXITIJ). Данную параллель впервые привел Вильх'ельм.

8' aAAijV у Диодора и хаg хпра<. . . [хаg арфахаg уаg] — хаg 8s aXXаg в декрете. Вместе с тем очевидно, что Диодор обходился без слова «земля» в указанном противопоставлении: оно подразумевается само собой при хуg упра;. Следовательно, в декрете могло и не быть хаg уаg в одной строке с хаg /a>раg.

Таким образом, § 1 декрета гласит: «Первым переселенцам, занявшим местность и обстроившим город стенами, получить в качестве привилегии в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебным участком, а вне стен им же получить еще по ойкопедону и в хоре в качестве привилегии — основной надел в три плетра из наилучшей земли, а из прочей — те же доли» (о значении выражения ха [херУ] см. ниже).

Дополнения Вильгельма [xov xXарov хаi ха [лєр] Pоrсjei и Диттенбергера [хаi хаg ^сораg оаov xs хаi] еi в лакуне сткк. 7—8 имеют свои сильные и слабые стороны. Восстановление Диттенбергера не содержит объекта, требуемого инфинитивом аvауατr^ev²⁹, но хорошо объясняет сохранившиеся в начале стк. 8 буквы EI в соответствии со смыслом фразы. Дополнение Вильгельма содержит этот объект, но ояеь самому Вильгельму казалось сомнительным (перед первым е стк. 8 скол проходит таким образом, что при наличии там те правый верхний край этой буквы был бы виден). Поэтому более предпочтительной представляется контаминация обоих добавлений, учитывающая их сильные стороны: [хооg xXарооg оаov xs х|ai] еi — «Записать о клерах, сколько и где каждый получил по жребию».

Дополнение Бруншмида в лакуне начала стк. 9 нуждается в небольшом уточнении, поскольку в ней вместе с сохранившимся неполностью конечным v слова пsXeSpov может уместиться не более трех букв; это определяет перенос [- - rсXe&|pо]v.

В лакуне начала стк. 10 есть место от силы для четырех букв, оптимально — для трех, поэтому первую букву слова хаf лучше оставить в предыдущей строке.

Прежде чем перейти к интерпретации содержания надписи, кратко охарактеризую ее язык. Иссейская надпись

²⁰ По той же причине малопринемлемо восстановление Л. Маргетича [оаov те хаf ауv xSi [хеjpsi (*Margetić L. Op. cit.*, s. 203).

доставлена на южнодорийском диалекте, свойственной также метрополии Иссы — Сиракузам³⁰. Язык надписи представляет собой контаминацию ранних форм с фонетическими инновациями. В числе довольно архаичных черт можно отметить употребление **хоо** стк. 2 в значении притяжательного местоимения, как у Гомера; сохранение первоначального *с* (без *йоты адскриптум*) в 3 л. ед. числа конъюнктивного аориста — $\tau\rho\omicron\&t$, **αυαυορϋα**) (стк. 12). Интересен аористный инфинитив на *-siv* (ΧαSstv), зафиксированный для дорики лишь в коринфском, родосском и мегарском говорах³¹; следовательно, колония сохранила характерный элемент языка метрополии Сиракуз — Коринфа. Наряду с этим некоторые формы свойственны как раннему, так и последующему времени: отсутствие *i* в **ιοβ** (встречается с VI в.); Sαjioata может быть рассмотрено как раннее дорийское явление (ассибилляция *х* перед *i*), но не исключено также, что это результат влияния ионийско-аттической формы, т. е. один из элементов койне. Наконец, встречаются формы, обусловленные определенным влиянием койне: **οχας**, **οixοrteSov** с элидированной дигаммой³², которая сохранялась в дорике еще в эллинистическую эпоху наряду с ионийско-аттическими **λρiχο**; (вместо дор. **ιατοδ**) и **χσααρα** (вместо дор. **χEχορεδ**). Таким образом, проявляющиеся в языке иссейской надписи следы влияния койне, сказавшегося прежде всего в формах числительных и других отдельных широкоупотребительных лексем, вполне согласуются с датировкой надписи III в. до н. э. по палеографическим признакам³³.

³⁰ Исса была основана Дионисием Старшим в 390—380 гг. (Novak G. Hvar. Zagreb, 1960, s. 28; RE, Hbbd. 25, Sp. 733).
³¹ Buck, p. 122.

³² Аналогичное явление наблюдается также в Гераклеийских таблицах, где тема **Fotx** — утратила *дигамму* при почти полном сохранении ее в языке этого памятника. Ср.: Uguzzoni A. Ghinatti F. Le tavole greche di Eraclea. Roma, 1968, p. 38.

³³ Сначала В. Диттенбергер вслед за Э. Мойером относил надпись ко времени около 385 г. (Syll.³, N 141). И. Бруншмид, Ф. Майер и Д. Рондич-Миочевич также датировали ее началом IV в. Г. Новак и А. Грэйзм осторожно датировали ее IV в. (Novak G. Hvar, s. 30; Graham A. J. Colony and Mother City, p. 43), а П. Лисичар — второй половиной IV в. (Op. cit., s. 108). Однако в последнее время Д. Рондич-Миочевич и Дж. Вудхед понизили датировку надписи до III в., что действительно соответствует шрифту надписи (Rendic-Miočević D. Isejska naseobina. . ., s. 135; Woodhead A. G. The «Adriatic Empire», p. 509).

§ 2. Раздел земли колонистами

Исследуемый документ, трактуя вопросы раздела земли между колонистами, относится к одному из последних звеньев в цепи событий, связанных с основанием колонии на Черной Керкире. Употребленные авторами декрета аористные и перфектная формы $\chi\alpha\chi\epsilon\chi\alpha\tau\iota\omicron\nu$ — стк. 17, $-t\sigma\iota^{\wedge}t\iota\alpha\nu\chi\alpha$; — стк. 4, $\chi\sigma\chi\epsilon\iota^{\wedge}t\iota\alpha\lambda\jmath.\acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma$ — стк. 5) ясно показывают, что до принятия закона о разделе земли колония уже была основана, местность занята, стены возведены. Аналогичным образом $\chi\alpha\tau\epsilon\iota\nu$ стк. 9 показывает, что в колонии были уже и дополнительные колонисты. Следовательно, в ходе распределения строительных и земельных участков, очевидно, произошли какие-то трения, которые привели в конце концов к выработке народным собранием метрополии закона, регулировавшего раздел земли между колонистами. Анализ надписи и данные общегреческой колонизационной практики позволяют дать следующую реконструкцию общего хода событий, связанных с основанием колонии и изданием декрета.

Народное собрание граждан города Иссы принимает решение об основании колонии на Черной Керкире и определяет примерный контингент переселенцев³⁴. Специально назначенные ойкисты еще до принятия этого постановления находят наиболее удобное место для основания города³⁶. Выбор пал на Черную Керкиру, возможно, на ту ее часть, где в VI—V вв. была расположена колония книдян³⁶. Ойкисты договариваются с далматскими владельцами острова и выводят туда около 250 (судя по числу сохранившихся имен и патронимиков) иссейских колонистов.

Завершив нелегкий труд по возведению оборонительных стен, колонисты приступили к разделу строительных и земельных участков. Однако в это же время стали прибывать новые переселенцы, которые претендовали на

³⁴ Ср. постановление ферян о выводе колонии в Кирену и афинские декреты об отправлении колоний в Брею и Адриатику (№ 1, 5, 14).

³⁶ Ср.: *Hdt.* IV, 151 сл. — о предварительной разведке перед основанием Кирены и известие схолиаста к Аристофану (*Nub.* 332) — о комиссии из 10 чел., посланных на разведку перед основанием Фурий (*Tod.* 1, p. 89).

³⁶ *Stb.* VI, 315. Подробнее см.: *Gitti A. Sulla colonizzazione greca nell'alto e medio Adriatico.* — *PP.* 1952, 7, p. 183—185.

одинаковые с первыми строителями города права — ср. временную разницу причастий: *ol npffioi* |xaxa).a36vxsg] сткк. 317 — первые колонисты, уже занявшие местность (аорист), и *ol e-~~π~~ρ/ovTs?* стк. 9 — прибывающие переселенцы (презенс). На этой почве могли возникнуть трения между двумя группами колонистов, так как первые строители города, естественно, считали себя имеющими право на более привилегированное положение³⁷. В категорию присоединившихся колонистов могли входить жители Иссы и, видимо, других городов, а также местное далматское население, которое, согласно договору между ойкистами и туземными вождями, в качестве компенсации за уступленную грекам землю, очевидно, имело право присоединяться к жителям нового города³⁸. Именно при такой интерпретации становится понятным участие Пилла и Даза как отдельной договаривающейся стороны в коллегии ойкистов при выработке закона о разделе земли³⁹. Ввиду создавшейся ситуации колонисты апеллировали к народному собранию метрополии, которое поручило представителям обеих сторон — ойкистам и местным вождям, включенным в число ойкистов, — выработать постановление о регулировании раздела земли. Закон был выработан на умеренно-олигархической основе и после утверждения его народным собранием в форме декрета обнародован в колонии. При этом были точно определены лица, имевшие привилегии в качестве первых колонистов: их имена были вырезаны под текстом декрета.

³⁷ Ср.: *Diod.*, XII, II, 1 — о стасисе в Фуриях между сибаритами, считавшими себя коренными жителями, и прибывавшими позднее переселенцами. См. также: *Arist.*, *Pol.* V, 2, 9—10; *Hdt.*, IV, 159—161 — о стасисе в Кирене по аналогичному поводу.

³⁸ В списке колонистов представлено несколько иллирийских имен — *ΕαΧΧα?*, *Τιρο?*, *ΕφαΧи*; (*Russu I. I. Op. cit.*, p. 242, 247, 259), что может указывать на только начавшийся процесс конвергенции греческого и иллирийского общества в Адриатике. Остальные имена, рассматривавшиеся П. Лисичаром как иллирийские (*Op. cit.*, p. 110—111), распространены во всем северобалканском ареале, в том числе и в греческой антропонимической номенклатуре (*ΖΜΤСU-ros*, *Γ.αΐ/ι.ΤΙα*, *ΣΕΟΧο?* и др.). На основании нескольких иллирийских имен нельзя, однако, подобно Лисичару, делать заключение об иллирийском характере колонии, выведенной Иссой на Черную Керкиру.

³⁹ Не был ли Даз, сын Пилла, главой иллирийских переселенцев? Не исключено также, что именно в его честь был издан оропский проксенический декрет III в. до н. о. (*SEG*, 1958, 15, № 272; ср. № 273).

Раздел участков между Колонистами производился после постройки городских оборонительных стен, на что определенно указывает перфектное время причастия: $\chi\alpha\gamma\tau\omicron\zeta\chi\upsilon\delta$ [тад] $\chi\epsilon\chi\epsilon\iota^{\wedge}\iota\omicron\iota\iota\upsilon\upsilon\alpha\gamma$ (сткк. 4—5). Известно, что возведение оборонительных стен — это первое, с чего колонисты обычно начинали свою деятельность на новом месте жительства. Так, лакедемонские колонисты, основавшие Гераклею неподалеку от Фермопил и Эвбеи, $\chi\alpha\chi\alpha\alpha\chi\alpha\upsilon\chi\epsilon\gamma$ $\xi\epsilon$ $\acute{s}\acute{x}\sigma\tau^{\wedge}\iota\varsigma\acute{\jmath}\alpha\nu$ $\chi\tau\iota\nu$ $\nu\omicron\chi\iota\nu$ $\epsilon\chi$ $\chi\alpha\iota\nu\tau\acute{\jmath}\gamma$ — «прибыв, обвели город новыми стенами»⁴⁰. У Витрувия есть рассказ об основании города Сальпия и разделе земельных участков, но из текста неясно, происходил раздел после возведения оборонительных стен или одновременно с этим⁴¹.

Декрет же иссейцев, как и другие источники⁴², ясно показывает, что лишь после сооружения оборонительной стены колонисты приступали к устройству своих частных дел — распределению участков: $\chi\alpha\gamma$ $\rho\omicron\chi\upsilon\delta$ $\omicron\iota\chi\omicron\iota\chi$ [eSov sv Ixa-oxov $\chi\alpha\gamma$] $\acute{x}\acute{s}\epsilon\iota\iota^{\wedge}\iota\alpha$ [ievag s;atpsxov aiv xiot [ASci — «получить в качестве привилегии в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, (опять-таки) в качестве привилегии — с приусадебным участком».

Выражение $\omicron\iota\chi\omicron\iota\epsilon\beta\omicron\nu$ $\alpha\omicron\nu$ $\chi\eta\eta\iota$ $\acute{\jmath}\acute{x}\sigma\psi\acute{s}$! нуждается в разъяснении. Слово «ойкопедон» в литературных источниках имеет следующие значения: 1) участок под дом, место, на котором строится или построен дом; строительный участок; место города; 2) собственно дом, строение⁴³. Анализ эпиграфических документов уточняет значения этого термина: 1) комплекс хозяйственных и жилых помещений⁴⁴; 2) хозяйственный комплекс с двором и утилитарными постройками при жилище⁴⁵; 3) строительный

⁴⁰ *Thuc.*, III, 92, 6.

⁴¹ Марк Гостилий, получив разрешение сената основать город на новом месте, *constituit utque moenia et areas divisit nummoque sestertio singulis municipibus mancipio dedit* — «возвел стены, разбил землю на участки и отдал их за бесценок каждому гражданину по отдельности» (I, 4, 12. *Пер. Ф. Петровского*).

⁴² Ср. рассказ Диодора об основании Фурий (XII, 10 сл.) и Павсания — о закладке города Мессены (IV, 27, 3—4). По Диодору, Эпаминонду понадобилось 85 дней на основание Мегалополя.

⁴³ LSJ, s. v.

⁴⁴ Syll.⁸, № 302: $\omicron\iota\chi\omicron\iota\epsilon\sigma\alpha$ при пахотном поле или саде.

⁴⁵ $\tau\iota\upsilon\nu$ $\omicron\iota\chi\iota\epsilon\tau\upsilon$ $\chi\alpha\iota$ $\tau\omicron$ $\omicron\iota\chi\omicron\iota\epsilon\tau\omicron\varsigma\omicron\nu$ $\tau\omicron$ $\upsilon\pi\omicron\alpha\omicron\nu$ — «дом и прилегающий ойкопедон» в актах о купле-продаже земли из Амфиополя (ВСН, 1961, 85, р. 429—430) и в списках проданной недвижимости на Теносе (IG, XII, 5, № 872, у. 44, 63). Более развернуто строительная терминология, связанная с основанием города, была

участок под дом с двором и хозяйственные постройки при нем — ср. распоряжение Антигона о синойклизме Теоса и Лебедоса, в котором теосцам предписывается выделить каждому из переселяющихся лебедосцев по ойкопедону, равному тому, который он имел в Лебедосе; пока же они будут строиться, предоставить лебедосцам дома для жительства бесплатно⁴⁶. По характеру это письмо Антигона близко декрету иссейцев в том смысле, что в обоих документах имеется в виду городское строительство, поэтому термин «ойкопедон» употреблен в них в одинаковом значении. Таким образом, здесь «ойкопедон» — это отвлеченный технический термин из строительного лексикона, обозначающий площадь, отведенную под строящийся дом, двор и хозяйственные постройки при нем.

Меро? при ойкопедоне не засвидетельствован нигде, но так как в декрете иссейцев он встречается еще раз в значении «земельный участок» (стк. 7), выражение *οικωπεδων αυταν* [i:epɛ] следует понимать как «площадь, отведенная под жилищно-хозяйственный комплекс с приусадебным участком». Резонно полагать, что этот приусадебный участок отводился под сад и (или) огород⁴⁷. Мерод здесь фактически эквивалентен слову *υρjυσσοv*; ср. дефиницию последнего в лексиконе Фриниха: «гэпедоны.— это участки в городах, прилегающие (к домам), как садики»⁴⁸.

представлена в законе о колонии из этолпийского Терма: сначала упоминаются частновладельческие площадки под жилищно-хозяйственный комплекс — *εc τoΓ? iBioi? oitonibot?* (стк. 4), затем говорится о доме и его части — *τo τa? oBia? [i]jero?* (стк. 20). К сожалению, от этой очень важной надписи (IG, IX, p. 1, f. 1, N 2) сохранилась лишь треть. В надписи V в. из Гортины упоминаются предоставляемые проксену *Φοixiav εv 'ΑFXQvi εv Sai Tυρφο χα! ΦοixOΓεcοv Ιχαοl Tεv* — «Дом в Авлоне внутри башни и пне (εε) — ойкопедон из земель» (*Schwyzler*, № 176). Ойкопедон здесь, несомненно, выделяется под хозяйственные постройки.

⁴⁶ Syll.³, № 344. Интерпретацию надписи и частичный перевод см. в кн.: *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950, с. 100-101.

⁴⁷ Если обратиться к этнографическим параллелям, то в приазовских греческих селах выражение *οiλvιbιoι αov τaλ uipet* могло бы обозначать площадь, ограниченную невысоким забором, сложенным насухо из рваного камня, который у древних греков назывался *Suprη*, а у приазовских — ташхура. Эта площадь состоит из дома (спит), двора (авли), хозяйственных построек — хлева (мандри, аран), птичника (жуму), свинарника, погреба, летней печи, сарая, а также сада (кинос, бахча) и огорода (ливада).

⁴⁸ *Behker I.* Anecdote Graeca. В., 1814, 1, p. 32. Подробнее о гэпедоне см.: *Pritchett W. K.* Op. cit., p. 263—264.

В иссейской надписи $\rho\tau\omicron$; — участок определенных размеров, представляющий собой минимальную отсчетную единицу, лежавшую в основе исчисления размеров каждого надела. Можно попытаться установить абсолютную величину этого модуля. Упомянутые в декрете площади (1,5; 3; 4,5 кв. плетра) кратны некоему участку в 1,5 или 0,5 плетра. Если принять, что в основу исчисления величины надела положен участок в 1,5 кв. плетра (т. е. одна доля—1,5 кв. плетра), то размеры города окажутся слишком большими. Остается допустить, что одна доля приравнивалась к половине кв. плетра, и это будет более правильным, так как в абсолютном отношении наделы иссейских колонистов довольно незначительны (например, присоединяющиеся колонисты получали по 4,5 кв. плетра, что составляет 0,427 га). Интересно отметить, что в «Законах» Платона (741 с) $\gamma\epsilon\pi\epsilon\delta\omicron\nu$, как и наш $\rho\iota\omicron\rho\omicron\varsigma$, относится к городскому наделу (ойкопедону) колониста; он должен быть унаследован сыном владельца, причем надел этот должен оставаться неотчуждаемым. Имея в виду § 3 нашего декрета [«всегда быть у них (т. е. первых колонистов — В. Я.) и у потомков у каждого по полтора плетра земли»], можно предположить, что $\kappa\omicron\pi\omicron\sigma$ при ойкопедоне входил в число 1,5 кв. плетра, постоянно остающегося у каждого из первых иссейских колонистов и его потомков в качестве земельного надела. Отсюда следует, что модульной единицей действительно были 0,5 кв. плетра (как минимальная кратная величина при площади в 1,5 кв. плетра постоянно остающейся у первого колониста земли) и что из основного надела надо было постоянно оставлять в качестве обязательного цензового участка 1 кв. плетр из 3, полученных при первоначальной размежевке среди основателей города ($\kappa\rho\tau\omicron\upsilon$ $\chi\alpha\rho\omicron\nu$).

Исходя из модульного участка в 0,5 кв. плетра, можно получить следующие предположительные цифры. Первые колонисты, которых было около 250⁴⁰, получали ойкопедон с приусадебным участком, равным одной доле, т. е.

⁴⁸ В той или иной степени сохранились имена или патронимы примерно 170 колонистов. По длине наибольшего столбца насчитывается около 250 чел. Г. Новак считает, что их было около 200 чел. (*Novak G. Vis. Zagreb, 1961, s. 25*). Ср.: *Hdt.*, IV, 148: лакедемонянин Фера отиравился в колонию с тремя триаконтерами, т. е. примерно со 150 колонистами; IV, 153: Батт отиравился заселять Кирену на двух пятидесятивесельших суднах, т. е. опять-таки колонистов было около 150 чел.

в городе на каждого из Них приходилось примерно йо 700 м² (доля — 475 м²+примерно 225 м² под ойкопедон)⁵⁰, всего на них приходится 14 га городской территории. Присоединявшиеся колонисты в городе получали только по ойкопедону: если предположить, что их было также около 200, то на их долю приходится около 4—5 га на городской территории. Добавив 1—2 га под улицы и площади, получим общую территорию города, равную примерно 20 га.

Как видим, первым колонистам было представлено значительное преимущество при разделе городской территории, ибо присоединяющиеся колонисты получали в три раза меньшую площадь. Во всяком случае, если и не принимать эти цифры, привилегированное положение первой группы колонистов очевидно — согласно декрету, они получают ойкопедон с приусадебным участком, в то время как присоединяющиеся — только ойкопедон (сткк. 4—5, 9).

Более сложная картина вырисовывается при анализе системы раздела земли за пределами города. Согласно декрету, каждый колонист первой категории получает в качестве привилегии основной надел в 3 плетра и какие-то определенные доли из остальной земли (ха [isp-] стк. 7). На первый взгляд кажется, что определить точную величину всего надела, получаемого колонистом первой группы, невозможно, так как число долей (ха [iipr]) неизвестно. Более того, такая точка зрения как будто поддерживается и «Законами»: Платон полагает, что способ правильного распределения земли (т. е. в основном величина участков) может быть установлен после определения необходимого для защиты от окрестных жителей числа граждан, которое, однако, можно выяснить лишь на месте, в соответствии с количеством и качеством земли (про? Т7у уТ7у), а также близлежащими полисами. «Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это не только на словах, но и на самом деле» (Legg., 737b—d). Отсюда как будто ясно, почему декретом иссейцев не определены размеры обычных наделов (ха р-рт) первых переселенцев: это можно было сделать только на месте, в соответствии с окружающими условиями.

Однако, как указывалось выше, город уже был основан и, естественно, все эти условия известны.

Если полагать, что *χά ἕρπ]* означает «доли» вообще, то это предоставляло бы каждому первому колонисту возможность неограниченного присвоения земли. Однако земельные угодья иссейской колонии были ограничены, что обуславливалось как ее островным положением, так и лесистостью острова⁶¹. Далее, земля для колонии была выделена местными царьками, конечно, считавшимися с тем, что остров заселен их подданными. Следовательно, *χά ἵερτ]* означает какую-то определенную меру земли и это выражение надо понимать как «те (же) доли» (*χ* — артикль, а указательное местоимение множественного числа среднего рода, как и в стк. 2 *χοῖ* — не артикль, а притяжательное местоимение. Оба случая — архаистические черты языка нашей надписи).

Таким образом, § 1 предписывает «получить из наилучшей земли основной надел в три плетра, а из прочей — те (же) доли», т. е. еще 6 долей, составляющих другой участок в 3 кв. плетра на «остальной земле» (3 плетра — это 6 долей по 0,5 плетра). Отсюда следует, что надел первого колониста состоял из двух участков по 3 кв. плетра каждый — один на земле хорошего качества, другой — на земле обычного качества («остальная земля»); в целом он равнялся 6 кв. плетрам (0,57 га)⁶². Всего земельный фонд 250 первых колонистов составлял около 150 га. Присоединявшиеся колонисты получали участки в 4,5 кв. плетра (0,427 га); если их тоже было примерно 250 чел., то на их долю приходилось около 100 га земли. В целом земельный фонд иссейской колонии на Черной Керкире насчитывал примерно 300 га; очевидно, что цифра эта относительно невелика.

Сопоставим проведенные приблизительные расчеты с данными о другой дорийской колонии — достаточно хорошо исследованным Херсонесом Таврическим. В освоении его хоры и истории собственно города четко наме-

И*
⁶¹ Ср.: *Apoll. Rod. Arg.*, IV, 570—571 — о лесистости острова. На соседнем острове Хваре сохранились следы римского агера площадью до 80 га. Он был поделен на прямоугольные участки, размеры которых в основном невелики, но были и наделы в 5 га. См.: *Dubokovic-Nadalini N. Ager Pharensis.* — *VAND*, 1961—1962, 63-64, s. 91 f.

⁶² Без учета предложенного выше второго ойкопедона или предложерцога Г. Клаффенбахом второго садового участка,

чаются два периода: от времени основания в конце V в.; до середины IV в., когда происходило становление города, а также освоение Маячного полуострова, и с конца IV в., когда город вступил в полосу расцвета. Площадь Херсонеса, заключенная в пределах оборонительной стены середины IV в., составляла около 15 га. В конце этого века оборонительные сооружения были расширены и территория города увеличилась примерно до 25 га. Земледельческая территория раннего Херсонеса была расположена в 12 км к западу — на Маячном полуострове, отделенном оборонительной стеной⁶³. На его территории, составляющей примерно 380 га, были зафиксированы остатки приблизительно ста зданий, т. е. земельные владения раннего Херсонеса были разделены примерно на 100 наделов, видимо, по 3,5 га в каждом⁶⁴.

Приведенные данные о раннем Херсонесе показывают вероятность цифр, полученных для иссейской колонии; разница в величине земельного фонда обоих городов, естественно, предопределена различными природными условиями, которые обусловили ограниченность земельных угодий иссейской колонии.

Земельные наделы как первых колонистов, так и присоединившихся, которые получали по 4,5 плетра, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении данные; были минимальными⁶⁵.

Разница между наделами первых и присоединившихся колонистов на первый взгляд невелика — 1,5 кв. плетра.

⁶³ Блаватский В. Д. Земледелие. . . , с. 26—27; Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1972, вып. 1, с. 28 сл.

⁶⁴ Блаватский В. Д. Земледелие. . . , с. 40.

⁶⁵ Например, в одной керкирской проксении из 12 перечисленных виноградников половина — размером в 4 плетра, два участка по 2 плетра даны одному лицу, остальные — в 6 (пустошь), 10, 20 и 22 плетра (IG, IX, p. 1, N 693). В Аттике около 4500 землевладельцев имели участки величиной примерно в 1 га, другие 4500 — в 3,5 га и еще 4500 — в 7,5 га (Андреев В. И. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 142; цифры эти, разумеется, очень приблизительны). В надписи из малоазийского Иаса (Syll.³, N 169) указаны цены проданных земельных участков, колеблющиеся от 4 до 50 статов. С учетом средних цен на один кв. плетр земли в 50—70 драхм (Андреев В. И. Цена земли в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2, с. 48) это показывает, что жители маленького Иаса владели небольшими наделами, аналогичными тем, которыми наделялись колонисты иссейцев.

однако с учетом приусадебного участка и второго такого же участка (или ойкопедона) в хоре она возрастает примерно до 2.5 кв. плетра, т. е. составляет около половины надела колониста второй категории. Не меньшую, если не бблыпую, роль играло то обстоятельство, что наделы присоединявшихся отрезались от так называемой «неразделенной» земли, т. е. заведомо худшей по качеству, так как хорошая земля, естественно, отводилась под основные наделы первых колонистов.

Итак, в целом декрет различает три категории земли в хоре: 1) земля под основные наделы (стк. 6); 2) «остальная» земля — τὰ ἄλλα (стк. 7)⁵⁶; 3) фонд неразделенной земли — τὴν ἀσάτρηχον (стк. 10).

Наделы первых колонистов нарезались из хоры первой и второй категории, т. е. каждый из них получал по два участка, в то время как присоединявшиеся получали один участок из земли третьей категории. Думается, что система наделения колонистов двумя участками сыграла не последнюю роль в образовании так называемых *byaziai* — окраинных участков, известных в разных областях Греции. Например, в актах о купле земли с Теноса наряду с обычными земельными участками (τὰ /σρῶα) в некоторых случаях упоминаются участки, проданные вместе с окраинными землями⁵⁷. Эти окраинные участки составляли территориально отдаленные части наделов: τὰ [ᾠσρ] | α σῖν 'ΕJΧαιοῶνχι хαι хᾱg са^ [α] xiag ὄααι [ei] aiν χffii (ἠρτοcoji, хоб|хu)ν] (стк. 18, аналогичная формулировка и в сткк. 87—88)⁵⁸. Следовательно, на Теносе некогда существовала та же система наделения землей (колонистов?), что и на Черной Керкире: одну группу наделов составляли отдельные участки, другую — двойные. У этих «двойных» наделов и на Теносе и на Керкире один участок нарезался из хоры первой категории (хῶ ᾠσρῖον), а другой — из хоры второй категории (керкирским хᾱg ἄλλαg τὰ ρῆπ] соответствуют теносские αἰ ἐσχατιαί).

⁵⁶ Земля этой категории упоминается и в афинском декрете о выводе неизвестной колонии (№ 6). Здесь среди колонистов также были как новоприбывшие, так и старые колонисты (Tiplafkis ἀποίχοι, (сткк. 24, 29).

« αἰ kofazhal — IG, XII, f. 5, N 872, v. 18, 34, 55, 87—88, 89.

⁵⁸ Ср. характеристику «окраинных» участков в лексиконе Гарпократона (s. v. ἔα^ατῖ): «Участки при границах земельных наделов называли «окраинными», С ними расположена по соседству гористая местность или море».

Наделение колонистов двумя участками, выявляющееся из иссейского декрета, подтверждает реальную основу рекомендаций Платона⁵⁹ и Аристотеля⁶⁰ о наделении каждого колониста двумя участками — ближним и дальним. Из упомянутого места «Политики» явствует, что такая система наделения применялась в действительности (см. VII, 9, 8), но как широко — неясно. Наличие *ἐα'οραοί* в различных областях Греции может свидетельствовать о том, что практика наделения граждан (в том числе и в основываемых колониях) двумя участками — ближним и дальним (из хорошей земли и из менее качественной) носила общеэллинский характер. Возникла она в процессе периодических переделов земли в полисах архаической Греции (ср. стк. 11: *Πῶς ἰὰν ἑσβῆται τῶν Ττοῦ Ἰφασαῖ*) и была усвоена колонизационной практикой.

Контингент первых колонистов не был достаточно велик для нормального функционирования полиса, поэтому декрет предусматривает привлечение дополнительной группы переселенцев. Аналогичным образом и декрет ферян о колонистах, отправлявшихся в Кирену, предполагал дополнительный приток поселенцев, которым предоставлялся участок из свободной земли: *υἱὸν καὶ ἀεὶ ἀποδοῦναι τὸν χωρὸν ἐλευθέρων* (№ 1.29—33). В богатой Кирене после раздела земли между колонистами осталось еще много неосвоенных угодий: *τὰ ἀζῆσθαι ἄγροα* — земля, не имеющая хозяев⁶¹. На Керкире же земли было мало, поэтому специальный массив резервировался для присоединявшихся колонистов: *τὸ ἀσιαίρητον* — земля, не подлежащая разделу между первыми колонистами. В число присоединявшихся колонистов входили прежде всего жители метрополии, что было обычным в общегреческой колонизационной практике. Видимо, к иссейцам могли присоединяться и другие эллины (аналогичное явление имело место и в Кирене)⁶². Вместе с тем, как указывалось выше, среди присоединявшихся колонистов, несомненно, могли быть и иллирийцы, в первую очередь жители Черной Керкиры. Соображения филологического характера, заставляющие прийти к такому выводу, к сожалению, не могут быть подкреплены археологическими данными, так как

⁵⁹ *Plat., Legg., 745c—d.*

⁶⁰ *Arist., Pol., VII, 9,7.*

⁶¹ *Ср.: Jldt., IV, 159.*

⁶² *Ibid.*

ни сама колония иссейцев, ни ее некрополь еще не известны. Однако археологические параллели из других городов свидетельствуют о возможности такой интерпретации.

Именно такая картина наблюдается в Херсонесе Таврическом, основанном дорийскими колонистами из Гераклеи. Как показали раскопки северного некрополя конца V—IV в. (времени основания города и последующего столетия), почти 50% погребений были скорченными, т. е. принадлежали местному населению⁶³. Следовательно, гераклейские поселенцы, которых, судя по количеству усадеб на Маячном полуострове, было около 100, включали в число жителей основанной колонии какую-то часть местного населения. Думается, исследование некрополя иссейской колонии на Черной Керкире разъяснит этот вопрос. Во всяком случае, среди первых колонистов некоторые носили иллирийские имена.

Как уже говорилось, декрет имел своей целью четко определить права двух категорий колонистов, и прежде всего закрепить привилегированное положение группы первых переселенцев. Этот обычай засвидетельствован для ряда греческих колоний. Например, сибариты считали себя основателями Фурий, они заняли высшие магистратуры и разделили между собой ближайшие к городу земли, а более дальние — отдали другим переселенцам из Греции⁶⁵. Следует отметить, что составители документа стояли на довольно демократических позициях, определяя контингент пользующихся привилегиями колонистов не по происхождению или имущественному достатку, а по степени участия в трудном деле основания города. Предоставление льгот первым колонистам было, конечно, справедливо, так как они вынесли на своих плечах все тяготы по возведению оборонительных стен. Вместе с тем эта справедливость распределения с течением времени становилась одной из основных причин социальной дифференциации и связанной с ней сословной борьбы. Не случайно поэтому декретом предусмотрена обязательная запись участка (§ 2). Чтобы это справедливое распределение не нарушалось, предусматривались соответствующие

⁶³ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. JL, 1948, с. 31—33; Демографическая ситуация . . ., с. 191 сл.

⁶⁴ Arist. Pol., IV, 3, 8.

⁶⁵ Diod. XII, II, 1.

щие меры: «Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. Если же архонт замыслит что-либо против установленного или гражданин поддержит это, то пусть он будет вне закона, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть останется безнаказанным» (§ 5-6)⁶⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что присоединявшиеся колонисты не имели основного надела, который предоставлялся первым переселенцам в качестве привилегии (предикативное определение *sláwpstov* относится к *tov gerfíxov* у Харон стк. 6, как и в предыдущей строке, где оно выражает преимущественность получения приусадебного участка при ойкопедоне). Третий параграф декрета предусматривает обязательное сохранение половины основного надела как первыми колонистами, так и их потомками. Эти полтора плетра составляли земельный ценз, открывавший гражданам доступ к государственным должностям⁶⁷. К присоединяющимся колонистам § 3 декрета не относится: о них впервые говорится только в следующей статье. Таким образом, присоединяющиеся колонисты и их потомки, будучи гражданами полиса, но не обладая основным наделом, а следовательно, и необходимым земельным цензом, не имели права участвовать в государственном управлении. Они-то и составляли ту массу земледельческого населения, не имевшую доступа к должностям, о которой говорил Аристотель⁶⁸.

Предписываемое декретом обязательное сохранение каждым первым колонистом и его потомками половины своего основного надела — не что иное, как гарантия его полных гражданских прав. Следовательно, закрепляемая декретом система экономических преимуществ сопровождалась отчетливо выраженным политическим не-

⁶⁶ Ср. подобную формулировку в афинском декрете о колонии в Брее (№ 5. 20—26). Не исключено, что превентивные меры против возможных нарушений установленной декретом системы земле-владения вызваны наряду с другими причинами существовавшим у далматов обычаем передела земли каждые 7 лет (*Stb.*, VI, 315). Хорошие параллели к восстановленной И. Бруншмид в сткк. 12—13 охранительной формуле см.: *Usteri P. Achtung und Verbannung im griechischen Recht.* В., 1903, S. 58—59. Об *átijs.o?* как *Vogelfrei*, что определяется словом *ja9Sto;*, см.: *Ibid.*, S. 14, 35.

⁶⁷ Ср.: *Arist. Pol.*, IV, 5, 3: «обладающий этим цензом имеет право участвовать в государственном управлении».

⁶⁸ *Ibid.*

равноправием двух групп колонистов, в чем проявляется умеренно-олигархическая направленность этого документа. Закрепляемая им исполития корпоративна, она с самого начала определяла сословную стратификацию общества в новом полисе. Предоставляемая декретом исомайрия также корпоративна: распределение по жребию (Ха-fx^vu), стк. 8) и равенство наделов соблюдаются внутри двух групп колонистов, но не между ними. Установление земельного ценза, гарантирующего полные гражданские права, довольно противоречиво: оно олигархически корпоративно, ибо охватывает не всех граждан, но демократично в отношении первых колонистов, что определялось мелкоземладельческим характером колонии исейцев. В самом деле, составители документа реально предвидели возможность продажи (в силу тех или иных причин) полноправными гражданами своих основных наделов. Для того чтобы сохранить их как таковых, они установили довольно низкий земельный ценз. Близкое по духу становление можно обнаружить и в политике афитейцев, согласно которой небольшая хора их многолюдного государства была поделена на участки настолько мелкие, что все население имело возможность заниматься земледелием, в том числе и бедняки ^{в9}.

Корпоративно-демократический характер устанавливаемого земельного ценза проявляется также в самом факте возможности продажи половины основного надела, тогда как ранее в олигархических полисах постоянно предпринимались меры для сохранения таких наделов ⁷⁰. Платон тоже предписывал гражданам своего идеального государства сохранять первоначальный надел и не бесчестить его куплей-продажей ⁷¹. Аристотель, упоминая о существовавшем во многих греческих государствах законе сохранения основных земельных наделов (той, ΓιαΧαιοβ; xXf|poi?), добавляет: «Нарушение подобного закона на Левкаде повело к тому, что ее государственный строй стал слишком демократическим: требовавшийся ранее определенный ценз для замещения магистратур с того времени утратил свою силу» ⁷². Как видно, во многих

И* ⁶⁹ Этой мерой афитейцы сохраняли многолюдность своего полиса. Ср.: *Arist. Pol.*, VI, 2, 6.

⁷⁰ *Ibid.*, VI, 2, 5.

⁷¹ *Plat. Leges*, 741b.

⁷² *Arist. Pol.*, II, 4, 4 (пер. С. А. Жебелева).

государствах размером необходимого имущественного ценза являлась стоимость первоначального надела; иссейцы же приравнивали имущественный ценз к половине стоимости основного надела, в чем определенно проявляется тенденция к демократизму.

Закладываемые декретом основы государственного устройства иссейской колонии можно в целом охарактеризовать как преобладающие умеренно-олигархические, смешанные с отдельными демократическими чертами. Этот тип политики включает черты классифицированных Аристотелем олигархического устройства первого вида и демократической политики второго вида. Олигархическому устройству первого вида свойственна умеренная недвижимая собственность, владельцы которой в силу обладания необходимым имущественным цензом имеют возможность принимать участие в государственном управлении⁷³. Однако вместо свойственного этой умеренно-олигархической политике высокого ценза⁷⁴ составители декрета ввели довольно небольшой земельный ценз, характерный для демократического устройства второго вида⁷⁵.

Закрепляемая иссейским декретом сословная корпоративность подсказывает один из путей возникновения сословной стратификации общества в ряде колоний. Так, на Фере и в Аполлонии на Ионийском море «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения»⁷⁶. Выделение сословия гаморов из массы сиракузского демоса в VI—V вв. до н. э. также определялось привилегированным положением первых основателей Сиракуз, что было обусловлено олигархическим характером государственного устройства Коринфа времен Бакхиадов. Отдаленной во времени реминисценцией этой социальной системы Коринфа и является социальное устройство иссейской колонии на Черной Керкире (напомню, что Сиракузы — колония Коринфа, а Исса — колония Сиракуз)⁷⁷.

⁷³ Ibid., IV, 5, 6.

⁷⁴ Ibid., IV, 5, 1.

⁷⁵ Ibid., IV, 4, 3.

⁷⁶ Ibid., IV, 3, 8.

⁷⁷ О сходных чертах устройства иссейской колонии и платоновского государства см.: Яйленко В. П. Платоновская теория основания полиса и эллинская колонизационная практика. — В кн.: Платон и его эпоха. М., 1979.

АФИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава IV

XXXXXXXXXX XXXXXXXXXX X XX XXXXXXXXXXXXXXX *

Колонизационная деятельность Афин началась сравнительно поздно, и ее первый этап смыкается с концом эпохи Великой греческой колонизации. Только в конце VII в. Афины выслали первую колонию. К этому времени Средиземноморье, Эгеида и Понт были поделены на сферы влияния, вследствие чего Афинам пришлось вторгнуться на уже освоенную территорию: колонисты были отправлены в Сигей, основанный эолийцами с Лесбоса, которые играли большую роль в заселении Троады. Захват Сигея повлек за собой войну между Афинами и Митиленой². Поскольку ни одна из сторон не добилась решающего перевеса, было условлено обратиться к посредничеству Периандра, по третейскому суду которого Сигей остался за афинскими колонистами.

Отправление колоний афинянами было обусловлено двумя причинами. Первая и основная, как можно полагать, состояла в том, что, говоря словами Фукидида, «Аттики уже не хватало» для всех (I, 2, 6). Ее естественные земельные ресурсы были полностью освоены, так что под

* Афинский материал интенсивно исследовался в литературе, и сразу оговорюсь, что по многим вопросам, в той или иной мере затронутым, но не имеющим прямого отношения к исследуемой теме «Афинская колонизация», исчерпывающей информации читатель здесь не найдет, — я могу лишь вскользь коснуться их.

¹ *Stb.*, XIII, 599.

² Подробности см.: *Hdt.*, V, 94—95; *Stb.*, 599—600 (ссылки на Страбона даются по казобоновской пагинации); *Diog. Laert.*, I, 74; *Дурье С. Я.* Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей, — ВДИ, 1938, № 3, с. 88—91.

пахотные участки приходилось сводить лесные массивы³. С другой стороны, концентрация земли в руках новых богачей сопровождалась обезземеливанием и закабалением населения, что привело в конце концов к депопуляции Аттики⁴. Исходя из этого можно полагать, что выведение первых колоний, в том числе и в Сигей, прежде всего преследовало аграрные цели⁵. Вместе с тем, принимая во внимание важное стратегическое положение Сигея, являвшегося ключом к Геллеспонту, можно считать, что Афины начали войну за этот город с целью обеспечить себе беспрепятственное поступление понтийского хлеба⁶.

Первая попытка Афинского государства основать колонию окончилась неудачей: около 590 г. Сигей на полвека перешел в руки лесбосцев⁷.

Вторая афинская колония была выведена Мильтиадом Старшим на Херсонес во время первой тирании Писистрата, т. е. около 560 г.⁸ Колонизация Херсонеса, бесспорно, также имела в виду аграрные цели⁹. Характер этой колонии, точнее группы херсонесских колоний, не вполне ясен; по всей вероятности, это были апойкии, а не клерухии¹⁰.

Около 542 г. Писистрат после вторичного изгнания из Афин основал в районе Термейского залива небольшое поселение Рекел, откуда спустя немного времени освоил со своими людьми окрестности Пангея¹¹.

Все это убедило Писистрата в выгодах колонизационной деятельности, и, прочно утвердившись в Афинах, он приступил к установлению гегемонии в северной Эгеиде. Он захватил потерянный ранее Сигей и посадил в нем

³ *Sol.* fr. 1, 47—48 Diehl.; *Plut.* *Sol.*, 22, 1, 3.

⁴ *Arist.*, *Ath. pol.*, 2, 2; *Sol.* fr. 24, 8-11; ср. 3, 23-25; *Plut.*, *Sol.* 13 2' 22 1.

⁵ *Cp.*: *'fsocr.*' IV, 107; *Schol. Arph.*, *Nub.*, 203.

⁶ *The Cambridge Ancient History*, IV⁵, p. 32. Уже в это время Аттика испытывала недостаток продовольствия, что явствует из установленного Солонем запрета на экспорт продовольственных товаров (*Plut.*, *Sol.*, 24, 1).

⁷ О других аспектах колонизации Сигея см.: *Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World*, p. 117—119.

⁸ *Hdt.*, VI, 34-37.

⁹ Ср.: *Isocr.*, V, 6; *Schol. Arph.*, *Equit.*, 262: «Херсонес у Фракии — это местность. . . благоприятная для возделывания зерновых, откуда афиняне доставляли хлеб».

¹⁰ *Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World*, p. 119—128.

¹¹ *Arist.*, *Ath. pol.*, 15, 2; *Cole J. W. Peisistratos on the Strymon.* — *Greece and Rome*, 1975, 22, p. 42—44.

правителем своего незаконнорожденного сына Гегестрата¹². Захват Сигея, видимо, сопровождался выведением эпойков из числа афинян: город стал доменом Писистратидов¹³.

Колонизационная деятельность Афинского государства имела одной из своих целей также освоение близлежащих территорий — Саламина и Эвбеи. Саламин был завоеван в упорной борьбе с мегарцами¹⁴; хронология этих событий довольно неясна, однако, судя по шрифту декрета о Саламине, остров окончательно перешел к Афинам и был заселен клерухами, вероятно, в конце VI в. (см. № 15)¹⁵.

Около того же времени, в 506 г., разбив беотийско-халкидскую коалицию, афиняне оставили на земле гиппоботов 4000 клерухов из числа воинов афинской армии, вторгшейся на Эвбею¹⁶. Эта клерухия просуществовала до 490 г., когда афинские колонисты вернулись в Аттику ввиду угрозы персидского нашествия и измены эретриян¹⁷.

На рубеже VI—V вв. в сферу афинских интересов попадают Лемнос и Имброс. В последнее десятилетие VI в. на Лемнос была выведена афинская колония¹⁸, что находит подтверждение в двух эпитафических памятниках: посвящении колонистов из Олимпии и найденной на острове надписи (около 500 г.) со списком имен, распределенных по клисфеновским филам¹⁹. Впрочем, не исключено, что последняя связана с афинянами, вновь захватившими остров через несколько лет после Марафонской битвы²⁰. В дальнейшем Лемнос входил в состав Афинского морского союза и, согласно податному списку 452/1 г., его города — Гефестиэя и Мирина — сообща вносили 9 талантов форо-

¹² *Hdt.*, V, 94.

¹³ Сюда бежал Гиппий после низложения тирании в Афинах (*Hdt.*, V, 94; *Thuc.*, VI, 59, 4).

¹⁴ *Plut.*, Sol., 8-10.

¹⁵ Ср.: *Aratowsky B. Notes on Salamis.* — In: *Studies presented to D. M. Robinson.* Saint Louis, 1953, 2, p. 789—796.

¹⁶ *Hdt.*, V, 77.

¹⁷ *Ibid.*, VI, 100-101.

¹⁸ *Ibid.*, VI, 136.

¹⁹ По поводу датировки см.: *Meiggs R. The Athenian Empire.* Oxford, 1972, p. 424; *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides.* Oxford, 1945, 1, p. 375, п. 1; *Graham A. J. The Fifth Century Cleruchy on Lemnos,* p. 127—128. Надпись с Лемноса см.: ATL, 3, p. 291.

²⁰ *Hdt.*, VI, 137-140.

са²¹. Этот факт говорит о том, что афинские колонисты на острове по своему статусу являлись апоиками, а не клерухами, поскольку последние, как афинские граждане, форосом не облагались.

В списке 450/49 г. Гефестиэя и Мирина фигурируют уже порознь и вносят соответственно 3 и 1,5 таланта. Это понижение фороса еще Кирхгоф связывал с выведением на остров афинской клерухии в 450 г.²³ Его точка зрения получила всеобщее признание. Приняли ее и авторы АТЛ, которые вместе с тем указали на трудности, возникающие в связи с определением статуса новых афинских поселенцев как клерухов²³.

Афинская колония на Имбросе, по всей вероятности, была выведена в то же время, что и на Лемнос, т. е. на рубеже VI—V вв. Как автономное союзное государство Имброс платил подать в размере 1 тал. Имбриане вместе с лемносцами принимали активное участие в действиях афинской армии²⁴.

Занимая стратегически важные пункты Эгеиды, афиняне продолжали осваивать и близлежащие территории. На севере Эвбеи ими была основана колония, называвшаяся Афины Диады. Поскольку эту колонию упоминал Эсхил в «Главке Понтийском»²⁵, ее основание следует относить ко времени до 470-х годов. Афины Диады входили в морскую конфедерацию и выплачивали форос²⁶.

В первые годы существования Афинского морского союза афиняне поработили долопов со Скироса и заселили остров своими колонистами²⁷.

Еще со времен Писистрата афиняне испытывали постоянный интерес к прифракийскому региону, богатому корабельным лесом. В результате фракийской кампании Кимона афиняне прочно обосновались тут; в частности, известно, что колонисты были посланы в покоренный Эйон на Стримоне и Девять Путей (Амфиполь)²⁸. Афинские колонисты были вытеснены фракийцами из Девяти Путей.

²¹ АТЛ, 2, список 3, 1.2.

²² Kirchoff A. Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen. — Abh. Ak. Berlin, 1873, S. 34.

" АТЛ, 3, p. 290-292.

²⁴ Thuc., III, 5, 1; IV, 28, 4; V, 8, 2; VII, 57, 2.

²⁶ Fr. 31 Nauk.

²⁶ Tod., 1, N 46, V. 26 (443/2 г.); Stb., V, 446.

" Thuc., I, 98, 2; Plut. Cim., 8, 5.

²⁸ Thuc., I, 98, 1; Plut. Cim., 7, 3; 8, 2.

но осенью 465 г. сюда было послано 10 000 эпойков из состава афинской и союзнической армий²⁹. Колонисты выбили местное население из этого городка и основали свое Поселение. Однако уже зимой 465/4 г. они были разбиты Местными фракийскими племенами и колония прекратила свое существование³⁰.

Резкое усиление афинской колонизационной деятельности приходится на время расцвета Афинского государства при Перикле. В 450 г. было выведено 250 колонистов на Андрос³¹. Возможно, около этого же времени афиняне выслали колонистов в Эрифры и в район Колофона³².

Около 447 г. Перикл, совершив поход на Херсонес Фракийский, укрепил тысячей колонистов тамошние греческие города³³. Эта акция нашла отражение в значительном снижении фороса херсонеситов (с 18 до 1 гал.).

В 447 или самом начале 446 г. Толмид вывел две клерухии: на Эвбею и Наксос³⁴.

Последовавшее в 446 г. восстание эвбейских городов привело к установлению афинской клерухии (?) в Халкиде, Эретрии³⁵ и заселению афинскими колонистами Гестиэи^{3в}.

²⁹ Видимо, это были войны, подавлявшие восстание на Фасосе. Ср.: *Thuc.*, I, 100, 2—3. Столь же большое число колонистов было набрано Гиероном для основания города Этны (*Diod.*, XI, 49, 1—4).

³⁰ *Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 2; *Diod.*, XI, 70, 5; XII, 68, 2; *Paus.*, I, 29, 4.

³¹ *Thuc.*, VIII, 69, 3; *Plut.*, *Per.*, 11, 5.

³² *ATL*, 3, p. 252 sq., 282—284; *ML*, N 47 (ср. стк. 41).

³³ *Diod.*, XI, 88, 3 (под 453/2 г.) Плутарх называет этих солдат-колонистов то эпойками (*Per.*, 19, 1), то клерухами (*Per.*, II, 5); Анкоидид (III, 9) и Эхин (II, 175) имеют в виду апойкию.

³⁴ *Diod.*, XI, 88, 3; *Plut.*, *Per.*, II, 5; *Paus.*, I, 27, 5. Эвбейские клерухи, видимо, поселились в Каристе. Ср.: *IG*, XII, 9, p. 149.

³⁵ *ATL*, 3, p. 294—297. Сообщения Элиана (*Var. hist.*, VI, 1) и Филохора (у схоластика Кристофану, *Nub.*, 213), видимо, относятся к этому событию. Исследование аттической керамики из Эретрии привело Грина и Синклера к заключению, что здесь было расположено афинское поселение (*Green J. B., Sinclair R. K. Athenians, in Eretria.* — *Historia*, 1970, 19, p. 515—527). На мой взгляд, ксены, упоминаемые в известном афинском постановлении о Халкиде (*ML*, № 52.52—57), были афинскими колонистами; ср. уложение о навпактских колонистах, которые по отношению к своей метрополии являлись ксенами (№ 3.2). Еще одна параллель состоит в следующем. Афинские эпойки в Халкиде должны были вносить подати даже в том случае, если кому-либо из них была предоставлена ателия в Афинах (т. е. на Халкиду эта ателия не распространяется, сткк. 54—57); аналогичным образом гштокнемидские эпойки вносят подати по новому мосту жительства, т. е. в Навпакт (№ 3. 10—11, 14—16). Из повой литературы об этом пассаже см.: *Whitehead D.* —

Между 446 и 438 гг. афиняне, по всей вероятности, выслали колонию в Брею на Халкидике.

В те же 440-е годы по инициативе Перикла был отправлен 600 воинов-колонистов для помощи демократам Синопы³⁷; колонисты были посланы также в Амир каппадокийский³⁸ и в Неаполь на Пропонтиде³⁹.

В 437 г. были высланы колонисты в Амфиноль⁴⁰, около 435/4 г. — в Астак⁴¹; в 434/3 г. афиняне приняли участие в основании Фурий⁴².

В 431 г. ввиду начавшейся Пелопоннесской войны афиняне изгнали жителей Эгины и вывели туда своих военных поселенцев — эпойков⁴³. С этого времени Эгина уже не фигурирует в податных списках, хотя раньше эгинеты вносили форос. Территория острова была поделена на участки, часть которых была посвящена богам⁴⁴.

Тысяча эпойков была послана также в Потидею, откуда афиняне в 430/29 г. изгнали местных жителей⁴⁵.

В 428/7 г. афиняне послали ойкистов к колофонцам и устроили Нотий «согласно с собственными законами»⁴⁶.

После восстания на Лесбосе в 427 г. из числа афинских граждан туда было отправлено 2700 клерухов. Лесбияне снимали в аренду земельные участки клерухов за 2 мины в год⁴⁷.

В 421/0 г. афиняне взяли Скиону и заселили ее вместе с платейцами⁴⁸. В 416/5 г. 500 колонистов было отправ-

IG, I² 39: «Aliens» in Chalcis and Athenian Imperialism. — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1976, 21, p. 251—258.

³⁸ *Thuc.*, I, 114, 3; VII, 57, 2; *Diod.*, XII, 7, 22; 22, 2.

³⁷ *Plut.*, *Per.*, 20, 2. Точное время похода Перикла в Понт неизвестно.

³⁸ *Stb.*, 547 (*Theopomp.*, fr. 389); *Plut.*, *Luc.*, 19, 7.

³⁹ *ATL*, 1, p. 525.

⁴⁰ *Thuc.*, IV, 102, 3-4; *Pohjaen.*, VI, 53; *Diod.*, XII, 32, 3.

⁴¹ *Stb.*, 563; *Mennon.*, fr. 12, 2. О датировке см.: *ATL*, 3, p. 282, n. 68.

⁴² *Diod.*, XII, 10, 3—7; *Stb.*, 263; *Plut.*, *Per.*, 11, 5. Из новой литературы по этому вопросу см.: *Castagnoli F. Sull' urbanistica di Thurii*. - *PP*, 1971, 26, p. 301-307; *Rutter N. K. Diodorus and the Foundation of Thurii*, p. 155—176.

⁴³ *Thuc.*, II, 27, 1; VIII, 69, 3; *Xen.*, *Hell.*, II, 2, 3; *Plut.*, *Per.*, 34, 2.

⁴⁴ *Hill.*, B96 (b).

⁴⁵ *Thuc.*, II, 70, 3—4; *Diod.*, XII, 46, 7.

⁴⁶ *Thuc.*, III, 34, 4. Ср. афинский договор с Колофоном примерно 447/6 г., в котором упоминаются ойкмсты (*ML*, N 47, 41).

⁴⁷ *Thuc.*, III, 50, 2.

⁴⁸ *Thuc.*, V, 32, 1; *Plut.*, *Lys.*, 14, 3.

лено на Мелос⁴⁹. Это была последняя колония афинян, выведенная в V в.⁵⁰ В Пелопоннесской войне могущество **Афин**шло настолько подорвано, что этим по существу и завершается их колонизационная активность. В IV в. афиняне еще высылали эпойков в Адриатику, клерухов — на Лемнос, Имброс, Скирос, Самос и в Потидею, однако это был уже закат их колонизационной деятельности.

Афинская колонизация в своем развитии прошла несколько этапов. До конца VI в. Афины лишь эпизодически участвовали в колонизационном движении. Первым этапом явилось выведение колоний в Сигей и на Херсонес, преследовавшее аграрные цели. Контингент колонистов, как можно предполагать, в основном состоял из обезземеленных жителей Аттики. Обстоятельства и цели основания первых афинских колоний чрезвычайно характерны для эпохи Великой греческой колонизации в целом, с последней фазой которой они хронологически совпадают.

Основание первых афинских колоний приняло традиционную форму выведения апойки, однако с самого начала их отличительной чертой стала чрезвычайно тесная связь с метрополией в военно-политической и экономической сферах, которая выражалась прежде всего в обеспечении афинских интересов на Геллеспонте и в снабжении Аттики хлебом. С другой стороны, основание этих колоний подготовило почву для дальнейшей экспансии афинян в северную Эгеиду. Таким образом, несмотря на то что жители этих колоний утрачивали права афинского гражданства⁶¹, они по-прежнему состояли на службе интересов своей метрополии и в этом смысле оставались афинянами. Можно полагать, что первые афинские колонии устраивались по образцу метрополии; известно, что в Сигее функционировал пританей⁵².

По-видимому, уже первым колониям были свойственны те характерные черты, благодаря которым в дальнейшем афинская колонизационная практика стала значительно отличаться от традиционной. Второй этап, с которого, собственно, и началась активная колонизационная дея-

⁴⁹ *Thuc.*, V, 116, 4.

⁵⁰ Согласно Эсхину (III, 175), между 421—416 гг. афиняне вывели значительное число колоний.

⁶¹ Ср. этникон *Si^hsieT?* — «сигейцы» — в *Syll.*³, N 2.

⁶² *Syll.*³, N 2, начало или середина VI в.

тельность Афинского государства, приходится на конец VI—первую треть V в. и заключается в освоении как ближайших территорий, так и северной Эгеиды, куда были выведены клерухии (Саламин, Эвбея) и регулярные апойкии (Афины Диады на Эвбее, Лемнос, Имброс). Основной причиной освоения этих колоний была нехватка земли в Аттике — ср. слова Фукидида о том, что эллины, особенно те из них, кто не имел достаточно собственной земли, стали в морских походах покорять остров (I, 15, 1). Фукидид прежде всего имел здесь в виду афийян, на что может указывать сохраненный Плутархом⁶³ отрывок из неизвестной комедии: народ афинский «стал кусать Эвбею и кидаться на острова». Основание этих колоний во многом обязано активной внутренней и внешней политике Клисфена.

Третий этап приходится на 470—460 гг. Персидские войны и образование Афинского морского союза вызвали интенсивную милитаризацию афинского общества, которая повлекла за собой расширение колонизационной деятельности⁶⁴. Центральным объектом экспансии Афин стала северная Эгеида, о чем свидетельствуют фракийская кампания Кимона и захват Эйна в 476—475 гг.⁶⁵ и Скироса⁶⁶, его же херсонесская кампания и усиление колоний на Лемносе и Имбросе⁶⁷. Несмотря на отдельные неудачи (например, разгром 10 тыс. колонистов при Драбеске⁶⁸), афиняне прочно утвердились в богатом золотом и лесом прифракийском регионе и установили свой контроль над Геллеспонтом.

Четвертый этап падает на 450—431 гг. п., знаменуя собой высший подъем афинской колонизационной деятельности, является непосредственным результатом всестороннего расцвета Афин при Перикле. При этом внутри данного этапа четко выделяются две вспышки колонизационной активности, приходящиеся на 450 [Андрос, Эрифры (?), район Колофона] и 445/4 гг. [эпойки (?) на Херсонесе, клерухии в Халкиде, Эретрии, колонисты в Гестиэе]. Непосредственным поводом для выведения большинства этих колоний явилось подавление афин-

⁶³ *Plut., Per.*, 7, 8.

⁶⁴ Ср.: *Arist., Ath. pol.*, 24, 1—3.

⁶⁵ *Hdt.*, VII, 107; *Plut., Cim.*, 7-8.

⁶⁶ *Thuc.*, I, 98, 2; *Plut., Cim.*, 8, 3.

⁶⁷ 465 г. — *Hdt.*, VI, 136-140; *Plut., Cim.*, 14, 1—2.

⁶⁸ *Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 2.

скими силами восстаний союзников. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно в эти годы в Афинах была дважды проведена проверка гражданских списков, в результате которой значительное число жителей было лишено гражданских прав⁶⁹.

Второй этап афинской колонизационной деятельности также совпадает по времени с проверкой гражданских прав, имевшей место после низвержения тирании, т. е. вскоре после 510 г.⁶⁰ Если предположение о связи афинской колонизационной деятельности с пересмотром гражданских списков правильно, придется заключить, что контингент колонистов в определенной мере формировался из тех, кто потерял право афинского гражданства. По словам Плутарха, в 445/4 г. незаконных граждан (αἰσύνετες) оказалось чуть менее 5 тыс.⁸¹ Лишение гражданских прав свыше одной четверти населения серьезно подорвало бы военные силы Афин, и, по всей вероятности, они были сохранены благодаря отправлению в колонии. Эти колонии представляли собой надежные форпосты военно-политической и территориальной экспансии Афин. Многочисленные колонии, в особенности клерухии, представляли собой продолжение Афинского государства, с которым они были связаны множеством нитей в экономической, политической и военной сферах. Связь была настолько тесна и действенна, что можно с уверенностью говорить об образовании афинской колониальной архэ, явившейся основой и важнейшей составной частью афинской державы в целом.

Пятый этап афинской колонизации приходится на период Пелопоннесской войны. Колонии обычно устраивались на стратегически важных пунктах, откуда изгонялось враждебное афинянам местное население. Этот период характеризуется упадком колонизационной активности, так как уже Архидамова война серьезно подорвала экономическую и военную мощь Афин. В результате поражения Афин были ликвидированы все клерухии и часть апоекхий. Афинские апоекхии утрачивают зависимость от

⁶⁹ При архонте Антидоте (451 г. — *Arist., Ath. pol.*, 26, 4) и в 445/4 г. (*Plut., Per.*, 37, 3—4). Восстание овбейских городов было подавлено изодним летом 446 г. Устройство колоний приходится, таким образом, на 445—444 гг.

⁶⁰ *Arist., Ath. pol.*, 13, 5. •

⁶¹ *Plut., Per.* 37, 4. Законных граждан оказалось около 14 240.

своей метрополи; их дальнейшие судьбы выпадают из общеафинской орбиты и приобретают локальный характер.

Последний, шестой этап, приходящийся на IV в., характеризуется в основном возобновлением клерухий в ряде тех пунктов, где они были в V в. С образованием второго Афинского морского союза многие афинские колонии вступают в него, однако узы, связывавшие их с Афинами, были уже значительно слабее, чем прежде. С развалом второго союза колонии оставляют его, и афинская колониальная архэ окончательно распадается.

Намеченные этапы афинской колонизационной деятельности имеют свои особенности, однако генетически они однородны, поскольку основаны на одной и той же базе — экспансионистских устремлениях Афинского государства.

Выводимые афинянами колонии имели различный статус. Афинские официальные документы четко различают два типа колоний — апойкию и клерухию⁶² — и три категории колонистов — апойков⁶³, эпойков⁶⁴, клерухов⁶⁵. В целом вследствие скудости источников вопрос о типологии афинских колоний и соответствующих статусах колонистов довольно неясен. Даже содержание традиционного термина «апойкия» в применении к V в. не вполне очевидно. Лучше освещен вопрос о клерухии, однако и здесь остается немало спорных моментов. Так, Берве вообще отрицал существование клерухии в раннее время⁶⁶. Близкую позицию занимал и Нессельхауф⁶⁷.

Мейер полагал, что существовало два типа афинских клерухий: первый, именуемый в источниках апойкией, характеризуется наличием собственных вооруженных отрядов, в то время как военные силы клерухий второго типа являются составной частью афинской армии⁶⁸. Шультесс полагал, что общего статуса у клерухий в дей-

⁶² Например: IG, I², N 140.9.

⁶³ Например: ML, N 49, *passim*.

⁶⁴ ATL, 2, D 27.9. *Tod.*, 1, № 60. Термин «эпойкия», употребленный в Локриде, неизвестен афинским источникам.

⁶⁶ *Tod.*, 1, N 63. 146; IG, II², N 30.

⁶⁷ «*Berve H. Miltiades.* — *Hermes. Einzelschriften*, II. В., 1937, S. 49.

⁶⁸ *Nesslhauf H. Untersuchungen zur Geschichte der Delisch-Attischen Symmachie*, S. 133 f.

⁷⁸ *Meyer E. Forschungen*, 2. Halle, 1899, S. 182—183.

сткительности не было: в каждом отдельном случае выработывались специальные установления⁶⁶.

Взшка к точке зрения Мейера гипотеза А. Е. Паршикова, согласно которой в V в. содержание терминов «апойкия», «апойки» изменилось и афиняне понимали под ними не только колонии обычного типа, но и поселения типа клерухий IV в.⁷⁰ По мнению А. Е. Паршикова, афинские колонии V в. могут быть разделены на следующие четыре типа: 1. Апойкии традиционного типа, образующие независимый полис. 2. Апойкии нового типа, близкие к афинским клерухиям IV в. 3. Эпойкии, основываемые на территории уже существующего полиса, гражданами которого становятся колонисты, но составляющие в нем тем не менее обособленную общину. 4. Клерухии, высылаемые на территории покоренных городов.

Эренберг отрицал существование каких-либо строгих различий между апойкиями и клерухиями, считая, что между чистой апойкией и чистой клерухией было несколько переходных типов⁷¹. Одним из них, на его взгляд, была так называемая «муниципальная клерухия», отличавшаяся от клерухий, основанных в военных целях. Жители независимых муниципальных клерухий, по мнению Эренберга, формально оставались афинскими гражданами, но фактически правами афинского гражданства они не пользовались. В целом он различает четыре типа афинских колоний: 1. Клерухии как гарнизонные контингенты. 2. Клерухии как независимые муниципальные общины. 3. Апойкии как зависимые колонии, входящие в состав афинской державы. 4. Апойкии обычного типа.

Основной материал по афинской «колониальной» терминологии предоставляет «История» Фукидида, сведения которого дополняются и контролируются данными эпиграфических источников. Вопрос о достоверности, или, точнее, характере, «колониационной» терминологии Фукидида стал предметом острой дискуссии. В уже упоминавшейся работе Эренберг высказал мысль о том, что терми-

⁶⁶ «) *Schultess O.* - In: RE, 1921, Hbbd. 21, Sp. 828.

⁷⁰ *Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний V в. до н. э. — ВДИ, 1969, № 2, с. II. Эта мысль ранее была высказана также Ф. Готье (*Gauthier Ph. Les clérouques de Lesbos et la colonisation athénienne au Ve siècle.* - REG, 1966, 79, p. 70-71).

⁷¹ *Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World*, p. 133—134.

нология Фукидида лишена узкого техницизма, поскольку термины, обозначающие колонистов, у него, как и у Других писателей, иногда смешиваются⁷². Точка зрения Эренберга была подвергнута критике авторами ДТБ, которые отстаивали точность и системную ясность терминологии Фукидида. Вместе с тем они выдвинули/предположение о том, что термины «апойки» и «эпойки» практически обозначали одну и ту же категорию колонистов, различаясь по смыслу так же, как и современные термины «эмигрант» и «иммигрант», т. е. как выселившиеся люди колонисты являются апойками, а как поселенцы — эпойками⁷³.

Эту идею авторов ATL в интересной статье развил и, пожалуй, довел до абсурда Брант, по мнению которого всякий колонист может быть одновременно назван и анойком, и эпойком, и клерухом. Как отправляющийся из метрополии он был апойком, как поселяющийся в новом городе — эпойком, а в качестве держателя земельного надела он был клерухом⁷⁴.

Эренберг ответил на возражения авторов ATL специальной статьей, в которой, в частности, показал несостоятельность их взглядов в вопросе о соотношении терминов «апойки» и «эпойки»⁷⁵. Далее он привел примеры, свидетельствующие о терминологическом разнообразии языка Фукидида, употребляющего различные слова того же смысла, что и *ἀποικία*, *ἐποίκη*, *κλήρουχοι*. Эренберг указал, что колонисты на Эгине, которых Фукидид называл эпойками, на самом деле являлись клерухами и этот факт поддерживается традицией. Приведя ряд подобных примеров, Эренберг пришел к тому же заключению, что и раньше, правда, выраженному в более мягкой форме: Фукидид использовал термины для обозначения колонистов не только в их узком техническом значении; вместе с тем нет нужды говорить о смешении терминов — он, как и большинство греков, использовал их как в узком техническом значении, так иногда и в более широком смысле⁷⁶.

⁷² *Ibid.*, p. 131.

⁷³ ATL₄/3, p. 285.

⁷⁴ *Brunt P. A. Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B. C.*, p. 73.

⁷⁵ *Thucydides on Athenian Colonisation.* — In: *Ehrenberg I. Polis und Imperium*, p. 245—246.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 252.

Точку зрения Эренберга поддержал и дополнил Грэйм⁷⁷.

На мой взгляд, мнение Эренберга о характере терминологии Фукидида лишено твердых оснований. Один из центральных моментов его аргументации связан с определением статуса афинских колонистов на Эгине. Эренберг утверждает, что они были клерухами, и ссылается на Плутарха (Рег., 34.2) и традицию, засвидетельствованную схолиастом к Аристофану (Асч., 654), согласно которой Аристофан был в числе эгинских клерухов⁷⁸. Однако, во-первых, терминология Плутарха довольно неточна и ни в коей мере не может служить аргументом⁷⁹; во-вторых, привлеченная Эренбергом версия отражает лишь одну из сторон дошедшей до нас традиции. Согласно «Биографии Аристофана», поэт был родом с Эгины (или Родоса) и Клеон, высмеянный в «Вавилонянах», привлек его к суду как иностранца за клевету на афинские власти (т. е. на самого Клеона)⁸⁰. Это известие косвенным образом поддерживается ст. 377—382, 502—503, 630—631 «Ахарнян». Аристофан действительно каким-то образом был связан с Эгиной⁸¹, однако характер этой связи совершенно неясен. Возможно, что в соответствии с утверждением схолиаста он имел земельный участок на Эгине, но более вероятными представляются данные его биографии о том, что он был по происхождению эгинетом⁸².

⁷⁷ *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 170—191. К сожалению, мне недоступна статья: *Vartsos J. A. "Anouot, ETIOIXOS, xXilpoDj(ox)* — *Athens*, 1972—1973, а. 583—593.

⁷⁸ *Ehrenberg V. Op. cit.*, p. 248.

⁷⁹ Так, афинских колонистов, оставленных Периклом на Херсонесе, Плутарх называет то эпойками (Рег., 19.1), то клерухами (Рег., II, 5). Терминология Плутарха, надо думать, целиком зависела от того источника, которым он в данном месте пользовался.

⁸⁰ *Aristophanis comoediae*/Вес. F. H. Bothe. Lipsiae, 1845, v. 1, p. XIII. Ср.: *Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München*, 1890, S. 248.

⁸¹ В «Ахарнянах» (ст. 617—619) он говорит: «Лакедемоняне предлагают вам мир и ставят условием его заключения возврат Эгины, помышляя при этом не столько об острове, сколько о том, чтобы лишить афинян этого поэта» (т. е. самого Аристофана).

⁸² Если принять, что Аристофан родился около 450 г., то он мог бы быть в числе колонистов, отправленных на Эгину в 431 г. Однако ст. 530—532 «Облаков» подразумевают более позднюю дату рождения поэта — около 445 г., что делает невозможным его участие в этой колонии. Ср.: *Соболевский С. Аристофан и его время. М.*, 1957, с. 79 сл.; *История греческой литературы. М.; JL.*, 1946, т. 1, с. 440.

Аргументы Эренберга построены в основном на усматриваемом им противоречии между терминологией Фукидида и действительным статусом колоний. Доводов, л-ак сказать, внутреннего, текстуального характера, только два. Первый связан с интерпретацией одного из пассажей Фукидида (VII, 57, 2). Однако структура этого пассажа может быть понята различным образом. Другой (в сущности единственный) текстуальный пример «свободного» обращения Фукидида с терминами состоит в том, что критские и родосские колонисты в Геле названы то апойками (VII, 57, 6, 9), то эпойками (VI, 4, 3). Однако в последнем случае дело заключается в порче текста переписчиком; некоторые рукописи дают правильное чтение *αἰτῆσιοι*? в этом месте, что отмечено и в лексиконе Бетана⁸³. Странно, но Эренберг этого факта не замечает.

Обратимся к терминологии Фукидида. Прежде всего надо отметить: она соответствует официальной терминологии, что подтверждается документальными данными: 1. В захваченную Потидею посланы эпойки (II, 70). Так же эти колонисты называют себя в посвянительной надписи, найденной на Акрополе⁸⁴, и в договоре с афитейцами⁸⁵. 2. На Лесбос посланы клерухи (III, 50, 2). В декрете о митилениах также упоминаются клерухи (№ 16, 17). 3. Перифрастическое обозначение колонистов, посланных в Гестию (VII, 57, 2), соответствует перифрастическому же обозначению их в декретах о Гестиэе (№ 12, 3, 11-12, 21-22).

Говоря об афинских колониях, Фукидид обращается также к различным словам и выражениям, не определяющим статуса колоний (*οἰκίσειν*, *χρησιεύειν*, *κατοικήσειν*, *αἰχολοῦν* и т. д.). Наряду с этим он широко пользуется терминами «апойкия», «апойки» (в том числе три раза — в отношении афинских колоний или колонистов)⁸⁶; четыре раза упоминаются эпойки и один раз — клерухи.

Употребление различных терминов было обусловлено реальной разницей в статусе колоний.

Апойкия в традиционном смысле этого слова образывала самостоятельный полис с собственным граждан-

⁸³ Betant E. *Lexicon Thucydideum*. Hildesheim, 1961, 1, p. 393.

⁸⁴ ML, N 66.

⁸⁶ ATL, 2, D 21.9.

⁸⁸ Амфиполь (IV, 102, 1), Мелос (V, 116, 4), Гестиэя (VII, 57, 2).

стврм. общественными учреждениями и своим *jus soli*⁸⁷. Афицкие апойкии, сохраняя эти традиционные черты, отличались более тесной связью с метрополией в различных сферах взаимоотношений. Старые апойкии, основанные афинянами до образования морской конфедерации, уплачивали форос (Лемнос, Имброс, Афины Диады). Колонии, основанные после этого времени, податей не вносили. Этот факт объясняется тем, что после Персидских войн характер афинской колонизации существенно изменился. Колонии стали неотъемлемой составной частью афинской морской державы, представляя собой ее форпосты в различных районах эллинского и варварского мира. Будучи номинально независимыми полисами, как новые, так и усиленные после персидских войн старые колонии фактически превратились в придатки афинской державы, почти целиком устроенные по образцу метрополии. Обладая формально своим *jus soli, civitatis*, без чего, кстати, понятие «апойкия» лишено всякого смысла, афинские колонии тысячью нитей были связаны со своей метрополией⁸⁸. Они были обязаны оказывать (и получать) действительную военную помощь с ее стороны⁸⁹. Военные узы, связывавшие их, символически выражались в установленном Афинским государством обычае отправления колонией на Великие Панафинеи полного гоплитского вооружения (№ 5.11—12).

В V в. внешняя и внутренняя политика апойкий определялась интересами Афин, которые устраивали колонии «в соответствии со своими законами» (хата х00; ёаотш vqao0;)⁹⁰. Таким образом, афинские апойкии V в. характеризуются большей, нежели традиционная, связью с метрополией в самых различных сферах. В этом, на мой

⁸⁷ ATL, 3, p. 285.

⁸⁸ По этой причине, признавая правильной идею Мейера, Готье и Паршикова об изменении содержания термина «апойкия» в афинской колонизационной практике (замечу — послеперсидского времени), нельзя согласиться с их мнением о том, что афинские апойкии V в. представляли собой колонии типа клерухий IV в. Действительно, территория колонии фактически была продолжением Аттики, но формально она рассматривалась как территория независимого полиса, который иначе не был бы апойкией. Апойкии утрачивали афинские гражданские права (см. раздел о колонии в Брее) и получали наделы в собственность, а не во владение.

⁸⁹ N 13, фр. С; ср. N 5.13—15; *Thuc.*, VII, 57.2—4.

⁹⁰ *Thuc.*, III, 34, 4. Это хорошо прослеживается на примере устройства апойкии в Гестиеэ, о чем см. ниже.

взгляд, и заключается изменение содержания термина «апойкия» в период существования Первого морского союза, что было обусловлено особенностями афинской колонизационной практики.

Термин «эпойки» употреблен Фукидидом в четырех случаях⁹¹.

1. Изгнав эгинетов, афиняне выслали на остров своих эпойков, имея в виду начинавшуюся войну со Спартой (II, 27, 1). Это были воины, поселенные в стратегически важном пункте; в дальнейшем они участвовали в сицилийском походе (VII, 57, 2). Во время смуты 411 г. отряд эгинских эпойков явился в полном вооружении в Афины и содействовал установлению режима четырехсот (VIII, 69, 3). Фукидид строго следует своей терминологии: упоминая афинских эгинетов, он оба раза называет их эпойками.

2. В 430/29 г. афиняне изгнали из Потидеи местное население и выслали в нее эпойков из своей среды (II, 70, 4). Потидея стала базой военных операций афинян на Халкидике. Интересно, что колонисты и в дальнейшем именовались эпойками⁹². В псефизме о Мэфоне упоминаются потидейские солдаты, которыми, видимо, и являлись недавние афинские колонисты⁹³.

3. В 465 г. к устью Стримона были посланы 10 тыс. эпойков из воинов афинской и союзнической армий, видимо, подавлявших восстание на Фасосе (I, 100, 2—3). Колонисты вытеснили местное фракийское население и заняли их городок (на месте будущего Амфиполя). Вскоре, однако, они были разбиты объединившимися фракийскими племенами, которые считали враждебной эту колонию (I, 100, 3).

4. Во время происшедших в Мессане (Занкле) междоусобиц одна из партий обратилась за помощью в Локры Эпизефирские, которые выслали эпойков. Естественно полагать, что это были воины-переселенцы, а не просто так называемые дополнительные переселенцы, поскольку в течение некоторого времени они удерживали Мессану за собой (V, Г, 1).

⁹¹ Появление этого термина в пассаже VI, 4, 3, как указывалось, обязано порче текста.

⁹² См. договор афитейцев с ними: ATL, 2, D 21.9; ML, N 66.

⁹³ ML, № 65.27-28. Ср.: *Thuc.*, IV, 120, 3: «афиняне, занимающие Потидею» в операциях против спартанских союзников.

Как видно, во всех случаях отправление эпойков связано с военными действиями, причем афинские колонисты направлялись в города, прежнее население которых изгонялось. Глагол ἐποικεῖν употреблен дважды и в обоих случаях в связи с военной ситуацией⁹⁴. Данные Фукидида позволяют сделать заключение о том, что эпойки представляли собой контингент воинов-переселенцев. Этот вывод согласуется со свидетельствами ряда надписей VI—IV вв. об эпойках. Так, в декрете о колонии в Брее предусмотрено присоединение к контингенту колонистов эпойков — солдат афинской армии (№ 5.26—30). Солдаты, отправленные в 325 г. Афинским государством в Адриатику для несения сторожевой службы, также названы эпойками (№ 14.224). В древнейшем свидетельстве об эпойках — локридском законе конца VI в. — в случае войны предусмотрено принятие в число граждан 200 эпойков-солдат: ἑποικῶν (№ 2.8—10).

Таким образом, Фукидид использует термин «эпойки» в его специфическом значении. С другой стороны, для обозначения обычных переселенцев, несолдат, присоединяющихся к жителям какого-либо полиса, он употребляет термин ἰσποικῶν⁹⁵.

Колонии эпойков можно рассматривать как военные поселения, расположенные на стратегических узлах. Интересно, что в двух почти одинаковых ситуациях афиняне высылают на Эгину эпойков, а на Мелос, население которого также было изгнано, — апойков⁹⁶, причем сведений об участии мелосских колонистов в военных действиях у Фукидида нет. Таким образом, разница в терминологии Фукидида обусловлена различным характером обеих колоний. Аналогично обстоит дело с афинской колонией в устье Стримона: в 465 г. сюда были посланы эпойки, которые вели военные действия против местного населения. Спустя 32 года на то же место были посланы апойки, основавшие Амфиполь⁹⁷, обычную, так сказать, «гражданскую» колонию. Разница между апойками и эпойками заключа-

И*

⁹⁴ Декелею занимали (ἐπιχρητοῖ) гарнизоны солдат, совершавших набеги на Аттику (VII, 27, 3); сиракузяне, обитающие (κκοχοοῦτες) не в лагере, а в большом городе, злоумышляют против соседних государств (VI, 86, 3).

⁹⁶ *Thuc.*, II, 68, 5; ср. IV, 64, 3. Эти термины не эквивалентны, ср.: *Arist.*, *Pol.*, 1303a 28.

⁹⁷ *Thuc.*, V, 116, 4.

»' *Ibid.*, IV, 102, 1; V, 11.

ется, как будет показано ниже, между прочим, и в источнике формирования контингентов колонистов.

Вопрос о гражданстве эпойков довольно сложен. Об эпойках — простых дополнительных переселенцах — есть известия у Аристотеля, который сообщает, что им предоставлялись неполные гражданские права⁹⁸. Об эпойках-воинах свидетельствуют надписи, из которых явствует, что им предоставлялись гражданские права того полиса, в который они включались. Естественно полагать, что эпойки, присоединявшиеся к апоикам в Брее, как и последние, теряли права афинского гражданства. Фукидид называет эгинских колонистов, принявших участие в сицилийской экспедиции, «эгинетами, которые тогда занимали Эгину» (VII, 57, 2), и этот этникон служит определенным доказательством их неафинского подданства. Еще более определенные сведения имеются в отношении афинских колонистов на Херсонесе Фракийском, образовавших там несколько полисов. Эти колонисты в источниках именуются и апоиками, и эпойками, и клерухами, что вызвало в историографии нового времени противоречивые суждения. Однако свидетельство Лисия (XIV, 38) о том, что Алкивиад был гражданином одного из городов Херсонеса Фракийского определенно говорит о том, что тамошние афинские колонисты, в том числе и эпойки 447 г., обретали новые гражданские права (Алкивиад в данном случае рассматривался как эпойк — дополнительный поселенец). По словам Фукидида⁹⁹, афиняне в Амфиполе обладали амфипольскими гражданскими правами.

Таким образом, эпойки наряду с апоиками обретали гражданские права нового полиса¹⁰⁰. Это отличает их от клерухов, которые сохраняли права афинского гражданства. Кроме того, земельные участки, которые эпойкам предоставлялись в собственность (№ 2.16, 18—19), клерухам передавались во владение, т. е. во временное

⁹⁸ *Arist. Pol.*, V, 2, 10-11.

⁹⁹ *Thuc.*, IV, 107, 1; ср.: IV, 106, 1.

¹⁰⁰ Вообще, создается впечатление, что афиняне модифицировали слегка общегреческий обычай, предоставлявший эпойкам обусловленное право на возвращение (см. выше, с. 107), ввиду чего каждый эпойк потенциально мог стать гражданином метрополии. Афинские же эпойки имели как бы двойное гражданство — и в колонии и в метрополии — главным образом потому, что в условиях Пелопоннесской войны население колоний было подвижным.

пользование. Как и эпойки, клерухи совмещали земледелие с эпизодической военной службой (№ 15.1—3).

Подытоживая анализ терминологии Фукидида, следует отметить, что приведенные данные не подтверждают мнения Эренберга и его последователей о том, что она произвольна и лишена узкого техницизма. Фукидид строго проводит различие между апоиками, эпоиками и клерухами, которое существовало в действительности. Его словоупотребление ограничено рамками стройной, строго им соблюдавшейся системы официальной афинской терминологии.

Как указывалось выше, в литературе принято мнение, что колонисты, посланные в 450 г. на Лемнос, были клерухами. Авторы АТЛ указали на трудности, возникающие в связи с такой трактовкой¹⁰¹. На мой взгляд, эти колонисты были эпоиками, которых отправили для усиления двух местных общин, состоявших из потомков афинских апоиков доперсидского времени. Это были воины, сами или вместе со своими сыновьями принимавшие активное участие в Пелопоннесской войне на стороне своей метрополии.

Лемносцы упоминаются в двух афинских надписях со списками воинов, павших в начале войны. В одном списке их имена перечислены под общим заголовком «Лемносцы из Мирины», в другом они составляют часть перечня убитых членов одной филы¹⁰². Эти надписи, по мнению ряда исследователей, указывают на то, что лемносцы сохраняли свое афинское гражданство и были, таким образом, клерухами. Однако в такой же мере можно утверждать, что они были эпоиками, которые, как известно, наряду с апоиками принадлежали в новом полисе к той же филе, что и прежде в Афинах¹⁰³. Принадлежность к афинской филе отнюдь не означает обязательное афинское подданство. Во второй надписи лемносцы перечислены вместе с афинянами. Этот факт может быть объяснен тем, что они постоянно сражались в рядах собственно афинского войска, располагаясь иногда на афинских квартирах¹⁰⁴. Кроме того, тип этникона «Лемносцы в Мирине» свидетельствует о том, что эти колонисты не были афинскими

И*

¹⁰¹ Например, при взимании фороса: АТЛ, 3, р. 290—292.

¹⁰² IG, I², № 947, 948.

¹⁰³ Это явствует, например, из декрета о колонистах в Брее (№ 5.7; ср. 26-29).

¹⁰⁴ *Thuc.*, III, 5, 1; IV, 28, 4; V, 8, 2.

гражданами, т. е. клерухами, которые в IV в. обозначались этниконом типа «Афиняне, обитающие в Мирине». Отмечу в связи с этим, что Фукидид также именуется их лемносцами (VII, 57, 2)¹⁰⁵.

В этом смысле интересна терминология локридского декрета об эпойках в Навпакте. Эти колонисты, отправленные из Локр гипокнемидских, именуется то по месту жительства навпактийцами, то по происхождению — локрами гипокнемидскими. При этом нужно заметить, что они теряли права гражданства на своей прежней родине и обретали новое гражданское состояние в Навпакте.

Форос, взимавшийся с Гефестиэи и Мирины, шел на оплату лемносских отрядов, находившихся в рядах действующей афинской армии. На это указывает графа в податном списке 421 г. «Города, выдавшие плату войску», в которой перечислены гефестиоты и миринейцы (вместе с имбриями)^{III}. Этот факт еще раз указывает, что афинские эпойки были солдатами.

Таким образом, приведенные данные, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что афинской колонизационной практике были свойственны два типа колоний — апойкия и клерухия — и три категории колонистов — апойки, клерухи и эпойки, причем последние образовывали апойкию, если основывали самостоятельное поселение (№ 14. 177). Только эти типы афинских колоний упоминаются в источниках, и поиски каких-либо иных типов не представляются оправданными реальным положением вещей. Изменение содержания термина «апойкия» в V в. заключа-

¹⁰⁶ Приведенные Грэйзмом аргументы в пользу того, что этникон не может служить критерием подданства (*Graham A. Colony and Mother City*, p. 103—105), верны лишь для обратного случая, а именно: если бы лемносцы называли себя афинянами, то это указывало бы на их афинское происхождение. Что же касается афинского стратега IV в. Афинодора (р. 168), то имбриями его называет Плутарх, а не современные свидетели. Ср.: *Thuc.*, III, 32, 2: самосские изгнанники, утвердившиеся в карийской Анее, ищепуются анейцами. Как известно, община, принявшая изгнанников, могла предоставить им или их потомкам права гражданства (ср.: *Plut.*, *Sol.*, 24, 2; *IG*, I², N 68a; *Hesperia*, 1945, 14, p. 106). Ср. также: *Stb.*, 445: жители Гестиэи, приняв оритов, стали называться оритами; *Thuc.*, VIII, 69, 3: афинские колонисты на Андросе, Теносе, Эгине и в Каристе названы соответственно андросцампи, тносцами, эгнетами и карпстянампи.

¹⁰⁶ *Tad.*, 1, Лб 71.83—87.

лась не в образовании каких-либо промежуточных типов колоний, а лишь в более тесной, чем обычно, связи с метрополией при сохранении общих для всей страны формальных признаков апойкии (*jus soli, civitatis etc.*).

§ — В

Глава V

АПОЙКИЯ

210

До нас дошли в различной степени сохранности шесть афинских документов об отправлении и устройстве апойкии: 1. Декрет о колонии в Брею. 2. Декрет о неизвестной колонии (оба эти декрета по форме довольно близки друг к другу). 3. Три декрета о Гестиэе. Надписи о Гестиэе в формальном отношении близки к группе афинских декретов об устройстве союзных городов. Сюда же формально относится декрет 325 г. об отправлении в Адриатику экспедиции эпойков, поскольку последние образовывали апойкию.

§ 1. Декрет об отправлении колонии в Брею (№ 5)

Местонахождение Брей и время ее основания точно не установлены. Помимо исследуемой надписи, Брею упоминают Феопомп и лексикографы. Судя по сообщению Гесихия, основание Брей приходилось на десятилетие между 446 и 438 гг.¹ Подразумеваемое в декрете нахождение афинской армии в поле (сткк. 26—28) связывали с подавлением восстания на Эвбее, что позволяло уточнить датировку надписи 446/5 г. Местонахождение Брей увязывали с Бисальтией, основываясь на сообщении Плутарха (Рег., И, 5) о тысяче колонистов, отправленных Периклом в эту область.

¹ *Tod*, 1, p. 88—89; *Theopomp.*, fr. 145 (см. : *Steph. Byz.*, s. v.* Bpsect).

² *Hesych.*, s. v. Βρη: «Брея. Кратин упоминает о колонии, выведенной в Брею. Это фракийский город, в который афиняне выслали колонию». Деятельность Кратина относится ко времени между 455 и 423 гг. Брея могла упоминаться либо во «ФракиящаХ», поставленных между 446—439 гг., либо в «Богатствах», написанных примерно в то время, когда был основан Амфиполь (437 г.).

Эти данные вошли в научную литературу, хотя еще в прошлом веке Бергк и Бузольт подвергли их сомнению. Бергк, исправляя довольно испорченную фразу в тексте Фукидида (I, 61, 4), заменил рукописное Βέροιαν на Βρῆαν, что предполагало перемещение местонахождения колонии в Термейский залив³. С другой стороны, Бузольт указал на то, что афинская армия могла находиться в поле и в 440—438 гг., подавляя восстание на Самосе⁴.

В последнее тридцатилетие споры по этому вопросу разгорелись с новой силой. Идеи Бергка и Бузольта развил Вудхэд⁵. Он указал, что около 438 г. в районе Термейского залива создались благоприятные условия для основания афинской колонии, которая противостояла бы агрессивным устремлениям Пердикки. Шрифт надписи не противоречит этой дате. Отсутствие дальнейших известий о колонии, по мнению Вудхэда, объясняется тем, что ее жители перешли во вновь заселенную афинянами Потидею (430/29 г.).

Эту точку зрения в дальнейшем поддержали Александер и Ашери⁶, однако еще раньше Эдсон привел ряд аргументов против эмэндации Бергка⁷. Локализацию Брей в Термейском заливе принял также Маттингли⁸, однако предложенная им слишком заниженная дата основания колонии (426/5 г.) не встретила сочувствия⁹.

Авторы ATL полагали, что Брея была основана в 447/6 г.

³ Эта эмэндация, принятая рядом издателей, вряд ли оправдана, поскольку во Фракии известно два укрепленных городка, называвшихся Бероия. См.: Procor., De aed., IV, II, 19.

⁴ Busolt G. Griechische Geschichte. Gotha, 1897, 3, S. 417—418, Anm. 1.

⁵ Woodhead A, G. The Site of Brea: Thucydides, I, 61, 4. — CO, 1952, 2, p. 57—62.

⁶ Alexander A. Thucydides and the Expedition of Callias. — AJPh, 1962, 83, p. 265—287; Asheri D. The Site of Brea. — AJPh, 1969, 90, p. 337—340.

⁷ Edson Ch. Strepssa (Thuc., I, 61, 4). — CPh, 1955, 1, p. 169—190.

⁸ Mattingly H. The Growth of Athenian Imperialism. — Historia, 1963, 12, p. 257—273; Idem. Athenian Imperialism and the Foundation of Brea. — CQ, 1966, 16, p. 172—192.

⁹ Употребленная в декрете форма ρ не встречается в датированных надписях после 438/7 г. (Melggs R. The Dating of Fifth Century Attic Inscriptions. — JHS, 1966, 86, p. 92). Предположение Маттингли о том, что шрифт декрета намеренно архаизирован, представляется малоубедительным, поскольку это явление имело место в надписях частного свойства.

около Аргила (район Амфиополя), связывая эту дату с понижением налога Аргила около этого времени¹⁰.

В ходе дискуссии было предложено немало более или менее убедительных аргументов pro et contra. На мой взгляд, пока решающая роль в вопросе о локализации Брей принадлежит свидетельству декрета о взаимосвязи выводимой колонии с городами, расположенными у Фракии — τῶν ἑπὶ Βραχῆτις (сткк. 15—17). Поскольку Фукидид, хорошо знавший эту местность, при описании событий, связанных с Потидеей, неоднократно употребляет выражение ἐπὶ τῆς Οράχνης (чего не наблюдается в связи с Амфиополем)¹¹, мне представляется предпочтительной локализация Брей в одном из районов западной Халкидики. Время основания колонии, по всей вероятности, приходится на промежуток между 446 и 438 гг.

Текст декрета сохранился на двух фрагментах мраморной стелы (А и В), найденных в 1838 и 1847 гг. в Эрехфейоне (ныне находится в Эпиграфическом музее Афин). В византийское время стела была разбита на половинки, которые использовались в качестве баз для двух колонн. Текст В вырезан на правой боковой стороне верхней части стелы, лицевая сторона которой полностью сглажена; она содержала около 35 строк. Фрагмент А вырезан на нижней части стелы и является, таким образом, продолжением утраченного текста верхней части стелы. Фрагмент В, как сказано, сохранил только вырезанную на боковой стороне поправку к декрету¹².

Текст надписи приводится по сборнику Мейггза — Льюиса (№ 49), за исключением лакун в сткк. 1—5, восстановленных мною.

¹⁰ ATL, 3, p. 286; п. 49. С ними полностью солидаризировался: *Vartsos J. A. The Foundation of Brea. Archaia Macedonia. Thessalon., 1977, 2, p. 14-15.*

¹¹ *Thuc.*, I, 56, 2; 57, 5; 59, 1; 60, 3. Это выражение Фукидид употребляет как эквивалент названия Халкидика, причем на район Амфиополя — Бисальтин оно не распространяется. Только в одном случае (IV, 104, 4; ср. V, 7, 4) оно употреблено в рассказе об амфипольских событиях, но лишь в связи с самим Фукидидом, который был отравлен; αἰνῶν ἐστὶν ἄνθρωπος. Присутствие Фукидида около Фасоса, естественно, но свидетельствует о том, что это выражение охватывало и район Амфиополя.

¹² Найденный на агоре третий фрагмент, содержащий 11 букв в четырех строках, удовлетворительно не соединяется с фрагментом А; вследствие незначительности текста Мейггз и Льюис опустили его.

1 (?) BoX]e, upo? hšv av <pa]ivst s
 ypatpexat, eajayexo. sav 8s eaiyet, sv's^[upa an-
 oStSoxo] ho <svag s ho ypayaap-evog. rc6[ptag 8-
 s aiptaijv aoxotg rcapaa^ovxov hot anoftxorx-
 5 ai xaXXJispsaat h-wrsp xeg anotxtag, [houoaa
 av aoxo]tg Soxlt. -fsovofj-o? ds heXsat>[at 8šxa
 avSpag,]Iva ' cpoXlg hooxot 8l ve;xavx[ov xšv
 yev. AeijioxXetSev 8s xaxaaxlaat xšv afnoixt-
 av aoxoxpaxopa, xaOoxt av Stvsvxat a[ptaxa. x-
 10 a ds xe[j.]švs xa s^astpsfišva eav xaOa[rcp iax-
 t, xai aX]Xa]LS xexsvfCev. [cov 8s xai rcfavhonX-
 tav ana]ysv sg llava&evata xa]j.syaX]a xai ed D-
 iovbjt]a ^aXXov. sav 8s xtg eniaxpafxsoet srt-
 i xšv ye]v xšv xov anotxov, Po&ev xa]g noXsg h-
 15 og v^ao]xaxa xaxa xag ^aoyypacpag ha]i sni. .

] xō ypaflLjtaxsuovxog lysvovjxo 7xepi x-
 ov rc6Xs]ov xōv STi Opátxsg. ypácpaat 8[š xaūxa
 šv oxšX]st xai xaxa&Ivat šx toXer ira]paa^ov-
 xov 8s x]sv axšXsv hot anotxoi cpōv a]oxōv xš-
 20 Xeatv. š]av 8š xtg šnupascptCet para xš[v axšX-
 sv I ppšfxop ayopeost I rcpoaxaXeafta]i sy^sp-
 st a<pat]pla&at I Xōsv xt xov hsyas^tfajisvov,
 axt]j.ov] švat aūxōv xai nat8ag xōd s/g [šxšvo
 xai xa ^]psjiaxa Sspiōata švat xai xlg [&sv xō s-
 25 ntSšxaXov, so]JA JAš xt auxoi hot anotx[ot. . . .
 8s]ovxat: : hoat 8' av ypæpaovxa]t srcotx-
 šasv xō]v axpaxtoxov, srcetSav hšxoaft 'A&šva-
 Ce, xptajxovxa ejiepov sp. Bpsat švat sit[otxsa-
 ovxag. sj^aayev 8s xšv arcotxtav xptaxfovxa s-
 80 []ispov. A]ta^t'vev 8s axoXondovxa anofStSōva-
 t xa xps]f*axa. vacat

B

ETOIX. 17

[<3?]avxoxXšg elres' respi
 (j.]sv xfg šg Bpšav anot-
 x]iag xa&ansp AsjtioxX-
 35 e]t'8sg sine' (DavxoxXs-
 a] ds npoaayaySv xšv 'E-
 p]eXθsida πpovaveia-
 v] ipog xšv BoXev ev xi-
 t] npoxst heSpaf sg šē

40 Β]ρεαυ ἄτεξοῦ καὶ ἰε-
υλῖτοῦ τσβατ ход апо-
ι]χοῦ.

Реконструкции текста (дополнения текста надписи в целом принадлежат главным образом Беку и Зауппе):
v. 1: [he 8e dp^]s—Wi.¹⁸; [. . . (?) βοΧ]s — supplevi;
v. 2—3 in.: sve^[upaCs]xo aux6v] — IG, I², N 45; evs^fupa
ā^lata (?) &^sxo]—Wi.¹⁴; svsv^[upa an|o8i86xo] — supplevi.;
v. 3—4 in.: ixo[tp.vta | 8s a'tyo]v—IG, I², N 45; ra5[pov 8e
apyopto]v — Вое¹⁵; n<p>o[Paха šlg &ua]a]v — Wi.¹⁶; ἄοfпов 8' ēlg
&ua]a]v — Меритт¹⁷, скомбинировавший добавления Бека
и Вильгельма; no[piag 8]s o<ptot]v supplevi.; v. 4—5 in.:
āno[86p.ev|ot] — Вое¹⁸; dn[oixtax|at] — IG, I, N 45; aix[otxor
x|at] — supplevi. К восстанавливаемому в стк. 26 [. . . 8s]—
овхат ср.: ML, № 65.56.

Перевод:

А.
« . . Совет (?), в который (желающий отправиться в колонию) явится или запишется (в число колонистов), пусть включает (в число колонистов). Если же включит, то пусть вносит залог явившийся или записавшийся. Пусть колонисты обеспечат себе телок; совершить жертвоприношение для получения благоприятных предзнаменований по поводу (отправления) колонии в таких размерах, какие они сочтут нужным. Избрать геономов в количестве десяти человек, по одному от филы; пусть они распределят землю. Демоклиду в качестве автократора устроить колонию как можно более лучшим образом. Обусловленное (количество) священных участков оставить как есть и других не посвящать. Посылать на Великие Панафинеи корову и панопию, а на Дионисии — фаллос. Если кто-либо

¹³ Wilhelm A. Attische Urkunden. — Abh. Ak. Wien, 1939, 217, 5, S. 15. Ср. реконструкцию Мерита с добавлением третьего фрагмента (Meritt B. D. Attic Inscriptions of the Fifth Century. — Hesperia, 1945, 14, p. 86—87).

¹⁴ Wilhelm A. Op. cit., S. 16—17.

¹⁶ Böckh A. Gesammelte kleine Schriften. Leipzig, 1872, 6, S. 175 ff. Ср. соображения Вильгельма по поводу этих восстановлений (Op. cit., S. 16—17).

¹⁸ Wilhelm A. Op. cit., S. 13.

¹⁷ Meritt B. D. Notes on Attic Decrees, p. 317—319.

¹⁵ BSckh A. Op. cit., S. 175.

пойдет войной на землю колонистов, пусть города помогают друг другу как можно быстрее согласно договорам, которые были составлены в секретарство такого-то относительно городов прифракийского региона. Написать это на стеле и поставить в городе; колонистам изготовить стелу за свой счет. Если же кто-нибудь поставит на голосование что-либо противоречащее записанному на стеле или какой-нибудь оратор станет публично выступать (против этого) или начнет призывать к отмене или нарушению какого-либо пункта этих постановлений, то пусть будут лишены гражданских прав и он сам, и его дети, а имущество конфисковано и десятая часть (посвящена) богине, если только сами колонисты не . . . возымеют нужду. Тем воинам, которые запишутся в число дополнительных переселенцев, по прибытии в Афины в течение тридцати дней поселиться в Брее. Вывести колонию в течение тридцати дней; Эсхию, сопровождающему (колонистов), выдать соответствующие средства.

В (боковая сторона).

Фантокл предложил: пусть в отношении колонии в Брею будет так, как предложил Демоклид. Фантоклу изложить (этот вопрос) на буле в пританию фило Эрехтеиды в первое заседание. Отправить в Брею колонистов из числа фетов и зевгитов».

Содержание первых трех строк надписи не совсем ясно из-за плохой сохранности текста. Обычно полагают, что здесь имеется в виду предоставление залога при возбуждении судебного процесса¹⁹. Однако на мой взгляд, контекст свидетельствует, что сткк. 1—3 лучше понимать как изложение условий приема в число колонистов; ср. стк. 26, где $\Upsilon\rho\alpha\sigma\rho\omega\iota\zeta\lambda\alpha\iota\iota$ означает запись в число переселенцев. Кроме того, за этим предписанием следует пункт о жертвоприношениях, совершаемых по случаю отправления колонии, т. е. в начале сохранившегося текста можно усматривать последовательно развивающуюся процедуру: набор колонистов, затем жертвоприношения, совершаемые ими за благополучное отправление в колонию. Если же рассматривать сткк. 1—3 в качестве юридических предписаний, логика всей процедуры нарушается.

Афиняне в связи с отправлением колонии в Адриатику избрали комиссию из 10 чел., которая вместе с буле и при-

¹⁹ ML, p. 130.

танами занималась вопросами снаряжения колониальной экспедиции (№ 14.242—269). Таким образом, под словом *hsv* стк. 1 можно подразумевать эту комиссию или буле; в связи с этим возможно восстановление слона [. . . (?) **ЗоХѢ** в начале сохранившегося текста. Реконструкция первых исследователей надписи лакуны в конце стк. 1 — начале стк. 2 (*ceaf[vei i ^гугтъ*., e3]aугто*) бесспорна, поскольку ей соответствуют субстантивированные причастия *ho cpava; I ho ypacp'i^svoc* в стк. 3. Далее, на мой взгляд, речь идет о залоге, вносимом колонистами. Фукидид, рассказывая о повторном основании Эпидамна коринфянами, сообщает, что многие из тех, кто пожелал принять участие в этом предприятии, но не решился отплыть тотчас, вн. ся залог (*xoraffiv-ra*) в 50 драхм, остались в Коринфе (I, 27, 1). Основываясь на этой аналогии, текст сткк. 1—3 надписи о Брее можно понять следующим образом: речь идет о занесении в списки колонистов тех, кто изъявил желание отправиться в колонию и явился^{но} для этого в буле (комиссию), но по какой-либо причине не имел возможности отправиться тотчас (*ho cpiva;*), а также о тех, кто уже записался в число колонистов (*ho ypacpaajxevog*). И те и другие должны были внести залог в знак подтверждения своего участия в этом предприятии. В связи с этим предлагаю восстановление *svi^j.-jpa dnoqt[SoTo]* в сткк. 2—3²¹. Таким образом, сткк. 1—3 могут быть поняты следующим образом: «. . . совет (?), в который (желающий отправиться в колонию) явится или запишется, пусть включает в число (колонистов). Если же включит, то пусть вносит залог явившийся или записавшийся». Запись в число переселенцев могла производить комиссия, вождь колонистов Демоклид или буле.

Далее следует предписание обеспечить совершение жертвоприношений за благополучный исход предприятия (сткк. 3—6)²². Структура фразы в сткк. 3—4 довольно ясна, и необходимость восстановления в лакуне грамматического субъекта и объекта к *Liapas^tmow* очевидна. В сткк. 4—5 в качестве субъекта все издатели помещают старое восстановление *dnotzi3-m*. Между тем это слово

²⁰ Но по поводу такого значения *sxlvjiv* См.: *Plat* PTMт ча,,,-Уен. Мем., II, 8, 1; LSJ, s. v. *c^Na*, II I, 2.

²¹ Ср.: *AndccIII*, 39; *eve/up^ i,9Sio-ms*.

²² Подобная клаузула содержится и в декрете об отправлении сицилийской экспедиции 415 г. (ML, N 78, Гр. С. 14—15).

чрезвычайно редкое и зафиксировано лишь в лексиконе Гесихия. Вместо апокрифических апойкистов в качестве субъекта действия, на мой взгляд, выступают сами колонисты: [. οσπταί]ν αὐζοχῶ ἰσπαρὰ ὄνυχον ἡὸτ ἀἵρ[οἶχὸτ'x]αλ κολλ-Χ]τηρ?aat. . . .²³

Теперь остается определить объект действия, содержащийся в лакуне сткк. 3—4. Наличие здесь частицы 84 безусловно. Объектом может служить слово κορίγ — «телка»: Τόσπτασ 8|ε атptot]ν αἰσπῶτε и т. д., т. е.: «Пусть колонисты обеспечат себе телок; совершить жертвоприношение для получения благоприятных предзнаменований по поводу (отправления) колонии в таких размерах, какие они сочтут нужными»²⁴.

Из предлагаемых дополнений явствует, что отправление в колонию было сопряжено для переселенца с определенными расходами по внесению залога и затратам на совершение жертвоприношений. С такой интерпретацией согласуются слова Павсания о том, что самые бедные мессенцы не ушли в колонии с большинством своих соплеменников (IV, 23, 3). Однако в отличие от мессенцев афинские колонисты получали определенные субсидии в связи с переселением (сткк. 30—31). Афинское государство, целиком подчинив дело вывода колоний своим интересам, несло, видимо, значительную часть расходов по устройству колонистов на новом месте жительства.

Принесение колонистами в жертву телок можно поставить в связь со следующим далее предписанием «Посылать на Великие Панафинеи корову²⁵ и паноплию» (сткк. И—12), в чем можно видеть продолжение символической обрядности, сопровождавшей отправление колонии. В приношении этих даров выражается символика последующих отношений колоний с метрополией. Панафинеи отмечались как праздник единения всего афинского народа, как торжество в память проведенного Тесеем синойкизма, положившего начало блестящей истории Афин²⁶. Поэтому раз в четыре года из всех афинских

²³ К восстановлению ср. стк. 19: *hoi aítotxoi oūv a[úTov]*. Бек (Op. cit., S. 176) указывал, что *autot?* надписи употреблено вместо *atfoiv auxoli*.

По поводу принесения в жертву телок см.: *Ap. Bod.*, Arg., 1185—1190 (где порти — тсорт).
²⁵ *Boviv* — это корова; ср.: *ML*, № 69, 57, *IG*, II², № 334, 19-20.

²⁸ См.: *Thuc.*, II, 15, 2-4.

колоний на Великие Панафинеи прибывали посольства с дарами, символически выражавшими связь колоний со своей метрополией²⁷. Коровы предназначались для гекатомбы и торжественной общей трапезы, символизовавшей прежнее пребывание колонистов у отеческих святынь, под сенью родного крова²⁸. Принесение в дар паноплии олицетворяло военно-политические узы, связывавшие колонию с метрополией, и в первую очередь обязательства военной помощи.

Клаузула о принесении паноплии и коров содержится в ряде афинских документов V в.²⁹ Впервые это предписание встречается в декрете об усилении сбора фороса³⁰, а также в постановлении о Брее и сначала, видимо, распространялось только на колонии афинян³¹, но очень скоро ввиду усиления экспансионистских тенденций Афины стали требовать этого и от всех союзников (декрет Тудиппа 425/4 г. прямо предписывал всем городам, вносившим форос, присылать на Великие Панафинеи корову и паноплию, «как это делают апойки») ³². Этот акт имел своей целью продемонстрировать единение и сплоченность членов Делосской симмахии вокруг Афин как их метрополии и гегемона.

Отправление афинской колонии в Брею происходило в сложной военно-политической обстановке, в период усиления противоречий между сильнейшими греческими государствами, приведших к Пелопоннесской войне. Об этом свидетельствует предоставление вождю колонии Демоклиду неограниченных полномочий (сткк. 8—9). Подобно ряду афинских стратегов он был наделен званием автократора³³. Напротив, Мальтиад, лидер большого

²⁷ Schol. Arph., Nub., 386. Ср. предписание «согласно отеческим заветам доставлять на Панафинеи корову и паноплию, а на Дионисип — корову и фаллос, поскольку (паросцы) являются колонистами афинского народа» (Meritt B. D., *Wade-Gery II. T. The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century.* — JHS, 1962, 82, p. 70; надпись относится к 372/1 г., текст несколько разрушен).

²⁸ Ср. афинское постановление об Эрифрах: ML, № 40.3 (середины V в.), а также: IG II², № 334.19—20 (IV в.).

²⁹ Meritt B. D., *Wade-Gery II. T. Op. cit.*, p. 69.

³⁰ ML, № 46.41—43, около 447 г.

³¹ Ср.: Schol. Arph., Nub., 386: «На Панафинеи аттические города присылали коров. . .».

³² ML, N 69, 56-58.

³³ Ср.: *Plut.*, *Arist.*, 8, 1; *11.4 Thuc.*, VI, 8, 2; *Xen.*, *Hell.*, I, 4, 20: в чрезвычайных обстоятельствах стратеги назначаются автократорами. То же — ML, № 58. А. 9. Ср. также: *Thuc.*, VIII, 67,

отряда **воинов**-переселенцев, отправленных в 325 г. афинянами в Адриатику для сторожевой службы по охране от пиратов, был назначен не автократом, а ойкистом, в соответствии с обычной колонизационной практикой (№ 14.161, 224).

О потенциально беспокойной обстановке в районе основания колонии свидетельствуют также сткк. 13—17 декрета: «Если кто-либо пойдет войной на землю колонистов, пусть города помогают друг другу как можно быстрее, согласно договорам, которые были составлены в секретарство такого-то относительно городов прифракийского региона». Здесь имеются в виду союзные Афинам города Халкидики³⁴.

Вождю колонистов Демоклиду предписано «устроить колонию как можно более лучшим образом» (сткк. 8—У). Интересно, что это предписание вставлено между двумя клаузулами декрета, трактующими вопрос о разделе земельных угодий нового полиса, однако это все же не указывает на роль Демоклида в качестве лишь «землеустроителя»: *у.ахаохураи* — емкое слово, подразумевающее руководство строительством города, устройством хоры, социальной организацией полиса и т. д.

Контингент колонистов распределялся на 10 фил (сткк. 6—7), т. е. старые генетические и социальные связи переселенцев, существовавшие в Афинах, сохранялись и на новом месте жительства. Каждая фила имела представительство в коллегии геономов, производившей раздел земли (сткк. 6—8). Распределение земли производилось сначала по филам³⁵, после чего каждый колонист получал участок в том районе, который достался по жребью его филе³⁶.

Согласно обычаю, соблюдавшемуся при основании города, в Брее часть земли отводилась под священные участки — темены: «Обусловленное (количество) священных участков оставить как есть и других не посвящать» (сткк. 10—И)³⁷. Тод указал, что эту не совсем ясную

1 — о комиссии законодателей, наделенных неограниченными ПОЛНОМОЧИЯМИ.

³⁴ Ср.: *Thuc.*, I, 56, 2: той, те 5).).ои; ечи вр5ул]С. . . Σύμμαχον
Χεῖρας, где речь идет о потидеянах.

³⁶ *Hypcr.*, IV, 16-17.

³⁸ Ср.: Ргун., Ргаер. *soph.*, 57: «Геоном распределяет л колонии каждому надел, а геометр отмеряет границы надела» (Тод, 1, р. 89).

³⁷ Ср.: Хеп., Суг., VIII, 3.1.

клаузулу можно понимать двояким образом: либо сохраняется то же число священных участков, какое было у прежнего населения Брей, либо подтверждается определенное ранее количество этих участков³⁸. На мой взгляд, второе предположение следует исключить. По сообщению Фукидида (III, 50, 2), из 3 тыс. участков, образованных афинянами на усмирённом Лесбосе, 300 было посвящено богам. Отсюда явствует, что под священные участки отводилась одна десятая всех земельных угодий, что соответствует общегреческому обычаю посвящать десятину богам³⁹. Поскольку количество священных участков определялось обычаем, сткк. 10—11 следует понимать как предписание сохранить то число теменов, какое уже было в Брее⁴⁰. Видимо, прежнее население этого фракийского городка в какой-то мере составляли эллины⁴¹. Отсюда как будто следует, что прежнее население Брей, в которую направлялись афинские апойки, было вытеснено⁴².

Декрет сообщает ценные сведения о социальном составе афинских переселенцев: «Отправить в Брею колонистов из числа фетов и зевгитов» (сткк. 39—42). Надо полагать, что цель этого добавления к декрету, внесенного Фантоклом, заключалась в том, чтобы дать возможность гражданам зевгитского состояния также принять участие в основании колонии. Основная масса афинских

И*
³⁸ *Tod*, 1, p. 89.

³⁹ Ср. сткк. 24—25 рассматриваемого декрета. Эти участки составляли государственную собственность и на определенных условиях сдавались в аренду: IG, I², № 93.147 — арендная плата с темена на Кифносе; № 94 — подробный документ о сдаче темена в аренду. Ср. также: *Ael.*, Var. hist., VI, 1: афиняне разделили землю победённых халкидян на 2000 наделов, причём лелантские угодья отвели святилищу Афины.

⁴⁰ Кроме того, заранее не было известно, от какого количества наделов выделять одну десятую часть, поскольку контингент колонистов ещё окончательно не сформировался и ожидалось присоединение воинов афинской армии (сткк. 26—29).

⁴¹ Ср.: *Thuc.*, IV, 109, 3—4 — о сметанном населении ряда городков на фракийском побережье северной Эгеиды, которые, кстати, были зависимы от Афин и вносили форос. Брея, по всей видимости, и была одним из таких городков. Название Брея — фракийского происхождения, означающее «крепость»; ср. названия крепостей во Фракии, Иллирии и Эпире с корнем Вре-: Врiјкта, Врiјгiт, Врè, Вреfia; (Просор., De aed., IV, 4; 11). Видимо, чередованием (как и Вре-) связано с фрак. рр!а — «город» (*Stb.*, 319). См.: *Нероуиак В. П.* Палиобалканско языки. М., 1978, с. 43.

⁴² Ср.: *Thuc.*, V, 116, 4: афинские апойки поселяются на земле изгнанных мелосцев.

колонистов, но всей вероятности, состояла из фетов⁴¹. Не случайно большую, по-видимому, часть расходов по выведению колонии государство берет на себя (сткк. 30—31). Надо думать, что наделы, получаемые фетами в колониях, позволяли им перейти в зевгитское сословие. Плутарх верно отметил, что одной из причин колонизационной деятельности афинян было стремление поддержать бедные слои гражданства (Рег., 11, 6). С другой стороны, зевгиты, уходя в колонию, предохранялись от перехода на фетский статут⁴⁴.

Декретом предусмотрено присоединение к контингенту колонистов группы эпойков — солдат афинской армии, находившейся в походе: «Тем воинам, которые запишутся в число дополнительных переселенцев, по прибытии в Афины в течение тридцати дней поселиться в Брее» (сткк. 26—30)⁴⁵. По мысли автора декрета, каковым был Демоклид (сткк. 34—35), предполагалось, что воины-эпойки должны были присоединиться к уже обосновавшимся в Брее апоикам^{4в}. Присоединение отряда воинов к числу колонистов Брей, пожалуй, свидетельствует об ее определенном стратегическом значении.

Поскольку контингент колонистов состоял из апойков и эпойков, естественно, встает вопрос, чем различались между собой эти группы переселенцев. Единственное указание декрета на этот счет заключается в том, что эпойки формировались из солдат. Однако эпойки как граждане полиса также являлись потенциальными воинами. Следовательно, в данном случае различие между двумя группами заключается лишь в источнике формирования контингента колонистов: эпойки набирались из воинов действующей армии, в то время как апойки — из общей массы афинских граждан. В сущности эти солдаты были эпоиками потому, что они присоединялись позже к основной массе колонистов.

Согласно терминологии декрета, колония в Брее мыслится как апоикия, т. е. номинально независимый полис

⁴³ Так же полагал и Джонс (*Jones A. H. M. Athenian Democracy*, p. 168).

⁴⁴ *Ibid.*, p. 7, 168-169.

⁴⁵ Несмотря на то что лакуна сткк. 28—29 восстановлена по одной-двум буквам, надежность дополнения еще не вызывала сомнений.

^{4в} Апойки должны были в течение 30 дней отбыть из Афин (стк. 29), куда армия еще не вернулась из похода (стк. 27).

(сткк. 29, 33 и др.). Этот вывод подтверждается обязательством колонистов Брей приносить дары своей метрополии на Великие Панафинеи (сткк. 11—13), которое сначала распространялось только на афинские апойкии, а позднее и на все союзные города⁴⁷. Вместе с тем очевидно, что колония в Брее мыслится как автономный полис чисто номинально. Вся ее внутренняя и внешняя политика была подчинена афинским интересам. Государственное устройство колонии, раздел ее земельных угодий, наконец ее социальная структура были заранее определены афинскими властями, и их установления ни в коей мере не подлежали изменению: «Если же кто-нибудь поставит на голосование что-либо противоречащее записанному на стеле или какой-нибудь оратор станет публично выступать (против этого) или начнет призывать к отмене или нарушению какого-либо пункта этих постановлений, то пусть будут лишены гражданских прав и он сам, и его дети, а имущество конфисковано и десятая часть (посвящена) богине, если только сами колонисты не . . . возымеют нужду» (сткк. 20—24). Последняя оговорка, однако, свидетельствует о формальной возможности колонистов принимать те или иные поправки к установлениям декрета, что говорит об определенной самостоятельности полиса колонистов⁴⁸.

Судьба колонии, отправлявшейся в Брею, неизвестна. Вождь колонистов Демоклид, очевидно, выполнив свои функции, как и основатель Амфиполя Гагنون, вернулся в Афины⁴⁹. Вероятнее всего, что население Брей, как полагал Вудхэд, перешло в основанную в 430/29 г. Потидею.

И*

⁴⁷ На клерухов это требование не распространялось, поскольку они сохраняли афинское гражданство и не образовывали независимого иолиса. Символика приношения даров в отношении клерухов, таким образом, не имела смысла.

⁴⁸ По указанным причинам нельзя согласиться с Оренбергом (*Polis und Imperium*, p. 254 sq.), который относил колонию в Брее к числу «муниципальных общин», являвшихся поселениями афинских граждан.

⁴⁹ Он, вероятно, был автором одного из афинских постановлений (IG, I², № 152).

§ 2. Декрет о неизвестной колонии (№ 6)

Фрагмент мраморной стелы, найденный на Акрополе (ныне находится в Эпиграфическом музее). Название колонии неизвестно; не исключено, что этот декрет, датируемый временем около 440 г., также связан с выводом колонии в Брею. Текст приводится по IG, I², № 46 с учетом возможных, по мнению Ф. Хиллера, дополнений в стк. 4 [xptaхоjyxα, а в сткк. 5—6 а[τοκход].

A

	23	
		ад . . .
	22	
		GDVT . .
	20	
		sg sneto [^] ā-
13		
_____ xpiixojyxα ε[ι.εpο v		
5	17	cpα XocSev ход а-
	10	
тго(ход(?). I <*XXsi fēi sep' ev		
	9	
I (?) ^peαOJat os xοTд E[xяop>-		
	12	
o: _____ 8 s fii i ha 'Aftevatot τε-		
	12	
		v jas irαpαxα&wxαvα-
	10	
10		qε hoi artoixot εIX031
. . . hJTtEp h ex'iaxo xai tōg xoitsag хо-		
	7	
at tvjpiog xai xōv xsXov xp-		
	P	
. Trspi S e xō /povo lie vsa 3oXs: o'.xaafa-		
-o _____ тфр : cwvE,8αXov I 5ii9e v xo s-		
is — —b o αποг/од про: xjov.		

B

	5	
. 0 — —		
	5	
. OCOI		
. dvjsoftuvoi Iax[ov — —		
τεX εovxag, E<rc ei odv xac e')0 jvag 3o _____		
20		.] ε51 ε ^oe[[A]oa(ai xov ypa cp]3a[[iεvov ?xpid-
xjovxa hejxspov otxi^ovxag s		

y upatpaovxat hfixovxEg .p — —
 [dixovxa hepiEpon [ep] stoav — —
 ход ТхреajBeg ход hex[ovxag — —
²⁶ arjyoptov hs[xspag *αργυρα* — —
 . . τις βολεται 'Αθηναιο — —
 . . . eoxo auxoi pro — —
 . . a xobxod de tprod — —
 [itpj ea]3sg aTrot'xog — —
³⁰ [.γp]ίφροντα: με — —
 . . . xov χρενον — —
 . . . τα: St'xev — —

Перевод:

А.

«... в течение тридцати дней. . . колонистам получить. . . на прочей земле по (И или 21 и т. д. плетров). . . пользоваться рынками. . . нет, или что афиняне. . . не устанавливать наряду. . . колонисты двадцать. . . за каждый и весла. . . десять тысяч и налогов. . . определенного времени новое буле. Пусть разберет дело. . . добавили или учредили. . . колонист. . .

В.

... понадобится... пусть не подлежат ответственности... больших когда финансовые отчеты. . . или предписанное по постановлению народа. . . (по прошествии трид-?)цати дней тем, которые поселятся. . . прибывшие были занесены в списки. . . в течение -дцати дней после того, как. . . старым (колонистам), прибывшим. . . в течение дня деньги. . . если кто-либо из афинян пожелает. . . пусть ему (?). . . этим. . . старым колонистам. . . внесут в списки не. . . иностранца (иностранцев ?). . . суд. . . »

Сохранившиеся части декрета обнаруживают явственное сходство с постановлением о колонии в Брею. Оба документа, трактуя различные вопросы, связанные с выводом колонии, взаимно дополняют друг друга.

Текст А.

§ 1 (стк. 4). Колония должна быть отправлена в течение (трид-?) цати дней (? Ср. № 5.29—30: «Вывести колонию в течение тридцати дней»).

§ 2 (сткк. 5—6). Трактуются вопросы, связанные с наделением прибывших колонистов землей. Переселенцы

получают участок на определенной категории земли, помимо чего «на прочей земле» (акУлц у г.т. стк. 6) еще один участок, видимо, в 11 или 21 и т. д. плетров (šv[8εχα] или ēv [χατ ε'ιχοαι] и т. д.). В данном случае налицо разделение земли на те же категории, которое представлено и в декрете иссейцев о разделе земли колонистами (№ 4.6—7), которые получали «в хоре. . . три плетра и из прочей земли» (xāg 3š aXXag) — соответствующие доли. В декрете иссейцев различаются три категории земли в хоре: 1. Земля под основные наделы. 2. Остальная земля. 3. Неделимый фонд для дополнительных поселенцев.

Можно полагать, что эти категории земли были известны и афинской колонизационной практике. Основной земельный фонд подразумевается сам собой. «Остальная» земля зафиксирована в стк. 6 данной надписи. Безусловно необходим и «неделимый» фонд для прибывающих позднее колонистов (в декрете о колонии в Брею предусмотрено прибытие таких дополнительных колонистов, № 5.26—29). Естественно, что лучшие земли занимали ранее прибывшие колонисты; недаром Аристотель утверждал, что присоединение эпойков, как правило, вызывает гражданские междоусобицы (Pol., V, 2.10—11).

§ 3 (сткк. 7—8?). Далее следует статья, трактующая торговые вопросы; ср. предписания декрета об отправлении колонии в Адриатику в отношении рынков и продажи хлеба (№ 14.217-232).

§ 4 (8?—10). Надо думать, что здесь содержатся указания о системе землепользования в колонии: εχοσι в стк. 10 соответствует аналогичной цифре в одном из документов, касающихся статуса критских поселенцев в Миунте⁶⁰: ειτ| elvat 8š aiixotg xt|[v] 880:JISV7JV ^wpaB >7.71.086-α&α| ΧΤ|εμ| ειδ| σιλυ| σιχοατ, т. е. земля, предоставляемая критским переселенцам, в течение 20 лет должна была оставаться не отчуждаемой. По-видимому, такое же предписание делалось и в отношении афинских колонистов. Впрочем, не исключено, что речь идет о пошлине в $\frac{1}{30}$, если в сткк. 10—11 можно читать σιχοαχ|ηv⁵¹.

§ 5 (сткк. 11—12). Речь идет о пошлинах на товары (упоминаются весла). Ср. афинский декрет о пошлинах

⁵⁰ Milet, III (В., 1914), № 33ε, сткк. 6 сл. См. обсуждение этого документа: Asheri D. Supplement coloniari, p. 83—85.

⁵¹ Ср.: Thuc., VII, 28, 4.

(№ 18), с которым сткк. 11—12 рассматриваемого декрета имеют сходство.

§ 6 (сткк. 13—15). Тяжбы по делам определенного свойства, возникающие в среде колонистов, должно разбирать буле колонии; ср. аналогичное предписание в декрете о Гестиэе (№ 11.7—12).

Текст В.

§ 7 (сткк. 17—20). Речь, очевидно, идет о мероприятиях, которые могут провести власти нового полиса и за которые они несут ответственность (?). В какой-то связи с этим упоминаются их финансовые отчеты и предписание народного собрания.

§ 8 (сткк. 20—23). Далее следуют предписания об устройстве колонистов. По прошествии тридцати (?) дней, установленных государством на вывод колонии (ср. № 5.29—30), переселенцам надлежит занести свои имена в списки.

§ 9 (сткк. 24—30). Возможно, речь идет о поселении дополнительных колонистов. Выражениями **ход пръред ход** [ισχ|όvχag] и [ixpjsopeg dwrot'xog] обозначены первые колонисты, к которым имеет право присоединиться в качестве дополнительного переселенца всякий желающий уйти в эту колонию афинянин. В стк. 25, очевидно, имеются в виду деньги, выделяемые государством на основание колонии⁶².

§ 10 (сткк. 31—32). Речь идет об иностранцах. Впрочем, не исключено, что слово *^asvot* относится к афинским колонистам, подобно тому как в декрете о навпактских эпойках тем же словом обозначены переселенцы в случае их пребывания в метрополии (№ 3.2).

Предлагаемая интерпретация сохранившегося текста этого декрета, разумеется в известной мере условна. Вместе с тем реконструкция содержания некоторых параграфов, как мне представляется, имеет право на существование.

Данные декрета тем более ценны, что они охватывают круг вопросов, не содержащихся в сохранившейся части постановления об устройстве колонии в Брее.

§ 3. Декреты о Гестиэе (№ И—13)

В 446/5 г. эвбейские города сделали попытку выйти из Делосской симмахии, однако афинская армия во главе с Птериклом вторглась на остров и подавила восстание.

» Ср.: N 5.30-31; *Liban., Xig. Dem., VIII.*

При этом «вся Эвбея была устроена на основании договора⁶³, за исключением Гестиэи, жителей которой афиняне выселили и сами заняли ее территорию» (χαί τῆν ἰκσν ἀχχίτην ὀφιοχοῦτα χηγεοῦτροτο, Ἐατῆιας, 81 σι'οτ.χιαβτεῖ; αἰχοῖ τῆν υφ,ν σο/ον)⁵⁴. Более подробно о заселении Гестиэи сообщает Диодор (XII, 22, 2): «Вернув себе Эвбею, афиняне изгнали гестиэйцев из их города и иод руководством Перикла выслали свою апойкию на его территорию, отправив тысячу колонистов (**οἰκίτης**), которых они по жребию наделили жилищами и землей» (Πῦν τε ἰοχίτην χαί τῦν ἰχίτην χατῆτῆχχίτηροῖᾶν). Но сообщению Феопомпа, после падения Эвбеи гестиэйцы по соглашению выселились в Македонию, а две тысячи афинян поселились в Орее (с последующего времени Гестиэя называлась также Ореем)⁵⁵.

Фукидид, как и Диодор, называет колонию афинян в Гестиэе апойкией, однако ввиду структурной сложности этого важного пассажа такая интерпретация требует подробного обоснования.

Перечисляя афинских союзников, принявших участие в сицилийской экспедиции, Фукидид пишет: ἌΟ-ῆνλοῖ ἰκσν αἰ'τοῖ Ἰσοβεγ κκἰ Διουρίδ Εοραχοσοδ σκὸντsg Τῆχίτων, χαί αἰ'τοῖg τῆν αὔτην σμῦτην χαί νοήηχοι? στῆ ἄπυᾶς.σвоἰ атῆ(л.νιοἰ χαί Ἰῆζπιοἰ χαί Αλυ.ντῆχαἰ, ὅτ τὸτs Αλυτνᾶν εἰ'ἄον, χαί στῆ ἔοτι-ατῆg ὅτ sv Εοῖσοῖα f/Εαχταἰᾶν οἰχοῦντs?]⁵⁶, ἀνοἰχοἰ ὀνχεῖ, εἰνσοτ-ράχσοαᾶν⁵⁷.

Издатели АТЛ, связывая Ἰῆεαχταῖεᾶν с Ἐοχιαῖf^ и заключая отсюда, что определение ὀνωτολχοἰ ὀντс относится единственно к гестиэйцам, понимали этот пассаж следующим образом: «Сами афиняне в качестве ионян выступили по собственному побуждению против сиракузян, дорян,

⁶³ Сохранились договоры с Халкидой и Эретрией. Об эвбейских делах см.: *Mattingly II. B. Athens and Euboea.* — JHS, 1961, 81, p. 124-132.

⁵⁴ *Thuc.*, I, 114, 3. Это было возмездие за убийство экипажа афинского корабля.

⁵⁶ *Stb.*, 445.

⁵⁰ Квадратными скобками выделена позднейшая глосса. — См.: *Thucydidis historiae / Rec. C. Hude. Lipsiae, 1901, 1. c.* Ср. перевод Мищенко: «Сами афиняне, как ионяне, пошли на сиракузян, дорян по собственному побуждению; участие в походе их приняли как колонисты, говорящие тем же языком и имеющие одинаковые с ними учреждения: лемнияне, имбриане, эгиняне, занимавшие в то время Эгину, а также гестиэяне, населяющие Гестиэю на Эвбее».

⁸⁷ *Thuc.*, VII, 57, 2.

как и (as^{did} also) пользующиеся еще одинаковыми с ними языком и законами лемносцы, имбриане и эгинеты; кроме того, и гестийцы, населявшие Гестию на Эвбее, являвшиеся колонистами, присоединились к походу»⁵⁸.

Согласно тезкой интерпретации, лемносцы, имбриане и эгинеты выступили в поход как пользующиеся одинаковыми с афинянами языком и законами, а гестийцы — как апойки. Авторы ATL отмечают, что выражение «пользующиеся еще одинаковыми с ними (афинянами) языком и законами», строго говоря, «не следовало бы относить к эгинетам, поскольку они ушли в колонию совсем недавно (в 431 г.) и СИ по отношению к ним в еще большей степени не требовало доказательств, нежели в применении к гестийцам»⁵⁹. По их мнению, Фукидид делит участников похода на две группы: 1. Афиняне и общины, близко связанные с ними законами и языком. 2. Остальные. Первую группу составляли апойки и эпойки (гестийцы и эгинеты), а также лемносцы и имбриане, частично происходившие от колонистов раннего времени (рубежа VI—V вв.) и частично — от клерухов, выселившихся в 450 г. Фукидиду не было необходимости называть лемносцев и имбриан клерухами; другие клерухи также не упомянуты, но они должны быть подразумеваемы в разбираемом пассаже под их собственной классификацией как афиняне — 'A&Tjvatot'⁶⁰.

Изложенная точка зрения авторов ATL подверглась критике со стороны Эренберга, который считал, что выражение ἀποχοῖ δυνεῖς следует относить ко всем четырем общинам, а ἀποτ — к ἰovσοτριτῖσ'wav. Он предложил следующую интерпретацию структуры пассажа:

καὶ ἀποτ
τῆ. . . Ἰμβριοί,
καὶ Αἰγινῆται . . . εἶχον,
καὶ ἐτι . . . Ἐαχάταν οἰχοῦντες.
ἀποχοὶ δυνεῖς,
ἐκαστῶν τῶν αὐτῶν.

Т. е: «... и вместе с ними как колонисты выступили пользующиеся тем же самым языком и законами лемносцы и имбриане, а также эгинеты, занимавшие в то время Эгину, и еще гестийцы с Эвбеи, населявшие Гестию»⁶¹.

⁵⁸ ATL, 3, p. 291.

⁵⁹ Ibid., p. 292.

⁶⁰ Ibid., p. 293-294.

⁶¹ Ehrenberg V. Polis und Imperium, p. 250—251. Раньше Эрен-

берг считал, что определение ἀποχοὶ δυνεῖς относится только к ге-

При таком толковании структуры пассажа/эгинеты оказывались в числе апойков, и Эренберг в^дел в этом еще одно доказательство своего тезиса о том, что терминология Фукидида лишена узкого техницизма (в других местах своего труда Фукидид называет/эгинетов эпойками).

По мнению Эренберга, Фукидид разделил всех участников сицилийского похода на две группы: 1. Колонисты. 2. Подданные и независимые союзники.

На мой взгляд, Эренберг не совсем правильно определил характерную сущность выделенной Фукидидом первой группы союзников Афин. Фукидид выделяет лемносцев, имбриан, эгинетов и гестиэйцев не просто как колонистов, а как более узкую группу сродственников афинян, говоривших на одинаковом с ними диалекте и пользовавшихся одними и теми же законами. Именно в этом заключается суть выделения их Фукидидом из общей массы афинских колонистов, каковыми также были, как он сам указывает, помещенные им во второй группе милетяне, андросцы и другие: "Love: οἷος, οἰχοῖ nivTsg xai ait' Aibvatcuv (VII, 57, 4).

Таким образом, авторы ATL, как мне кажется, более правильно определяли те основания, которыми руководствовался Фукидид, выделяя первую группу общин из всей массы участников сицилийского похода. Вместе с тем нельзя согласиться с их мнением о том, что определение «еще пользующиеся одинаковыми с ними языком и законами» нужно связывать только с лемносцами и имбрианами. Выражение τῆ αἰVr^j <ρWJ% xai vop.tp.otg sxt ^pup-evoi следует рассматривать как относящееся ко времени отправления сицилийской экспедиции, на что указывает наречие ext. С другой стороны, ко времени написания данного пассажа с момента отправления колонистов на Эгину прошло около 10 лет, а в Гестию — около 45 лет⁶². В то же время утрата родного диалекта афинянами, оказавшимися вне родной среды, происходила очень бы-

стиэйцам и, возможно, эгинетам (*Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World*, p. 134. См. также: *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 182—184. "

⁶² Способ выражения Фукидида: «эгинеты, которые тогда (*6тг) занимали Эгину» — указывает на то, что он писал этот пассаж после 405 г., когда Лисандр возвратил на остров ого прежних жителей (*Xen., Hell.*, II, 2, 9; *Plut., Lys.*, 14, 3).

стро⁶³. На МСИ взгляд, рассматриваемый пассаж Фукидида имеет следующую структуру:

'ΑΟ'ῖνατοι . . . Τῆχδov,
xai αὐχοῖγ . . . ἰ'ρcupsvot
A"ff|J.vtot xai '4u.ppioi,
xai Aiyivί,τa: . . . εἶχov,
xai ἐστ' Ἐβραῖοις Vi ev E6j3oi'a. ἀρcoixoi ὄvηεg,
i'uveaxpaxeoav.

т. е.: «Сами афиняне как ионийцы пошли на сиракузян, дорийцев, по собственному побуждению и вместе с ними участие в походе приняли (suveaxpdxeoav) как пользовавшиеся одинаковыми с ними языком и законами лемносцы, имбриане, эгинеты, в то время занимавшие Эгину, а также гестиэйцы с Эвбеи, являвшиеся апойками».

Согласно с₁ авторами ч₁ АТЛ полагаю, что определение ἀρcотxot ὄvηεg относится только гестиэйцам. Именно в этом состояла их отличительная черта, поскольку едва ли можно было подвести под ту же категорию лемносцев, контингент которых состоял из потомков старых афинских апойков, а также выведенных в 450 г. энойков (или, как некоторые думают, клерухов). Это ^же, видимо, относится и к имбрианам, о статусе которых можно сказать лишь то, что он, возможно, был таким же, как и у лемносцев. Эгинеты бесспорно были эпойками, на что Фукидид указывал дважды. Ввиду этой разницы в статусе перечисленных контингентов колонистов определение ἀποῖχοι ὄvηεg следует относить только к гестиэйцам.

Таким образом, данные декретов о Гестиэе рисуют нам черты статуса афинской апойки^М. К сожалению, эти декреты сохранились в очень плохом состоянии. Ни в одном из фрагментов нет целой строки, так что в общем восстановлению являются довольно проблематичными. Ввиду этого для анализа привлекается только сохранившийся текст. К счастью, в нашем распоряжении имеется группа аналогичных памятников, с помощью которых можно с определенной степенью надежности восстановить содер-

⁶³ Ср.: Sol., Гр. 24, 11—12; Diehl: афиняне, принужденные выслиться с родины, уже не говорят по-аттически. Следовательно, это выражение можно относить не только к лемносцам и имбрианам, но также к эгинетам и гестиэйцам.

⁶⁴ В таком случае становится непонятным, почему Андокид (III, 9) и Эсхин (II, 175) употребляют слово «апойкия» по отношению к Эвбее.

Жанье декретов о Гестиэе. Сюда относятся близкие по времени и характеру афинские декреты о фар[^]литах, милетянах и эретрийцах, а также фрагмента/ постановлений из Эрифр, по всей видимости, также обязанные своим происхождением афинянам. Ввиду *этой*/ прежде всего следует обратиться к выяснению содержания перечисленных памятников, также в той или т^рй степени фрагментированных⁶⁵. Центральное место В них, как и в декретах о Гестиэе, занимают вопросы Судопроизводства.

Декрет о фаселита X, середина V в. (№ 7)⁶⁶

Предписания этого декрета могут быть сформулированы в следующем виде.

§ 1 (сткк. 6—11). Какое бы дело об иске ни слушалось в Афинах, в котором в качестве одной из сторон выступает кто-либо из фаселитов, его разбор должен происходить в ведомстве полемарха. Передача судебных дел фаселитов об исках ведомству полемарха указывает на преимущественность их положения, поскольку этим правом пользовались лишь наиболее привилегированные союзники Афин. Обычно разбор дел о контрактах, в том числе и об исках по ним, происходил в ведомстве фесмофетов или навтодиков⁶⁷. Разбор дел об исках в ведомстве полемарха предоставлял фаселитам шансы на более благоприятный исход тяжбы или на ее скорейшее разрешение. В связи с этим интересно отметить, что в постановлении об эритрейцах разбор ряда судебных дел также передан ведомству полемарха (№ 10, § 2), в то время как решение тяжбы между гестиэйцами и афинянами предоставляется в соответствии с обычной практикой навтодикам (№ 12 § 2).

§ 2 (11—14). Дела иного рода по контрактам разбираются в соответствии с существующими соглашениями между афинянами и фаселитами, т. е., видимо, в соответствии с существующей юридической практикой⁶⁸.

⁶⁵ Декреты о милетянах и эритрейцах сохранились в довольно разрушенном виде; два других документа находятся в удовлетворительном состоянии.

⁶⁶ ML, № 31. По поводу датировки ср. также: *Toiv*, 1, p. 59; *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. Oxford, 1958, p. 184 sg.

⁶⁷ *Lys.*, XVII, 3, 5.

⁶⁸ См.: *Greenidge A. A Handbook of Greek Constitutional History*. L., 1896, p. 54. О судебной практике во взаимоотношениях афинян с союзниками см.: *Лурье С. Я. Эксплуатация афинских союзников*. — ВДИ, 1947, № 2, с. 19 сл.

§ 3 (IS—19). Судебные приговоры в отношении фаселитов, внесенные другими государственными инстанциями, не действительны.

Декреты из Эрифр (№ 8)⁶⁹.

Найденные в Эрифрах три фрагмента декретов о порядке судопроизводства, по всей вероятности, были инспирированы афинянами. Они могли быть составлены после подавления восстания Эрифр и Милета в 450 г., когда афиняне поставили в этих городах свои гарнизоны и ввели демократическое устройство⁷⁰. Эти фрагменты вполне соответствуют тексту афинских декретов об Эрифрах, которые, в частности, трактуют вопросы юридических взаимоотношений между солдатами афинского гарнизона и жителями Эрифр⁷¹.

Фрагмент А.

§ 1 (1—5). Если кто-либо из магистратов (ср. фр. В. 26—33) совершил должностное преступление (определенного свойства), он должен внести штраф в 10 статов.

§ 2 (5—9). Устанавливается (известная и аттической юриспруденции) правоспособность всякого гражданина Эрифр возбуждать судебное дело. Ср. аналогичное предписание в отношении жителей Гестиэи (№ 11.13). По всей вероятности, имеется в виду фасис, обвинение в преступлении против государства, за что обвинитель получал половину от назначенного судом штрафа или конфискованного имущества, а другая половина шла в пользу государства.

§ 3 (9—13). в том случае, если обвинитель отказывался от обвинения, он, во-первых, обязан уплатить столько же, сколько получил бы в случае выигрыша процесса, и, во-вторых, должен сам подвергнуться судебному преследованию.

⁶⁹ Hill, В 116. См. об этом декрете: *Francesconi F. Per la storia di Eritre nel V sec. A. C. - SCO, 1967, 16, p. 359-365; Meiggs R. Athenian Empire, p. 421—422; Die Inschriften von Erythra und Klazomenai. Bonn, 1972, 1, N 2.*

⁷⁰ ATL, 3, p. 252 sq., 284. Авторы ATL исходя из факта понижения фороса Эрифр в 450 г. полагали, что афиняне вывели сюда колонию. Однако равным образом понижение фороса в данном случае могло быть вызвано установлением афинского гарнизона.

⁷¹ ML, № 40 с указанием других фрагментов на с. 94.

В аттическом праве отказ от обвинения влек/за собой прекращение дела; если оно касалось преступления против государства, то истец подвергался штрафу в тысячу драхм и лишался права вносить в дальнейшем жалобы подобного рода. /

§ 4 (13—25). Судебная палата должна состоять не менее чем из 61 члена; от каждой филы избиралось по 9 чел. Юрисдикции этой палаты подлежат Дела, оцениваемые не менее чем в 30 статеров (60 драхм). В Милете дела оценивались до и свыше 100 драхм (№ 9, § 4). В Гестиэе дела до 10 драхм рассматривала палата областных судей, а свыше 10 драхм — другая палата (№ 12, § 6, 9).

§ 5 (25—32). Устанавливается процедура судопроизводства.

Фрагмент В.

§ 6 (1—14). Предусматривается запись псефизмы на двух стелах, одна из которых устанавливается на площади, для народных собраний, а другая — в пританее.

§ 7 (14—24). Предписывается возбуждение судебного преследования против детей лиц негражданского состояния, если они ведут несовместимый с законами города образ жизни.

Фрагмент С (продолжение фр. В).

§ 8 (1—2). За вышеуказанными молодыми людьми должен осуществляться надзор.

§ 9 (2—9). Если же подобное (?) обвинение предъявляется сыну незаконнорожденного, то следует не только надзирать за ним, но и заковать его в цепи.

§ 10 (9—19). Устанавливается штраф в полстатера, налагаемый на законнорожденного гражданина, не явившегося по вызову пританов.

§ 11 (20—27). Решение дел о заборах, установленных горожанами без особой на то нужды, передается на усмотрение пританов.

Декрет о Милете. 450/49 г. (№ 9).

После подавления восстания Милета афиняне приняли большой декрет, трактующий различные вопросы взаимоотношений с ним⁷². Здесь рассматриваются только сткк.

⁷² *Hill. В 30., SEG, X, N 14; ATL, 2, p. 57—60 (библиография и текст). См. о взаимоотношениях Милета и Афин в середине V в.*

30—68, содержащие предписания о налоговом обложении милетян и порядке разбора их тяжб с афинянами.

§ 1 (30—35). Речь идет о тяжбах между милетянами и афинянами. В; стк. 32 говорится о деньгах, удерживаемых в виде десятины, пока контракт не будет выполнен⁷³. Эти контракты касались морской торговли (ср. № 12.5). В подтверждение обвинения истец Должен внести залог навтодикам или полемарху. Разбор дела должен происходить в Афинах в месяцах Анфестерионе и Элафеболионе. Аналогичные предписания содержатся и в декрете о Гестиэе (№ 12. 1—5).

§ 2 (36—40). Устанавливается порядок образования ж в Афинах судебной палаты по жребию из присяжных народных судей (дикастов) и оплата их работы. Навтодики обязаны обеспечить разбор дел в указанные месяцы. В случае невыполнения этого они будут оштрафованы (то же и в отношении гестиэйцев — № 12.5—6).

§ 3 (41—47). По ряду судебных дел иного свойства милетяне также должны обращаться к архонтам в Афинах (то же в отношении эритрейцев — № 10, § 3). Прибывшие из Милета (ср. стк. 46) находятся под опекой эпимелетов. Для разбора этих дел учреждается судебная палата.

§ 4 (48). Разбираемые дела делятся на две категории: до 100 драхм и свыше; устанавливается соответствующий характер судопроизводства (ср. № 8. 16—18).

§ 5 (49—54). Эти предписания афинян должны быть записаны на стеле и жители Милета обязаны руководствоваться ими. Не допускается разрушать стелу и злоумышлять против этих предписаний. Нарушивший их должен быть предан суду или оштрафован на определенную сумму денег. Характер наказания (телесное или денежное) определяет судебная палата. Если кто-либо будет призывать к отмене этих афинских установлений, то имущество его будет конфисковано. . . (ср. № 5. 20—25).

§ 6 (55—61). Далее следуют предписания об имущественном обложении. Впредь нельзя проводить опись имущества в целях введения чрезвычайного военного налога — эйсфоры. Милетяне сами должны произвести оценку иму-

и данном декрете: *Earp A. J. Athens and Miletus*, с. 450. — *Phoenix*, 1954, 8, p. 42—47; *Herrmann P. Zu den Beziehungen zwischen Athen und Milet im 5. Jahrhundert.* - *Klto*, 1970, 52, S. 163-173.

⁷³ Ср.: *Tod*, № 169 и комментарий — t. 2, p. 203.

щества друг друга. Тот, кто дал заниженную оценку, осуждается на вечное изгнание из города. По поводу эйсфоры с имущества см. далее, № 13.

Декрет об Эретрии (№ 1Q)⁷⁴.

Этот документ входит в серию афинских постановлений, принятых в связи с подавлением восстания эвбейских городов 446 г.⁷⁵

§ 1 (1—4). Предписание об изготовлении стелы.

§ 2 (4—10). Поданная в суд жалоба должна быть рассмотрена в течение 30 дней со дня подачи, т. е. тяжбы эретрийцев с афинянами рассматривались как *Swat sixhevot*. Разбор дела подлежал юрисдикции полемарха, который не позднее чем через 20 дней обязан обеспечить созыв судебной палаты. В случае невыполнения этого он уплачивает штраф в тысячу драхм. Таким образом, судебные дела, в которых в качестве одной из сторон выступал эрегриец, приравнивались к делам об иностранцах, проживавших в Афинах и находившихся в ведении полемарха (ср. № 7, § 1).

§ 3 (10—12). Всякий эретриец имеет право возбудить судебное дело, для чего ему следует как можно быстрее отбыть в Афины.

§ 4 (13—14). В керики может быть избран всякий, кого сочтут подходящим.

Далее следует неясный текст. Поскольку декреты о Милете и Эретрии, как указывалось, сильно фрагментированы, предложенная реконструкция не может не обладать известной долей гипотетичности, которая, однако, не настолько велика, чтобы эти документы не могли бы служить базой для восстановления содержания декретов о Гестиэе.

Декрет о Гестиэе (№ 11 = IG, I², № 40).

Этот декрет содержит ряд предписаний об устройстве колонии. До сткк. 4—5 сохранившегося текста следовали установления общего характера; сткк. 6—19 содержат предписания по судопроизводству в Гестиэе; в сткк. 20—27 устанавливаются тарифы на проезд в Гестиэю и Халкиду.

⁷⁴ IG, I², N 49; SEG, X, N 49.

⁷⁵ В декрете о Халкиде упоминается постановление об Эретрии (ML, N 52. 42—43),

Текст приводится по IG, I², № 40 с включением лишь наиболее вероятных дополнений^{7B}. В сткк. 19—24 полностью включены дополнения авторов ATL (3, p. 301, note 4). Сюда же относится обломок IG, I², № 43, но текст его слишком незначителен и здесь не приводится. Хранится в Британском музее.

ETOIX/S6 (?)

11

23

• • | A.

5

24

χοc ho εχ

22

• i . . at So^ooag xa;

19

. . oat ooxlt Slt las 11.]

19

⁵ .0 av ooxlt aoxoi; pe

16

.• cpaexai sit! xlai oixejat]

16

.ho hecmata; E; XI. EV

17

hjetmai'ai, βοχαηтер ха

17

['EJaxtaftl;] itpoc aXXEXo[;]

18

¹⁰ .as лар[a] XE; poXE; eip

18

.a; e xotv EX|a^rvovxa jis

17

s ht7[tco'-c] E ovo*; 1 oia[t

6

y|pa[.pea&o ojs ho PoXopeivo;] ho s^a; heax-
t|ata; [xai| Xap.pavsxo x[.] xo-

6

¹⁵ a|xо to [ha'jjxo pepo; xe[Xexo] e; xo j3oXe>j-

13

xjsptov, hoxaiϕcep xa; o[txa;] h-

17

o]5ejj.o; E ho ap^oOV Cs||«0_____]

^{7B} Cp.: Hill, p. 302—303.

hoi 'A&evectv ypacpe.
 [ir|sp xag aXXag 8ixag. sfav os xtg rcofijieost sx X-
 20 a]Xxi'8og eg 'Oponov 7tp[axxa&o 860 ofioXo'eav §]-
 s tig e^g 'Oooitō If5] heafxi'aiav I **kyj**; 'Eaxiaitag §]-
 g 'Opo7tov 7top&(J6ci Ttpfaxxa&o 8pai:(fJ.sv lav 8]-
 s xig sx XaXxi'Sog sg hsfaxfaiav nsjl.Trai ttpaxx-

19

é]z]o xéxxapag ofioXog -

15

25 .jJ.ev ho i 7tO|xirs6ovxs]g.....TCOJA-

15

rcjeosxai xsXso xo' hfep-iau.]

22

.&Xst ajev xov it

. .μενα- -

Перевод:

«. . . мнениям. . . будет угодно, на равных основаниях. . .
 (5) будет угодно им. . . -тся (буд. вр.) на тяжбах. . . жи-
 тель Гестиэи в. . . is Гестиэе, когда. . . гестиэйцы (вершат
 суды) по другим долам. . . (10) от буле получает. . . или
 угнавшего не. . . или коням, или ослам, или овцам. . .
 пусть подаст в суд желающий. . . из гестиэйцев и полу-
 чит. . . (15) эту же самую часть уплатит в булевтерий по
 рассмотрении дела. . . народ, или архонт выносит опре-
 деление так же (?), как это делают архонты в Афинах
 при (?) рассмотрении прочих дел. . . Если кто (20) будет
 переправляться из Халкиды в Ороп, пусть уплачивает
 два обола. Если же переправляется из Оропа в Гестиэю
 или из Гестиэи в Ороп, пусть уплачивает драхму. Если же
 кто-либо направляется из Халкиды в Гестиэю, пусть
 уплачивает 4 обола, . . (25) шествующие в торжественной
 процессии. . . шествует, пусть уплачивает половину. . .
 пожелает везти . . .».

Реконструкция содержания декрета может быть пред-
 ставлена в следующем виде.

§ 1 (1—5). Колонисты по своему усмотрению решают
 вопросы; они участвуют в колонии (?) на равных правах.
 Это, видимо, конец общих предписаний об устройстве
 колонии.

§ 2 (5—9). При возбуждении тяжб гестиэец обращается
 в судебную инстанцию, находящуюся в Гестиэе, в любое

время, когда юридические органы гестиэйцен вершат суды по делам других истцов⁷⁷.

§ 3 (9—12). Суд по делам определенного свойства вершит буле (упоминается угон скота или нанесение ему вреда (?))⁷⁸.

§ 4 (12—15). Всякий гестиэец может подать в суд жалобу (на указанные выше злодеяния⁷⁹).

§ 5 (15—16). По рассмотрении тяжбы штраф следует уплачивать в булеверий (ср. № 12, § 5).

§ 6 (17—19). Архонт в Гестиэе при вынесении определений руководствуется теми же установлениями, что и архонты в Афинах при рассмотрении прочих дел. Эта интерпретация целиком предположительна. Возможно, что речь на самом деле идет о том, что часть дел, одной из сторон в которых выступает афинянин, подлежит разбору афинских органов. Единственный положительный факт, который можно извлечь из этих строк, заключается в том, что в Гестиэе имелось свое народное собрание, архонт (а также буле — стк. 10).

§ 7 (19—24). Устанавливаются тарифы на проезд между Оропом, Гестиэей и Халкидой.

Декрет о Гестиэе (№ 12 = IG. I², № 41).

Хранится в Британском музее. Продолжение предыдущего декрета (?) Текст приводится по IG. I² № 41 (сткк. 1—3, 19—24), включая лишь наиболее вероятные дополнения, и сборнику Хилла (B 54, сткк. 4—18) с некоторыми изменениями: v. 5: [x]ó. v. 9: fnpjo&eajúa. v. 11: fxpriáxovjxa. v. 14—15: xpftáxovxa]. v. 16—17: Stfxaaxépiovf. v. 17: [EjXXórcioi. v. 5, 9, 11, 14—17 —suppl. IG. I², № 41. supplevi v. 3 [h]o. v. 12: [8]iSóvai. v. 23—24: [δραχμῶν].

STOIX.

[— -- fA]εῖ [h]o ηεγ[εμῶν. .]

— -- ἐγ xò δῖαοχςptov. . . .

[— -- h]o 'e^g 'Eaxiat'ag eaáyei xáf8-

ίκας -- — sjv xoi aóxōi fievi hoi vaoxo&fi-

⁷⁷ Ср.: *Arist. Ath. pol.*, 52, 2.

⁷⁸ Ср.: *Ibid.*; а также синхронные гортинские законы (*Schwyzler*, N 181, I—III).

⁷⁸ Ср.: *Arist. Ath. pol.*, 52, 2; а также: N 8, § 2; N 10, § 3.

- 6 xat— —xjō Stxaaxsptov rtape^ovxov itX-
 [—eojitāvsā&o. hat oš itpá^ae; õxov
 [xa&dite]p 'Aflsveat hat napà xov Stxaox-
 [— . . j3t]atov xal àStxefidxov xà; 8tx[a-
 ;— —Trp]o9-sa[xtá e^aeçet eav 8s xt. .
 10 ———ho haXõ; heaxiatà; hio; it. .
 [xptdxov]xa ávðpa; èx xov õxovxov e[v]
 ———SjiSovai xà; eoftova; ev heox[i-
 afai] xst èv hea[x]tatat StSov. . . .
 ———a-8è[лo; èv [h]eoxiatat xpjiáxo-
 15 vxa] Se TO. atxõ; xai èv Atoft. . . •]
 — — 'EXXoittafi h]eçepov Sifxaaxsp-
 tov — — 'E]XXGittoi. . . èv 'EXXoittat. . .
 ———ho áp^ov ho 'A&eveat Soi. . .
 [———èv heaxi]átat xuajxe.]aávxov. . . .
 20 j- heaxtjai'at xa&õxt áv xot 8[çji.o-
 t Soxlt —• —'e]x xov õxovxov è[v. . .]
 ———ev ðs xoúxo; xa. * 6
 [x]a 8l huicsp 8s[xa δραχμ-
 ———
 õv] iroXet. . χο. 9
 [— —]

Перевод:

«. . . месяце председательствующий. . . в судебную палату. . . гестизец представит на судебное рассмотрение. . . в том же самом месяце навтодики. . . (5) пусть обеспечат разбор дела. . . пусть привлекает к ответственности, внимание же штрафов пусть. . . как в Афинах постановления (?) судей. . . дела о насилиях и обидах. . . установленный законом срок прошел. Если же. . . (10) осужденный из Гестиэи, пока. . . перед тридцатью гражданами из числа жителей Гестиэи. . . предоставлять отчет в гестиэ-. . . находящемся в Гестиэе давать. . . демос в Гестиэе (выделит) тридцать человек. . . (15) им же и в Дионе. . . в Эллопии вторая судебная палата. . . эллопейцы. . . в Эллопии. . . архонт в Афинах даст. . . в Гестиэе пусть выберут посредством бобов. . . (20) в Гестиэе, как будет народу угодно. . . из обитающих в. . . их. . . (судебные дела) свыше десяти драхм. . .»

В сткк. 1—7 сохранившегося текста трактуются вопросы разбора судебных дел по транспортно-торговым

контрактам между гестиэйцами и афинянами. Далее следуют предписания по судопроизводству в Гестиэе и ее области.

§ 1 (сткк. 1—2). Председательствующий вносит дело на рассмотрение в судебную палату. Ср. выражение из аттического юридического лексикона: "q-fej.ov'ta ΤΟΟ οίχασ-ΤΤjotoj— «управление ходом судопроизводства» (ср. также № 8. А, 27-31).

§ 2 (3—5). Если кто-либо из гестиэйцев в установленное время подаст в суд жалобу на афинянина по делу о транспортно-торговом договоре, то навтодики должны в том же месяце обеспечить разбор дела в судебной палате.

Судебные дела такого рода (St'xat eixTtoptxat) разбирались в зимнее время и относились к разряду sjj[xevot, т. е. решались в течение месяца. Аналогичное установление содержалось и в декрете о милетянах (№ 9, § 1, 2). В противоположность привилегированным фаселитам, дела которых подлежали ведомству полемарха, тяжбы гестиэйцев разбираются в обычном порядке афинскими навтодиками (ср. № 7, § 1).

§ 3 (6—7). Виновный привлекается к ответственности; назначенный судьями штраф взыскивается в Афинах. Содержание этих строк довольно неясно.

§ 4 (8—9). Судебные дела о насилиях и преступлениях, если установленный законом срок для возбуждения процессов по ним прошел, не разбираются гестиэйским судом. Эта интерпретация хотя и предположительна, однако, по-видимому, близка к реальному положению.

§ 5 (9—10). Признанный по суду виновным содержится в гестиэйской тюрьме (?) до тех пор, пока не уплатит причитающийся с него штраф. Уплата штрафа производилась в булевтерий (ср. № 11, § 5) или в какое-либо другое административное учреждение города.

§ 6 (И—15). Из числа граждан Гестиэи выбирается коллегия областных судей в количестве 30 чел. Эта коллегия аналогична афинской «палате тридцати»⁸⁰. В компетенцию этих судей входил разбор дел, оцениваемых до 10 драхм, в том числе и дела о незначительных оскорблениях (ot'xat jz'ato>v). Коллегия должна отчитываться о своей деятельности перед каким-то гестиэйским органом.

⁸⁰ Arist., Ath. pol., 26, 3; 53, 1,

§ 7 (15). Юрисдикция этой коллегии распространяется и на Дйон⁸¹, небольшой, но древний городок гестиэйской области

§ 8 (16). В Эллопии, другом небольшом городке Гестиэотиды⁸², имеется другая «палата тридцати».

§ 9 (17—18). Содержание неясно. Упоминаются жители Эллопии и афинский архонт.

§ 10 (19—23). Посредством бобов в Гестиэе выбирается также другая судебная палата, в ведении которой находятся дела, оцениваемые выше 10 драхм. Как указывалось, в Эрифрах и Милете оценочный критерий для определения инстанции, разбирающей дело, равнялся соответственно 60 и 100 драхмам (№ 8, § 4; № 9, § 4).

Декрет о Гестиэе (№ 13 = IG. I², № 42).

Три фрагмента, хранятся в Эпиграфическом музее Афин. Текст приводится по SEG, X, № 37 (сткк. 1—17), сборнику Хилла (В/ 54, сткк. 18—24) и IG, I², X^o 42 (сткк. 25—29) с незначительными изменениями: в стк. 18 читаю: xov 'Aftejvaiov], в сткк. 18—19: d|Kpt(aj3sxxsi], в стк. 20: |^p|s|xaxz и в сткк. 23—24: smcpae|cptCev], как в IG, I², № 42.

C

— — 3ε. . . . — --govx. . . . of>a. . . . |'A|, W
(5) . . . | — — [έζμ]μέ θουε|θ.] t ^tXtfo.J aou jxep.

aipsrov. — — |hsaxijatai • ho. | — — a xai xa. — — xova

— — τοδ. — — μα. — — ιδ. | — — ιθ. — — |ζ|ιλ.

B + A

— — 'A&sve|aiv xag os Trpja/gsg s-
(vai — — |i xov 'Ai)s|vat'ov | sav`xtg ajxopt-
[a|3sxxsi — —] xag aXXag of|Xag| xag s`g hsax-
30 |ia'ag — — ^p|sp.axa κοη S7tjroov|ai j Sopstav 5-

— — άτεXI švat us|Ss lisjva ^pafxov

— — τει κυρια sx|xSata|j |xs sXaxx-

— — χρεμάτων satpofpag ΙIS sjvai siειφσε-

⁸¹ II., II, 538; *Stb.*, 446.

⁸² *Stb.*, 445-446.

[optCsv — — l' saa jxs Xeiachov. o]XXecpoe-
 25 — — aoxov a[X]Xo si — — sXsv • xsv o-

13

EONTO. vxi хаха
 — — ovxov
 — — θεῶν
 ΙСН.

Перевод:

Фрагмент С. «. . . афин. . . не (?) помог. . . ты-
 сяч. . . в Гестиэе. . .» *Фрагменты В и А.* «. . . в Афи-
 нах. . . взимания производить. . . Если кто-либо из афи-
 нян станет предъявлять претензии. . . другие судебные
 дела из Гестиэи. . . позволить передавать сверх того иму-
 щество; дарение. . . никаким частям имущества не быть
 свободными от обложения. . . в периодическом народном
 собрании не меньше. . . не выносить решения относительно
 зйсфоры. . . кроме как на борьбу с разбоем. . .»

В сохранившихся незначительных остатках текста
 фрагмента С упоминаются Афины, помощь, тысяча, Ге-
 стиэя. Очень вероятно, что речь идет об обязательстве
 городов помогать друг другу.

В сохранившемся тексте фрагментов В и А в основном
 речь идет о судопроизводстве и налогообложении.

§ 1 (17—20). Устанавливается порядок урегулирова-
 ния тяжб между гестиэйцами и афинянами по торговым
 вопросам. Разбор дел должен происходить в Афинах ⁸³.

§ 2 (20—21). Декретируется возможность передачи и
 завещания имущества колонистами.

§ 3 (21—22). Устанавливается, что налоговому обло-
 жению подлежат все части имущества гестиэйцев ⁸¹.

§ 4 (22—23). Вероятно, речь идет о кворуме в народ-
 ном собрании, необходимом для действительности при-
 нимаемых решений. Поскольку речь в предыдущих строках
 идет о гестиэйцах, надо полагать, что здесь имеется в виду
 народное собрание Гестиэи, а не Афин, как полагал
 Кэри ⁸⁵.

§ 5 (23—25). Устанавливается унифицированная си-
 стема налогового обложения гестиэйцев. Введение чрез-

⁸³ Ср.: № 9, § 1, 2; № 10, § 2, 3* № 12 § 2, 3.

⁸⁴ Ср.: № 9, § 6, Для понимания стк. 21 ср.: ML, № 65. 9, 32.

⁸⁵ Сазу М. Athens and Hestiaeae, p. 245.

вычайного денежного налога — эйсфоры — допускается лишь в случае сбора средств на борьбу с пиратством. Эйсфора с имущества взималась также с милетян (№ 9, § 6). О пиратских набегах локров на Эвбею сообщает Фукидид (II, 32)⁸⁶.

Помимо этих декретов о Гестиэе, сохранилось еще несколько мелких фрагментов⁸⁷.

Декреты о Гестиэе проливают определенный свет на решение вопроса о статусе колонии, которую большинство исследователей считало клерухией⁸⁸ и немногие, в соответствии с Фукидидом, — апойкией⁸⁹.

Сторонники первой точки зрения приводят следующие аргументы.

1. Описательное обозначение гестиэйцев (οι οἰχοῦντες; iv 'Eatiatōci, № 12, 11, 21) напоминает обозначение клерухов в документах IV в. (типа 'ΑΟεατῶν οἱ ἐν ἸΤοχῆς Σαταῖα χαχοἰχοῦντες)⁹⁰. Однако описательный этпикон — это один из обычных приемов перефразировки и его употребление ни в коей мере не рлужит показателем статуса⁹¹.

2. Упоминаемая в одном из декретов χ'ῖρτα εἰς Χ-ῖρα, по мнению Кэри, является народным собранием афинян⁹². Однако, как указывалось, в равной, если не в большей, степени можно полагать, что речь идет о народном собрании Гестиэи, воспринявшей афинское государственное устройство.

3. Число колонистов, отправленных в Гестиэю (2 тыс., по Феопомпу, и тысяча, по Диодору), более характерно для поселений клерухов, нежели апойков⁹³. Это утвержде-

⁸⁶ Ср. также: Хеп., *Hell.*, VI, 2, 1 (об эйсфоре и эгинских пиратах).

⁸⁷ IG, I², № 43, 48. По мнению Мсррлга и Раубичека, № 11 и № 12, возможно, составляют одно целое; к № 11 принадлежит и фрагмент IG, I², № 43 (ровере). К № 13 принадлежит другой фрагмент IG, I², № 43, и, возможно, № 48 (*Hill.*, p. 303).

⁸⁸ *Cary M. Op. cit.*, p. 248; *Ehrenberg V. Polis und Imperium*, p. 250 sq.; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171—172; *Brunt P. A. Op. cit.*, p. 77.

⁸⁹ *Busolt G., Swoboda II. Griechische Staatskunde*, 2, S. 1274; *Ann.* 1; *ATL*, 3, p. 288; *Jones A. II. M. Op. cit.*, p. 169.

⁹⁰ *Canj M. Op. cit.*, p. 248; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171.

⁹¹ Ср. аналогичное обозначение потидейских эпойков у Фукидида (IV, 120, 3, а также VII, 57, 2 — гестиэйцы).

⁹² *Cary M. Op. cit.*, p. 245.

⁹³ *Ehrenberg V. Polis und Imperium*, p. 249.

ние отнюдь не безусловно: в Потидею, например, была послана тысяча эпойков⁹⁴; с другой стороны, клерухии могли насчитывать до 4 тыс. чел.⁹⁶

4. В 411 г. отпала вся Эвбея, за исключением Орея, «который занимали сами афиняне»⁹⁵. Отсюда некоторые исследователи заключали, что Фукидид называет гестиэйских колонистов афинянами, поскольку-де названия Орей и Гестиэя эквивалентны. Однако это утверждение не совсем правильно, так как примерно до середины IV в. указанные названия относились к разным городам⁹⁷. По сообщению Демосфена, Филипп поставил в Орее тираном некоего Филистида⁹⁸, что имело место до 341 г., когда была написана III Филиппика. Страбон (445—446), приводя это сообщение Демосфена, добавляет, что Филитид переселил в Гестиэю эллопейцев, после чего, судя по запутанному рассказу географа, последовало и переселение оригов в Гестиэю. Таким образом, Гестиэя получила дополнительное название Орей лишь со второй половины IV в. В предшествующее же время то были разные поселения, и не случайно ни Фукидид, ни Ксенофонт, одинаково упоминавшие как гестиэйцев, так и оригов, ни разу не обмолвились, что они — жители одного и того же пункта. Феопомп и другие писатели ошибочно относили к V в. до н. э. тождественность этих названий, которая имела место в их время⁹⁹.

5. Наконец, последний аргумент заключается в том, что один из декретов упоминает эйсфору (№ 13, 23). Поскольку эйсфора являлась чрезвычайным военным налогом, взимавшимся с афинян, упоминание его в декрете о Гестиэе, по мнению Кэри и других ученых, говорит об афинском гражданстве гестиэйцев¹⁰⁰. Однако парадоксальным образом этот аргумент может свидетельствовать о том, что колония в Гестиэе, напротив, была апойкией. Как указывалось выше, эйсфора упоминается и в декрете

⁹⁴ *Diod.*, XII, 46, 7.

⁹⁵ *Hdt.*, V, 77.

© *Thuc.*, VIII, 95, 7.

⁹⁷ См.: *Geyer. Histiaia*. — In: *RE, Supplbd.* 4 (1924). Sp. 749 sq.
Орей — это деревня около Гестиэи, где поселились афинские колонисты.

⁹⁸ *Dem.*, *Phil.*, III, 33.

⁹⁹ См.: *Stb.*, 445—446.

¹⁰⁰ *Cary M. Op. cit.*, p. 244; *Graham A. J. Colony and Mother City*, p. 171—172.

О милетянах: — *Siciyaprag pe rco[iv 1 | g Теері XV урер.ахов xlg sa<popalg]* (№ 9.57—58). Как бы ни трактовать содержание этих строк, очевидно, что эйсфора упоминается в связи с милетянами. Эйсфора, таким образом, в 450—440 гг. эпизодически взималась с жителей союзных городов, откуда следует, что к ним относилась и Гестиэя^{III}. Подобно другим афинским апойкиям (как, например, соседним Афинам Диадам), Гестиэя была номинально независимым полисом. Такое заключение может быть подкреплено рядом других аргументов. Как указывалось, в одном из фрагментов (№ 13.С) в двух смежных строках упоминаются Афины и боэтейя. Как известно, обязательство оказания помощи непременно фигурирует в договорах о союзе. В частности, такой пункт содержится и в декрете о колонии в Брее (№ 5.14). Если высказанное предположение верно, то Гестиэю в силу этого обстоятельства следует считать апойкией, а не клерухией, в отношении которой договор о взаимопомощи, естественно, являлся бы нонсенсом.

Существенным является также типологическое сходство афинских постановлений о колонии в Гестиэе с декретами о союзных городах — Милете, Эрифрах, Эретрии и др. Все эти документы были приняты на протяжении примерно одного пятилетия и в сходной ситуации, вызванной подавлением антиафинских мятежей. Но сходство названных декретов выглядело бы весьма странным, если бы постановления о Гестиэе имели в виду клерухов, т. е. афинян, и наоборот, данные постановления вполне естественны, если они касались апойков, составивших союзную по отношению к своей метрополии общину. Приведенные аргументы в сочетании с авторитетным свидетельством Фукидида позволяют, следовательно, сделать вывод, что в Гестиэю была выслана апойкия.

Итак, декреты о Гестиэе предоставляют в наше распоряжение ценные, хотя и отрывочные, данные о внутреннем устройстве афинской апойкии, дополняя скудные известия других документов о колониях этого типа (№ 5, 6). Наиболее примечательная черта декретов заключается в том, что они свидетельствуют об очень большом сходстве между метрополией и колониями. Социально-правовые нормы,

¹⁰¹ Известный пассаж Фукидида (III, 19, 1) указывает, что в первый раз сами афиняне внесли эйсфору во время осады Потидеи.

как и государственное устройство Афин, в уже сложившемся виде почти целиком воспроизводились в колонии. Это и находит отражение в словах Фукидида о том, что афиняне давали колониям государственное устройство «согласно с их собственными учреждениями» (III, 34, 4 — речь идет о Нотии). С этим, собственно, и связано то, что иной раз невозможно точно определить статус афинской колонии, будь то апойкия или клерухия.

В Гестиэе функционировали те же органы народной власти, что и в Афинах: народное собрание (№ 11.18; № 12.14), архонтат (№ 11.18) буле (№ 11.10; № 6.13)¹⁰², — и причем если в Афинах буле рассматривало только уголовные дела, то в колонии — и гражданские (№ И, § 3). Социальная жизнь в колонии также организовывалась по афинскому образцу: колонисты имели право передачи и дарения своего имущества¹⁰³. Налоги взимались в соответствии с размерами имущества (№ 13, § 3; 5). Эта статья предполагает деление граждан апойкий, как и клерухий (№ 17, 12), на те же четыре имущественных разряда, которые были и в Афинах. В чрезвычайных случаях колонисты, как и союзные полисы (как и афиняне с 428 г.), должны были вносить эйсфору в зависимости от размеров имущества (№ 13, § 5; № 9, § 6).

Часть земельных владений колонии отводилась под составлявшие государственное достояние священные участки, которые сдавались в аренду¹⁰⁴.

Судопроизводство в колонии осуществлялось в соответствии с афинскими правовыми нормами. Для разбора незначительных дел, оцениваемых до 10 драхм, в Гестиэе и соседней Эллопии предусматривалось создание областной палаты из 30 судей, аналогичной афинской коллегии «судей по демам»¹⁰⁵. Интересно, что юрисдикция гестиэйской «палаты тридцати», судя по выражению *ход аход*, распространяется и на соседний союзный городок Дион, который самостоятельно вносил форос и до 446 г., и после (№ 12, § 7). Отсюда можно заключить, что небольшие городки гестиэйской области образовывали нечто вроде федерации союзных Афинам полисов (ср. № 12, § 9). В Гестиэе

¹⁰² То же и в клерухиях: № 17.10 — буле; *Arist. Ath. pol.*, 54, 8 — архонтат.

¹⁰³ № 13, § 2; ср.: *Plut. Soi*, 21.

¹⁰¹ № 5.10; *Hyll.* 96b, A 6—8 — Гестиэя.

¹⁰⁵ № 12, § 6; *Arist. Ath. pol.*, 53, 1.

создавалась и другая судебная палата, разбиравшая дела, оцениваемые свыше 10 драхм (№ 12, § 10). Юридической правоспособностью обладал всякий гестиэец (№ 11, § 4). Тяжбы частного свойства решались местным судом (№ И, § 2, 3; то же — в декрете о Халкиде)¹⁰⁶. Если установленный афинским правом срок возбуждения дела о насилии или преступлении прошел, то оно не рассматривалось в гестиэйском суде (№ 12, § 4). Тяжбы гестиэйцев, как и жителей других союзных полисов, с афинянами по торгово-транспортным контрактам разбирались в Афинах коллегией навтодиков (№ 12, § 2, 3; № 13, § 1; № 9, § 2; дела фаселитов и эритрейцев слушались в ведомстве полемарха: № 7, § 1; № 10, § 2).

Внутренние дела решались колонистами самостоятельно в соответствии с принципами равноправия (? № 11, § 1; ср. № 5, 25-26).

Дальнейшая судьба гестиэйской колонии известна очень плохо. Ее жители приняли участие в сицилийском походе¹⁰⁷. Отпадение Эвбеи от Афин в 411 г. но обязательно означало ликвидацию гестиэйской колонии. Например, в соседних Афинах Диадах по-прежнему обитали потомки афинских колонистов, которые в дальнейшем сразу же примкнули к образовавшемуся Второму морскому союзу¹⁰⁸. Все же, видимо, около 405 г. колонистов вытеснили из Гестиэи спартанцы¹⁰⁹, которые выдворяли афинских поселенцев и возвращали прежнее население ряда городов, изгнанное афинянами (Эгины, Мелоса, Скионы и др.)¹¹⁰. Сообщение Диодора (XV, 30, 1) о вновь вспыхнувшей войне между Афинами и Гестиэей подразумевает изгнание афинских колонистов и возвращение прежнего населения города на родину.

Однако афиняне были чрезвычайно заинтересованы в установлении своей гегемонии над этим районом. В 377 г. Хабрия осадил Гестиэю, не вступившую во Второй морской союз. Взять город афиняне не смогли и вынуждены были довольствоваться опустошением Гостиеотиды и установлением гарнизона в Метрополисе¹¹¹. Около 373 г.

¹⁰⁵ ML, № 52.71—72.

¹⁰⁷ Thuc., VII, 57.2.

¹⁰⁸ Около 377/6 г. (Tod, № 123.ПО и комм., г. 2, p. 66, 160).

¹⁰⁹ Так полагал и Цмбарт (IG, XII, 9, p. 150).

¹¹⁰ Xen., Hell., II, 2, 9; Plut., Lys., 14, 2—3.

in Diod., XV, 30, Г.

однако, Гестиэя была снова вовлечена в сферу афинской гегемонии и вступила в афинскую лигу. Этот факт, видимо, следует связывать с демократическим переворотом, совершенным Гераклеодором¹¹². В противоположность другим эвбейским городам, отправшим от Афин в 371 г. и перешедшим на сторону победоносных Фив, демократическая Гестиэя осталась афинским союзником. В 363/2 г. Гестиэя все же вышла из Второго морского союза¹¹³. В 357/6 г. афинянам снова удалось привлечь к себе эвбейские города, в том числе и Гестиэю; туда были отправлены послы, очевидно, для заключения договора¹¹⁴.

Господство афинян над Гестиэей, по всей вероятности, не осталось бесследным. Его наследием можно считать (взятые в совокупности) такие черты государственного устройства Гестиэи IV—III вв., как буле, архонтат, стратегия, распределение населения по демам¹¹⁸.

§ 4. Отправление эпойков в Адриатику. 325/4 г. (№ 14)

Обратимся теперь к декрету об отправке колониальной экспедиции в Адриатику. Несмотря на свои внушительные размеры, надпись, к сожалению, содержит очень немного сведений об афинских эпойках. В сущности здесь трактуются лишь вопросы, связанные со снаряжением флотилии. Этот документ аналогичен декретам об отправлении военных экспедиций на Мелос¹¹⁰ и к Македонии¹¹⁷.

Надпись представляет собой отчетный документ (*traditio*) эпимелетов афинских гаваней, в который включено постановление народного собрания об ускорении снаряжения военно-морской экспедиции в Адриатику (сткк. 165—271). В предыдущих строках надписи следует стереотипное перечисление кораблей и их снаряжения, подготовленных триерархами для экспедиции. Каждый параграф заканчивается фразой о том, что ойкист Мильтиад получил тот корабль, о котором идет речь.

¹¹² *Arist. Pol.*, V, 2, 9.

¹¹³ *Tod.* 2, p. 125.

i" *Ibid.*, N 153, 15-16.

¹¹⁵ Договор Гестиэи с Кеосом, около 364 г. (*Tod.* № 141). См. также декрет гестиэйцев последней трети III в. до н. э. (IG. XI, 4, № 1055.1—6).

¹¹⁸ 416 г. (*Tod.* № 76).

¹¹⁷ IG, I², N 105.

Надпись состоит из одиннадцати фрагментов большой стелы, найденных в Пирее (ныне — в Эпиграфическом музее). Восстановления текста сделаны в основном Беком и Келером.

Текст приводится по сборнику Тода (№ 200 сткк. 217—232, переведены же сткк. 158—271)¹¹⁸.

Ἄπορος ὁ ἄν ὑπάρχη:
 |xffi|j| 5i|III e'if tōv anavxa
 [^p]ōvov e|ATOpt'a oixeia xai
 220 |aix|o7rop.7Γ'a, xai, vaoaxa9-fj.oo
 foix|s(ou xaxaaxsuaa&ev-
 |xo|;, uitap^ei cpoXaxT] sni
 [Tup]p7)vo6g, xai MiXxia-
 [8T]<] o otxiaT]<; xai ot eitoi-
 226 [xot e|f]awiv ^p-Γja&at otxet-
 fcui vao] xixffii, xai xfiiv 'EX-
 [λήων] xai pap|3apMv oI
 [πλέοντε]ς Tῶν SaXaxxav
 [xai aoxoi eJiaitXecuav ei-
 230 fe xō vauaxaOjxJov xō 'A\$ir|vaca)v,
 [тxоТа хе iфov]xsg xai xa aX-_____
 [Xa e|x |3e|3aia>i, ei8o]xe<; oxi []

Перевод:

«. . .Эту триаконтеру и снаряжение принял Мильтиадиз дема Лакиады, ойкист, согласно постановлению народа, которое предложил Кефисофонт холаргеец.

Псефизма, согласно которой Мильтиад принял триеры, тетреры, триаконтеры и снаряжение. Кефисофонт, сын Люсифонта, холаргеец, предложил. Доброй судьбы афинскому пароду. Для того, чтобы самым быстрым образом выполнить решение народного собрания о колонии в Адриатику, народ предписал начальникам верфей передать триерархам корабли и снаряжение согласно своему постановлению. Лицам, назначенным триерархами, подводить корабли к молу до последнего дня первой декады месяца Мунихиона и держать (их) готовыми к отплытию. Того, кто первым подготовит (корабль), пусть народ увенчает

¹¹⁸ Об этой надписи см. обстоятельную статью: *Жебелев С. А.* Афинская колония на Адриатике, с. 59—65. В ней освещен ряд опущенных здесь моментов.

золотым венком достоинством в 500 драхм, второго — и 300 и третьего — в 200 драхм, и пусть вестник буле объявит на празднике Таргелий имена увенчанных, а аподекты выдадут деньги на венки. (Сделать это) для того, чтобы очевидным было честолюбивое рвение трнорархов перед народом. Далее, для разбора споров пусть фесмофеты изберут двести одного присяжного заседателя под начало стратега, ведающего симмориями, избранного во второй и пятый дни месяца Мунихиона. Оплату им пусть выдают казначей Афины согласно закону. Для того, чтобы народ во всякое время контролировал собственную торговлю и доставку хлеба, а также после устройства собственного порта осуществлял сторожевой надзор над тирренцами, чтобы ойкист Мильтиад и эпойки имели возможность пользоваться собственной флотилией, а плывущие по морю эллины и варвары сами врывались в афинский порт, и свои корабли и все прочее имея в надежном укрытии, зная, что. . . ¹¹⁹

Если же кто-либо, будь то архонт или частное лицо, не исполнит того, что каждому из них предписано настоящим постановлением, пусть будет оштрафован на десять тысяч драхм, отчисляемых в сокровищницу Афины. Евтин и его помощники в случае необходимости пусть предъявляют им обвинение; в противном случае они сами будут оштрафованы. Совет пятисот пусть позаботится об отправлении флотилии, наказывая по закону триерахов, не выполняющих свои обязанности. Пританам постоянно проводить у мола заседание совета насчет отправления флотилии до тех пор, пока не отправится. Пусть народ выберет из всех афинян десять уполномоченных, ответственных за отправление флота. Избранным лицам заботиться об отправке флотилии таким образом, как предписано советом. Пусть буле и пританы, осуществляющие попечение о флотилии, будут увенчаны от имени народа золотым венком достоинством в тысячу драхм. Если же у лиц, ведающих отправлением флотилии, возникнет необходимость принять дополнительные к этой псефизме предписания, пусть буле будет правомочно вынести соответствующие решения, не отменяя ничего из принятых народом постановлений. Быть всему этому в целях охраны страны».

¹¹⁰ Далее следует лагуна неопределенных размеров.

Отправление военно-морской экспедиции в Адриатику имело своей целью обеспечение охраны торгового пути, по которому оттуда доставлялся хлеб в Афины (сткк. 219—223). В связи с этим предполагалось устройство колонии (апойкии — сткк. 176—177) с прилегающим к ней портом (сткк. 220—222), где могли бы останавливаться корабли греков и варваров (сткк. 226—232). Колонисты должны были охранять торговые корабли от набегов тирренских пиратов (сткк. 220—226).

Выражение *ἐργόσιος οἰκεία* (сткк. 219) нуждается в разъяснении. Большое значение имеет правильная постановка ударений, поскольку возможны варианты: *ἐαττοριῖ. οἰκῆσα* — «торговля» (Диттенбергер) или *ἐρτοριχ οἰχῆλα* — «фактории» (Бек)¹²⁰. Трактовка Диттенбергера предпочтительней, поскольку далее упоминается только один порт (стк. 220). Широкое по значению *οἰκίῃα* при *ἐπ-απῆα* определенно может означать лишь «собственную торговлю»¹²¹. Сооружаемый при колонии порт также рассматривался афинянами как «собственный» (сткк. 220—222). Он должен был служить интересам афинской торговли в Адриатике, и в первую очередь обеспечивать доставку хлеба в Афины (стк. 220). Этот факт явственно обнаруживает чрезвычайно тесную связь Афин с колонией, которая, собственно, и основывалась как промежуточный торговый пункт. Колония эпойков в Адриатике в сущности мыслилась как придаток афинской державы.

Вопрос о локализации отправляемой колонии, на мой взгляд, следует связывать с данными районирования находок предметов афинского производства в Адриатике. Как показывает распространение этих изделий, афинская торговля концентрировалась в районе Адрии и Спины — торговых центров хлебодарной долины реки По. Импорт предметов аттического производства здесь весьма интенсивен и приходится на VI—IV вв.¹²² Устройство «собственной гавани» (сткк. 220—221) давало возможность афинским купцам интенсифицировать свою деятельность. Учитывая эти обстоятельства, можно думать, что предполагаемое

¹²⁰ *Tod.* 2, p. 285. Соответственно также *ἐπολιούσια* и *οἰκίῃα*.

¹²¹ LSJ, s. v. *οἰκῆσα*?, III. Так же переводил это выражение и С. А. Жебелев.

¹²² *Vallet G. Athènes et l'Adriatique. — Mélanges d'Ecole française de Rome, 1950, 62, p. 33 sq.*

место поселения эпойков находилось где-то в районе устья реки По¹²³.

Отправлявшиеся сюда колонисты не присоединялись к населению какого-либо уже существовавшего полиса, как полагал Тод, имея в виду обычное значение термина *ἐποίχοι* («присоединяющиеся колонисты») ¹²⁴. Эти эпойки основывали собственное поселение — апойкию (стк. 177) ¹²⁵. Аналогичным образом в 431 г. афиняне выслали эпойков на лишенную своего прежнего населения Эгину ¹²⁶. Эти факты еще раз показывают, что в афинской официальной терминологии эпойки рассматривались не только как «дополнительные переселенцы», но и как контингент колонистов, сформированный из состава воинов действующей армии (Брея) или гражданского населения (Девять Путей ¹²⁷, Эгина ¹²⁸), которые поселялись на стратегически важных для Афинского государства пунктах и обязывались нести военную службу. Сторожевые функции, предписанные эпойкам, отправлявшимся в Адриатику, свидетельствуют о том, что они являлись солдатами. Заключительная фаза псефизмы (сткк. 270—271) также говорит о том, что эпойки были солдатами ¹²⁹.

К сожалеению, эта надпись не предоставляет каких-либо определенных данных для решения вопроса о гражданстве эпойков. Дело объясняется тем, что это не декрет об отправлении эпойков, а постановление об ускорении выполнения принятого раньше решения народного собрания (сткк. 173—177). Поскольку образовываемая этими воинами колония была апойкией, можно лишь предполагать, что они обретали права нового гражданства. Во всяком случае, основываемое эпойками поселение мыслится как постоянное (сткк. 218—219; ср. 226—232). Думать же,

¹²³ Так предполагал и Келер; иначе — Бек (см.: *Tod*, 2, p. 288). Предложенная С. А. Жебелевым (Афинская колония на Адриатике, с. 63—64) локализация колонии на Далматинском побережье маловероятна, поскольку этот район отнюдь не обилен хлебом.

¹²⁴ *Tod*, 2, p. 287.

¹²⁵ Это единственно возможное восстановление сохранившихся букв -УЛЯ.; поскольку термин *ἐποίχια* афинским источникам не свойствен.

¹²⁶ *Thuc.*, II, 27, 1.

¹²⁷ *Ibid.*, IV, 102, 2; I, 100, 3.

¹²⁸ *Ibid.*, II, 27, 1.

¹²⁹ Ср. аналогичное *tijis* в декрете Фемистокла (ML, № 23.43-44) и Хен., *Hell.*, III, 1, 32, также имеющие в виду войско.

что предполагалась смена состава этого контингента солдат по типу гарнизонов, никаких оснований нет.

Отправляемая колония как апойкия имела своего ойкиста — Мильтиада, происходившего из знатного рода Филаидов, к которому принадлежали основатель Херсонеса Мильтиад Старший и его знаменитый племянник, победитель при Марафоне и завоеватель Лемноса. Интересно, что в IV в. афиняне высылали ойкистов к клерухам на Херсонесе¹³⁰. Этот факт, видимо, не только свидетельствует о некотором стирании различий между апойкиями и клерухиями в IV в., но и подчеркивает роль ойкистов как устроителей поселений, каковые были необходимы и при образовании клерухий.

Афиняне придавали большое значение отправляемой экспедиции. Около этого времени доставка хлеба в Афины была сопряжена с большими затруднениями: македонский флот блокировал доставку понтийского хлеба¹³¹; недоступен был и египетский рынок. Хлеб шел в Афины главным образом из Кирены¹³², Сицилии и Италии. Принятый народным собранием декрет определил точный срок завершения подготовки к экспедиции. Для ускорения работ был принят ряд мер, стимулировавших быстрее снаряжение флотилии (сткк. 190—204, 258—263). Совет должен был постоянно заседать около мола, решая на месте вопросы, связанные со снаряжением экспедиции (сткк. 247—251).

Судьба колонии нам неизвестна. Либо она была недолговечна, поскольку после IV в. торговая активность афинян в Адриатике идет на убыль, либо, как полагал А. Джитти, она вообще не была выведена вследствие неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств¹³³.

¹³⁰ Jones A. II. M. Op. cit., p. 170; Bleckmann F. Griechische Inschriften zur griechischen Staatenkunde. Bonn, 1913, N 23, 133.

¹³¹ Dem., XVII, 20.

¹³² SEG, IX, 1, № 2: из Кирены отправлено в Аттику в общей сложности 100 тыс. медимнов хлеба (330—326 гг.).

¹³³ Gitti A. La colonia ateniese in Adriatico del 325/4 A. C. — PP. 1954, 9, p. 16-24.

Глава VI
КЛЕРУХИЯ

Эпиграфические источники VI—IV вв., относящиеся к этому типу афинских колоний, немногочисленны и отрывочны. К ним относятся декреты о Саламине (конец VI в.?), Митилене (после 427 г.), Лемносе (387/6 г.) и ряд эпиграфических мелочей, в том числе перекликающийся с постановлением о лемносских клерухах декрет о пошлинах.

§ 1. Декрет о Саламине (№ 15) ~

Саламин был завоеван афинянами в результате длительной и упорной борьбы с Мегарами. Время установления афинской клерухии на острове точно неизвестно. Согласно традиции, отрядив пятьсот воинов-добровольцев для захвата Саламина, афиняне постановили, что в случае успеха эти воины будут принимать участие в управлении островом. Если связывать издание декрета с этим событием, то его следует датировать временем Писистрата. Вероятней, однако, относить его ко времени Клисфена³.

Декрет о Саламине состоит из семи фрагментов (ныне находятся в Эпиграфическом музее). Текст декрета приводится по сборнику Мейггза — Льюиса (№ 14), за исключением сткк. 3 (конец) и 4 (середина), дополненных автором, и стк. 6, где дано представляющееся мне предпочтительным восстановление Уэйд-Гери.

ETOIX. 35 (v. 1—6)

ἔδοξε τῷ δήμῳ καὶ ἐπὶ τῆς ἀρχῆς τῆς ἐπιτροπῆς

οἰκιστῶν ἐὰν σαχαρῶνι [. . .] καὶ [.] Ἀθῆνας

αἰ πᾶσι καὶ ἀρχαῖς [εὐσαῖ] καὶ ἡσῶν 88 Ἀχέραι Ὑ-

ἔ' [Li|ov>]ov, ἐὰν [με οἰκιστῶν vsajofi ho xXepo^o; j ea] -

⁸ v 88 fuadot., duoxt'fvsv xōjxia&όptsvov καὶ τὸ μ-

λα&δvxa hexaxepo[v δsxaxev xō μισθώματος]

¹ *Plut., Sol.,* 9, 2.*

² По поводу датировки см. комментарий Мейггза и Льютса, р. 27; *Aratowsky B. Op. cit.,* р. 792—793. Библиографию об этой надписи см. выше, с. 55—57.

κς ὄσϋόαιοφν \ 'саррαхев 3s хὸν ᾗ]-
 р^ofvjxa, 'eav[8ē aē. eu9-]u[vea&at : x]-
 ā 8s [h]ōrcXa Tc[aps^ea]fta[t aoxōg : x]-
¹⁰ pia[x]ovxa : 8p[a^ (Jioṽ ;]ho[7tXia[xsvo]-
 v 8s [x]6v ap^ovxja xā hōrcXa xpiv]-

с. U

ev ; fsn]i xt? Bfo]Xlk

. .]

Перевод :

«Народ постановил. Клерухам на Саламине дозволяется жить на Саламине. . . пусть вносят подати в Афинах и несут военную службу. Пусть клерух сдает свою землю в аренду, если не поселится на острове. Если же будет сдавать в аренду, то пусть уплачивают оба — и арендатор, и сдавший в аренду — десятину от арендной платы в государственную казну. (Десятину) пусть взимает архонт, если же он не (сделает этого), быть ему оштрафованным. Пусть клерухи обеспечат себе вооружение стоимостью в тридцать драхм, а архонт решит, (достаточно ли) вооружившийся снаряжен. При совете. . .»

Принятый народным собранием декрет определяет основные положения статуса афинских клерухов на Саламине. Им позволено пребывать на острове при условии внесения податей в Афины (?)³ и выполнения военной службы. Как обычно полагали исследователи, клерухи не должны были сдавать свою землю в аренду, если они не проживали на Саламине. Не отрицая правомочности такой интерпретации, хочу указать на возможность иного понимания этого текста (сткк. 3—4). Обычно исследователи исходят из той презумпции, что клерухи, посылаемые на покоренные земли в целях охраны афинских интересов, непременно должны жить в клерухии. Однако этот тезис остается и по сей день не более как предположением, поскольку контр-идея Фукара, поддержанная Гольмом, Бузольтом и в последнее время Джоунзом, в принципе еще никем, начиная с Г. Свободы, не была опровергнута вескими аргументами⁴. Эта идея заключается в том, что

³ Весьма вероятным представляется дополнение М. Гвардуччи [хаЭатер 'A&eve]at, т. е. клерухам предписывалось вносить подати, «как и в Афинах» (*Guarducci M. L'origine e le vicende del attico dei Salamanii*, p. 240).

⁴ *Foucart P. Memoire sur les colonies atheniennes*, p. 347; *Swoboda II. Zur Geschichte der attischen Kleruchien*, S. 28—32. *Jones A. II. M. Op. cit.*, p. 174—177.

часть клерухов могла оставаться в Афинах, уплачивая подать государству за владение участком и сдавая его в аренду. Имея это в виду, полагаю возможным в порядке дискуссии предложить следующее дополнение: x[sv̄ ðš̄ аp-εχ̄εpα' y]||ē' [Ai(a&)]βv, š̄a' p̄š̄ olx[š̄aei v̄sa]o[i ho xXspō^og] — «пусть клерух сдает свою землю в аренду, если не поселится на острове»⁵. Согласно Фукидиду, афинские клерухи на Лесбосе сдавали свои надель в аренду местному населению (III, 50, 2). Однако, как правило, клерухи сами обрабатывали свои участки⁶. Поэтому государство за сдачу в аренду земли, данной прежде клеруху в пользование, взимает десятину от арендной платы как с клеруха, так и с арендатора: «Если же будет сдавать в аренду, то пусть уплачивают оба — и арендатор, и сдающий в аренду — десятину от арендной платы в государственную казну» (сткк. 4—7). Обычно эти строки понимались исследователями как предписание взимать штраф с клеруха и арендатора за нарушение запрещения сдавать землю в аренду (в том случае, если клерух не проживает на острове). Изложенная здесь интерпретация сткк. 4—7 основывается на дополнении лакуны стк. 6, предложенном Уэйд-Гери: Ssxixsv̄ x̄e p̄da&ε̄αx̄od⁷, согласно которому за сдачу земли в аренду владелец должен уплатить государству десятую часть от арендной платы⁸.

Управление внутренней жизнью афинских поселенцев на Саламине осуществлялось архонтом, особо назначавшимся афинским народным собранием⁹. В его функции, в частности, входило взимание десятины от арендной платы с клерухов и арендаторов в государственную казну (сткк. 7—8), если восстановление В. Юдайха — Ф. Хиллера правильно; ср. дополнение Уэйд-Гери¹⁰. Помимо

⁵ Конечное *v* в *a-εχ̄εpαv*, подвергшись ассимиляции перед гортанным (ср.: *Meisterhans K., Schwyzer E. Grammatik der attischen Inschriften. B., 1900, S. 110*), элидировалось, поскольку декрет в целом избегает удвоения согласных. По поводу сочетания *ο̄ξεTν* с *dat. loci* см. стк. 2: *ο̄ix̄εv̄ iā' SaXaix̄Tvi*.

⁶ *Isocr., VIII, 92.*

⁷ *Wade-Gery II. T. The Sixth Century Athenian Decree about Salamis, p. 103.*

⁸ Вопросы, связанные с арендой земли, стоят в центре внимания декрета о лемносских клерухах (№ 17), которые арендуют землю у государства.

⁹ *Arist., Ath. pol., 54, 6; Q2, 2.*

¹⁰ *Wade-Gery II. T. The Sixth Century Athenian Decree about Salamis, p. 102.*

этого, он также осуществлял надзор за вооружением клерухов (сткк. 10—12). Из этой статьи следует, что клерухи, получив надел, обязаны были за свой счет приобрести гоплитское (?) вооружение, т. е. этот момент, по-видимому, обуславливался их переходом в более высокий имущественный разряд. Поскольку первые три сословия и без того были обязаны иметь гоплитское вооружение, можно заключить, что контингент клерухов состоял первоначально из фетов. Отсюда предписание декрета «пусть вносят подати (как?) в Афинах и несут военную службу» (сткк. 2—3) следует понимать как включение клерухов в государственные податные списки, так как до этого они в качестве фетов податей не вносили.

Саламин был государственным доменом, т. е. высшим собственником земли являлось государство. Оно распределяло земельные участки среди граждан, имея в виду в первую очередь малосостоятельные слои граждан. Распределение земли, как и набор клерухов, происходило при помощи жребия¹¹. В отдельных случаях земельный надел на Саламине или на территории какой-либо другой клерухии мог быть предоставлен иностранцу, оказавшему важные услуги Афинскому государству¹².

По всей вероятности, отмеченные черты афинского поселения на Саламине были свойственны и клерухии на Эвбее, выведенной в 506 г. Клисфеном¹³. Эти первые афинские колонии носили своеобразный характер. Поскольку колонизационная деятельность Афин во многом преследовала освоение близлежащих территорий, она приняла специфическую форму выведения клерухий. Система клерухий была выгодна во всех отношениях. За счет близлежащих государств увеличивался земельный фонд Афин, что позволяло решать насущные социальные проблемы при помощи отправления в клерухию бедных слоев гражданства. Клерухи сохраняли афинские гражданские права, и государство, таким образом, увеличивало свои воинские ресурсы. Клерухи практически содержались за счет местного населения; они образовывали надежные форпосты афинской державы в Эгеиде, играя своеобразную роль «сдерживающей силы».

¹¹ *Thuc.*, III, 50, 2.

¹² *Hdt.*, VIII, И.

¹³ *Ibid.*, V, 77.

§ 2. Декрет о митиленянах, после 427 г.
(№ 16)

Семь фрагментов стелы, найденные на Акрополе или на его склонах. Один из них находится в Лувре, остальные — в Эпиграфическом музее. Текст чрезвычайно разрушен, поэтому предполагавшиеся восстановления далеко не безусловны и не могут быть привлечены для анализа документа. Текст приводится по сборнику Тода (№ 63), однако с включением лишь наиболее вероятных дополнений и без транслитерации долгих гласных¹⁴

ETOIX. 38

Μυτιλη[ναίων.
— — ἐγγραμμάτ]ευε.

[0eo] £.

[Ἰε&ο'οsv tft βoXfi xal rōt—Ssivoi, 'Axa[ia]vttg επρ

[otaveos — — e-^pa^ateye,]&o? srce-

[atxtet,— —sifts• — —]χει

35

.....

31

I s]av 86)σ-

fei_____ | f[o]tg [MottAevJai'oi;
hót-

14

[i ho 8] s]Aog ho 'A&svaEov xal απο

18

..... v xal auxo[v6]fj.o; 8ox[li. .

21

ta] acpfe[tepa] auto
[v. . . .

7

a

17

..... vαζ.

s

¹⁴ Литературу об этом декрете см.: *Davis Ph. II. Two Attic Decrees of the Fifth Century*, p. 177—179; *ATL*, 2, p. 76 (текст и библиография до 1949 г.); *Gomme A. W. IG, I², 60 and. Thus., III, 50, 2.* — *Studies presented to D. M. Robinson*, 2, p. 334-339; *Meritt B. D. Athenian Covenant with Mytilene*, p. 359-368; *Gauthier Ph. Les clérouques de Lesbos et la colonisation athénienne*, p. 64—88; *Erxleben K. Die Klerucien auf Fuböa und Lesbos*, S. 92—100.

- at 'Aftev[aTo] t xsXeooa[t]
- 15 . .8t'xag 8t8ov[xag] tepog 'A&evfat'og xat Se^ojievo-
 15
 tg xa|xà xag ycu[ij.po]Xdg, liai šaav.
- . . at xoTg xXs[pò]^otg Jioaa srco. 10
- . . pov 7rptv a[rrò] So&fvat aoxoTg. 13
- 14
- [ax]pax syov xat xov apxaxtoxov
- 20 . . at'ov ход s^ovxag. xat avaypacp[aa]i xaoxa xov y-
 pa][i.ji.acea xsg [BoXsg s axsXet Xtfttvet xai xaxaft]-
 Ivat sp. TtoXet xsXsat xoTg<g> [MoxtXevat'ov vac. xaõ]-
 xa fiev avaypacpaat xai xfaXsaat xsv TtpeajBstav x]-
 ov M'JxtXevatov siri ^[aevta sg xo ipoxavslov sg]
- 25 aoptov. xoTc 8s xXFeponoig. • • Л
- yeg 6:vaπ000. 27
- []

Перевод:

«(Стела) митилеян. (Такой-то) был секретарем. Боги! Постановлено советом и народом в пританию филы Акамантиды, в секретарство (такого-то), председательство (такого-то), (имярек) предложил. . . Если будет угодно. . . митилеянам, что. . . (10) афинский народ и. . . и предоставляется пользоваться своими законами. . . все^ их (их земля ?). . . афиняне предписывают. . . (15) суды с афинянами возбуждать и получать право суда согласно договорам, которые были. . . клерухам столько, сколько. . . прежде чем будет отдано им. . . стратегов и солдат. . . (20) имеющим. И записать это секретарю совета на каменной стеле и поставить в городе за счет митилеян. Все это записать и позвать на завтра послов митилеян на угощение в пританей. Клерухам же. . . земли отдать. . .»

В 427 г. города Лесбоса, за исключением Мефимны, сделали попытку выйти из Афинского морского союза. Однако это восстание было подавлено, в результате чего, как сообщает Фукидид, свыше тысячи человек было казнено, а зачинщики мятежа — митилеяне — лишились флота и оборонительных стен (III, 50.1—2). «Впослед-

ствии. — продолжает Фукидид. — афиняне не взымали форося с лесбосцев, но образовали из их земли, кроме мифимнейской, три тысячи наделов, триста из которых выделили и посвятили богам, а на остальные выслали клерухов, набранных по жребию из среды своих граждан. Лесбосцы сами обрабатывали свою землю, обязавшись выплачивать клерухам ежегодно по две мины серебра за каждый участок»¹⁶.

Судя по формальным признакам, этот документ стоит в ряду аналогичных декретов о Мэфоне, Неаполе фракийском и других общинах¹⁶. Сткк. 1 и 22 указывают, что стела поставлена митиленянами.

Содержание декрета может быть определено в общих чертах. В Афины прибыло посольство от митиленян (сткк. 23—25). Афиняне приняли решение предоставить им автономию (стк. 11), однако оставили за собой право в известных случаях издавать для них соответствующие предписания (стк. 14). Судебные дела между лесбосцами и афинянами следует разрешать на основе заключенных ранее соглашений (сткк. 15—16). Две статьи трактуют вопрос о клерухах, однако содержание их довольно неясно. В обеих статьях клерухи представляются принимающей стороной (дат. над. — $\chi\epsilon\rho\omicron\upsilon\tau\omicron\gamma$, сткк. 17, 25). Исходя из этого и привлекая данные Фукидида о клерухах на Лесбосе, сткк. 25—26 можно понимать следующим образом: клерухам, сдающим землю в аренду, митиленяне в свою очередь должны отдавать по две мины за каждый участок ($\chi\omicron\tau\omicron\gamma \xi\epsilon \chi\chi\epsilon\rho\omicron\upsilon\tau\omicron\gamma . . . \upsilon\sigma\gamma \alpha\nu\chi\alpha\rho\omicron\omicron\omicron . . .$). Впрочем, общая идея декрета может заключаться и в возвращении афинскими клерухами земель и имущества их прежним владельцам — лесбосцам¹⁷.

О дальнейшей судьбе этой клерухии почти ничего не известно. Судя по сообщениям Диодора (XII, 72, 4) и Антифонта (V, 77), афинские клерухи оставались на Лесбосе в качестве гарнизона еще в 414 г. В числе участников сицилийской экспедиции митиленяне не упоминаются. В 412 г. они снова отпали от Афин, но их восстание при-

И*

¹⁵ Ср. также: *Antiph.*, У, 75: афиняне позволили митиленянам жить каждому на своей земле, т. е. на прежнем месте жительства. Интересно, что Город, бывший клерухом, платил подати как в Афины, так и в Мигилену.

¹⁶ ML, N 65, 89.

¹⁷ Ср. комментарий Тода (1, р. 135—136).

вело к введению афинского гарнизона в Митилену¹⁸. К этому времени клерухов, по всей видимости, на Лесбосе уже не было: как афиняне¹⁹, они, вероятно, участвовали в походе на Сицилию.

§ 3. Декрет о лемноских клерухах, 387/6 г.
(№ 17)

Пять фрагментов, найденных на Акрополе (ныне — в Национальном музее, фрагмент D — в Эпиграфическом музее). Издано IG, II², № 30. Текст приводится по изданию Р. С. Страуда²⁰ с рядом изменений. Включена лишь часть его и предыдущих добавлений, прежде всего в преамбуле. В стк. 2 добавляю: [ʼA&Tjvaíon;], в стк. 14: [xɾjɛtg, в стк. 39: [iø ðvop.]a, в стк. 52: [эта]σι:άσαντες.

A + D

— — tg šrcɾuxáveoev, [.lpil]. . . . š-fɾaɾfɿ-fAaxsoev.

1 xai TOT[Π:] ŠóŠssa θεοῖς š[áv.]συνεεικτι
 — — Qoafav Troiɿjaeja&ai καθότι áv xñn [ð]ŕm[ω]ι Soxŕiɿxaũ'ta
 — — θεδ[ί]οχθαι τῶι δήμωι πρὸς τὸς [κληρόχους καὶ ο]ἱχδνχα;
 SV [ARJJ.VWt

6 áp] χοντος šv ATɿfiv[<o]i éγένετ[o]τοῖς
 ta; aot

— — xaðxa Tɿ φαιντι tŕ ávaγγ.1 f, [.] áproy-
 pacɾt[ɿv

— — ðŕm[ε]νθŕi tŕiς vðv áπογεγραμμε[νης.] τα éγ
 — — éxtetóiootv ènì xŕi; éνατης [upuxavéta;] em — —
 ca. 13

av xðv eaióncha šviaoxðv xa[.]
 Oov

¹⁸ *Thuc.*, VIII, 23, 3; 6.

¹⁹ *Ibid.*, VII, 57, 2 fA^vaũn).

²⁰ *St? mid R. S. Inscriptions from the North Slope of the Acropolis*, p. 163—165,

— βολῆς εἶχε χριστὸς κατὰ νότον]
 — τσαρῆ καὶ ἐπισημοῦ ἐν τῆσιν αὐτῶν 7|J.s[pa]i i
 — i Ttsvxaxoato|j.e5t[i.v(i)v TOO — —
 — ai xoig xXTjpo^oi; ka xe 'sxxsfa[[xaxa -]
 — ? xp|ei< xffiv olxffiv xffiv se&7|EJ.s[oj.i.svu]v
 — E|'• AT^VO eiaiyoaiv otcooi av — —
 — xjffit 87|fj.oatum 'Oficci 'av [J7] 'sxx[staiogat]
 — (ovoToaTjv 8' aoxoi 7|p'fdCov[xo — —
 — xja opt] xai ka a<popfa[xaxa s; — —
 — X|I< aoxT] tu uo9w31Q IRE7I:pax[ai — —
 — κληροδοχοῖς τῆς σωτηρίας καὶ τῆς — —
 — ? ἠφελόντες τῶν ἠμαρτωρίων εἶχον ἐπ — —
 — τῶν κληροδοχῶν καὶ ἵεν ἀλλα — —
 — ἀμφοτέρων τῆς γῆς ἢ τῆς — —
 — δίκαις, ἅν ὁ [IV] λάχτη διε — —
 — τῆς [IX7] χριστὸς ἀνάστασιν κ — —
 — τον s; xò SixaaxTjpiov τοxpa — —
 — • dlj.cpi]a[p]r|xffiv 'sva Xojoy it[H — —

--Iv
 -- axTja] a<u 'sv dxpoir6[Xsi]
 -- oxov xai [L] 'sfsva[i] — —
 -- fj.7ke |vai [J7]kie μισθῶσαι πλῆν — —
 ffijvoi; [ATJvòs xò [J.sxà Oso[8oxov ἀρχιυντα — —]
 -- γῆν τὸς κληροδοχοῦ καὶ — —
 -- xa&arc]ep xòTg s; SaXajx[rva — —
 -- acpi] xvojašvcov s — —

ca. 8

— Vjxat 6 a — —
 — xò ovo.j.]a rcaxpo&sy — —
 — a sy AT][I]VO šC — —
 — [XTJv [J.7]Sevi p.7] — —
 — 7] xffiv xXT)P[6J(U)V]
 — IOV otco
 — oi xai x — —
 — 17 — —

E

— — is . . . ia — —
 [ἀίρεσθαί τῶ; κληροθός vel o?]
 — — v oxV]auv sg A^x[vov — —
 — — s]av [i7] IXOYt 'o a — —
 50 — — v oixōat sv αιτῆδιvυη 1
 — — v tolg sv AV][i]va] |
 [ἀχαλαίανvTsg — —
 07] i o — —

Перевод:

A+D: «. . . в пританию филы. . . (такой-то) был секретарем. . . и двенадцати богам. . . если будет впору (афинянам). . . устроить жертвоприношение, как будет народу угодно. . . молить об этом, когда же. . . Народ постановил в отношении клерухов, проживавших на Лемносе. . . (5) при (таком-то) архонте на Лемносе было. . . донесет об этом или привлечет к судебной ответственности. . . заявление о взыскании в пользу казны. . . будет конфисковано из составленной теперь описи имущества. . . на Лемносе. . . уплатят к девятой притании. . . наступающий год. . . (10) совета или (комиссия) трех относительно (?). . . около Тесейона в какой бы то ни было день. . . граждан первого класса. . . клерухам и штрафы. . . (комиссия) трех (?) из конфискованных хозяйств. . . (15) (если дела таких-то лиц) с Лемноса представляют в суд, сколько бы человек ни. . . в тюрьме (? государственной казне), сколько бы человек ни выплатили. . . сколько же (земли) они сами обрабатывали. . . холмы и отграниченные (? священные)²¹ участки сама аренда продана. . . (20) клерухам или кто-либо является должным. . . владели задолжавшие (?) государственной казне. . . клерухов все остальное (имущество). . . имеющих претензии по поводу земли или. . . тя<бами, если же ему не достанется по жребию. . . (25) тяжба и разбирательство дела. . . в судилище. . . (из числа) имеющих претензии по одному выступлению (?). . .

B: «. . . пусть поставит на акрополе. . . и нельзя ни. . . ни сдать в аренду, кроме. . . — она месяца после

²¹ Возможно, имеются в виду темены. См.: Stroud R. Op. cit., p. 172. Ср.: SEG, III, № 117 (темен на Лемносе с определением

архонства Теодота . . . землю клерухам. . . как и в отношении клерухов на Саламине. . . явившихся. . .»

С: «. . . имя по отцу. . . с Лемноса. . . никому (? ничему) не. . . клерухов. . .»

Б: «••• отдать клерухам (?). . . соберется селиться на Лемносе. . . если не явится. . . проживают на Лемносе. . . которые па Лемносе. . . взбунтовавшиеся. . .»

Декрет о лемносских клерухах имеет большое значение, поскольку предоставляет в наше распоряжение некоторые, хотя и отрывочные, данные о земельном статусе клерухий. В сткк. 1—4 заключалась преамбула, содержание которой легко восстанавливается с помощью двух афинских декретов ²².

В 432 г. афиняне осадили Потидею, коринфскую колонию в Халкидике, что явилось поводом к началу Пелопоннесской войны ²³. После двух с половиной лет осады Потидея капитулировала на условии выхода всех ее жителей из города ²⁴. После этого афиняне «послали в Потидею эпойков из своей среды и заселили ее» ²⁵. Перед отправлением колонисты поставили на Акрополе статую от своего имени; на ее базе сохранилось посвящение ²⁶:

ἰουϑῶν

¹sg noxs!8atav. —

«от эпойков, (направляющихся) в Потидею».

После победы при Эгоспотамах Лисандр стал возвращать на родину жителей тех городов, которые были изгнаны афинянами ²⁷. Стоявшим в городах афинским гарнизонам Лисандр давал возможность уйти в Афины ²⁸. Этой же участи, по всей вероятности, подверглись и афинские эпойки в Потидее, которая, видимо, также была возвращена ее прежним жителям. После заключения Анталкидова мира олинфяне установили свой протекторат над Потидеей, однако вскоре лакедемоняне снова захватили ее ²⁹. Около 363 г. Потидея вместе с другими халкидскими городами была захвачена Тимофеем ³⁰. В 361 г.

²² *Tod.* N 146; N.144. 1-17.

²³ *Thuc.*, I, 56 sq.

²⁴ *Ibid.*, II, 70.

²⁵ *Ibid.*, II, 70, 4.

²⁶ *ML*, N 66.

²⁷ *Xen.* *Hell.*, II, 2, 9.

²⁸ *Ibid.*, II, 2, 1-2.

²⁸ *Ibid.*, II, 2, 15; 24.

³⁰ *Isocr.*, XV, 108, 113.

проафинские элементы населения Потидеи (ср. формулировку οἱ εἴρηχ Ποτειδαῖοι Jot.)³¹ отправили послов в Афины с предложением ввести в город афинских клерухов. Отправление клерухов было декретировано специальным постановлением³², от которого сохранилась только вводная преамбула: «В архонство Молона, в девятую пританию филы Эрехтеиды. Совет и народ постановили во время председательствования филы Эрехтеиды, в секретарство Агатарха, сына Агатарха. . . когда эпистатом был (имярек) из Керамейка. Филипп предложил: «В отношении того, что предлагают прибывшие от лица жителей Потидеи (послы), пусть народ постановит следующее. Пусть священнослужитель принесет жертвы двенадцати богам, высокочтимым богиням и Гераклу, если будет угодно афинянам послать клерухов в Потидею, сообразно тому, что объявили прибывшие (послы). . .».

Основываясь на указанной аналогии, текст преамбулы декрета о лемносских клерухах может быть восстановлен следующим образом: При архонте Теодоте³³. . . совет и народ постановили. В пританию филы такой-то, при грамматисте и эпистато таких-то, имярек предложил. Пусть священнослужитель обратится с мольбой к. . . (перечисляются главные божества) и двенадцати богам, если. . . будет впору афинскому народу. . . и устроить жертвоприношение так, как будет угодно народу. Молить об этом, когда же. . . Народ постановил в отношении клерухов. . .» (сткк. 1—4).

Судя по объему текста, который должен содержаться в преамбуле, строки декрета были довольно длинные, так что от него сохранилась примерно третья часть³⁴. По этой причине реконструкция содержания чрезвычайно затруднена.

В декрете рассматриваются главным образом вопросы, связанные с проведением описи имущества задолжавших казне клерухов, в том числе и вопросы аренды земли. Как мы видим, они трактуются также в декретах о Сала-

³¹ *Tod.* N 14(1, сткк. 5—6.

³² *Ibid.*, N 146.

³³ Лемнос был отдан афинянам по царскому миру, который был заключен зимой 387/6 г. при архонте Теодоте (*Diod.*, XIV, 110, 1), упоминаемом и в данном декрете (стк. 32).

³⁴ Ср. восстановления С. Я. Лурье [*Luria S. Die lemnische & 700p-pi*], 130 сл. (=SEG, III, № 73)] и соображения Страуда (*Op. cit.*, p. 169).

мине и, возмояшо, о Митилене, а также в декрете о пошлинах³⁵, в котором упоминаются апойкии и клерухии. Таким образом, дошедшие до нас декреты о клерухах в основном посвящены вопросам аренды. Как отмечалось выше, верховным собственником земли в клерухии являлось Афинское государство, что следует, например, из факта предоставления им надела на Саламине лемносскому вождю Антидору³⁶. По свидетельству одного из источников Элиана, клерухи на Эвбее получали землю в аренду³⁷. Этот факт наводит на мысль о том, что клерухи в целом были арендаторами земель, принадлежавших Афинскому государству, но расположенных за пределами Атики.

Клерухи на Лесбосе и, видимо, на Саламине могли сдавать свои наделы в аренду³⁸. В данной надписи речь идет о клерухах, арендовавших у государства земельные участки и, вероятно, темены: взносы за их аренду делались в девятую пританию³⁹, которая упоминается в стк. 8. Во фрагменте В (сткк. 30—31) содержится неожиданная статья «... и нельзя... ни сдавать в аренду, кроме...», хотя во фрагменте А речь идет в основном об аренде. Отсюда можно заключить, что в данном декрете речь идет о должниках, не внесших положенную арендную плату. При этом следует также учитывать, что выражение «сколько же (земли) они сами обрабатывали» (стк. 17) соответствует утверждению Исократу о том, что клерухи сами занимались земледелием (VIII, 92), т. е. должниками были они сами, а не какие-либо арендаторы их земель. Установив, что речь в декрете идет о клерухах, арендовавших обычные участки и (или) темены у государства, перейдем к исследованию его содержания⁴⁰.

³⁵ IG, I², N 140.

³⁸ *Ildl.*, VIII, II.

³⁷ *Elían.*, Var. *hist.*, VI, 1. Авторы ATL (3, p. 296) предложили читать вместо τῆς ἑς χοίτην более соответствующее, по их мнению, контексту τὴν ἑς χοίτην («на будущее»), полагая вместе с Нессельхауфом, что государство не могло в одно и то же время сдавать землю в аренду и ею же наделять клерухов.

³⁸ *Thuc.*, III, 50, 2; N 15.4-7.

³⁹ *Arist.*, *Ath.*, *pol.*, 47, 4.

⁴⁰ В одной из афинских надписей середины V в. перечисляются участки, расположенные главным образом на Херсонесе, куда были выведены эпойкии или (по распространенному мнению) клерухи (IG, I², № 375). Эти участки л озеро сдавались в аренду (ср.: IG, I³, № 376, 377).

Клерухия на Лемносе существовала уже много лет. Видимо, вследствие напряженной обстановки, вызванной участием Афин в Коринфской войне, часть клерухов не полностью выплачивала арендную плату и задолжала государству определенную сумму денег⁴¹. Поэтому по заключении мира афинские власти занялись наведением финансовой дисциплины в отношении выплаты арендной платы клерухами. Прежде всего была проведена опись имущества задолжников (сткк. 6—7)⁴², затем данным постановлением под угрозой конфискации их достояния (или части его — стк. 7) предписывалось уплатить долги государству к девятой притании текущего года (сткк. 8—9).

Далее упоминаются буле и коллегия трех (стк. 10), которая, скорее всего, занималась разбором дел о клерухах-должниках; видимо, она заседала около Тесейона (который был прибежищем обижаемых)⁴³. Сюда можно было обращаться (?) в любой дозволенный обычаями день (сткк. 10—11).

Как показывает стк. 12, в которой упоминаются пентакосиомедимны, клерухи на Лемносе, как афинские граждане, делились на имущественные разряды. По-видимому, это свидетельствует о неодинаковых возможностях клерухов: естественно полагать, что упоминаемые в надписи пентакосиомедимны не переселились сюда из Аттики, а перешли в это высшее сословие благодаря своим наделам, полученным на Лемносе. В любом случае очевидно, что контингент клерухов в социальном отношении не был монолитным. В связи с этим не лишне будет снова обратиться к рассказу Фукидида об отправлении клерухии на Лесбос (III, 50, 2), из которого вытекает следующее.

Во-первых, когда в Афинах была объявлена запись желающих отправиться в клерухию, предложение превысило спрос, так что пришлось прибегнуть к метанию жребия (ἀρίων ἄριστον XXV Πύσιον ἄριστον Χάρωντος). Значит отправление в клерухию считалось выгодным предприятием и в Афинах еще оставалась масса потенциальных колонистов.

Во-вторых, ежегодная рента в 200 драхм могла привлекать только фетов и зевгитов, но не граждан более

⁴¹ Темены сдавались в аренду сроком на 10 лет (*Arist., Ath., pol.* 47, 4).

⁴² Ср.: *Ps.-Arist., Oec.*, II, 1, 5—1347a (об описи имущества у потидейских клерухов).

⁴³ Ср.: *Plut., Thes.*, 36, 2.

высоких разрядов. Дело в том, что две мины — это примерная стоимость трех-четырех плетров земли⁴⁴. В Аттике же, как установил В. Андреев, около 4500 земледельцев имели участки в 1 га, другие 4500—в 3,5 га, и еще 4500—в 7,5 га⁴⁵. Хотя приведенные цифры весьма приблизительны, все же в целом они отражают основные моменты и тенденции аттического землевладения в V—IV вв. Поэтому рента в две мины могла привлечь лишь лиц фетского или зевгитского состояния (ср. предписание декрета о колонии в Брею набирать переселенцев именно из этих двух разрядов — № 5. 40—41). Таким образом, появление пентакосиомедимнов в лемносской клерухии, по всей видимости, обязано росту имущественного состояния отдельных клерухов, наделы которых здесь, очевидно, были довольно обширны⁴⁶.

Далее, в сткк. 13—14 декрета о лемносской клерухии, упоминаются сами клерухи, выплата долга (? штрафа), затем, видимо, комиссия трех, если предложенное мною восстановление верно, и конфискованные хозяйства. Эти отрывки текста вполне соответствуют предположению об общей ситуации, подразумеваемой в данном документе: государство предпринимает ряд мер по ликвидации задолженности среди лемносских клерухов. Ср. также постановление гераклеотов⁴⁷ об уплате штрафа или конфискации имущества, налагаемых на арендатора в случае несоблюдения договорных условий (речь идет в том числе и о задержке внесения арендной платы в установленное время).

Терминологическое значение глагола *εἰαιγεῖν*, упоминаемого в стк. 15, не вполне ясно. Он может означать как вызов в суд, возбуждение процесса, так и внесение денег. Второе значение предпочтительней, поскольку в соседних строках говорится о выплате долга или штрафа (сткк. 13, 16). Значение слова *ΟΥΥΙΟΙΟΝ* в стк. 16 в точности также неясно — это может быть и государственная казна, и тюрьма. В целом в стк. 16, видимо, речь шла о том, что

⁴⁴ Андреев В. Н. Цена земли в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2, с. 47 сл. Как показывает купчая из Амфиноля, виноградник в 6 плетров оценивался в 320 драхм (ВСН, 1961, 85, р. 431).

⁴⁶ Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 142.

⁴⁶ Ср.: *Arist., Ath. pol.*, 7, 4 (о переходе из фетского состояния во всадническое).

⁴⁷ *Schwyzler*. N 62.108—112.

должники, не уплатившие к установленному сроку долги сполна, заключаются в тюрьму независимо от того, сколько они выплатили из причитающейся с них суммы.

Как уже указывалось выше, из стк. 17 явствует, что клерухи сами обрабатывают свои земли на Лесбосе. Впрочем, их личный труд мог прилагаться и не ко всей земле, находившейся в их распоряжении. Степень приложения личного труда могла быть различной, и ясно, что клерухи переходили в более высокий имущественный разряд благодаря не столько земле, сколько размерам продуктов, получаемых с условно удерживаемой ими земли.

Далее упоминаются участки клерухов и продажа права на аренду земельных участков (сткк. 18—19). Из этих строк можно заключить, что урожай должников продается властями с торгов, как и само право аренды, т. е. из вырученных денег возмещается задолженность по арендной плате⁴⁸. В следующей стк. 20 прямо упоминаются клерухи и задолженность. Содержащееся в стк. 21 слово $\text{З-}\beta\eta\lambda\iota\sigma\mu\acute{\omicron}\nu$ в данном контексте определенно означает «государственную казну», поскольку при нем отсутствует предлог $\epsilon\upsilon$, с которым оно обычно употребляется в значении «тюрьма» и которое мы бы ожидали здесь, как, например, в договоре афинян и спартанцев, также являющемся эпиграфическим памятником⁴⁹.

Содержащееся в стк. 21 выражение $\chi\lambda\eta\rho\acute{\omicron}\sigma\upsilon\nu$ та $\lambda\alpha\sigma\upsilon$ $\beta\lambda\alpha\alpha$, надо думать, означает «остальное достояние клерухов»; в таком случае глагол $\epsilon\lambda\acute{\omicron}\upsilon\upsilon$ можно связывать с их земельными наделами. Видимо, эти наделы конфисковывались государством у тех клерухов, которые не сумели погасить свою задолженность к назначенному сроку⁵⁰. В прямой связи с таким пониманием данного текста может стоять упоминание в следующей строке лиц, имевших претензии по поводу земли. Далее речь идет о судебной процедуре. Клерухи, таким образом, могли внести апелляцию по поводу наказания, наложенного на них, видимо, буле или коллегией трех (ср. стк. 10).

⁴⁸ Ср. упоминаемую в «Аттических стелах» в связи с конфискацией имущества гермоконидов продажу урожая осужденных и их арендных прав (ML, № 79 A. 20—24, B. 110—115).

⁴⁹ *Thuc.*, V, 18, 7.

⁵⁰ Сохранилась сильно фрагментированная надпись с перечнем конфискованных хозяйств клерухов на Лемносе, относящаяся к 370/69 г. (*Merit B. D. Greek Inscriptions. — Hesperia*, 1960, 29, p. 25-20),

Как можно понять из текста фрагмента В, установления, принятые в отношении клерухов на Лемносе, в какой-то своей части были аналогичны предписаниям афинских властей саламинским клерухам (стк. 34). Объединение этих клерухий в одну пару не случайно. Условия, в которых существовали, например, клерухии на Эвбее и Лесбосе, отличались тем, что здесь клерухи занимали земли местных, формально свободных хотя и покоренных афинянами, граждан. Таким образом ряд моментов внутреннего устройства клерухий определен внешними условиями их существования, т. е. местными конкретными условиями.

В тексте Е упоминается передача конфискованных земельных участков клерухам (ср. декрет о митиленянах, сткк. 25—26) или, что менее вероятно, сдача их должниками (стк. 47). Впрочем, возможно, здесь следует дополнять $\chi\chi\tau\rho[o; \quad]$ и это уточняет предложенное понимание текста в том смысле, что либо должники были обязаны отдать свои наделы, либо речь идет о простом акте передачи клеров новым владельцам. В прямой связи с этим, может быть, стоит следующее затем упоминание о проживании на Лемносе. Содержащееся в стк. 49 выражение «если не явится» может указывать на то, что в данном месте декрета речь шла об обязательном проживании новых владельцев (возможно, новых клерухов), получивших конфискованные участки, на ~~острове~~. Не исключено также, что в стк. 53 говорится о [$\quad \alpha\tau\alpha\alpha\alpha\nu\tau\epsilon;$ —взбунтовавшихся клерухах⁵¹].

Во фрагменте С речь шла о записи вновь прибывших, вероятно, ~~клерухов~~. Здесь в стк. 39 безусловно восстанавливается [$\quad \tau\acute{o} \acute{o}\nu\alpha\chi\eta\alpha \tau\tau\alpha\rho\acute{o}\epsilon\nu$ ⁵²].

В заключение еще раз отмечу, что было два типа афинских клерухий: 1) обычный тип — клерухи отправляются в клерухию и занимаются там сельским хозяйством, как на Лемносе или Саламине; 2) более редкий тип, возникавший от случая к случаю: при покорении союзников афинские клерухи получали ренту от арендаторов — бывших владельцев земли, как на Лесбосе. Эта рента шла на поддержание гарнизона из клерухов.

Само собой разумеется, что предложенная выше интерпретация декрета о лемносской клерухии в известной

и Ср.: IG, II², N 1052.14. ●

* Ср.: Ibid., N 841b.

мере~предположительна и ее данные могут быть приняты, строго говоря, лишь в качестве рабочей гипотезы, за исключением тех моментов, которые безусловно зафиксированы текстом надписи и имеющимися аналогиями.

§ 4. Декрет о пошлинах (№ 18)

Надпись найдена на Акрополе (ныне находится в Эпиграфическом музее). Часть стелы справа отбита. Текст приводится по IG. I², № 140, за исключением большей части дополнений ⁶³.

ΕΤΟΙΧ. 35

11

s. X| οἶνο (nominatio gene-

ris)

.hsjAio|BsjXiov йпep Бex|aato dp^opsog̃ to oi-
vo TO] xapito os βοπpозод a|v |xs Tupafisi oBoXov u-
te|ep sxaaxo. xai to yXeoxfog oTap hxnacITO a|jxcpj-
5 opsog̃ aBoXov. xai p.sXix|og o'ivo' xai orep p.ia]-
(kbsog yŭd xaf olxiön xa|i xsttov tooov t'(?)) apy| —
up'lo **hog otv** p.iaS-Si airoTsfXlv. xai sav eve^op-
a|flet xai djioXa;j.|3d|v|ei to [|лca&0|ла. sv p.sv ta!|~
g drcoixiaig xai xXspo^ta|tg тод ocpXovxag s-
10 X|su&spog xata taota тcos|v iravTag тад hecw^
a|CovTag xai ho|iovoovTa|g. xai тад irpa^asg s-

12

Tti] t|d Beitērad TpiiTavs|tag

. Tijriv тед [3oXed T[II] xu|ptai sxxXsaiai "[чу-

16

vea]&ai. та ~~ss~~ тsxs т|sxēv.]

15 . . . xup|i]

В приведенном тексте из дополнений IG. I², № 140 сохранены следующие: v. 2: Бex|aato]. v. 3 a|v]; v. 4: to-
Laliter; v. 6—7: xaft apy|op(o; v. 7—8: (eve^opja]Cei;
v. 10—11: [heo^|a]Covxag; v. 11—12 [s|tu]; v. 13: x[GT] хо-
[ptai sxxXsatai]; v. 14: т[sxsv]. Остальные дополнения сде-
ланы мною.

⁵³ Литература об этой надписи практически отсутствует. См., впрочем: SEG, X, N 100; Behrend D. Attische Pachturkunden. München, 1970, S. 99.

FIG. 1a.

Fig. 1B.

Рис. 1б.

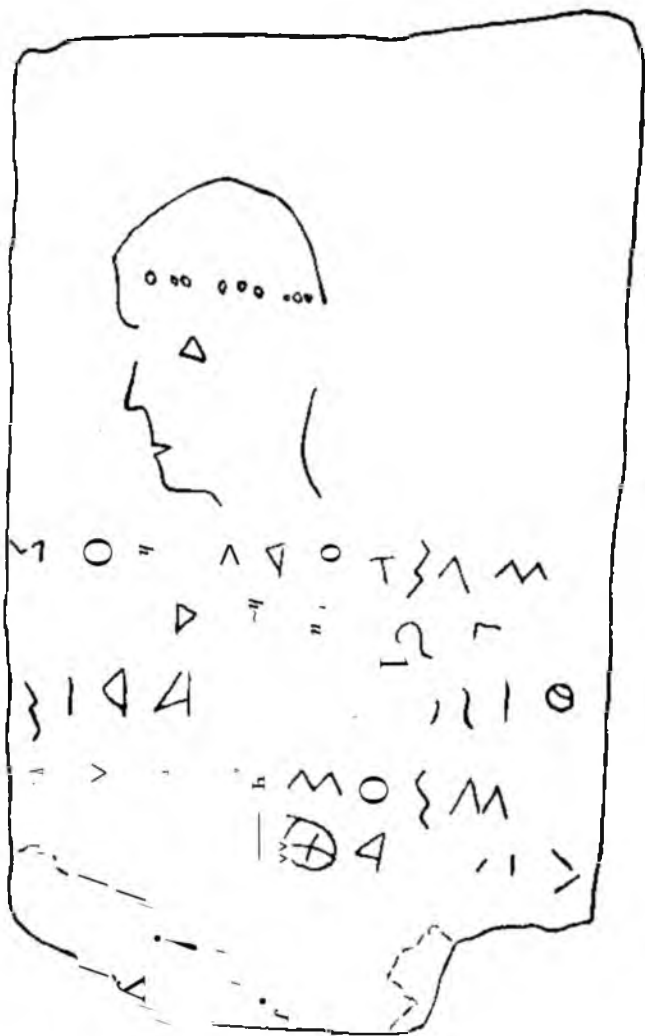

Рис. 1г.

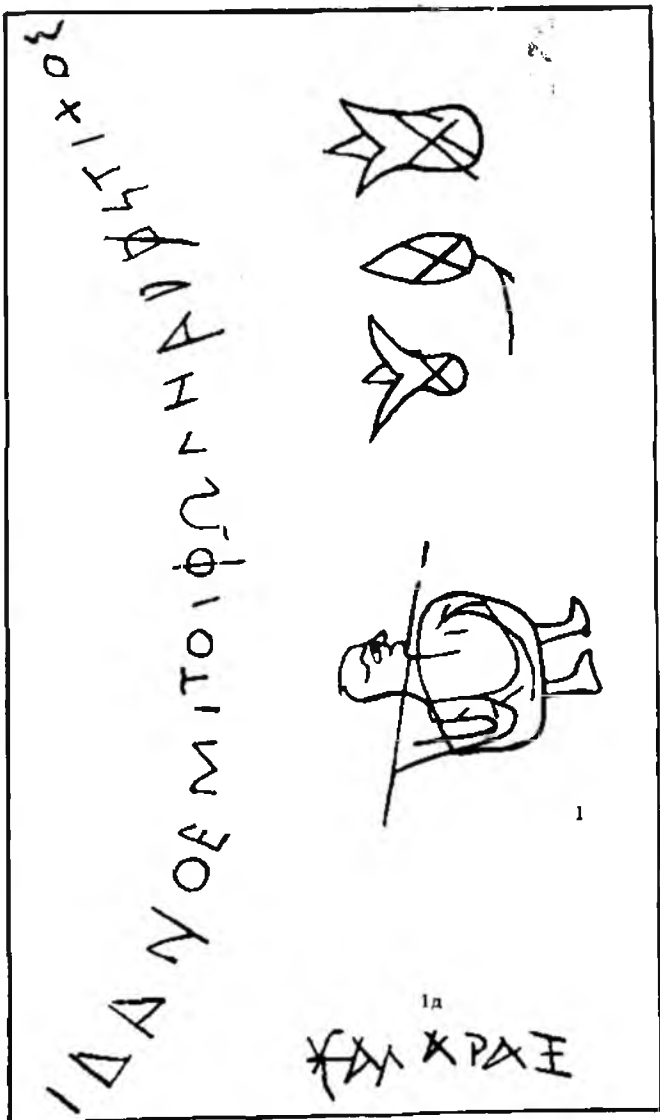

Рис. 1, 1д.

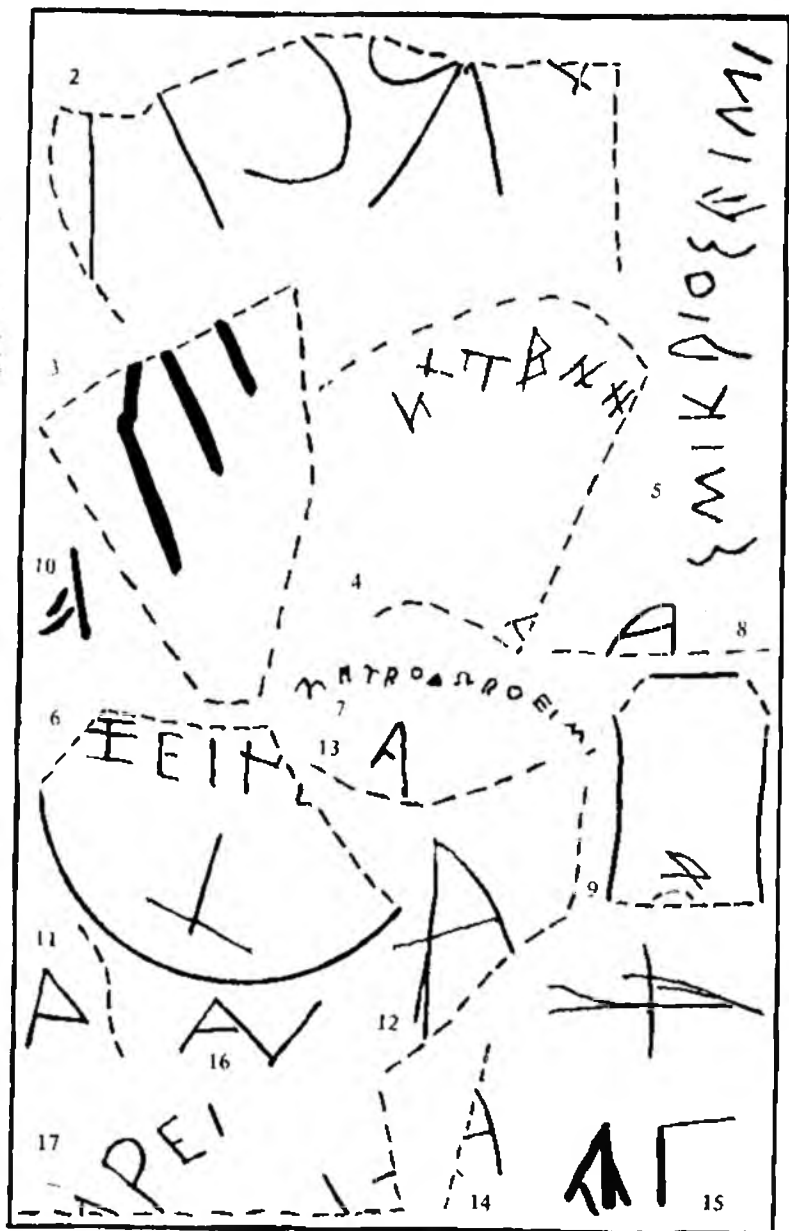

Рис. 2—17.

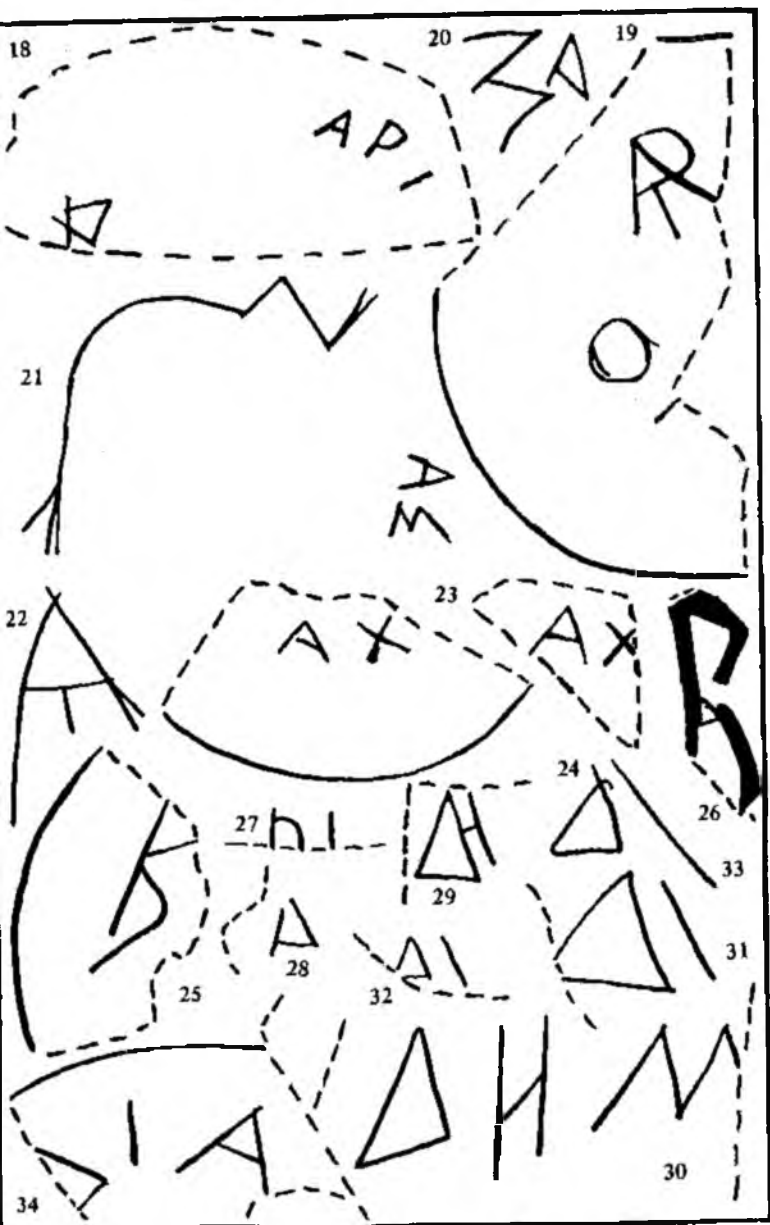

Рис. 18—34.

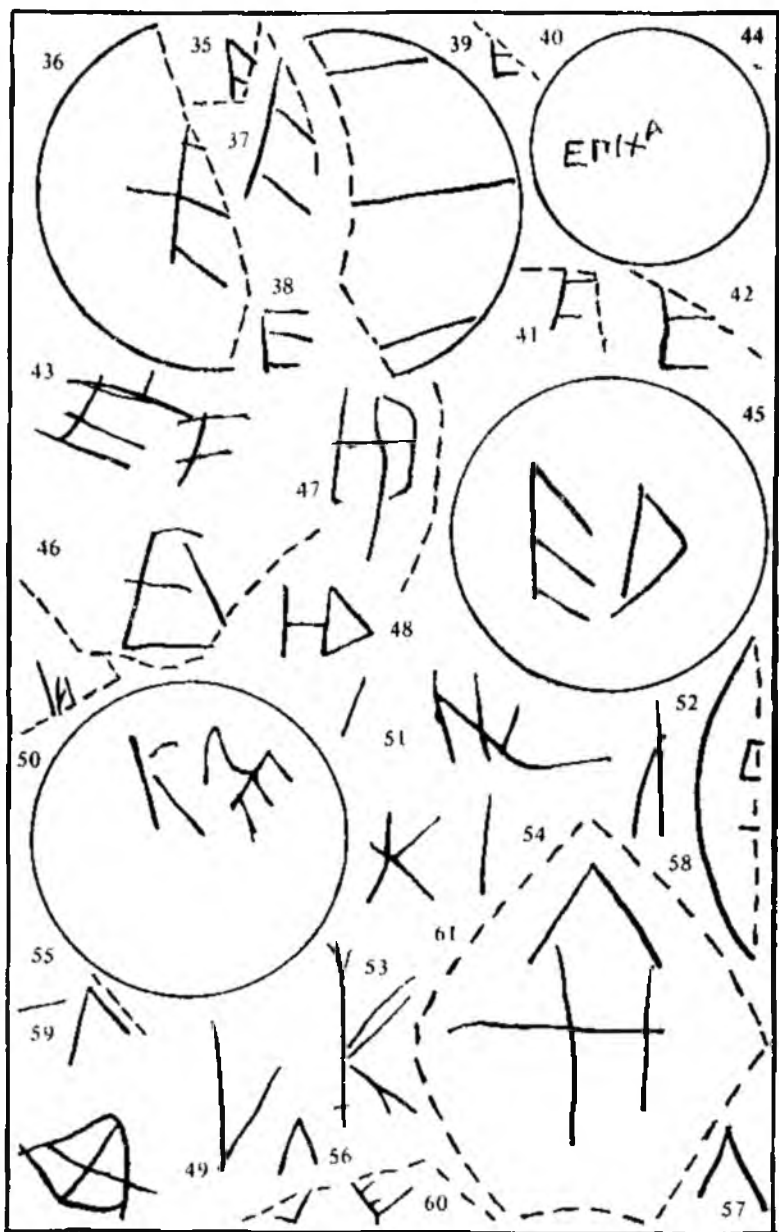
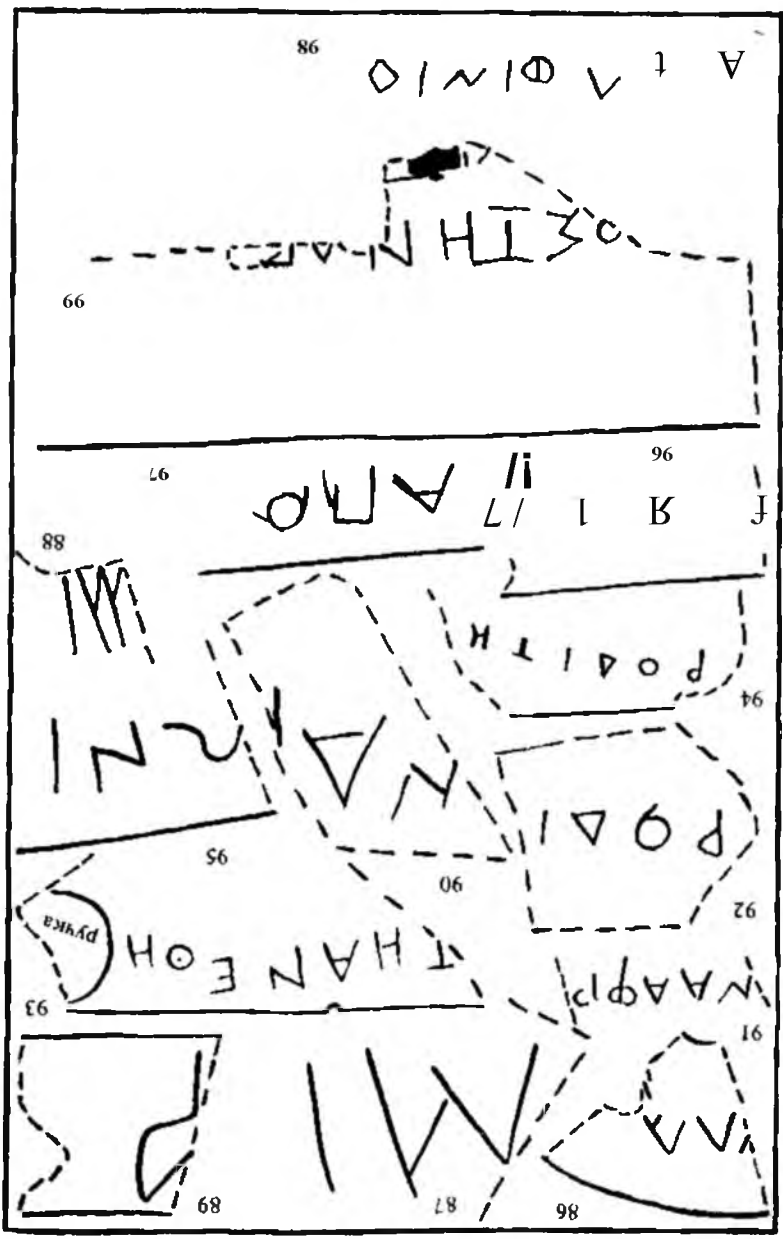

Рис. 35-61.

Рис. 62—85.

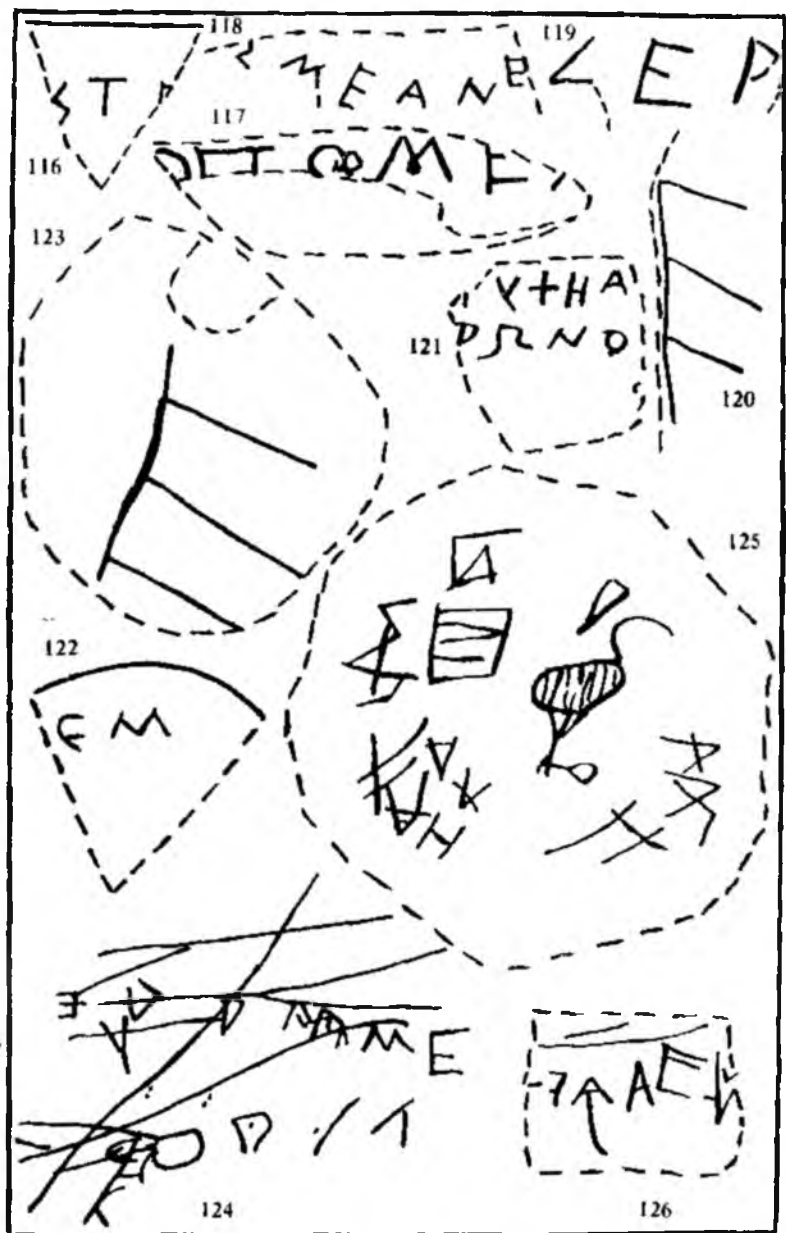

Рис. 116-126.

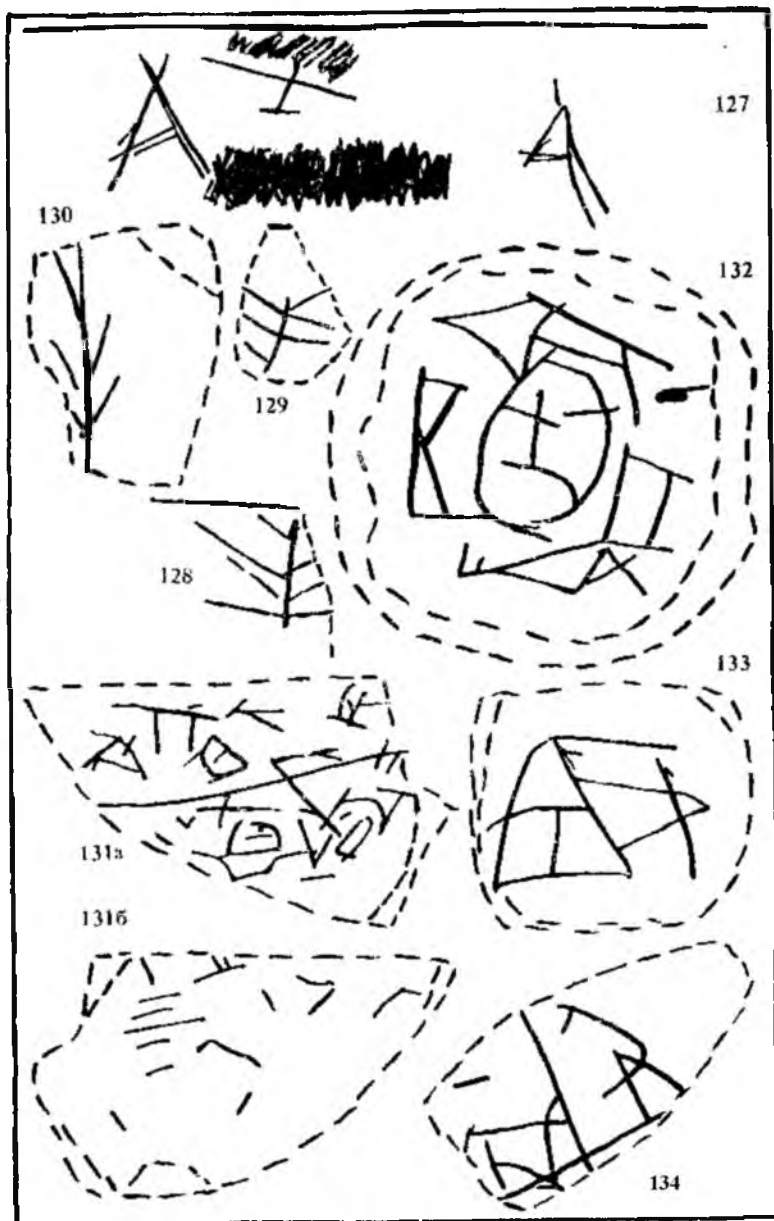

Рис. 127—134.

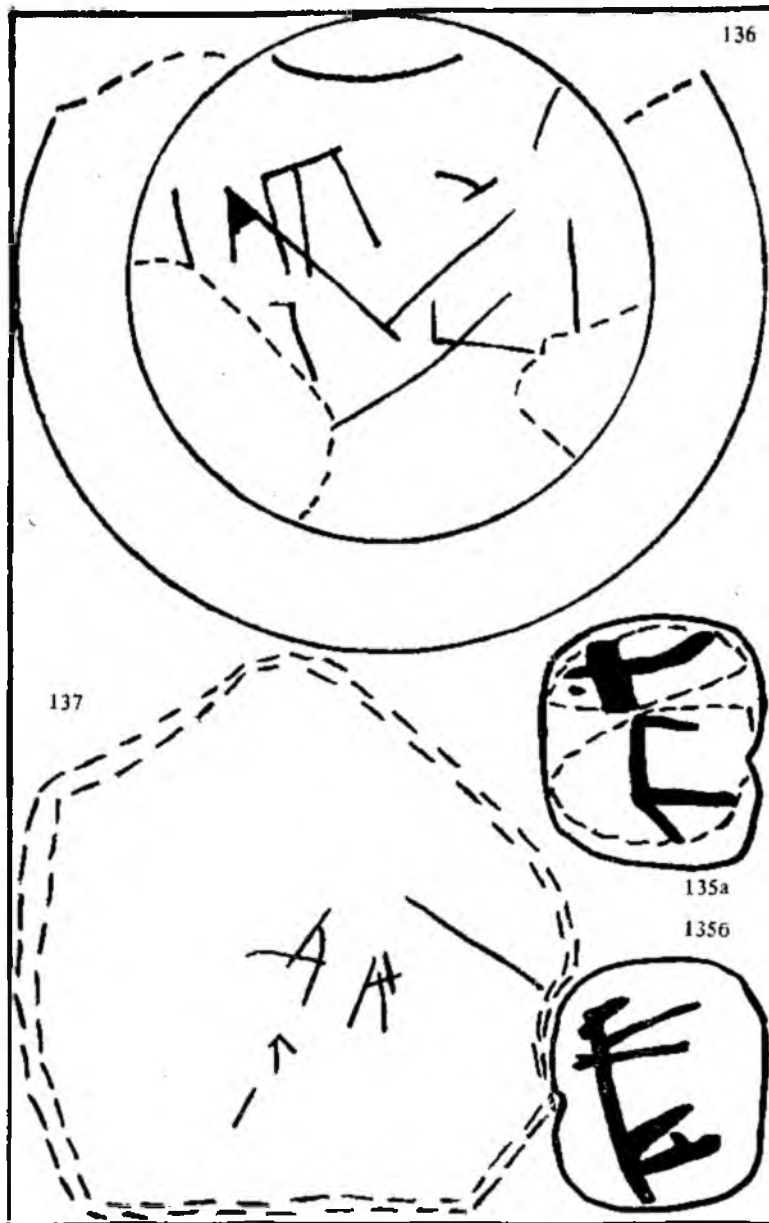

Рис. 135-137.

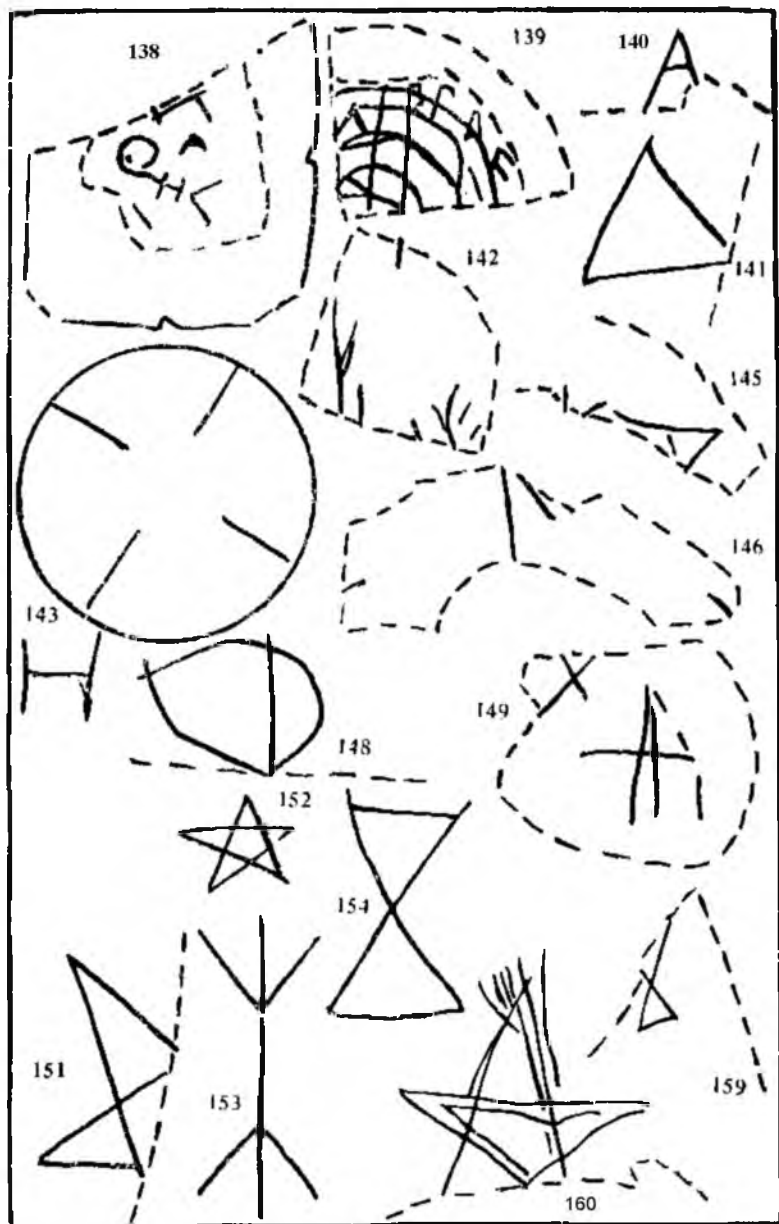

Рис. 138-160.

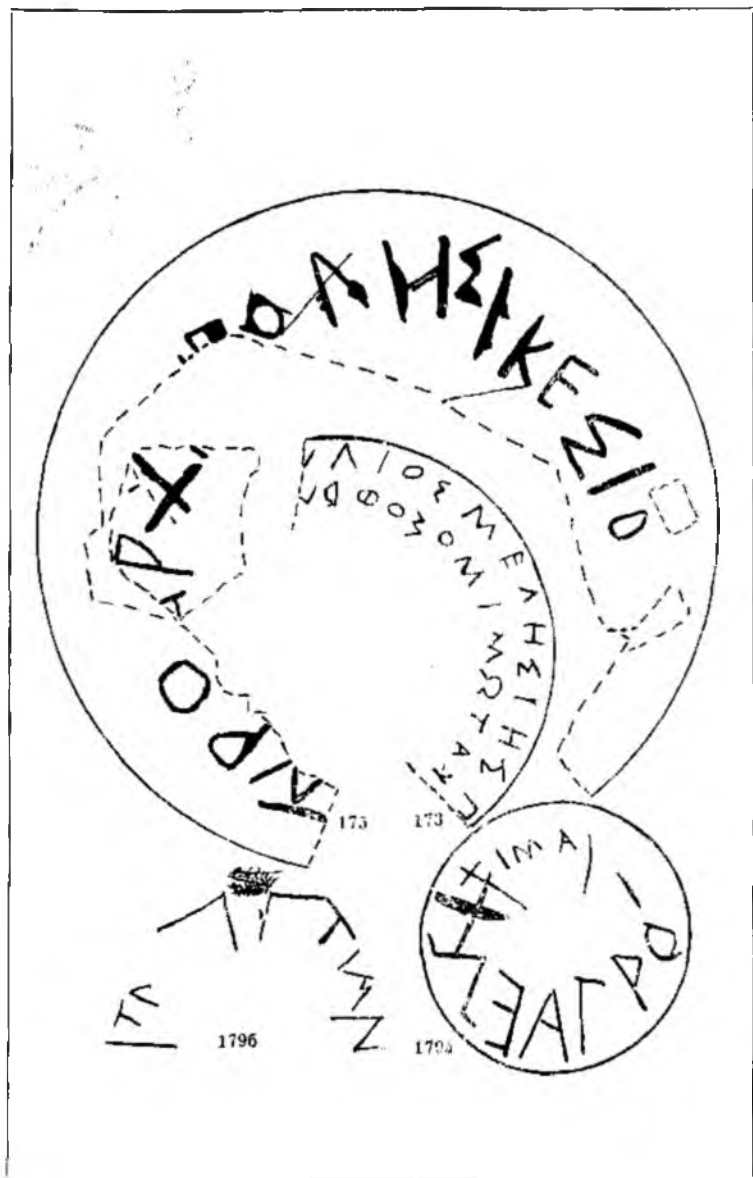

Рис. 173/175, 179 ($\frac{2}{3}$ натуральной величины).

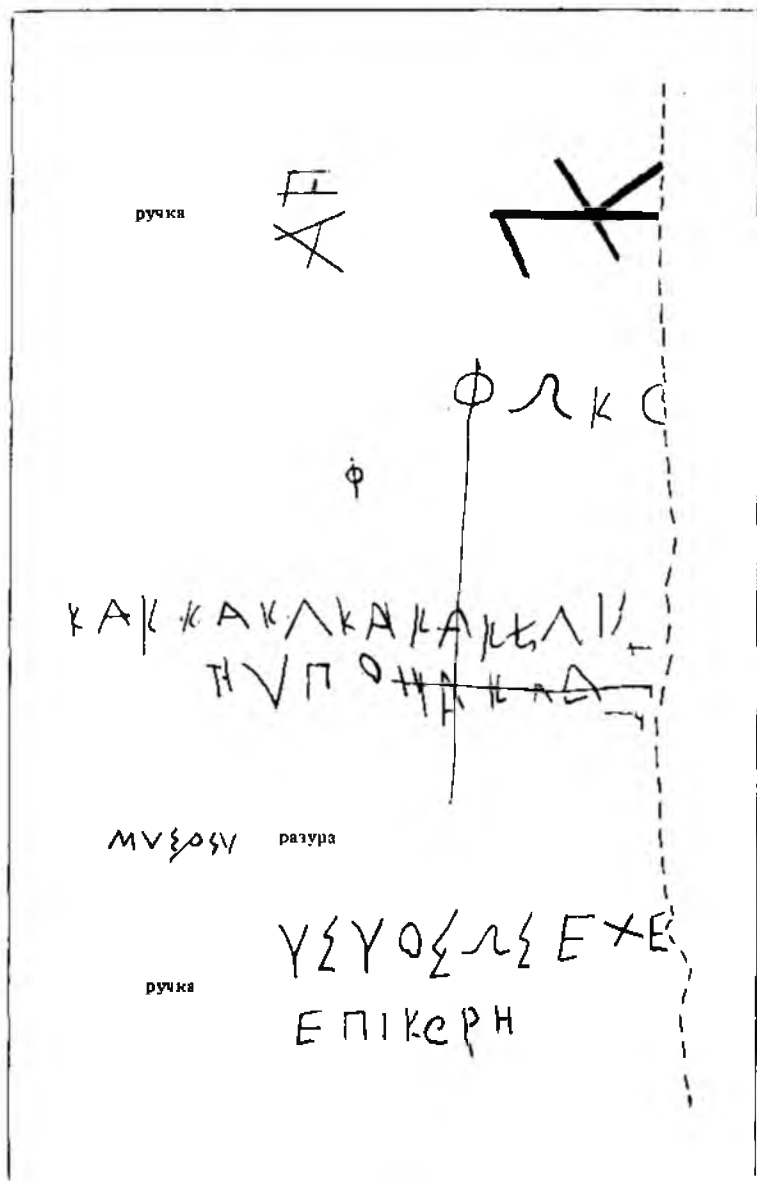

Рис. 182 (2/3 натуральной величины).

Перевод:

«. . . (с продажи такого-то сорта вина уплачивать) по поло-бола за каждый амфорей. С молодого же вина, сколько ни продаст, — по оболу за каждый (амфорей), и "со сладкого молодого вина за каждый амфорей — по оболу, и с медового вина. И с платы за сдачу в аренду земли, домов и садов тот, кто сдает в аренду, пусть платит столько, даже если берет в залог и получает арендную плату. А в апойкиях и клерухиях оштрафованных по суду, делать, согласно данному постановлению, свободными всех тех, кто вел себя спокойно и согласно, и взимание пени с них производить во вторую пританию. . . до совета на периодическом народном собрании, налоги же вносить. . . периодическое народное собрание. . .»

Удачное дополнение стк. 4, сделанное Ф. Хиллером, позволило определить длину строк надписи, ввиду чего реконструкция текста обретает определенность. Декрет в целом трактует о пошлинах, устанавливаемых Афинами за продажу товаров и аренду недвижимости в пределах Аттики. Заключительная часть декрета трактует процедуру освобождения оштрафованных по суду в афинских колониях и клерухиях (в несохранившейся части надписи речь об этом велась применительно к Аттике).

В сткк.; 1—5 речь идет о пошлинах с продажи вина на рынках Аттики. Качественные вина (сладкое, молодое с урожая на корню и медовое) подлежали обложению в¹ обол с проданного амфорей — метрета (39, 39 литра), менее качественное — в поло-бола с амфорей. Отсюда ясно, что в стк. 1 содержались названия этих менее качественных вин⁶⁴.

Восстановленное в стк. 2 выражение βεχαότο διίροψογ имеет корреспонденцию в сткк. 4—5. Обозначение вина в сткк. 2—3 [τῷ ὄλῳ τῷ] χάρτῳ восстановлено по аналогичному¹ его обозначению в известном фасосском декрете V в. о виноторговле: $\chi\epsilon\beta\acute{o}\chi\omicron\gamma\ \rho\lambda\acute{\zeta}\epsilon\ \omicron\iota\upsilon\upsilon\upsilon\ \tau\acute{o}\ \chi\alpha\rho\iota\beta\ \tau\acute{o}\ \epsilon\tau\iota\ \tau\tau^{\wedge}\delta\ \alpha\lambda\chi\eta\epsilon\text{---}$ [Χοιγ]⁵⁵. В фасосском декрете этот род вина обозначен полностью («вино с урожая на корню»), т. е. с закупленного урожая, находящегося еще на виноградных лозах⁵⁶, в ат-

⁵⁴ Подборку названий вин см.: *Pollux*, VI, 15—18.

⁵⁵ *Pleket H. W. Epigraphica*, Leiden, 1964, 1, N 2.

⁵⁶ *Daux G. Nouvelles inscriptions de Thasos*. — BCH, 1926, SO, p. 215—217.

тическом декрете такой вид вина обозначен кратко: οἶνος
τοῦ χαρτοῦ.

Частица ἄν в стк. 3 и χαῖ в сткк. 4—5 указывает, что сткк. 3—5 составляют единый период фразы, противопоставляемой предыдущему периоду этой же фразы. Иначе говоря, перечисляемые в сткк. 3—5 названия составляют группу вин, с продажи которых взимается пошлина в 1 обол в противоположность винам, упоминаемым в сткк. 1—2 и ранее, которые подлежали пошлинному обложению в полуобол. Отсюда οἶνον в стк. 3 восстанавливается по аналогичному обозначению размера пошлины в стк. 5. Поскольку двухпроцентная пошлина взималась с продажи товара, в стк. 3 восстановлено πρᾶξι (ср. $\text{τῆν δὲ τριτάτην τεταρτήν τε πεντήντην τε ἑξήντην τε ἑπτάτην τε ὀκτώτην τε}$)⁶⁷. Такое восстановление согласуется с местным характером торговли, а не импорта, вытекающим из продажи урожая на корню, упоминаемого в стк. 3. Конъюнктивный оборот, восстанавливаемый в стк. 3, имеет соответствие в стк. 7.

В стк. 5 в обозначении медового сорта вина при [ἰσιχί-
τος] следует дополнять οἶνον, так как ἰσιχί в качестве названия вина само по себе не употреблялось⁶⁸. Медовое вино было высококачественным напитком — его, к примеру, подавали к пиру у Трималхиона наряду с опимианским фалерном столетней выдержки⁵⁹.

Поскольку размеры пошлин с метрета вина разных сортов нам известны, можно попытаться определить, с каким финансовым мероприятием Афин был связан данный декрет, который предварительно может быть датирован последней третью V в. до н. э. по характеру письма и окончанию dat. pi. -αῖς (стк. 9), основ на -α^{βγ}. В пределах указанного отрезка времени афиняне предпринимали следующие финансовые мероприятия, целиком обусловленные потребностью в средствах на ведение Пелопоннесской войны. В 433—423 гг. афиняне проводили займы у храмов. В 428 г. была проведена эйсфора среди афинян⁶¹, ранее взимавшаяся с колоний (Гестиэя) и созников (Милет и др.). В 425/4 г. более чем вдвое был увеличен форос. В 422 или 418 г. (вряд ли в 434 г.) был

⁶⁷ *Tod.* 2, N 165.5-6.

⁵⁸ Ср.: *Ps.-Arist.*, *Mirac. ausc.*, 22—832a 6 (σχ τοῖ πιχίρο? οἶνος). См. также название медового вина ἑξήνητος : *Poll.*, VI, 15.

⁶⁹ *Petr.*, Sat., 34.

⁶⁰ Ср.: *ML*, p. 160.

⁶¹ *Thuc.*, III, 19.

принят декрет Каллии, согласно которому при продаже товара взималась десятая часть его цены, т. е. десятипроцентная пошлина⁶². Тем не менее после сицилийско-эксспедиции казна опустела. В 413 г. была введена пятипроцентная пошлина со всех перевезенных по морю товаров⁶³. С 409 г. была установлена десятина с ввоза и вывоза товаров в Понт⁶⁴.

Цены на вино в Аттике второй половины V в. известны нам в недостаточной степени, но в целом, хотя в зависимости от различных факторов стоимость вина колебалась, можно определенно думать, что качественные сорта шли по 8—12 и более драхм за метрет, менее качественные — около 4 драхм⁶⁵. Сообразуясь с этими цифрами, можно считать, что пошлина в обол и полуобол была не десятиной и даже не пятипроцентной пошлиной с союзников (εἰσοδῆται примерно 413—410 гг.), а обычной двухпроцентной пошлиной (τρευτεροστῆται), взимавшейся не только в Афинском морском союзе, но и в других греческих полисах⁶⁶. Если думать, к примеру, что в декрете подразумевается пятипроцентная пошлина, то при величине этой пошлины в 1 обол метрет качественного вина стоил бы 20 обол (чуть больше 3 драхм), что маловероятно при имеющихся в нашем распоряжении ценах на вино в Аттике V—IV вв.

Двухпроцентная пошлина, как думают, это поднятая вдвое обычная 1%-ная пошлина. Ее ввели после сицилийского разгрома 413 г., когда афинские финансы пришли в сильный упадок⁶⁷. Союзники, как указывалось, в это же время были обложены пятипроцентной пошлиной. Следовательно, данный декрет относился к афинянам, их клерухиям и колониям (ср. стк. 9). Отмеченные об-

⁶² ML, N 58.

⁶³ Thuc., VII, 28.

⁶⁴ Xen., Hell., I, 1, 22; IV, 8, 27; Diod., XIII, 64, 2; Dem., XX, 60.

⁶⁵ См.: Prüchett W. K. The Attic Stelai, 2. — Hesperia, 1956, 25, p. 199—203; Boeckh A. Staatshaushaltung der Athener, I³, S. 123—125; Billiard R. La vigne dans l'antiquité. Lyon, 1913, p. 135—129; Spaventa-de Novellis L. I prezzi in Grecia e a Roma nell'antichità. Roma, 1934, p. 55.

⁶⁶ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde, 1, S. 614; 2, S. 1228—1229.

⁶⁷ Andreades A. M. A History of Greek Public Finance. Cambridge (Mass.), 1933, 1, p. 296; Michell II. The Economics of Ancient Greece. Cambridge, 1940, p. 256, Ср.: Boeckh A. Staatshaushaltung der Athener, I³, S. 391—392.

стоятельства указывают, что данный декрет о пошлинах относится ко времени между разгромом сицилийской экспедиции и поражением Афин в Пелопоннесской войне, когда афинские клерухии были ликвидированы, т. е. к 413—404 гг.

В сткк. 5—8 декрета следуют предписания по взиманию пошлыны при сдаче в аренду земли, домов и пр. Слово $\tau\iota\sigma\upsilon\sigma\chi\omicron\alpha\chi\tau\iota$ не помещается ни в одной из лакун сткк. 5—8, так что, надо думать, здесь стоял какой-то ого эквивалент, например $\chi\omicron\alpha\omicron\nu$. Аналогичным образом, к примеру, наречием $\chi\omicron\sigma\omicron\beta\omicron\chi\omicron\upsilon$ заменено упоминавшееся выше слово $\tau\iota\sigma\upsilon\tau\epsilon\chi\omicron\sigma\tau\iota$ в письме Антонина Пия⁶⁸. Взимание двухпроцентной пошлыны за аренду земли имело место в Афинах и в IV в.⁶⁹ Сохранившиеся перед лакуной стк. 6 буквы KA можно было бы принять за начало слова $\chi\alpha\tau\omicron\sigma\tau\alpha\chi\epsilon\nu$, которым обычно выражалось внесение платы ($\tau\omicron\iota\iota$ $\alpha\rho\text{-}\rho\rho\iota\omicron\upsilon$), но это действие выражено через глагол $\alpha\tau\tau\omicron\chi\epsilon$ [Xey] стк. 7, поэтому следует думать, что в стк. 6 перечислялись объекты аренды. В аттических надписях обычным

объектом аренды были земля, темены, дома, сады, но литературным источникам известна аренда и других объектов. Поэтому $\chi\alpha\tau\iota$ $\chi\tau\iota\omicron\upsilon\upsilon$, естественно, дополняю условно⁷¹. Арендная плата обозначалась различными словами, в том числе и $\chi\omicron$ $\text{A}\rho\rho\iota\omicron\nu$, как в IG, I², № 94.16.

Двухпроцентную пошлыну за аренду земли, домов и прочего должен был платить тот, кто сдавал перечисленные объекты в аренду (стк. 7). Далее, в лакуне стк. 7 и начале стк. 8, стояло слово, оканчивавшееся на $\sigma\epsilon\tau$ которое уже давно в соответствии $\text{-}\alpha\tau\tau\omicron\chi\alpha\chi\tau\iota\upsilon\epsilon\iota$ стк. 8 восстанавливалось как $[\epsilon\upsilon\epsilon\rho\rho\iota\iota\wedge\text{si}]$. Такое восстановление привлекательно в первую очередь тем, что связывает стк. 8 с предшествующим текстом, иначе говоря, стк. 8 продолжает предписание относительно аренды. В реальном плане оно находит соответствие в аттической практике арендных контрактов. Эта практика предусматривала возможность того, что арендатор не вносил положенной арендной платы к установленному сроку, обязательно обусловленному контрактом. В таком случае объект аренды брался в залог и арендная

⁶⁸ Pleket H. W. *Epigraphica*, N 24.4.

⁶⁹ *Ibid.*, N 25 (336—334 гг. до н. э.). Стр. № 42.40.

⁷⁰ Например: IG, I², N 94, 377.

⁷¹ Стр.: *Ibid.*, № 43, 45 (аренда садов).

плата либо взималась из полученного урожая и прочего имущества арендатора, как в контракте дема эксонейцев 346/5 г. до н. э.⁷², либо взыскивалась с арендатора по суду, а объект аренды передавался другому желающему, как в декрете фратрии диалейцев 300/299 г. до н. э.⁷³ Декрет о пошлинах устанавливает, что если объект аренды взят в залог, то двухпроцентную пошлину все равно уплачивает арендодатель, т. е. тот, кто берет в залог объект аренды ([xai lav lvs^upa]Cet) и получает арендную плату (a7toXa;A|3a[v]ei to ||iia&o|j.a]), хотя временно и не в полном объеме. В этом и состоит смысл оговорки декрета: пошлина с (годовой или полугодовой) арендной платы взимается и в случае нарушения контракта арендатором, при принудительном взимании платы с него.

Начиная с стк. 9, где упоминаются апойкии и клерухии, терминология исследуемого декрета находит соответствие в постановлении о лемносских клерухах. Ключевое слово здесь—IXeoftspog сткк. 9—10, которое, как известно, определяет свободное состояние объекта, например имущества⁷⁴, или субъекта в плане рабство — свобода, либо в смысле свободного от долгов состояния. Процедура взятия в залог объекта аренды, как мы видели (lvs^upaCet сткк. 7—8), была следствием нарушения условий контракта по внесению арендной платы, что, как в упомянутом декрете фратрии диалейцев, могло привести к взысканию задолженности через суд. Таким образом, ο δερσιον («должник») становился б δερστων — тот же должник, но выплативший свой долг по суду. Ср. перечень тоод Ss [ερ-Х]ovTa; Sixag — «оштрафованных по суду» и не выплативших штрафы жителей Кеоса⁷⁵. При таком понимании слова IXeo&spog как антитезы слова тоg ο^Xovxag, восстановливаемого в стк. 9, сткк. 9—15 декрета увязываются с пре-

⁷² Michel Ch. Recueil, N 1354. 5—9: ΤΥΝ U fuá&coav oñtoβίδβαι τοι 'B*axo(J.paiSvo« fnjvós, sav bk Μ] cmoSiSuiatv etvai evs^upacíav Aifwveúav xai EX TEOV tβpaivw tSv κ2 τοι ^coπτου xai sx Titov αXXcov ámávtcov τοι fírj' cotosióvto. То же и в декрете IG, II, № 565.

⁷³ Michel Ch. Recueil, № 1357. 33—41: если не внесет арендную плату (uáftbaiv) в установленное время. . . то диалейцы могут éveupáteiv про SExt)? xai fir<pa>xai l-cpói. . . Были и другие меры, принимаемые по отношению к арендаторам, нарушившим условия контракта.

⁷⁴ Dem., XXXV, 21; Syll.³, N 364. 36—37.

⁷⁵ Michel Ch. Recueil, № 1341 (V в. до н. э.).

дыдущей клаузулой об аренде недвижимости, а сткк. 5—15 в целом приобретают тематическое единство и трактуются в одном плане как установления о выплате пошлый за аренду земли и прочей недвижимости в Афинах, их апоикях и клерухиях, в связи с которой, как в декрете о лемносских клерухах, фигурируют должники и перечисляются мероприятия афинских властей по ликвидации задолженности. В этом декрете, как было показано выше, по причине задолженности арендаторов идет речь о взимании долгов с них, в связи с чем упоминаются опись имущества, привлечение к суду, устанавливается срок выплаты долга, штрафы, фиксируются конфискованные хозяйства, претензии оштрафованных и тяжбы по поводу проводимых властями мероприятий (№ 17.7 сл.). Такой контекст и позволяет восстанавливать в стк. 9 декрета о пошлинах τὸν ὀσφχὸνταγ — «оштрафованных по суду должников» — как коррелят к Ἰσοσφροῦ следующей строки. Ср. также афинское постановление о святилище Диоскуров, где в разрушенном контексте упоминаются двухпроцентная пошлина и должники⁷⁶. Оговорка декрета о пошлинах, что освобождать от штрафа можно тех, кто вел себя спокойно и лояльно по отношению к афинским властям, явно соотносится со ἀτατάααντεг декретов о лемносских клерухах (№ 17.52)⁷⁷.

Содержание сткк. 11—15 составляют предписания, развивающие предыдущую клаузулу об освобождении оштрафованных от долга и устанавливающие порядок прохождения этой процедуры. Стк. 12 имеет соответствие в стк. 18 декрета о лемносских клерухах, где назначается срок уплаты долга к определенной притании. Следовательно, в лакунах сткк. 11 или 12 должно содержаться указание на взимание выплат с оштрафованных⁷⁸. В декрете о Гестиэе, как указывалось выше, освобождение осужденных по суду, вероятно, также связывалось с возвращением их долга (№ 12.10—13).

⁷⁶ IG, I², № 127. Ср. также: ἡὸ ἡαXὸς («осужденный») декрета о Гестиэе (№ 12.10); IG, I², № 6.31 — ὀφ.ὀνχα и IG, I², № 9.3 — ὀαβν[].

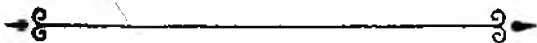
⁷⁷ Ср.: IG, II², N 1052.14.

⁷⁸ Ср.: IG, I², № 116.15—17: πρδ|iv при TI βίηXδ(j.Evon — задолженность и ее взимание (ср. также № 12.6). К восстановлению πρ<Ε(αμ. . . υίfveo&ai ср.: Syll.*, Γ* 364.67: ατ itpdSei? τεγὀνασιγ.

В плане предложенной реконструкции¹ содержания исследуемого декрета *χιρ'α εχхΑεατα* стк. 13 и, вероятно, 15 — это периодически созываемое народное собрание соответствующей апойкии (ср. № 13.22) или Афин (применительно к клерухам и жителям Афин). Текст стк. 14 имеет соответствие в декрете о выводе неизвестной колонии (№ 6.12): речь идет, надо полагать, об обычных налогах, выплачиваемых колонистами.

Декрет о пошлинах показывает, насколько глубокой была связь афинских колоний с их метрополией в сфере экономики. Апойкиям как членам Морского союза Афины диктовали размер пошлин с продажи различных товаров и при аренде недвижимости. Для клерухов их предписания были обязательны как для афинян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование эпиграфического материала позволяет, привлекая свидетельства литературных источников, реконструировать в общих чертах весь процесс отправления колонистов и основания полиса. При этом приходится признать, что такая реконструкция, учитывая многообразие форм, вызванное локальными особенностями, поневоле несколько схематична. Поэтому вовсе не обязательно, что все характерные черты колонизации будут находить свое отражение в каждом конкретном случае. Предлагаемая реконструкция — это обобщение известных нам фактов и представлений о выведении колонистов и основании полисов.

Древнегреческое колонизационное движение в основном осуществлялось в форме вывода апойкий. Процесс этот состоял из двух последовательных этапов: отправление колонистов и основание нового полиса. Апойкия в традиционном смысле образовывала самостоятельный полис с собственным гражданством, своими общественными учреждениями и своим *jus soli*. Другой формой колонизационной деятельности был вывод эпойков. Традиционная эпойкия представляет собой контингент колонистов, отправляемых для усиления военного потенциала какого-либо уже существующего полиса. Формально поселения эпойков именовались эпойкиями или агхойкиями.

Набор колонистов производился различным образом: при помощи жребия, посредством обязательного набора среди всего населения, но самым обычным способом был набор лиц, добровольно пожелавших отправиться в колонию. Численность колонистов обыкновенно была невелика: в экспедицию отправлялось не менее 100, редко — более 1000 чел. Обычно выведение колонии осуществлялось под эгидой полиса, объявлявшего набор колонистов; иногда для этой цели объединялись два или больше государств. В V в. с лиц, записавшихся в число колонистов, отправлявший колонию полис взимал денежный залог для подтверждения участия в предприятии. Колониальную экспедицию возглавлял назначаемый государством ойкист

(в архаическую пору — архагот), обычно вбирившийся из древнего знатного рода; в Афинах им цог быть также известный государственный деятель (например, Гагنون, Демоклид).

Приняв решение о выводе колоний, тот или иной полис отправлял группу в несколько человек на поиски наиболее удобного места для основания города, при этом прежде всего учитывалась его пригодность для земледелия.

Перед отправлением экспедиции с давних пор было принято запрашивать оракул; в древнейший период прибегали к Додонскому оракулу, однако в процессе Великой греческой колонизации на первое место выдвинулось Дельфийское святилище. Афинские колонисты, однако, к оракулу не прибегали, обходясь собственными жертвоприношениями.

Отправлявшиеся колонисты клятвенным образом обязывались поддерживать интересы своей метрополии в различных делах и ни в коем случае не отпадать от нее. Обычно, эта клятва, как можно полагать, сохраняла силу на протяжении жизни одного поколения. При этом иногда принималось постановление, регулировавшее устройство будущего полиса. С согласия обеих сторон отдельные пункты такого постановления могли быть изменены.

Прибыв к месту основания города, колонисты прежде всего сооружали оборонительные стены, после чего приступали к разделу земельных участков. Для этого от каждой филы (или группы колонистов) выделялся один человек в комиссию геономов, которые и занимались разделом. Распределение земли производилось сначала по филам (группам), затем каждый колонист получал участок в том районе, который достался его филе. Каждый колонист получал в городе ойкопедон — площадь, отведенную под строящийся дом, двор и хозяйственные постройки при нем; в отдельных случаях к ойкопедону прирезался приусадебный участок.

Раздел хоры производился так, что на долю каждого колониста приходилось два или более участка в различных массивах. Земля ценилась в зависимости от качества почвы и по степени близости к городу. Размеры участков определялись естественными ресурсами местности и величиной хоры полиса. Один участок определенных размеров представлял собой так называемый «основной надел», представлявший собой земельный ценз, необходи-

мый для того, чтобы считаться полноправным гражданином. Дополнительные колонисты — эпойки — получали ойкопедон в черте города и меньшие наделы из неподделенной земли; они не имели основного надела, что лишало их доступа к высшим магистратурам.

В афинской колонизационной практике большое значение придавалось теменам, которые сдавались государством в аренду. По существующему обычаю десятая часть вновь обретенных государством земель отводилась под эти священные участки. В клерухиях арендная плата с теменов отчислялась в государственную казну.

Как правило, социально-политическое устройство метрополии воспроизводилось в колонии (разумеется, за исключением тех случаев, когда основание нового полиса было предпринято оппозиционными элементами). Сохранялась также прежняя социальная стратификация общества. Контингент колонистов, принимавших участие в объявленной государством экспедиции, состоял из свободных граждан, которые и составляли костяк полноправного гражданского общества будущего полиса. Ряду греческих полисов была свойственна олигархическая по своей сути система выделения группы первых колонистов и их потомков в сословие полноправных граждан, в результате чего, по цитируемыми словам Аристотеля, «меньшинство свободных властвовало над большинством несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения»¹. Аристотель говорит о таком обычае на Фере и в Аполлонии на Ионийском море, колонии Коринфа и Керкиры. Так же обстояло дело в Кирене, колонии Феры, и Черной Керкире, колонии Иссы. Исходя из связи между Ферой и Киреной, можно полагать, что это явление было свойственно и колонизационной практике Коринфа, поскольку оно засвидетельствовано в отношении его двух колоний (Исса основана Сиракузами, колонией Коринфа), и Спарты, выславшей колонию на Феру. По всей видимости, данная черта характерна для общегреческой колонизационной практики в целом, поскольку такие олигархические институты, как правление «ста» или «тысячи» в Опунте, Локрах Эпизефирских

¹ *ArtH.*, *Pd* IV, 3, 8

и других полисах, «шестисот» в Массалии, тоже могут рассматриваться как возникшие в результате закрепления привилегированного положения первых колонистов и их потомков.

Свободные переселенцы, прибывавшие после основания полиса (т. е. в сущности эпойки), обычно получали неполные гражданские права. В случае острой нужды полиса в военной силе эпойкам, однако, могли обещать предоставить равные права, но такие обещания, видимо, не всегда выполнялись. Например, в нарушение постановления о разделе земли в случае приема эпойков жители одного из западнолокридских полисов предоставили колонистам участки не в основной части хоры, как предписывал закон, а в худших массивах. Судя по тому же декрету, принятие эпойков в число граждан полиса сопровождалось дискриминационными законодательными мерами, направленными на ограждение интересов исконного населения.

В качестве дополнительных переселенцев в колонию уходили и различные слои зависимого, несвободного населения метрополии. Таким образом, среди колонистов можно выделить три группы людей: полноправные, свободные неполноправные граждане и, наконец, зависимые слои несвободных. Социальная неоднородность переселенческой массы порождала дух корпоративности: при разделе земельных участков и соответствующем определении степени полноты гражданских прав равенство соблюдалось внутри отдельных групп колонистов, но не между ними. Социальный статус колониста, следовательно, определялся двумя факторами — местом, занимаемым в социальной иерархии метрополии, и принадлежностью к той или иной группе колонистов — основателей полиса. Более прочная экономическая база колонистов второй и третьей групп на новом месте жительства, побуждая их к борьбе, могла способствовать изменению их социального статуса.

При устройстве нового полиса обычно сохранялось *старое деление на филы*. Но при наличии разношерстной массы переселенцев в полисе могли быть образованы новые филы. Колонисты вносили подати по новому месту жительства. Включение колониста в филу и налоговые списки, собственно, и означали получение им гражданских прав в колонии. Общественные учреждения нового полиса обычно повторяли институты метрополии, что особенно ясно видно на примере афинских колоний, которые

буквально копировали органы народной власти, гражданские разряды, систему налогового обложения, законодательство и прочие социальные институты метрополии. Если колония основывалась двумя или более полисами, то магистратуры могли быть смешанными, как, например, в Гераклее Луканской.

Обычно колонии сохраняли разнообразные связи с метрополией. Пребывая в метрополии, колонисты оказывались на положении привилегированных ксенов. Они могли принимать участие в общенародных и групповых культовых отправлениях. Из жителей метрополии для них назначались простаты. Их судебные дела подлежали первоочередному рассмотрению. За ними сохранялись и права наследников. Они могли передавать или завещать свое имущество по собственному усмотрению. Одна из существенных привилегий состояла в обусловленном праве колониста на возвращение в метрополию.

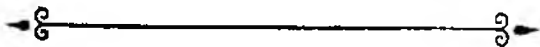
Со своей стороны колонисты должны были назначать простата для жителя метрополии, уступать ему первенство при жертвоприношениях. На общенародных празднествах колония воздавала «положенные почести» своей метрополии. Между метрополией и колониями существовали дружеские отношения, основанные на взаимном равноправии. В случае необходимости они оказывали помощь друг другу. Вражда Керкиры со своей метрополией — Коринфом рассматривалась как нечто из ряда вон выходящее.

Совершенно особая картина наблюдается в отношениях между Афинами и их колониями, выведенными в V в. Многие традиционные нормы взаимоотношений между колониями и метрополиями получили своеобразное преломление в афинской колонизационной практике. Афины определяли внешнюю политику колоний, связывая их системой не только двухсторонних, но и многосторонних договоров. Афинские колонии были обязаны помогать метрополии в ее многочисленных военных предприятиях. Эти обязательства находили символическое выражение в установленном афинянами обычае принесения колонистами паноплии на Великие Панафинеи. Интересам Афин была подчинена и внутренняя политика колоний: государственное устройство, раздел земельных угодий, наконец социальная структура были заранее определены афинскими властями. Афинские декреты о Гестиэе показывают, насколько тщательно и подробно регламентировались

различные стороны государственного устройства колонии и ее внутренняя жизнь, вплоть до установления тарифов на проезд в Гестию. Детальным образом регламентировались также вопросы судопроизводства в колонии, в особенности относящиеся к области юридических взаимоотношений между жителями метрополии и колонистами. Наконец афинские власти регламентировали всеобщее налоговое и пошлинное обложение в своих колониях.

Нормы взаимоотношений между Афинами и их колониями во многом определили характер отношений, существовавших между членами Делосской симмахии и их гегемоном. Такие меры, как всеобщее пошлинное обложение и требование периодического принесения символических даров, были сначала декретированы афинянами в отношении своих колоний, а затем распространены и на всех союзников.

Афинские колонии были тесно связаны с метрополией в различных сферах взаимоотношений. Они предоставляли метрополии денежные средства, военные силы, сырье, в том числе строевой лес для флота — основы афинского могущества. Колонии являлись форпостами афинского влияния во многих районах эллинского и варварского мира. Важное значение для Афин разветвленной сети колоний, тысячами нитей связанных с метрополией в военно-политическом и экономическом отношении, позволяет говорить о существовании особой афинской колониальной архэ — системы колоний, являвшейся основой и важнейшей составной частью афинской морской державы.

I. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ КОЛХИДЫ

4—11 мая 1977 г. в Цхалтубо состоялся симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. К этому симпозиуму была выпущена книга О. Д. Лордкипанидзе «К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья»¹. Содержание ее вкратце таково.

Сначала приводятся данные античных источников о греческих городах Колхиды (Фасис, Диоскуриада, Гиэнос), которые «содержат лишь упоминание поселений греков (милетян) на Колхидском побережье, но ничего не сообщают об их политической и социально-экономической жизни, о взаимоотношениях с местным населением и т. д.» (с. 8). Скудость письменных источников и археологическая неизученность самих греческих городов определили, как укашвает автор, различие мнений о характере греческой колонизации Колхиды. Традиционная точка зрения заключается в том, что колхидские колонии были типичными греческими полисами (А. И. Болтунова), однако этот тезис, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, «не находит буквально никаких подтверждений ни в письменных источниках, ни в археологических материалах» (с. 10). Археологические же исследования двух последних десятилетий говорят о высоком уровне социально-экономического и культурного развития Колхиды, что заставляет думать о значительной роли местного населения в возникновении и развитии здешних приморских городов, а следовательно, ставит вопрос и об особенностях процесса греческой колонизации Колхиды. Вместе с тем, продолжает автор, относительно конкретных форм и характера греческой колонизации мнения разошлись. Так, по Г. А. Меликишвили, греческие города не только не оказали никакого влияния на политическую жизнь Колхиды,

¹ Тбилиси, 1977. 108 с.

но и сами подпали под влияние крупного местного политического образования и были его значительными торговыми центрами, сыгравшими большую роль в социально-экономической жизни Колхиды².

Согласно М. П. Инадзе, при основании Фасиса и Диоскуриады «имело место перенесение сюда греческих форм городской организации, однако влияние высокоразвитой местной среды помешало дальнейшему развитию греческой самостоятельной замкнутой городской общины. Поэтому перенесенные сюда формы городской организации лишь внешне сохранили греческий облик, по существу же в ней важную роль играл местный элемент (пользование правом гражданства, участие в городском управлении и т. д.)³. Как считает сам О. Д. Лордкипанидзе (и с ним согласен Т. К. Микеладзе), греческие поселения в Колхиде представляли собой эмпории, основанные при местных крупных поселениях городского типа⁴.

² Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 244.

³ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, с. 157.

⁴ Далее автор рассматривает некоторые общие вопросы великой греческой колонизации. В этом разделе вызывают удивление терминологические разъяснения О. Д. Лордкипанидзе: «... следует самым решительным образом отличать друг от друга основание городов в процессе вынужденных переселений — то, что сами греки называли «апойкиа» (ἀποικία), т. е. «выселение» или «переселение», а само поселение — апоикис (ἡ ἀποικία) от основания торговых поселений и городов, т. е. эмпорий (το ἐμποριον)» (с. 25). Замечу по этому поводу, что у греческих авторов и в надписях словом ἀποικία обозначалось само основанное поселение, т. е. колония, и лишь в позднегреческом языке это слово приобрело в редких случаях также значение «переселение, миграция» (в словаре Лиддсела—Скотта—Джоунза приводится только один пример такого словопользования, см: *Ph.Ho Jud.*, 2, 410). Слово же ἀγοικία — «колония» — чрезвычайно редкое сравнительно с ἀποικία и употреблялось в указанном значении вкупе со словом ποικία, реже — без него. Наконец слово ἐμπόριον не относилось к особому торговому типу колонии — им обозначался торговый выселок какого-либо полиса в пределах его хоры или ближней зоны его экономического влияния, территориально близкой (как эмпорий эгестия, акрагантя — *Stb.*, VI, 266; ср. также VI, 256, VI, 283 и т. д.), либо же в дальней зоне экономического влияния, но в пределах того же географического ареала — части суши или залива (например, эмпорий, основанный массалиотами на юге Галльского залива, в котором расположена и сама Массалия, — *Stb.*, III, 159 и т. д.). Если же такой торговый выселок отправлялся в другую географическую

Поскольку греческие города Колхиды еще не обнаружены, продолжает О. Д. Лордкипанидзе, единственный реальный путь, чтобы определить их характер (полисы или эмпории?), заключается в археологическом исследовании их предполагаемой хоры. Сравнение полученных данных с материалами из Средиземноморья и Причерноморья, в первую очередь признаков, характеризующих влияние городов-колоний разных типов на окружающие их территории, позволит сделать вывод о характере греческих городов-колоний Колхиды. Для определения условий, в которых происходило основание греческих колоний, О. Д. Лордкипанидзе рассматривает археологические материалы прибрежной Колхиды VIII—VI вв.; отдельно — для определения степени греческого влияния — рассматриваются материалы VI—V вв. до н. э.

Археологические данные, заключает автор, свидетельствуют о том, что до начала и в период греческой колонизации Причерноморья прибрежная полоса Колхиды была густо заселена, и здесь высокого уровня достигли металлургия и земледелие. Известен ряд крупных колхских поселений, некоторые из которых О. Д. Лордкипанидзе квалифицирует как поселения городского типа. В VI—V вв. ялиэльь во многих из них продолжается и они по-прежнему сохраняют чисто местный облик. О. Д. Лордкипанидзе подробно рассматривает археологические материалы из Кобулети — Пичвнари и Гиэноса (Очамчире), а также из окрестностей Диоскуриады и Фасиса. Всюду его выводы однозначны — эллиньство представлено только импортом и нигде на прибрежной полосе Колхиды не отмечено каких-либо значительных сдвигов или перемен в образе жизни местного населения. «Если считать, что эти поселения (речь идет об окрестностях Фасиса. — В. Я.) возникли на базе греческого города, то здесь если не все, то ведущее должно быть греческим. На самом же деле эллиньство представлено только импортом (ионийские и аттические изделия), который весьма незначителен и то-

зону, это была обычная алойкия, имевшая своего ойкиста (здесь решающим оказывался фактор значительной удаленности от метрополии, не позволявший ей осуществлять постоянный действенный контроль над поселением); ср. афинский декрет 325 г. до н. э. об отправлении колонии в Адриатику, которая фактически служила эмпорием, торговым пунктом афинян, но формально считалась «шомкией» (№ 14.175—177, 217—232).

нет в общей массе местного материала» (с. 45). Все это, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, свидетельствует о том, что Колхида в VI—V вв. не подверглась сильной эллинизации, что наблюдается в других районах греческой колонизации.

Исходя из этого О. Д. Лордкипанидзе считает возможным предположить, что в Колхиде не было самостоятельных греческих полисов. Условия, в которых протекала здесь греческая колонизация, — наличие Колхидского государства с поселениями городского типа, с развитым ремесленным производством, наличие на побережье местного населения, производственная деятельность которого была связана не только с земледелием и ремеслом, но и с морем, — по мнению автора, должны были существенно ограничить ее возможность и препятствовать образованию независимых греческих полисов. По окончательному заключению О. Д. Лордкипанидзе, уже без первоначальных оговорок «может быть» или «возможно», «греки не принесли в Колхиду тогда сложных эллинских форм политической и социальной организации». Здесь не возникло полисов «с глубокой структурностью и территорией», т. е. полисов «со сложной и строгой организацией земельного пространства в городе и далеко за его чертами» (с. 78). «Греческие поселения в Колхиде представляли собой торговые колонии, или эмпории, основанные в богатой природными ресурсами стране, главным образом с целью получения металла» (с. 79). Другими статьями вывоза были лес и лен. Греческий керамический импорт в Колхиде, отмечает автор, говорит о распространении греческих, главным образом ионийских, изделий в VI в. в прибрежной полосе до Фасиса, а по реке — и во внутренние районы страны. Севернее Фасиса находки греческой керамики единичны для VI в. Поскольку остатки греческих поселений этого столетия еще не открыты, трудно судить о том, приняли ли уже в это время греческие торговые поселения в Колхиде организованную форму, что можно было бы предполагать, исходя из сведений античных авторов, приписывавших их возникновение деятельности Милета (колонизационные предприятия которого закончились к началу V в.). В V в. наблюдается активизация афинской торговли.

В заключение О. Д. Лордкипанидзе пишет: «Включение Колхиды в орбиту высокоразвитой греческой международной торговли, несомненно, усложняло экономиче-

ские структуры колхидского общества, а в первую очередь — структуру внутриколхидской торговли. Наиболее ярким ее проявлением следует считать возникновение денежного обращения: с последней четверти VI и в течение V—IV вв. до н. э. по всей Колхиде широко обращаются серебряные монеты (так называемые колхидки) разных номиналов» (с. 96). О. Д. Лордкипанидзе рассматривает вопрос о колхидках и приходит к выводу, что это — не греческая полисная чеканка, а колхидская, предназначенная для обращения на внутреннем колхидском рынке.

В обстоятельной работе О. Д. Лордкипанидзе дана широкая картина развития Колхиды в VI—V вв., собран обильный археологический материал, наглядно иллюстрирующий тезис о высоком уровне экономического развития колхидского общества. По сути дела содержание книги даже не соответствует ее заголовку: основное внимание уделено не столько греческой колонизации, сколько характеристике колхидской материальной культуры. К сожалению, собранный автором обильный материал сильно обесценивается существенным методическим недостатком: буквально с первых страниц книги обнаруживается ее заданность — анализ письменных, археологических, нумизматических и топонимических данных сознательно направлен на доказательство тезиса о невозможности возникновения в Колхиде VI—V вв. до н. э. самостоятельных греческих полисов ввиду очень высокого уровня развития колхидского общества, который допускал лишь основание здесь факторий.

Рассмотрим под этим углом аргументацию автора.

Безусловно, греческая колонизация Колхиды носила своеобразный характер, что, впрочем, справедливо практически для всех областей, втянутых в орбиту греческого колониационного движения. Что действительно отличало Колхиду, к примеру, сравнительно с Боспором, так это относительно высокий уровень развития местного населения, обладавшего развитым металлургическим и керамическим производством. Но этот фактор мог повлиять — и повлиял — лишь на характер деятельности основанных здесь греческих колоний (ориентация на торговлю), но не на их сущность — полисный характер устройства колоний. К примеру, в Сицилии позднебронзового и раннежелезного века было не менее развитое сравнительно с Колхидой металлургическое и керамическое произ-

водство \ была там и царская власть⁶, однако эти факторы нисколько не помешали грекам основать здесь многочисленные полисы.

В процессе великой греческой колонизации выработалась главная форма основания — апойкия, т. е. полис; эти понятия равнозначны в силу того, что развитие городской жизни в Греции переживало процесс становления в ходе колонизационного движения раннеархаической норы. Благодаря культурно-экономическому превосходству греки основывали свои полисы по всему Средиземноморью и Понту (при всем многообразии местных условий в различных районах), и только в одном регионе —* на Ближнем Востоке — они не смогли сделать этого. Главной причиной здесь было высокое развитие городской жизни на территории Сирии, Палестины и Финикии, уходящее корнями в традиции великих ближневосточных цивилизаций II тысячелетия до н. э. Высокий уровень городской цивилизации на Ближнем Востоке, сопровождавшийся традиционно развитым мореходством, определил то обстоятельство, что здесь полисы были попросту нецелесообразны для греков и не нужны местному населению, в силу чего эллины основывали только торговые фактории при местных центрах — это археологически известные нам поселения Аль-Мина, Таббат аль-Хаммам, Телль-Сукас и др.⁷ В Колхиде же подобный фактор начисто отсутствовал, здесь еще только развивалась городская жизнь и, таким образом, отсутствовали материальные причины, которые могли бы препятствовать основанию греческих полисов.

В работе О. Д. Лордкипанидзе приводятся некоторые данные о развитии городской жизни в Колхиде — характеризуются как поселки городского типа поселения у Батуми и Кобулету — Пичвнари, но датировка их суммарна («начало I тысячелетия» — с. 29, «VI—II вв.» — с. 31), не говоря уже о том, что не приведены признаки классификации их в качестве таковых. Когда будет доказано, что в Колхиде VI в. до н. э. существовала высокоразвитая городская цивилизация, сопоставимая по уровню с ближ-

⁶ *Bemabò Brea L. Sicily before Greeks.* — N. Y., 1960, p. 130 f.

⁰ См.: *Thuc.*, VI, 4, 1.

⁷ См.: *Riis P. J. The First Greeks in Phoenicia and their Settlement at Sukas.* — *Ugaritica*, 1969, 6, p. 435 f.; *Boardman J. The Greeks Overseas.* Harmondsworth, 1973, p. 38 f.

невосточной, лишь тогда будут веские основания говорить о невозможности образования здесь греческих полисов. Поскольку же каких-либо перспектив в этом отношении не наблюдается, можно смело утверждать, что в Колхиде отсутствовал основной фактор, который мог бы решительно повлиять на политическую форму устройства греческих колоний.

Следующий довод О. Д. Лордкипанидзе состоит в том, что образованию греческих полисов в Колхиде препятствовало наличие здесь в VI в. государства с централизованной царской властью. Тезис о существовании колхидского государства в VI в. спорен⁸, и настаивать на этом аргументе нельзя. По-видимому, в указанном столетии существовало какое-то объединение колхских племен (в этом отношении привлекателен тонкий анализ данных Геродота, звучавший в выступлении Т. К. Микеладзе на симпозиуме), но социальный характер этого объединения — государственный или догосударственный — нам неизвестен. Если и решать данный вопрос положительно, то наличие царской власти ни в коей мере не может служить аргументом подобного рода: существование ее в Сицилии и Испании, к примеру, не мешало, а наоборот, способствовало установлению греческих полисов⁹.

Еще один аргумент О. Д. Лордкипанидзе — наличие развитой жизни на побережье: местные поселения с высоким уровнем развития существовали здесь задолго до начала греческой колонизации, причем они продолжают жить и развиваться и в античную эпоху (с. 42 сл.). По словам О. Д. Лордкипанидзе, побережье было занято местными поселениями, так что плодородных земель, необходимых для функционирования греческих полисов, не оставалось. В этом отношении следует заметить, что сами материалы, приведенные в работе О. Д. Лордкипанидзе, явно свидетельствуют о количественном увеличении колхских поселений на побережье именно в VI—V вв., т. е. с основанием греческих колоний местное население вовлекалось в их экономическую деятельность и «подтягивалось» к ним в пространственном отношении, образуя новые поселки. Такое явление было свойственно греческой

⁸ Ср.: Волтунова А. И. Колхи и держава Ахсепидон. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. I, с. 51—55.

⁹ ' > Hdt., I, 103; Thuc., VI, A, 1.

колонизации в различных районах и особенно наглядно прослеживается в Нижнем Побужье и Поднестровье, где с основанием греческих колоний — Березани, Ольвии, Тиры и Никония — в хоре возникают многочисленные сельскохозяйственные поселения, лепная керамика которых свидетельствует о присутствии фракийского, скифского степного и лесостепного населения¹⁰. Таким образом, местные поселения в прибрежной полосе Колхиды не только не могли служить препятствием к возникновению здесь греческих полисов, но, напротив, основание последних стимулировало их количественный рост. Кстати, образование новых поселков само по себе свидетельствует о наличии незанятых еще массивов земли на побережье.

Особое значение О. Д. Лордкипанидзе придает отсутствию элементов эллинизации поселений хоры, ярко проявляющихся в Сицилии и Южной Италии, а именно: 1. Образование смешанных этнических групп. 2. Отсутствие урбанистических элементов, в частности строительной техники. 3. Отсутствие широкого сбыта изготовленных в колониях ремесленных изделий и какого-либо влияния греческих форм на местную керамику. 4. Не отмечается обращение местной полисной монеты.

Прежде всего следует отметить, что степень и характер эллинизации в различных районах в зависимости от местных условий были неодинаковы, поэтому требование обязательного наличия в Колхиде элементов, зафиксированных в Великой Греции, чисто методически неправомерно, не говоря уже о том, что археологические исследования Сицилии и Южной Италии ведутся более века, а в Колхиде по сути дела еще только начаты (применительно к проблеме греческой колонизации). Тем не менее рассмотрим и эти аргументы О. Д. Лордкипанидзе.

Что касается первого пункта, то он необязателен для колоний с торговой ориентацией, какой был, судя по всем признакам, Фасис (см. ниже). Последний пункт был убедительно опровергнут Г. Ф. Дундуа, который показал, что колхидки были полисной монетой, получившей

¹⁰ См.: *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2, с. 149 сл.; *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. — Археологический сборник, 1961, 2, с. 31 сл.

хождение по всей Колхиде¹¹. Утверждение об отсутствии влияния греческих форм на местную керамику не вполне точно: при осмотре материалов второй половины VI в. из раскопок поселения в Симагрэ, находящегося в предполагаемой хоре Фасиса¹², Л. В. Копейкиной и мною был отмечен светильник местного производства, полностью подражающий форме открытых греческих светильников VI в. Думается, что объективный разбор всех керамических материалов из прибрежных поселений дал бы и другие образцы подобного рода, но и отмеченного факта достаточно для констатации греческого влияния на местное керамическое производство, тем более что оно вряд ли было очень интенсивным в силу высоких местных традиций гончарного ремесла.

Что же касается отсутствия элементов греческой строительной техники в поселениях хоры, то наличие их необязательно: греки скорее должны были усвоить здешние традиции деревянного зодчества, хорошо адаптированного к местным условиям. К тому же О. Д. Лордкипанидзе не разъясняет, что он подразумевает под элементами греческой строительной техники (известно, что в Северном Причерноморье, к примеру, техника домостроения в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, на Тамани имела свои особенности). Судя по выражению «распространение элементов греческого урбанизма (в первую очередь строительной техники)» (с. 74), О. Д. Лордкипанидзе, вероятно, имеет в виду прежде всего каменное строительство. Однако для греческих поселений Причерноморья в VI—первой половине V в. наличие каменного домостроения в хоре довольно редко даже при наличии каменных **строений** в городе¹³.

¹¹ *Дундуа Г. Ф.* Еще раз о происхождении колхидок. — В кн.: *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.* Тбилиси, 1979, с. 280—283. Ср. также: *Волтунова А. И.* Колхидки. — ВДИ, 1973, № 4, с. 92 сл.

¹² Ср.: *Микеладзе Т. К.* Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса). — КСИА, 1977, 151, с. 12 сл.

¹³ Например, основной тип жилища на многочисленных поселениях ольвийской хоры — землянки и полуземлянки (VI—V вв.). Каменные фундаменты и стенка полуземлянки здесь встречаются в единичных случаях — на поселениях Старая Богдановка II, Широкая балка и Викторовка I. См.: *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья. . . , с. 39; *Капошина С. И.* Из исто-

Наконец тезис об отсутствии широкого сбыта изготовленных в колониях ремесленных изделий существен, но поставлен преждевременно: этот вопрос может быть серьезно решен в полном объеме лишь после раскопок собственно греческих городов, в первую очередь Фасиса и Диоскуриады, и определения в каждом конкретном случае их производственного облика¹⁴.

Таким образом, анализ аргументации и основных положений работы О. Д. Лордкипанидзе показывает, что утверждаемый в ней тезис о невозможности основания греческих полисов в Колхиде VI в. несостоятелен практически ни в одном компоненте. Концепция О. Д. Лордкипанидзе не только не соответствует уже накопленным фактам, но и в силу своего антиисторического характера делает бесперспективным направление археологических исследований в прибрежной Колхиде: сколько ни раскапывать далее одни лишь местные поселения, будет происходить более количественное, нежели качественное накопление фактов. Напротив, широкие раскопки Фасиса, Диоскуриады, Кобулети — Пичвнари, Гиэноса и других греко-колхских центров позволят воссоздать историческую картину развития колхского общества во всей ее полноте и многообразии связей с эллинской цивилизацией¹⁵.

рии греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Оливия я Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., 1956, с. 244.

¹⁴ Что касается греческого влияния в Колхиде VI—V вв. вообще, то его проявления были рассмотрены Г. А. Лордкипанидзе (*Проблемы греческой колонизации. . .*, с. 322—320). К ним можно добавить как результат влияния греческой мифологии головы минотавров (выполненные в камне и монументальные по размерам), которые были найдены в окрестностях Кутаиси (V в. до н. а., по убедительной датировке Ш. Я. Амиранашвили). Утверждая же, что чернолаковая ваза из погребения V в. в Ихтвиси с греческим граффито является единственным примером употребления греческого письма в Колхиде (с. 105; очевидно, подразумеваются VI—V вв., ибо от IV и последующих столетий материалы многочисленны), О. Д. Лордкипанидзе не учитывает материалов А. Ю. Кахидзе (многочисленные граффиты Кобулети — Пичвнари, из которых опубликована лишь небольшая часть: *Кахидзе А. Ю. Античные памятники Восточного Причерноморья*. Батуми, 1975, табл. VIII, X).

¹⁵ Памятники фасисской округи залегают очень близко к современной дневной поверхности (например, в Симагрэ — на глубине около 0,5 м). Это обстоятельство наводит на мысль о том, что поиски Фасиса затруднены не только из-за физических условий местности,

Своеобразие греческой колонизации Колхиды заключалось не в том, что там были основаны греческие фактории при местных крупных центрах, а не полисы, но в преимущественной торговой ориентации основанных здесь эллинских городов, что было установлено исследованиями М. П. Инадзе, А. И. Болтуновой, Г. А. Лордкипанидзе и других ученых. Богатые сырьевые запасы, высокий уровень металлургии, развитые земледельческие традиции местного населения обусловили преимущественно торговый характер деятельности греческих колоний Колхиды, причем они в основном играли роль перевалочных пунктов, через которые осуществлялся обмен товаров метрополии на колхидское сырье и отдельные виды изделий. Эту роль могли выполнять и фактории, но что касается существа проблемы — полис или фактория, то здесь мы располагаем определенными свидетельствами письменных источников о том, что по меньшей мере Фасис был полисом. В этой связи различные исследователи неоднократно ссылались на фрагмент из «Политии фасиан», восходящей к Аристотелю¹⁶.

Другим неопровержимым доказательством служит указание Помпония Мелы (I, 108) на то, что у Фасиса был свой ойкист — Фемистагор, сын Деметрия. Ойкисты же были только у апойкий, т. е. полисов (в IV в. до н. э. также у некоторых афинских клерухий), но никогда — у факторий.

¹⁶ В выступлении Н. 10. Ломоури на первом Цхалтубском симпозиуме была сделана попытка изменить смысл данного фрагмента: если читать не <ᾤκιστῶν, а <ᾤκιστῶν — «говорят», то привязка его к Фасису отпадает, тем более что генпохи в Колхиде не жили [следует опровержение ряда свидетельств, в том числе точного, основанного на автопсии указания Арриана (Per., II, 2 Boos), их надо помещать на Северном Кавказе. (Проблемы греческой колонизации. . ., с. 383—386)]. На это можно сказать, что фрагмент, к счастью, обладает своей внутренней географической логикой: если речь в нем идет не о Колхиде, то где же на Северном Кавказе Н. 10. Ломоури найдет милетян, о городе которых (т. е. колонии милетян) говорит данный фрагмент (напомню, что ближайшая к северу от Диоскуриады милетская колония — Гермонасса на Тамани). Никаких милетских колонистов на Северном Кавказе не было, так что традиционное отождествление этого фрагмента (по связке генпохи — милетские колонисты) с Колхидой остается в силе. Текст фрагмента испорчен, но попытки преуменьшить на этом основании его значение как свидетельства о наличии полиса милетских колонистов в Колхиде не состоятельны.

Таким образом, проблема полиса в Колхиде в том аспекте, в котором рассматривает ее О. Д. Лордкипанидзе — могли ли быть здесь греческие полисы или нет, — поставлена и решена искусственно. Действительная сущность проблемы полиса в Колхиде заключается в конкретном выяснении характера и форм симбиоза греческих и колхских элементов в местных греческих колониях, в определении реальной степени взаимовлияния колхидо-иберийского мира и греческих полисов Восточного Причерноморья. Первый шаг в этом отношении сделан — это раскопки А. Ю. Кахидзе в Кобулету — Пичвару, еще ожидающие полной и достоверной исторической интерпретации. Словом, будущее — за раскопками греческих полисов Колхиды¹⁷.

II. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО КОЛОНИЗАЦИИ, РЕЛИГИОЗНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Литературные источники мало что сообщают о Березанском поселении. В «Хронике» Евсевия говорится об основании Борисфена на втором году 33-й олимпиады (или на первом году 34-й). Таким образом, основание Березанского поселения приурочивается к 647 г. (или 644 г.). Географы Птоломей и Мела лишь упоминают древнее

¹⁷ В выступлении на первом Цхалтубском симпозиуме О. Д. Лордкипанидзе отметил, касаясь моей критики его доклада, что я основывался при этом лишь на данных об уровне местного производства, а другие приведенные О. Д. Лордкипанидзе факты не отметил — экологические условия, демографическая ситуация, социально-экономическое и политическое развитие Колхиды, античный импорт и т. д. «Но самое интересное то, что после своих рассуждений Янленко пришел к тому же выводу, что и я: «Эллинские города в Колхиде, — сказал он, — были ориентированы на посредническую торговлю. Они не обязательно должны были переходить к собственному производству. . .». Я прошу вас самих квалифицировать подобные методы научной полемики» (Проблемы греческой колонизации. . ., с. 400—401). Что касается односторонности моей критики, то, как и здесь, я говорил в своем выступлении по докладу О. Д. Лордкипанидзе о всех его основных аргументах. Что касается одного и того же вывода о торговом характере греческих городов Колхиды и их преимущественно посреднической роли, то отмечу, что это давний и бесспорный вывод. Не следует только смешивать факты: основные положения моей критики сводятся не к этому выводу, а к другому — отрицанию главного тезиса О. Д. Лордкипанидзе о невозможности образования в Колхиде греческих полисов.

название острова — Борисфен, а Страбон (VII, 3, 17) обмолвился о гавани на острове. Отсюда ясно, что основным нарративным источником о Березани являются надписи, причем от доримской эпохи до нас дошел только один лапидарный памятник — надгробие Мастора, остальные надписи — граффити и дипинти. Происходят они главным образом из раскопок Г. Л. Скадовского, Э. Р. Штерна, М. Ф. Болтенко, а также В. В. Лапина, ныне скончавшегося (как и другой исследователь Березани — Л. В. Копейкина). Граффити из раскопок Скадовского, Штерна и Болтенко только что переизданы^х. Великолепная лапинская коллекция граффити дает представление о составе березанских колонистов, о религиозной и культурной жизни первых веков существования этой древнейшей в Северном Причерноморье колонии².

§ 1. Состав березанских колонистов

Надписи представляют в наше распоряжение косвенные данные о составе березанских колонистов. Это — имена, особенности языка и шрифта надписей, позволяющие определить диалект и метрополию переселенцев. Выяснение указанных особенностей имеет *raison d'être* прежде всего на материале памятников VII—VI вв. до н. э. Сюда относятся лапидарное надгробие Мастора и несколько граффити. Рассмотрим сначала первый памятник.

В альбоме к дневнику раскопок Скадовского 1900—1901 гг. на березанском некрополе имеются три фотографии массивной известняковой плиты с надгробной надписью*.

¹ *Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвпп. — ВДИ, 1980, № 2 (далее — Граффити), с. 89—99.*

² Предварительную публикацию этого материала см.: *Яйленко В. П. Из березанского эпиграфического архива. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран: Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 537—538; Он же. Ономастика Березани. — В кн.: II Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья: Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1979, с. 95—97; Он же. Малоазиатско-балканские имена в граффити Березани и Ольвпп VII—IV вв. до н. э. — В кн.: VIII конференция по Древнему Востоку. Тезисы докладов. Даугавпилс, 1980, с. 29, 31.*

³ Архив Ленинградского отделения Института археологии. Археологическая комиссия, ф. 1, 1900 г., д. № 141, табл. VIII —

В настоящее время камень утрачен⁴.

Согласно дневнику раскопок Скадовского, плита была найдена в 1900 г. в кладке круглой в плане каменной стены с входным проемом шириной около 1 м на юго-западной стороне⁸. К сожалению, раскопщик — губернатор, погубивший для науки ценнейший березанский некрополь, не отметил характер залегания плиты в кладке (надписью наружу или вовнутрь, боком или прямо). Вполне возможно, что надпись была составной частью этого погребального комплекса и в таком случае середина VI в., когда на березанском некрополе кремация заменяется труположением, была бы хорошим *terminus ante quem* для датировки надписи. Характер этих под-

наиболсе качественное воспроизведение надписи (рис. 1а); Там же, д. № 141^a, табл. XVIIIа и XVIIIв — еще два фотоснимка того же камня (рис. 16, в). Выражаю благодарность дирекции ЛОИА, предоставившей эти материалы в мое распоряжение.

⁴ Лучшие вещи из раскопок Скадовского экспонировались в 1904 г. на выставке Археологической комиссии и тогда же были переданы в Эрмитаж. В их числе значится и плита с надписью: Архив ЛОИА, ф. 1, 1901, д. № 8, л. 25 — по каталогу А вещей Скадовского камень имеет № 498; лл. 32, 33 об. — № 498 каталога А значится в числе вещей, переданных в Эрмитаж; л. 25 — в перечне находок Скадовского номера присланных из Херсона вещей обведены синим карандашом, причем № 498 не обведен, что, по-видимому, означает, что камень не был прислан в Петербург. Странным образом В. В. Латышев прошел мимо этой уникальной надписи, хотя по своей должности товарища председателя Археологической комиссии он принимал участие в переписке, связанной с поступлением вещей Скадовского на выставку. Надо думать, что если бы камень поступил в Петербург, он оказался бы в поле зрения Латышева. С другой стороны, в 1907 г. фотограф Археологической комиссии И. Чистяков делал в Херсоне съемку вещей Скадовского (его негативы хранятся в фотоархиве ЛОИА), но плиту с надписью среди них мне обнаружить не удалось. Все эти прямые и косвенные данные заставляют думать, что камень с надписью не поступал в Эрмитаж (где его нет, как сообщали мне К. С. Горбунова и Л. В. Копейкина), а вскоре после находки был утрачен в Херсоне.

⁸ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1900 г., д. № 37, л. 72. Сооружение было обнаружено на девятой полосе, примыкающей к морю южной стороной (см. план раскопа Скадовского в кн.: *Латин В. В. Греческая колонизация*, вклейка между с. 112—113). На плане раскопа, хранящемся в Одесском археологическом музее (далее — ОАМ), внутри кольцевой стены обозначены 6 захоронений, в том числе № 428, 431, 453. Толщина стены по плану — примерно поларшина, что с учетом визуальных наблюдений над фотографиями камня дает приблизительные размеры плиты с надписью: толщина ее около 0,4 м, ширина составляла примерно две толщины (до 0,8 м), высота — 1,7 ширины, т. е. примерно 1,5 м.

ковообразных сооружений определялся в литературе по-разному⁶. Могу отметить в этой связи, что подобные сооружения открыты, например, на архаическом афинском некрополе Керамика. Если же плита с надписью была вторично использована при возведении подковообразного сооружения, оно и ему подобные монументы должны относиться ко времени после середины VI в. — даты надписи по эпиграфическим признакам. Отмеченный факт, что данная кольцевая стена частично легла на более раннюю каменную площадку и кострище, пожалуй, свидетельствует в пользу вторичного употребления плиты с надписью. Однако до специального исследования этот вопрос остается невыясненным⁷.

Поверхность плиты основательно повреждена выбоинами, что сильно затрудняет чтение текста. Над пятистрочной надписью, идущей бустрофедоном, вырезано профильное изображение головы покойного в левом повороте (рис. 1г). Линия углублений, идущая от затылка к темени, как и абрис головы, указывают, что покойный был изображен в венке или с головной повязкой, либо же в шлеме или шапочке⁸. Незаполненные плоскости нехарактерны для архаических рельефов. В правой части стелы над надписью трудно что-либо разобрать, но, возможно, здесь помещалось обычное в таких случаях изображение оружия, т. е. на рельефе, вероятно, был изображен воин.

⁶ Кольцевая стена — не самое древнее сооружение на данном участке некрополя: согласно дневнику раскопок Скадовского (с. 72—74), она частично легла на более древнюю каменную площадку и кострище. Характер этих каменных подковообразных в плане сооружений не ясен. И. В. Фабрициус связывала их с кремацией покойников (Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951, с. 58). С. И. Капошина видела в них культовые сооружения некрополя (Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, с. 218). В. В. Лапин отрицал их связь с некрополем (Греческая колонизация. . . , с. 114 сл.)

⁷ К сожалению, мне не удалось выделить из альбома находок Скадовского керамику, найденную при погребениях внутри данного подковообразного сооружения, что прояснило бы до некоторой степени вопрос о характере и датировке как всего комплекса, так и надписи.

⁸ Ср.: *Richter G. M. A. The Archaic Gravestones of Attica. L., 1961, pi. 80, 107—108; Snodgrass A. M. Arms and Armour of the Greeks. L., 1967, pi. 39, 47—49; Pais E. Storia dell'Italia antica. Roma, 1925, 1, pi. 188.* Обычный поворот профильных изображений на архаических надгробных, стелах — правый, левый встречается редко.

Стк. 1 надписи идет справа налево. Перечислю по ходу бустрофедона буквы, различимые на всех трех фотографиях (см. прорись: если буква видна на всех фотографиях, ссылка на рисунок не приводится). Буквы первой строки хорошо видны на рис. 1а. У правого края стелы видны *мю*; наклонные гасты *альфы*, *сигма*, *тау*, *омикрон*, *ро*, снова наклонные гасты *альфы*, *тау*, *омикрон* и последняя буква у левого края плиты — *ню*. В стк. 2 слева направо заметны после выбоин у края *ро* (рис. 1а, в), *тау*, *эпсилон* (рис. 1в), *омега*, частично *эпсилон*. Стк. 3 начинается у правого края плиты с кружочка, затем следует вертикальная черта и *омега*. Далее сохранились лишь очень неясные остатки, судя по размерам лакуны, примерно 4 букв. В конце стк. 3 хорошо читаются *альфа*, *ро*, *йота*, *сигма*. Стк. 4 открывает *тау* (рис. 1в), за которой видны левая часть *омеги* (рис. 1в), *ню*, частично *ипсилон* (рис. 1а, б), *мю*, *омикрон*, *сигма* (рис. 1в), *мю*. В стк. 5 у правого края плиты — скопление выбоин, где предположительно можно различить усики каппы, верхнюю часть А, А или Р. Далее следует выбоина, после которой идут хорошо различимые *альфа* и *тета*, а также наклонная гаста.

Различимые буквы надписи позволяют сделать следующие первоначальные наблюдения над ее текстом и содержанием. В стк. 1 читается имя *Мастор* в винительном падеже, на что указывают артикль *хоу* в конце этой строки и наклонные гасты *альфы* после *ро*. В стк. 2 читается *-рхею*, окончание патронимика *Мастора*. Следующее слово скорее всего является эпитетом, характеризующим покойного. В соответствии с различимыми остатками букв предположительно восстанавливаю здесь $e[\xi]oX\dot{\iota}\eta[Xo\eta a]$ — «погибшего». С конца стк. 3 и в стк. 4 хорошо читается имя 'Αρταχό[jvjjj]og. В стк. 5 различимые остатки и буквы *-а&* позволяют читать необходимый к тексту надписи глагол $\chi\alpha\eta a\&e[xo]$. В целом текст надписи читается следующим образом:

Μαχόρα χου	—	«Меня, <i>памятник</i>
[?Bγ]ρχаш][[[-	—>	погибшего Мастора.
oX<и[X6x?]'Αρτα—	—	сына Берта.
χMvJ]j0s [x[a]	—>	поставил
χαηa&s[xo?]	<	Аристоним».

Ионийский диалект эпитафии обнаруживают альтернатива кратких и долгих гласных на письме, а также пат-

ронимик на -ею. Расстояние между левым краем плиты и буквой *po* стк. 2 показывает, что здесь утрачены две буквы. Этому условию, судя по обратному словарю греческих имен Б. Хансена, отвечают имена Мархт)?, Порх-гг. 'Абрхт)?, но первое имя — византийское, второе — из позднего Египта, третье — мифологическое, хотя и раннее [один из кентавров, упоминаемый Ферекидом у Поллукса (10, 139)]. Эти имена малоподходящи для нашего случая, так что наиболее вероятным представляется восстановление здесь имени Верх^с, известного в надписи III в. до н. э. из ионийских Эрифр⁹.

Глагол *ijoxXofn* — «полностью истреблять», в среднем залоге — «гибнуть», в том числе и причастие медиального перфекта *ε'οХшХшд* — «погибший» употребительны в поэтическом языке¹⁰. Стоящее в стк. 4 *p.[®]* — «меня» — относится к подразумеваемому при винительном падеже имени Мастора слову *сгфа* или *fiv^a* — «надгробный памятник», что имеет многочисленные параллели среди эпитафий архаического времени¹¹.

Остатки различных в стк. 5 букв вкупе с хорошо сохранившимися *альфой* (она напоминает *po*, но *po* в надписи имеет наклонную нижнюю черту головки, а не прямую) и *тетой* середины строки позволяют, как уже говорилось, реконструировать глагол *хаха&e[xo]* — «поставил». Восстановление здесь не активного залога *хатеОт*, а медиального обусловлено тем, что известна медиальная эпическая форма без приращения — *9εχο*, в то время как активная форма и в эпическом языке имеет приращение. Иначе говоря, хорошо различимая перед *тетой альфа* заставляет восстанавливать форму глагола *х&7]fu* без приращения, т. е. средний залог.

Эпическая форма глагола сама по себе указывает на стихотворный характер эпитафии. Метричность ее текста определялась в первую очередь тем, что винительный падеж имени покойного — *Ма'ахора* — сам по себе образовывал дактилическую стопу. Метрическая схема эпитафии не вполне ясна из-за утраты текста в конце стк. 2 — на-

⁹ Robert L. *Inscriptions d'Erythrai*. - В С Н, 1933, 57, р. 468, 4/0—4/в. И. Канль восстанавливал это имя еще в одной эрийшейской надписи.

¹⁰ Ср.: *Aristoph.*, Рах, 483: ε'οβν>Χορε?.

¹¹ Л. о" P- *Epigrammata*. Berkeley; Los Angeles, 1948, "2 de, 27, 32, 61; с другими словами — 37, 41, 42а, 43, 147.

развитой формой из двух наклонных параллельных гаст (стк. 4)¹⁵. Наряду с невысокой, «ползучей» формой *мю* стк. 1, 4, состоящей из четырех равновеликих гаст, при-
 мыкающих друг к другу под одинаковыми углами, в конце
 стк. 4 присутствует форма с удлинненными пропорциями
 средних гаст буквы, образующих более острые углы¹⁶.
 Отмеченная неустойчивость письма, сочетающая харак-
 терные для VII—VI вв. формы букв с инновациями вто-
 рой половины VI в., как и параллели эпитафии Мастора
 из числа ионийских памятников, предполагает ее дати-
 ровку временем около середины VI в.¹⁷ Особенно харак-
 терно совпадение письма березанского надгробия с другой
 аналогичной надписью понтийского ареала — эпитафией
 Мандрона, найденной на острове Галопе, напротив Ки-
 зика, которая относится ко времени около середины VI в.¹⁸
 Письмо этой надписи включает те же элементы, что и эпи-
 тафия Мастора: сильная разомкнутость четырехчастной
сигмы, наклон *омеги*, сосуществование двух форм *мю* и
ню, слегка уменьшенные размеры *омикрона*, *альфа* с пер-
 рекладиной, касающейся низа левой наклонной гасты,
 наклонный *эпсилон*, *ро* с укороченной ножкой. Последний
 признак, кстати, имеет соответствие в надписи на мелко-
 фигурном килике (рис. 116а), т. е. датированном по не-
 эпиграфическому признаку, что подтверждает датировку
 надгробия, данную по характеру письма: Kleinmeister-
 sciale производились в третьей четверти VI в.

Имя Матор — эпическое, встречается как в «Илиаде»
 (XV, 430; ср. 438), так и в «Одиссее» (И, 158; XXIV,
 452), это *poimen agentis* к [«*τορ.αι* со значением «ищущий,
 стремящийся, желающий»¹⁹. Безусловный источник имени
 нашего березанца — гомеровские поэмы. Наряду с извест-
 ной надписью на светильнике: <β] Χό'ων ε]ι]ι.1 χα]ι σ]αι]ω
 8[εο]τα]iv χαν&ρσμο]ιαiv («поскольку я светильник, то и свечу
 богам и людям»), которая является реминисценцией стиха 8
 из VIII Гомеровского гимна к Солнцу и из «Илиады»
 (XX, 64), это обстоятельство свидетельствует о популяр-
 ности гомеровского эпоса на Березани и в ее метрополии
 уже в первой половине VI в. Таким образом, необычай-

¹⁵ Ср.: Ibid., tabl. 4—43. Агтика, конец VI в.

¹⁶ Ср.: Ibid., tabl. 65—41. Хиос, около 574—550 г.

¹⁷ Ср.: Ibid., tabl. 56—28, 65—41.

¹⁸ Ibid., p. 367, tabl. 72—52.

¹⁹ Ср. вместе с тем: Bechtel F. The historischen Peisonennamen des griecnischen. Halle, 1917, S. 295.

ная любовь ольвиополитов к Гомеру ²⁰ восходит не только к милетским основателям Ольвии середины VI в., но и к березанцам, принявшим, стало быть, участие в основании новой столицы греческого Нижнего Побужья.

Аристократический характер носит и имя Аристоним. Уникальность данного надгробия для Березани и Северного Причерноморья в целом (других столь ранних эпитафий здесь нет) в сочетании с аристократической антропонимикой указывают на нерядовое положение Мастора. На Березани это единственное надгробие и единственный лапидарный памятник доримского времени. Последующие исследования вряд ли добавят значительное количество подобных памятников, поскольку и некрополь, и поселение уже в значительной мере раскопаны. Эта уникальность позволяет заключить, что Матор был одной из значительнейших фигур ранней Березани. Известно, что в колониях первенствующее положение занимали ойкисты.

В нашем распоряжении пока слишком мало данных для того, чтобы судить, к эмпорию или апойкии относится сообщение Евсевия об основании Борисфена в 647 г. Определение Борисфена как *civitas* в сирийской версии «Хроники» Евсевия, разумеется, ничего не дает, ибо это лишь эмендация позднеантичного времени, поясняющая читателю, что такое этот Борисфен. Нам известны керамика и два-три граффити второй половины VII в. (№ 2, 165), но удивительным образом слой этого времени не обнаружен, хотя поселение вскрыто уже в значительной степени. Это может указывать, что в середине VII в. на Березани был основан эмпорий, и, когда взаимоотношения со скифским хинтерландом показали экономическую состоятельность отправления сюда колонии, где-то в начале VI в. сюда прибыла большая партия колонистов. Только с этого времени Березанское поселение стало регулярной апойкией — самостоятельным политическим организмом, протополисом. Об интенсивном наплыве большой массы колонистов говорят развернувшееся в первой половине VI в. широкое аграрное освоение противоположащего побережья и, может быть, смена кремации на некрополе труположением. В любом случае изменение похоронного обряда на протяжении небольшого отрезка времени указывает на изменения в составе населения.

²⁰ *Die Chr.*, XXXVI, 51.

Если верно предположение, что Березань стала апойкией только в начале VI в., то можно думать, что уникальность надгробного монумента Мастора объясняется его положением ойкиста колонии. Обязательному в греческой колонизационной практике обычаю выбирать основателя из аристократической среды вполне соответствует аристократический характер его имени.

Альтерация кратких и долгих гласных в надписи применительно к середине VI в. показывает, что ее автор — Аристоним происходил из ионийского двенадцатиградия, т. е. из малоазийской Ионии. В остальных греческих центрах, в том числе и островной Ионии — на Кикладах, Эвбее, в это время краткое и долгое о еще не различалось на письме. Метрополия Березанского поселения нам неизвестна, но ряд обстоятельств позволяет предполагать первенствующую роль ведущего центра ионийского двенадцатиградия — Милета — в основании апойкии на острове. Помимо общего указания письма надгробия на ионийский додекаполис, думать об этом заставляют следующие данные. Во-первых, Милет был метрополией Ольвии, основание которой около середины VI в., как мы видели, вряд ли произошло без участия березанцев. В третьей четверти VI в. на Березани и в Ольвии действует одно и то же лицо (см. № 116), что безусловно подтверждает тезис о Березани и Ольвии как двух звеньях одной политической системы. Во-вторых, фонетические и графические особенности ранних березанских надписей имеют соответствие в восточноионийских, т. е. малоазийских ионийских, памятниках. Имеется даже изоглосса — передача дифтонга во через **ю**, засвидетельствованная во второй половине VI в. в Милете, а на рубеже VI—V вв. на Березани (милетский список стефанефоров и березанское письмо Ахиллодора). Следы аканья, представленные в письме Ахиллодора, позволили мне высказать предположение о происхождении части березанских колонистов из милетской хоры, пограничной с дорийским Галикарнасом²¹. Наконец, нижеследующие граффити второй половины VII в. или начала VI в. показывают со всей определенностью, что на Березанском поселении этого времени проживали выходцы с островной Ионии (№ 2) и из восточной, малоазийской Ионии (№ 165, где различается

²¹ Яйленко В. П. Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1975, № 3, с. 134—135.

краткое и долгое о). Отсюда следует, что поселение на Березани было основано в середине VII в. выходцами из восточной и центральной (островной) Ионии.

Итак, несколько березанских граффити показывают, что в основании поселения на острове наряду с Милетом принимали участие и другие центры.

1. Инв. АБ 74—260²². Ионийский тонкостенный кувшинчик с ручкой, почти целиком сохранившийся. От основания ручки кругом по тулову идет надпись, завершающаяся у другой стороны ручки: [ἰᾶνῶ ἐὰτ χῶϊσ(6)ϛ] ἄρβατῖ[^]ο; — «я кувшинчик похотливого Идана».

По шрифту надпись датируется серединой—третьей четвертью VI в., на что указывает одновременное употребление трехчастной и четырехчастной *сигмы*: такая графика зафиксирована и на посвященных неким ἰκρ сосудах, один из которых — мелкофигурный килик третьей четверти VI в. (рис. 116а), а второй — хиосский кубок с фризом из вертикальных черточек, нанесенных коричневым лаком на венчик (№ 116).

Надпись Идана характеризуется причудливым смешением черт эолийского и ионийского диалектов. Здесь [ἰσ(6)χτ] — эолийский генетив существительных на —• [jɔ. Название сосуда ἄρβαϊρ: первоначально было вырезано в эолийской форме ἄρῶρσι[^]ος (ср. эолийское γῶρᾱνιγ при ионийских формах на τῶρᾱν-, хотя в целом для лесбосского говора эолийского диалекта более характерно обратное явление — замена о и²³. По-видимому, это написание через о обязано происхождению Идана не с Лесбоса, а из материковой Эолиды (см. ниже). Ионийские черты — вледающие: зл! (при лесбосском и фессалийском §P11N), употребление *эты* и *омеги* (ошибочно вырезанной вместо *оми-*

²² Нижеследующие граффити хранятся в киевском Музее природоведения АН УССР (кроме № 7, 173, 174, 179). Первые две цифры указывают год раскопок (буквы АБ шифра далее опускаются). Номер граффито и номер рисунка совпадают. Рисунки даны в некотором уменьшении. Обычно граффити расположены на наружных поверхностях сосудов, что не оговаривается, отмечаются лишь случаи размещения надписей на внутренних частях сосудов. Все даты — до н. э.

²³ *Виск*, р. 27, 149. Ср. тирское граффито II в. до н. э. с близким названием сосуда: τ!Π! γ,6!jɔ-τ!ρ — («я чаша такого-то») на фрагменте края буролоковой мегарской чашки с пояском ов; от имени владельца сохранилась часть начальной буквы (Белгород-Днестровский музей, инв. 3686). Здесь ἄρβα-Vjρ — вариант слова ἀριγ[^]ρ — «чаша, кубок».

крона в слове $\alpha\iota\sigma\rho\alpha\lambda\epsilon\iota$ при отсутствии их и эолийских алфавитах в целом²¹. Выражение дифтонга $\alpha\alpha$ через β одинаково свойственно как ионийской, так и эолийской графике. Сочетание $\chi\alpha\iota\sigma\rho\alpha\lambda\epsilon\iota$ выражает красис то (= too) с $\alpha\iota$ [$\alpha\alpha$] (ср. $\tau\epsilon\rho\rho\sigma\alpha$) = $\chi\alpha\sigma$ $\epsilon\rho\iota\chi\sigma\epsilon\iota$ в березаиском посвящении VI в.)²⁵

Судя по небольшим размерам, $\alpha\rho\iota\alpha\chi\tau\alpha\omicron\varsigma$ Идана предназначался для парфюмерии. На это же указывает и изображение карлика, сбивающего палкой (суб)тропические плоды, из которых, видимо, и вырабатывались ароматические средства, возбуждавшие «похотливого Идана».

Имя Ἰδανός не засвидетельствовано в греческой и малоазийской ономастике, тем не менее происхождение его довольно прозрачно. Оно явственно намекает на происхождение владельца сосуда из Эолиды, в которой была расположена гора Ида. Имена с основой Ἰδα- были распространены в архаическую эпоху в южной восточногреческой среде, т. е. в малоазийской Ионии²⁶. Аналогичные имена последующего времени обнаруживают ту же дистрибуцию: все они происходят из достаточно удаленных от Эолиды юго-западных областей Малой Азии (Кария, Лидия)²⁷. В этом ареале происхождение имен связано с ионийской глоссой, приведенной Гесихием: Ἰδῆ / []
 $\text{βρ\omicron\varsigma Τροῦα\varsigma Τῆ \text{Ἰατῆ} [] \alpha\iota\alpha\omicron\tau\epsilon \beta\epsilon \chi\alpha\iota \chi\omicron\upsilon\upsilon \iota\chi\eta\iota\alpha\omicron\upsilon\upsilon \tau\omicron\iota\tau\omicron\upsilon. []}$
 $\text{Ἰσογῶ\delta\varsigma \omicron\rho\iota\chi\alpha\iota\beta\omicron\rho\omicron\varsigma}$ «Ида ... горная цепь Трояды, или лес. . . Обозначает также и высокое место. . . Ионийцы же называют так поросшую лесом гору». Поскольку ионийцы вообще называли словом Ἰσῆ поросшие лесом горы, то в их ареале были свои «Иды», служившие основой для образования соответствующих антропонимов. Напротив, эолизмы надписи Идана предполагают непосредственное происхождение его имени от названия большого горного массива Ἰδα , залегающего в Эолиде.

³⁴ Присутствие *ты* в надписях из эолийской Ларисы и Магнезии объясняется влиянием соседней ионийской Фокеи (LSAG, p. 359-361).

²⁶ Schwyzer, № 737. В предварительной публикации во избежание исправления *омеги* я объяснял T01ΦἸΑΝ надписи как патронимик Идана, входящий в группу фригийских имен на Вш .я, но теперь отказываюсь от такого объяснения.

²⁶ Так, в надписях упоминаются родосец Идапеней, галикарнаец Идагиг (LSAG, p. 348, 353).

²⁷ Zgusta L. Kleinasiatische «Personennamen. Prag, 4964, S. 191-192.

Далее смесь ионийских и эолийских черт в языке Идана свидетельствует о не очень долгом еще пребывании этого эолийца в ионийской среде. Он еще не усвоил как следует различие на письме долгих и кратких гласных, о чем свидетельствует ошибочно написанная им *омега*, непривычная ему как эолийцу, на месте *омикрона* в слове $\sigma\rho\omicron\chi\tau\iota\varsigma$. Все это заставляет видеть в Идане колониста середины VI в., прибывшего с массой ионийцев на Березань. Кроме того, граффито Идана — это шуточная надпись владельца, что также свидетельствует в пользу того, что он был жителем Березани, а не залетной птицей.

Таким образом, в колонизации Березани примерно в середине VI в. наряду с ионийцами принимали участие и эолийцы. В Северном Причерноморье это уже третий случай участия эолийцев в основании колоний совместно с ионийцами, что зафиксировано источниками также применительно к Гермонассе²⁸ и, на мой взгляд, к Тире. Дело в том, что в Тире, основанной в VI в. милетянами, т. е. ионийской колонии²⁹, найдено граффито, написанное на неионийском диалекте. Это застольная надпись, прочерченная по краю большого чернолощеного блюда, у краины снизу (рис. 1д, от блюда сохранился фрагмент края³⁰). $\chi\chi\chi\alpha \rho\alpha\tau$ — «отличная ягода».

Форма $\rho\alpha\tau$ указывает на неионийский диалект автора надписи (ионийское $\rho\alpha\tau$), чему соответствует и эолийская или дорийская форма прилагательного женского рода — эолийское $\chi\alpha\chi\alpha$ или дорийское $\chi\alpha\chi\alpha$ (= ионийско-аттическому $\chi\alpha\chi\upsilon$). Время составления надписи близко времени основания Тире — по шрифту она относится ко второй четверти—середине VI в.³¹, что дает *terminus ante quem* для времени возникновения этой колонии. Как памятник, оставленный первыми колонистами Тире, эта надпись чрезвычайно важна для определения того неионийского пласта, который был представлен здесь наряду с ионий-

²⁵ *Eustathii Comm. ad Dion. Per. 549=Arriani Bith., fr. 60.*

²⁹ *Scymni. 802—803.*

³⁰ Белгород-Днестровский музей, инв. 1008. Приношу благодарность дирекции музея, предоставившей тирские граффити в мое распоряжение.

³¹ Характерные формы *альфы* с очень архаичным перекосом перекладки, *ро* на развитом корешке и *лямбды* с разновеликими гасами находят хорошие параллели в сигейской надписи Фанодика, исполненной бустрофедоном и датирующейся примерно серединой VI в., а также в хиосском законе второй четверти VI в. (LSAG, tabl. 65—41, 71—43, 44).

ским. Ключ к решению этой проблемы заключается в определении диалектной принадлежности надписи. Поскольку прилагательное хаХа может быть дорийским и эолийским, для выяснения диалектной принадлежности этой очень краткой надписи мы вынуждены прибегнуть к данным внеэпиграфического характера.

Каких-либо сведений о дорийских элементах в Тире нет, зато привлекает внимание то обстоятельство, что неподалеку от Тиры в устье Днестра известно χῆχῦ Ἐρ[ῖ-
vκxтoσ — «селение Гермонакта». Имя эпонима этого селения явным образом соответствует имени того Гермона, который вместе с Семандром основал боспорскую Гермонассу. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Евстафий в указанном пассаже сообщает, что Гермонасса названа по имени ойкиста Гермона, точно так же как Фанагория — по имени своего основателя Фанагора. Он приводит и другую версию — арриановскую, согласно которой Гермонасса была названа по имени жены Семандра, по смерти мужа унаследовавшей власть в основываемом городе. Арриановское объяснение названия города носит чисто экзегетический характер, что достаточно определенно показал уже С. А. Жебелев³². Поскольку в литературе только что сделана попытка поддержать арриановскую версию, в дополнение к аргументам Жебелева, которых достаточно, чтобы стала ясной несостоятельность арриановского объяснения, приведу следующие данные. Арриановское разъяснение названия Гермонасса основано на народной этимологии топонима. Есть большая группа женских греческих имен, представляющих собой *composita* из *avaasa* — «владычица, предводительница» — и соответствующего эпитета: ΚαΧΧίavaaaa, Auaiávaaaaa, Ἰτρίavaoaa, Ἀρεχάavaaaa и т. д.³³ По народной этимологии в качестве такого женского имени понималось и название Ἐρfj-cῶvaooa с *ω*, получившимся из слияния *ο* и *α*: Ἐρjxo-avaaaa — таким путем и возникла легенда о некоей Гермонассе, якобы правившей (ἄvaaaa!) в названном по ее имени городе. Ошибочность этой народ-

³² С. А. Жебелев (Северное Причерноморье. М.; JL., 1953, с. 67) привел примеры объяснения названий Аррианом: Фасос назван по Фасосу, сыну Посейдона, *Нил* — по Нилу, потомку Атланта, и т. д.

³³ Hansen B. Riickläufiges Wörterbuch der griechischen Eigen-namen. В., 1957, S. 42.

ной этимологии следует из того, что, во-первых, имя 'Ερρ-σὺνασσα не входит в группу composita с ἀνασσα, так как первый ее компонент — не прилагательное, и, во-вторых, ни одно из женских имен этой группы не стало топонимом. Таким образом, версия Арриана содержит только одно реальное зерно: Гермонасса была основана некими эолийцами во главе с ойкистом Семандром из Митилены.

Арриановская традиция в передаче Евстафия носит лакунарный характер — в ней отсутствует упоминание об ионийцах в числе основателей города. В данном случае не столь существенно выяснять, Евстафий ли умолчал об этом в своем пересказе или ионийцы вообще не фигурировали в изложении Арриана. Важно, что географ II в. н. э. Дионисий Перизгет (552) и вслед за ним Евстафий и Стефан Византийский (s. v. 'Ερρ-σὺνασσα) называют Гермонассу городом, основанным и населенным ионийцами. Эта версия подтверждается и уточняется наличием милетского культа Аполлона Дельфиния в Гермонассе, что является свидетельством основания города милетянами³⁴. Другая гермонасская надпись IV в. подтверждает и сообщение Арриана об участии эолийцев в основании города: в эпитафии 'Αχοῦρ 'Αρεατά) патронимик имеет эолийское окончание родительного падежа на -σος³⁵. Таким образом, сообщения литературных источников о совместном основании Гермонассы ионийцами (во главе с милетянами) и эолийцами, в числе которых, судя по этнику Семандра, были лесбосцы, находят подтверждение в эпиграфике города.

В соответствии с греческой колонизационной практикой колониальная экспедиция, состоявшая из двух гетерогенных групп переселенцев, имела двух ойкистов. Предводителем ионийцев, по Евстафию, был Гермон, вождем эолийцев, по Арриану — Семандр³⁰. Поскольку мы

³⁴ КБН, 1038, IV в. О сношениях Боспора с Митиленой в V—IV вв. см.: Syll.³, 212; КБН, 274. Ср. также: *Thuc.*, III, 2, 2: перед отпадением от Афин Лесбос запросил в Понте стрелков из лука, хлеб и пр. Это экспорт, характерный для Северного Причерноморья, и очень вероятно, что Митилона, согласно греческой практике, обратилась за помощью к тамошней своей колонии, каковой была Гермонасса (вряд ли слабая еще Тира — см. ниже).

³⁵ КБН, 1061; ср.: *Schwyzler*, 446 сл.

³⁸ Например, Гелу сообща основали Антифем с родосцами и Эптим с критянами, ойкистами Занклы были Перизрес от Кум и Кра-темен от Халкиды и т. д. (*Thuc.*, VI, 5, 3—5).

выяснили, что жена последнего — чисто этимологический вымысел, ясно, что в основе названия города лежит имя ойкиста Гермона, оформленное топонимическим суффиксом -аааа: "Ερ[ш> + аааа 'ΕρξσιW-ааа. Что это так, подтверждается другим, параллельным названием того же города — Гермония, фигурирующим у Стефана Византийского. Суффикс -аааа сам по себе является свидетельством того, что боспорский топоним был образован по модели, употребительной в Эгеиде: недавние переселенцы дали название новооснованному городу по имени своего ойкиста, оформленному топонимическим суффиксом, употребительным в их метрополиях — Ионии и Эолиде.

Если обратиться к Тире, то здесь можно увидеть ряд соответствий к обстоятельствам основания Гермонассы: присутствуют те же милетские ионийцы, топоним, который можно выводить из имени Гермона, надпись, которую можно считать эолийской, наконец присутствует тот же эгейский топонимический суффикс -ааа. Каждое из перечисленных соответствий само по себе может быть трактовано по-разному, но в комплексе они достаточно однозначны как-свидетельство участия в основании Тиры тех же ионийцев и эолян, которые основали Гермонассу. Прежде всего на основании приведенного комплекса данных очевидна эолийская диалектная принадлежность надписи χαΑα ραϊ, так как какие-либо доризмы, повторяю, в Тире нам не известны. Поскольку этот памятник относится ко времени возникновения Тиры, это означает, что в основании данной колонии наряду с ионийцами принимали участие и эолийцы. Коль это так, загадочный топоним в устье Днестра χιρλ] 'Ερ^wvaχχο? может быть связан не с некоей личностью по имени Ερjuovaε, а с историческим лицом — ойкистом Гермоном: по той же народной этимологии, которая видела в названии Гермонасса слово ααααα—«владычица, предводительница», название χιρλ] 'Ερj-cuvaxxos было образовано из первоначального топонима с основой "Ερjιtov при помощи слова ααα, обозначавшего ранг Гермона как предводителя, ойкиста, т. е. "Ερρον + ααα? с гаплогией > 'ΕρjjuSva?, фиктивное имя эпонима χμλг] 'Ερj.ι^vaχToc. Эта этимологическая операция сама по себе спорна, но в сопоставлении со следующим аргументом продуктивность ее возрастает, я имею в виду присутствие там же, в низовье Днестра, названия Офиусса, имеющего тот же эгейский топонимический суффикс -ааа, что и Гермонасса. Этот

суффикс балкано-малоазийского происхождения³⁷, разнесенный переселенцами по всему Средиземноморью, в Северном Причерноморье представлен в раннее время только в названиях Гермонасса и Офиусса (в римское время известны также Антисса, Асса, Ниосс, Описсас, Спадуса). Само по себе и это могло бы быть случайным совпадением, но, взятое в комплексе тирских соответствий обстоятельствам основания Гермонассы, оно служит показателем взаимосвязи возникновения обоих городов.

Итак, Тира являет собой аналог Гермонассе: оба города основали ионийцы во главе с милетянами и эолийцы; в обоих городах представлены надписи на ионийском и эолийском диалектах³⁸, в обоих пунктах имя одного и того же ойкиста Гермона было увековечено в топонимике, в оба пункта привнесены эгейские названия с суффиксом -оаа, отсутствующим в топонимике других областей Северного Причерноморья. Эти соответствия могут быть объяснены однозначно тем, что соединенная экспедиция ионийских и эолийских колонистов, отправленная Милетом в Понт во главе с ойкистами Гермоном от Милета и Семандром от Митилены, основала Гермонассу на Боспорз и селение около устья Днестра, откуда вскоре колонисты перешли в Офиуссу и далее — в Тиру, если это не два названия одного города. Аналогичным образом мегаряне в Сицилии, прежде чем утвердиться в Мегаре Гиблее, основали два местечка — Тапс и Тротил; и киреняне тоже несколько раз меняли место своего пребывания на новой родине. Поэтому не исключено, что возникновение еще одного незначительного поселения, также именовавшегося Гермонассой, около Трапезунта³⁹, тоже связано с движением экспедиции Гермона.

В ходе греческой колонизации известны подобные экспедиции колонистов, отправляемые со стратегическими целями. Так, еще в VIII в. Халкида выслала колонистов в Сицилию, где они основали сначала Накс, а затем,

³⁷ См.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 60—64; Откунциков Ю. В. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 5 сл.

³⁸ Ср. ионизмы в гермонасских надписях: КБН, 1037 сл. — и в тирских граффити (ср. ἱᾶ тирской надписи, упомянутой в примеч. 23, а также посвящение тирита, найденное в Ольвии. См.: Граффити, № 80).

³⁹ *Stb.*, XII, 3, 17.

несколько лет спустя, Леонтины и Катану на границах освоенной ими плодородной долины реки Симеф. Это была своевременная мера, ибо вскоре стали прибывать в Сицилию колонисты и из других городов. Мегарские колонисты, проблуждав в Сицилии несколько лет, втиснулись между Леонтинами и Сиракузами. Очень показательна в этом отношении предыстория основания и самих Сиракуз. Коринфяне вслед за халкидянами устремились в Сицилию, но решили одним выстрелом убить двух зайцев. Соединенная колониальная экспедиция, включавшая коринфян и некоторых других дорийцев, по пути в Сицилию остановилась на Керкире, лежавшей на италийской трассе, и выбила оттуда эретрийских колонистов. Часть коринфских колонистов во главе с ойкистом Херсикратом осталась на Керкире, а другая часть во главе с Архием двинулась в Сицилию и, подобрав по пути дорийцев, неудачно пытавшихся утвердиться там, завладела плодородной долиной реки Анапы, основав Сиракузы.

Как и в Сицилии, где конкурировали между собой халкидяне, коринфяне и мегарцы, в Понте элемент конкуренции также, по-видимому, имел место, поскольку сюда устремились Милет, островные ионийцы, эолийские центры и Мегара. Как Халкида захватила ключевые пункты пути на Запад благодаря основанию Занклы, Накса и Кум, так и Милет в Понте примерно столетие спустя захватил ключи к важнейшим торговым артериям, основав на Истре (Дунае) Истрию, на Борисфене и Гипанисе — Березань, при Меотиде и Танаисе — Пантикапей. Показательно в этом плане, что основание Истрии и Березанского поселения разделено промежутком в несколько лет; тогда же, судя по одной и той же древнейшей керамике, был основан и Пантикапей. Следующие по значению торговые пути по рекам Днестру и Гипанису (Кубани) Милет освоил уже совместно с эолийцами, основав смешанные колонии Гермонассу и Селение Гермона—Офиуссу—Тиру.

Вернемся, однако, к Березани, к памятникам, свидетельствующим об участии немилетских ионийцев в основании местного поселения.

2.74—37. Фрагмент тулова толстостенного закрытого сосуда со светлой обмазкой и частично рифленной поверхностью. На нем сохранились остатки 4—5 вырезанных ретроградно букв, две из которых очень характерны:

«хвостатое» *rho*, употреблявшееся во многих локальных алфавитах архаической Греции, но не характерное для восточноионийских, т. е. малоазийских, центров Додекаполиса, и следующая налево за *rho* буква в виде трехчетвертной окружности, которая может быть *бетой* или *омикроном* ⁴⁰. *Rho* и *бета* указанных форм употреблялись в алфавитах ионийских среднекикладских островов Наксоса, Делоса, Пароса и колонии последнего — Фасоса ⁴¹. На Дорийском среднекикладском Мелосе также бытовали «хвостатое» *rho* и *омикрон* в форме полукружия ⁴², однако вряд ли стоит думать об участии этого крошечного островка, все внешние интересы которого были ориентированы на Пелопоннес, в колонизационных предприятиях Милета.

Таким образом, надпись содержит следующие буквы (справа от *rho* сохранился правый уголок *ню*): --N P B II--; что предположительно может быть прочитано как --y P giu--; ср. 'A p p t v a x a t письма Ахиллодора (стк. 12) Последнее название я объяснял как топоним карийского происхождения, вынесенный милетскими колонистами (Милет расположен в Карию) в Северное Причерноморье ⁴³. Это позволяет предполагать, что название Березанского поселения в архаическую эпоху, возможно, звучало как ('A) p p i v a x a i или ('A) p p i v a i; ср. упоминаемый Стефаном Византийским и ближе неизвестный город на Понте 'A p | Z a v i o v.

Характер письма граффито очень архаичен. Высокие, размашисто написанные буквы характерны для надписей

⁴⁰ В ряде центров, в том числе Ионии, известна и *гамма* в виде полукружия, но трехчетвертной доли окружности она достигала в редчайших случаях. «Хвостатое» *rho* засвидетельствовано в малоазийской Ионии лишь на посвящении Креза в храм Артемиды Эфесской (середина VI в.). По выражению М. Гвардуччи, «это довольно редкая для малоазийской Ионии форма» (*Guarducci M. Epigraphia graeca. Roma, 1967, 1, p. 264—265*), а по словам Л. Джеффри, «она необычна в Ионии» (*LSAG, p. 339*). На Березани же «хвостатое» *rho* достаточно употребительно, это нормальный здесь узус (см. № 7, 89, 173). Немалоазийское происхождение рассматриваемой надписи подтверждается также тем, что в двенадцатиградье полукружием могла обозначаться *гамма*, и если считать «хвостатое» *rho* восточноионийским, получилось бы бессмысленное сочетание букв N P r.

⁴¹ *LSAG, p. 289, tabl. 56-35, 57-40.*

⁴² *Ibid., p. 321.*

⁴³ Яйленко В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1974, № 1, с. 146.

143
VII—первой половины VI в.⁴⁴ Это древнейший в Северном Причерноморье письменный памятник, который, соотносясь со временем основания Березанского поселения, датируется в пределах второй половины VII—начала VI в.⁴⁰ Следовательно, он оставлен первопоселенцем березанской колонии. Судя по графике надписи, ее оставил выходец из среднекикладского ионийского ареала — Наксоса, Делоса, Пароса — либо колонии последнего — Фасоса. Участие выходцев с перечисленных островов в основании Березанского поселения, на мой взгляд, объясняет загадочное приношение гиперборейцами на Делос завернутых в солому священных даров⁴⁸ как освященную авторитетом Делосского святилища легенду, в основе которой лежали древние попытки установления торговых контактов кикладских ионийцев со Скифией, минуя посредство Милета.

Аналогичным образом и Парос мог иметь свои интересы на Березани, но иначе — через посредство Милета. Из произведений Архилоха, поэта второй четверти—середины VII в., нам известны колонизационные предприятия паросцев во Фракии, но об их интересах в Северном Причерноморье никаких данных нет. Однако имеются сведения о тесных связях Пароса с Милетом, существовавших уже в VII в., а может быть, и ранее⁴⁷ что предполагает возможность участия паросцев в предпринятом милетянами основании поселения на Березани.

4. 74—830. По фр.⁴⁸ dna чл. чаши надпись второй пол. VI в.: ρΧιχε vη--.

⁴⁴ Ср., к примеру, надписи Феры (LSAG, tabl. 61) или на понийской почве — Самоса (Ibid., tabl. 63—1). Близкую графику содержат я надписи 591 г. в Абу-Симбеле.

⁴⁵ К числу древнейших письменных памятников Северного Причерноморья принадлежат нижеследующие граффити № 5, 20, 45, 89, 165, а также № 3: остаток надписи — буква Ε на фрагменте плечей сероглиняного закрытого сосуда типа кувшина (инв. 70—<102). Судя по шрифту, эти надписи относятся к первой половине VI в., а некоторые из них могут восходить еще ко второй половине VII в.

⁴⁸ Hdt., IV, 33—36; ср.: *Alcaeus apud Ilikeri* Decl., 48, 10—11 Col.=Гг. 1 С Р.-L.

⁴⁷ LSAG, p. 294.

⁴⁸ Далее употребляются следующие сокращения: буролак. — буролаковый, гл. — глиняный, ион. — ионийский, кл. — *краснолаковый, лош. — лощенный, пол. — половина, фр. — фрагмент, чл. — чернолаковый, шт. орн. — штампованный орнамент. По большей части граффити сделаны на открытых сосудах для

Данное граффито представляет собой основательный эпиграфический «орешек». За исключением одной буквы Ν, второй справа, значение букв надписи неопределенно. Прежде всего установим, что граффито вырезано слева направо, о чем свидетельствует направление букв Β и Ν. Поскольку значение двух первых слева знаков сразу не улавливается, рассмотрим третий. Он напоминает букву *τι*, но не архаического, а позднеэллинистического шрифта II—I вв. до н. э. с полочкой, продленной за вертикальные черты, левая из которых короче правой. Для архаики такая форма буквы немыслима, и это заставляет думать, что перед нами буква *tau*, которой предшествует сопряженная с ней *iota* или случайная черта.

Если следующий знак читать как *βετυ*, получится невозможное для греческого языка сочетание согласных ΤΒΝ, следовательно, знак Β с характерными острыми уголками вместо полукружий имеет другое значение. В архаических греческих алфавитах такой знак, помимо *βετυ*, выражал краткое и долгое ε в алфавитах Коринфа, Мегары и коринфской колонии Левкады⁴⁹. Заключение о коринфском или мегарском алфавите данной надписи поддерживается первым слева знаком, каковым в алфавитах Коринфа, Мегары и их колоний обозначалась *βετα*⁵⁰. В Коринфе она встречена лишь один раз — дипинто на сосуде VI в., но присутствие ее в Сиракузах, колонии Коринфа, указывает, что это древнейшая форма *βετυ* коринфского алфавита, восходящая еще к VIII в.

Поскольку очевидно, что граффито выполнено не ионийским, а коринфским или мегарским алфавитом (Мегара заимствовала свой алфавит из Коринфа), следует заключить, что последняя буква надписи Η, у правого скола, не *эта*, каковой ни в мегарском, ни в коринфском алфавите не было, а *хета*, выражавшая придыхательное произношение гласного. Следовательно, в утраченном тексте за *хетой* следовала какая-то гласная буква.

питья — киликах, скифосах, чашах и т. д. Ясно, что в большинстве своем это обломки киликов, но, поскольку по сохранившемуся небольшому фрагменту сосуда часто нельзя определить с уверенностью его тип, для обозначения такой посуды пользуюсь наиболее общим определением — чаша. Под ионийской керамикой подразумеваются та же, что обозначается и как «родосско-ионийская».

⁴⁹ LSAG, таблица «Формы букв» в конце книги.

⁵⁰ *Βετα* так обозначалась также на Мелосе, но *эпсилон* здесь имел обычную форму Ε (LSAG, p. 308).

Осталось выяснить значение второго знака L, состоящего из двух слегка перекрещенных гаст, которым в Коринфе и Мегаре, как и в ряде других местных алфавитов, обозначалась *гамма*, но с поворотом усиков вверх или вниз. Однако в нашем случае такое чтение невозможно, поскольку в греческом языке нет слов, начинающихся на Pf- В ряде других алфавитов примерно таким же знаком обозначалась *лямбда*, причем в Коринфе, Мегаре и множестве других центров ее усики направлены вниз, а в Аттике, Халкиде, Беотии — вверх. Второй слева знак нашего граффито можно считать *лямбдой* «халкидского» типа — один из его усиков ориентирован вверх. Интересно, что *лямбда* такой формы встречена в сицилийской колонии Мегары истмийской — Мегаре Гиблее, в надписи на черепке примерно середины VII в. Появление здесь «халкидской» формы *лямбды* может быть объяснено влиянием соседних халкидских колоний Сицилии. Иное объяснение заключается в том, что такая *лямбда* присутствовала в древнейшем алфавите метрополии, в Мегаре истмийской. В таком случае она была бы результатом аттического или беотийского влияния на алфавит Мегары⁵¹.

Предположение об аттическом влиянии на форму *лямбды* нашей надписи может быть поддержано тем, что граффито выполнено на чернолаковом, аттического производства сосуде. Далее, читаемый здесь императив настоящего времени {ЗА,те⁵³ может быть производным от глагола ρΧιχχεiv— «обрезать мед, вырезывать соты из улья» (метафорически — «обдирать»), такое значение образует хороший контекст вкупе с сосудом для питья вина, на котором вырезана надпись. Но не исключено, что ρΧΕε является производным от глагола ρΧταεiv, который представляет собой, согласно грамматике I в. н. э. Эротияну (fr. 16), эквивалент глагола [χαΧαασtv— «мять, смягчать, исцелять». В таком случае присутствие *tau*, а не *сигмы* в нашей надписи также можно было бы рассматривать как аттицизм.

⁵¹ Guarducci M. Epigrafia greca, 1, p. 308.

⁵² Черта, сливающаяся с полочкой *tau*, таким образом, является *йотой*. В коринфском алфавите эта буква имела форму *сигмы*, но примерно в конце VI в. здесь утвердилось написание *йоты* через прямую черту, как это всегда было в Мегаре (Guarducci M. Epigrafia greca, 1, p. 172). *

Из двух возможных значений {ЗХс'хг—«собирай мед» или «исцеляй» — трудно предпочесть одно другому. Может быть, в пользу не первого, застольного, а второго, целительного, значения свидетельствует то обстоятельство, что надпись вырезана на дне сосуда, где застольные надписи, согласно березанско-ольвийскому узусу, не размещались. Но при магическом характере надписи ожидалась бы аористная форма «исцели». Если данная надпись имеет целительный характер, буквы *vh* можно предположительно дополнять как *vh[oi'iao'j]*, т. е. «исцеляй от болезни» (ср. выражения с *fxaXdbas'v*, эквивалентом (ЗХi'actv: vbaou ца-Ха^гб^—«излечишься от болезни»⁵³).

Итак, рассмотренное граффито выполнено дорийцем, но коринфянином или мегарцем? Помимо «халкидской» формы *лямбды*, в Коринфе или его колониях не засвидетельствованной, в пользу мегарского происхождения автора нашей надписи говорит то обстоятельство, что Коринф не имел в Понте никаких интересов или по крайней мере мы о них пока ничего не знаем, в то время как присутствие мегарян в Понте хорошо засвидетельствовано. В Пропонтиде Мегара основала Астак, Калхедон, Селимбрию, Византий, на западнопонтийском берегу — Месембрию, а на южнопонтийском — Гераклею. Последняя, в свою очередь, основала в Таврике Херсонес, который первоначально именовался Мегарикой. Думается, что такое название указывает на участие мегарян в основании Херсонеса.

Был ли автор данной надписи жителем Березани или заезжим деловым человеком, наверняка сказать нельзя. Ясно, что найденные на Березани надписи на столовой посуде в абсолютном своем большинстве оставлены местными жителями (иное дело — надписи на амфорах, где немало записей, сделанных на месте производства амфоры или ее содеращмого, особенно при неоднократном использовании тары). Но, пока на Березани не найдены другие мегарские памятники раннего времени, можно констатировать, что в функционировании Березанского поселения принимал некоторое участие и мегарский элемент, хотя столь лее возможно и заключение о присутствии мегарян в числе насельников Березани. Если это был заезжий

⁵³ *Soph. Phil.*, 1334, а также: *Hippocr. Epid.*, 3, 17.

⁵⁴ *Plin.*, N. H., 4, 85.

человек, то торгово-ремесленный облик Мегары подсказывает, что привело сюда выходца из Мегары.

Определенный свет на состав березанских колонистов и последующих поколений проливают надписи владельцев на сосудах. В Греции очень рано, еще с VIII в., появился обычай вырезать на сосуде имя владельца⁶⁵. Превосходнейшим образцом в этом плане является березанское граффито № 5 — «я принадлежу Смикрию», датированное первой половиной VI в., если не второй половиной VII в. Надписи владельцев обычно вырезались на дне сосуда, т. е. на закрытой его части, с тем чтобы не портить внешний вид посуды. Иногда имя вырезалось полностью, но чаще всего — в сокращении⁶⁶. Менее часты сокращения имени и патронимика, но мы не всегда в состоянии отделить одно от другого, так как они обычно ничем не отделялись друг от друга. Например, граффито № 44 ЕШХА может быть и сокращением имени (например, 'Eitfyapfios), и сокращением имени-отчества владельца [например: Эпи(крат), сын Ха(ридема)].

Полных имен жителей ранней Березани нам известно немного, до трех десятков (мне доступны не все материалы). Для VI в. зафиксированы имена 'ISavo; (№ 1), Efifxpt; (№ 5), Tu'cov (№ 166), Mf|xpc68o)po; (№ 7), MeXt^t] (№ 173), Maaxcop, 'Aptaxciuvij]Log (надгробие Мастора). К рубежу VI—V вв. относятся имена Ntxoa9jstvTi?], (£)M£xt] ⁵⁷ вгрлахо? (№ 115), t'AvSpo- или ПоХи^е^? (№ 6), 'Hугрт'поХиг (№ 114), Прсохауор]?, 'Ava^ayop]Tjg, Махаaug, 'A^XXoScopog (письмо Ахиллодора). К V в. относятся имена Пóзк;⁵⁸, 'Архефрт]g (№ ИЗ), 'AтoXXo-р-Ьтд (№ 167), 'Ap^ттоX-г], 'Ixsato; (№ 175), Alaypog (№ 179), к III в. — Фoхое (№ 182). Характер перечисленных имен различен. Одну группу составляют «высокие», аристократические имена — Мастор, Аристоним, Темистос, Никосфен, Посий, Архепола, Гегесиполид, Анаксагор, Протагор, (Андро- или Поли)ксен и теофорные — Ахиллодор, Аполлофан, Тихон, Гикесий. Интересно, что чисто теофорные имена — Аполлофан и Ахиллодор — образованы от имен наиболее почитавшихся на Березани божеств (см. ниже). Другую группу образуют

⁶⁵ Например: LSAG, p. 347: 9°P«*o — «я килик Корака» (Родос, VIII в.).

⁶⁶ О типологии граффити см.: Граффити, с. 72 сл.

⁷⁷ Там же, № 27, 28.

⁸⁸ Там же, № 44.

простонародные имена — Идан, Смикрий, (С)Мика, Мелесия, Матасий, Артемес, Метродор. Отдельно стоят мифологические имена — Леагр и Фок; оба имени засвидетельствованы на черепках с надписями — школьными упражнениями, так что не исключено, что это — не имена учеников, выполнявших упражнения, а проходимый в школе мифологический материал.

Ниже следует подборка имен, сокращений имен или имен-патронимиков, впервые позволяющая составить представление об антропонимической номенклатуре Березани. Сначала — полные имена.

5.69—143. Серогл. чернолощ. миска (в глине много блесок), отбита примерно на треть. На стенке, под отверстием для подвешивания, расположенным у самого края, граффито: Εἰῖ-ἰχρῶν εἶρη — «я принадлежу Смикрию».

По характеру письма надпись имеет аналогии, датируемые в пределах первой половины VI в. (в частности, посвящение сыновей Анаксимандра, около 611—546 гг.)⁵⁹. Формы *сигмы*, *ро*, *ипсилона*, уменьшенные размеры *омикрона* характерны и для более раннего времени. Если граффити № 2 и 165 дают представление о характере письма второй половины VII в., то граффито № 5 — раннего VI в. Имя Εἰῖχρῶν («маленький») ономастическим справочником Б. Хансена не засвидетельствовано. На Березани зафиксировано я?енское имя того же значения (Ε)ΜΙΧῚ7j⁶⁰.

6.71—291. Поздний VI в. По фр. дна чл. чаши: [ʼAv8pou-или ποXῖj]·ῖivE[ῖo] — «сосуд (Андро- или Поли)ксена».

Имя ΕἰῖVΓ] ономастическими справочниками не засвидетельствовано, на Ϝ известны имена 'AvSpou^evrj; и ПоХо^тц?⁶¹. Березанское имя содержит два ярких ионизма: генетив на -ею и в, растяженное в еἰ вследствие утраты сонанта (из $\text{ε}v\text{F}$ -). В ранних ионийских надписях засвидетельствованы имена с той же растяженной основой Ssivq̄rΓ], Νετвосράβεογ, Προ^eivog и др.⁶² Присутствие на Березани имени с элементом «ксен», конечно же, отражает торговую направленность местного поселения⁶³.

⁵⁹ LSAG, tabl. 64—23; ср. 4 и 27 на той же таблице.

⁶⁰ Граффити, № 28.

⁶¹ Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch, S. 165.

⁶² Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, 2, 1959, S. 262.

⁶³ Кстати, о ироксени. Пользуюсь случаем добавить к списку реконструированных мною проксений (см.: Яй-

- 13.66—349. V—IV вв. По фр. стенки чл. чаши, у дна: А.
- 14.74—373. V в. По фр. круглого основания чл. сосуда остатки *альфы* или *эты*.
- 15.75—382. VI—V вв. На фр. дна чернолощ. чаши в середине крест, у ободка подставки: как будто А и Г или I.
- 10 70—360. V—IV вв. По дну от серогл. чернолощ. миски: 'Av в лигатуре.
- 17.70—225. V в. По фр. дна чл. чаши: 'Apeí и остатки другого граффито. Возможно, текст был и перед альфой.
- 18.72—67. V в. По фр. дна чл. чаши: 'Apt, напротив Д или Дь.
- 19.64—973. V—IV в. По фр. дна чл. чаши: кажется, остаток имени в генетиве -- to и монограмма 'Apt.
- 20.70—383. Вторая пол. VII—первая пол. VI в. По фр. дна ион. чаши с красно-буролок. орн. ретроградно: Ao.
- 21.75—314. IV в. По фр. дна чл. чаши: Aa и N, кажется, соединенное чертой с *ипсионом*.
- 22.75—1056. V—IV в. По фр. дна чл. чаши монограмма: At (ср. № 19).
- 23.62—313. V в. По фр. круглого основания чл. чаши: A/, возможно, с продолжением.
- 24.72—438. V в. По фр. дна чл. чаши: A^, возможно, следовало продолжение.
- 25.69—88. VI—V в. По фр. конического основания чл. сосуда: B.
- 26.75—860. Около V в. По фр. дна ион. чаши: B.
- 27.75—49. VI—V в. По фр. дна ион. чаши с буролок. крестом на середине донца изнутри (граффито — снаружи): B̄i (P̄i ?)⁶⁴.
- 28.74—287. IV в. По фр. конического основания чл. сосуда: Д.
- 29.69—16. IV в. По фр. круглого основания чл. сосуда Дг] в лигатуре.
- 30.64—1132. VI—V вв. По фр. стенки ион. закрытого сосуда: 8-г]fj.[baiov] (в группу надписей владельцев отнесена условно, ибо это скорее маркировка полисного имущества).
31. Без инв. номера (лежит с находками 1974 г.). V в. По фр. дна чл. закрытого сосуда типа лекифчика: Ди
- 32.66—372. V в. По фр. дна чл. чаши: Дь.
- 33.66—370. Около V в. По внутренней боковой плоскости конического основания чл. чаши: Ai.

- 34.63—871. IV в. По фр. дна чл. чаши: Aia.
- 35.60—1101. VI—V вв. Но фр. дна ион. чаши с кл. декором: E или A.
- 36.64—594. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: E.
- 37.75—1061. VI—V вв. По фр. дна красногл. сосуда: E.
- 38.75—780. Около V—IV вв. По фр. дна чл. чаши: E.
- 39.64—618. V в. По фр. дна расписной чаши: E.
- 40.64—1086. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: E, возможно, было продолжение.
- 41.67—329. V в. По фр. дна ион. сосуда с чл. орн.: E, возможно, было продолжение.
- 42.60—834. V в. По фр. дна ион. буролак. чаши E.
- 43.72—262. VI—V вв. По дну от серогл. лош. чаши E£ (менее вероятно E6£ с лигатурой).
- 44.74—231. V—IV вв. По дну фрагментированной чл. чашечки 'Eтц^а или 'Eти Ха.
- 45.64—613. Первая пол. III середина VI в. По дну от фрагментированного ион. флакончика с орн. из кл. поясков: Ep.
- 46.60—1024. V п. На тонкостенном коническом основании ион. чаши с буролак. орн.: Eй (?).
- 47.72—489. Около V—IV вв. Но фр. края серогл. миски: 'Hр в лигатуре.
- 48.66—294. Около V в. По фр. дна чл. чаши со шт. орн.: кажется, Hр в лигатуре или HД.
- 49.75—1221. VI—V вв. По дну сосуда: во.
- 50.66—96. VI в. По фр. круглого основания чл. сосуда: la или черта и *альфа*⁶⁶.
- 51.63—875. III—II вв. По внутренней боковой грани конического основания фрагментированного блюда: Ni с предшествующей чертой.
- 52.64—864. Около V в. По фр. дна чл. чаши: Iт.
- 53.75—ИЗО. По фр. дна чл. сосуда K.
- 54.69—55. V в. По круглому основанию от чл. сосуда Ki.
- 55.67—433. Вторая пол. VI в. По коническому основанию небольшой ион. буролак. чаши: KXe.
- 56.75—888. По фр. дна чл. чаши: A или V.
- 57.75—800. Около V в. По фр. дна краснофигурной чаши: A или V.
- 58.75—199. Около V в. По фр. дна ион. чаши: A или V.
- 59.69—17. IV в. По фр. дна чл. сосуда: A с предшествующим прочерком.

⁶⁶ Ср.: Там же, № 40.

- 60.64—962. V—TV вв. По фр. дня чл. чаши со шт. ори. из пояска ов и пальметок, возможно: As в лигатуре.
- 61.74—475. VI—V вв. По дну от ион. буролак. чаши с пурпурным колечком на внутренней плоскости (граффито—снаружи): A-ḡ (буквы расположены по вертикали).
- 62.66—13. V—IV вв. По фр. горлышка чл. сосуда: AP. Кажется, лучше читать: Ap.
- 63.75—333. V в. По фр. серолощ. миски: Ли.
- 64.75—1251. V в. По фр. дна чл. чаши: Ли.
- 65.74—263. V в. По фр. дна. ион. чаши с лаковым орн. два граффити: изнутри — прочерк, снаружи, вероятно: AX в лигатуре. Очень вероятно, что данное граффито относится к числу магических знаков (см. № 150 сл.).
- 66.75—323. Около V в. По фр. дна чл. сосуда: M или E.
- 67.71—480. Около V в. По дну серогл. подлощеного закрытого сосуда: M или E.
- 68.64—668. VI в. По фр. дна чл. чаши, возможно: M, или E.
- 69.63—879. V—IV вв. По фр. круглого основания чл. сосуда: Me в лигатуре.
- 70.75—991. V—IV вв. На фр. ион. светильника: Mḡ в лигатуре и черта.
- 71.72—244. Вторая пол. VI в. По фр. дна ион. чл. чаши: мутл.
- 72.67—545. V в. По фр. дна чл. чаши со шт. орн. из пальметт и веерообразно расположенных пластин: Mo в лигатуре или No.
- 73.64—397. VI в. По дну от красногл. небольшого закрытого сосуда: ретроградное N.
- 74.69—114. IV в. По дну от чл. чаши: OЦ; ср. № 172.
- 75.69—270. V—IV вв. По фр. круглого основания чл. сосуда: =f=, возможно, следовало продолжение.
- 76.72—126. IV в. На внутренней боковой стороне конического основания чл. сосуда небрежно процарапано: ф.
- 77.72—68. IV в. По дну от чл. чаши со шт. орн. из пальметок в точечном кругу: Ee Pi.
- 78.66—97. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: Eja; ср. № 5.
- 79.64—1053. Около V в. По фр. края серогл. миски: TY.
- 80.60—745. V—IV вв. По фр. дна серогл. серолощ. чаши: Гтс.
81. 64—667. V—IV вв. На массивном круглом основании чл. чаши **Ха**, дважды.
- 82.66—179. V в. По фр. дна чл. чаши: XX или два креста.

Окончания надписей владельцев:

83.64—1234. V—IV вв. По фр. дна буролак. ион. чаши: остатки *альфы*. Возможно, был предшествующий и последующий текст.

84.64—1087. V в. По фр. круглого основания чл. сосуда: окончание имени на ~~30~~ *рe* в родительном падеже, в которое почему-то вписаны буквы N и O.

85.75—1243. VI—V в. По фр. дна ион. сосуда: кажется, остаток имени в родительном падеже: *εfljxf?*].

86.69—56. V—IV в. По фр. круглого основания чл. сосуда: [--]yXa-- или [--]x\а--.

87.70—372. VI—V вв. По фр. дна чл. чаши: возможно [(той *εεTvo<εi]k*].

88.62—283. VI—V вв. По фр. основания чл. чаши: то же.

89.69—505. Вторая пол. VII—VI в. По фр. конического основания чл. чаши, снизу: [?- -] P. «Хвостатая» форма *po* свидетельствует о происхождении автора надписи с островной Ионии (см. № 7 и примеч. 40).

§ 2. Сакральная жизнь Березанской колонии

Культы Березанского поселения по составу пантеона несколько отличаются от культов метрополии. Если в Ольвии основное милетское божество — Аполлон Дельфиний — также было главным, то на Березани наиболее популярными божествами были Ахилл и Аполлон Врач. Такая разница в сакральной жизни между Ольвией и Березапыо объясняется тем, что Ольвия была колонией Милета, между тем как при основании Березанского поселения Милет играл первенствующую роль, но не более: лицо поселения образовывали несколько гетерогенных групп переселенцев, каждая со своим излюбленным пантеоном божеств. Надписи показывают, что на Березани почитались Афина, Аполлон (в том числе Врач и Дельфиний), Артемида (в том числе Эфесская), Афродита (в том числе Апатура), Ахилл, Гермес (в том числе Отчий), Дионис — Вакх, Диоскуры, Зевс (в том числе Спаситель), Тиха.

Вряд ли на небольшом острове были святилища всех перечисленных богов. Граффито № 97 показывает, что здесь было святилище Аполлона. Раскопками Скадовского на некрополе в погребениях были обнаружены сосуды с посвятельными надписями Афродите Апатуре,

Гермесу, Дионису. На этом основании можно полагать, что святилищ указанных божеств на острове не было. Посвященные богам без храмов сосуда хранились в домах посвятителей, по смерти которых клались в могилу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посвятительные граффити Березани имеют множество точек соприкосновения с ольвийской эпиграфикой. Помимо общих божеств пантеона, свидетельствующих о том, что в обоих центрах в основном почитались одни и те же культы, привлекает внимание, что на Березани и в Ольвии действуют одни и те же лица (№ 111, 116), проявляются одни и те же политические события (№ 107—108), проводятся одинаковые сакральные мероприятия (№ 99). Все это свидетельствует о том, что с третьей четверти VI в. (датировка граффито № 116) Березань и Ольвия составляли единый политический организм.

90.70—122. V в. По фр. нижней части горлышка серогл. сосуда типа кувшина: [? 'A&7]]v̄ai—«Афине».

91.67—149. V—IV вв. По фр. дна чл. чаши со шт. орн.: [(i) SsTva)--]va 'A^pfoStt^t]—«--на *посвятила* Афродите».

Посвящения Афродите на Березани и в Ольвии размещались равно как на доньях, так и на открытых частях сосудов, что свидетельствует, пожалуй, не о храмовом, а о домашнем культе этой богини. Как показывает данное граффито, в отличие от множества других посвящений различным божествам, сделанных мужчинами, посвящения Афродите делались и женщинами, что имеет аналогии, например, в посвящениях, найденных в навкратийском святилище этой богини, где на десятки посвящений, сделанных мужчинами, приходится несколько посвящений, сделанных Филидой, Доридой и т. д.⁶⁸

92.71—170. V в. По фр. стенки чл. чаши: ['A(p)poſt[xTjt]—«Афродите» (либо родительный падеж).

93. Без инв. номера, находка 1966 г. V в. По фр. венчика чл. чаши: [(6 или ч) 5eiva) 'Acpo-κ']xt] av&Yjfxev] «*такой-то (такая-то) посвятил(а) Афродите*».

После *эты* текст надписи разделялся ручкой сосуда. Утрата йоты в флексии дательного падежа имела место в ионийских надписях с VI в.,⁶⁷ так что в посвящениях № 91—93 можно читать нейотированные окончания, как в № 94.

⁶⁶ Naucratis. L., 1888, 2, p. 62 f.

⁶⁷ Thumb A., Scherer A. Handbuch. . . , 2, S. 254.

94.71—196. V—IV вв. По фр. стенки с краем чл. чаши: 'A<p]po8f(xir)— «Афродите».

95. Без инв. номера, находка 1966 г. V в. По фр. венчика краснофигурного открытого сосуда: |'AtcoXX]иж — «Аполлону».

96.74—408. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: Γ'lrjxJpup—«Аполлону Врачу».

Раскопками Штерна 1906 г. на Березани был найден фр. плечиков толстостенного расписного сосуда (диноса?) стиля Фикеллур с надписью VI в.: Γ'АποXXиφод φρ.1 'Щ|хрб] — «я принадлежу Аполлону Врачу»⁶⁸.

97.71—540. V в. По фр. венчика чл. чаши: 'АποXXиφод— сокращение теонима: ((*собственность святилища* Аполлона», скорее всего храмовая маркировка, как и ΔεX или Γrj] на сосудах с ольвийского теменоса^{68a}.

98.75—301. Третья четверть VI в. По фр. венчика расписного мелкофигурного килика: ΔεX<pm'5 — «Аполлона Дельфиния»⁶⁹.

99. Без инв. номера, находка 1966 г. Рубеж VI—V вв. По фр. горла чл. сосуда типа кувшина, под профилированным венчиком двустрочная надпись: [e1x]o3тr^ 'Aipj[6XXu>VI--]—«двадцатина — Аполлону» (в стк. 2 сохранились следы двух букв). Такое чтение соответствует надписи рубежа VI—V вв., т. е. того же времени, что и наша [-Ae]X<pvtoj eixooxTjfv], найденной на ольвийском теменосе⁷⁰.

⁶⁸ Присутствие Аполлона Врача в текстах на амулетах, т. е. на средствах целительной магии (№ 131—137), достаточно проясняет содержание культа этого божества на Березани и опровергает нелепые домыслы об Аполлоне Враче как «божестве — покровителе первых колонистов» (см.: *Виноградов Ю. Г. Русяева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии.* — В кн.: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.* Киев, 1980, с. 30—31).

^{68a} См.: *Ольвия. М.; Л., 1964, с. 141—142, а также с. 164: Δελφι (на дне сосуда).*

⁶⁹ После моей публикации 1979 г. это граффито переиздано: *Виноградов Ю. Г. Русяева А. С. Указ. соч., с. 29.*

⁷⁰ *Ольвия, с. 150.* Издатель ольвийской надписи Е. И. Леви понимала eixootr] как указание на то, что посвящение было сделано в двадцатый день месяца (там же, с. 146). Это мнение в целом разделили Ю. Г. Виноградов и А. С. Русяева (Указ. соч., с. 39—42). Ж. и Л. Роберы (*Bulletin épigraphique.* — REG, 1967, № 398) и М. Ладзарини (*Lazzarini M. Le l'ormulo delle dediche votive nella Grecia arcaica. II., 1976, p. 93*) указали на то, что eix<mirj — это 1/20 часть доходов посвящителя. Вспыльчивый падеж eixoox^v в березанском граффито безусловно свидетельствует об ошибочности пер-

Согласно этим надписям, святилищу Аполлона выделялась двадцатая часть какого-то имущества, например добычи или доходов, либо пятипроцентный пошлинный сбор (не случайно Ольвия и Березань — портовые пункты). Формально возможно и другое чтение: --ог Z^{va}--, но постановка теонима в винительном падеже не характерна для посвячительных надписей (в обоих случаях чтения тип надписи — посвячительный по присутствию теонима) как Греции в целом, так и Нижнего Побужья в частности. Поэтому черта под *tau* — случайного происхождения.

100.74—410. V в. По фр. края солонки, под профилированным венчиком: [ʼApJxšju ʼE<pv|æctʼl] — «Артемиде Эфесской».

101.66—351. VI в. По фр. венчика чл. чаши: [ʼA/iXJXsT — «Ахиллу». От *лямбды* сохранился нижний конец правого усика, причем игла здесь соскочила направо.

102.63—472. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: [δ Sstva ʼA/iXXeT a|v&7xsvʼ] — «*такой-то* посвятил Ахиллу».

103.64—169. По фр. дна чл. солонки: ʼAʼiXXIwg — «Ахилла».

104.75—1213. V в. По фр. венчика чл. чаши: [Дюуʼфин Βαfx^mt] — «Дионису Вакху».

105.74—640. VI в. По фр. горла (с венчиком) расписного ион. кратера в середине лакового кружка вырезано Ia, вероятно, сокращение эпиклеса Диониса ʼIa(x^og) — «Иакх».

106.64—909. VI в. По фр. венчика буролак. чаши: [Д]юзx|pɔiai] — «Диоскурам»⁷¹.

107. Без инв. номера, находка 1971 г. Но фр. стенки чл. чаши изнутри: [Ai]og Eш7.рo[д] — «Зевса Спасителя».

108.72—73. По фр. венчика чл. чаши: [Ato| Eumjɟrog] — «Зевса Спасителя».

По характеру письма и лака посвящения № 107—108 относятся к первой половине V в. Культ Зевса Спасителя обычно вводился в городах по случаю избавления от какой-то большой опасности. Ликвидация аграрных поселений ольвийской хоры на рубеже первой — второй четвертей V в. и концентрация ее населения в Ольвии⁷², без сомнения, были связаны с внешней угрозой — с опасностью.

вой точки арония: если бы имелось в виду, что посвящение сделано в двадцатый день, это слово стояло бы в дательном падеже — εχοαΓ-τj

⁷¹ Ср. аналогичные носвящсшы nonнийцев Диоскурам в Накратисе (Naucratis, 2, с. 67). См. также: Граффити, № 67.

⁷² Крыжский С. Д. и др. К истории ольвийской округи. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья, с. 7.

происходившей от кочевых скифов. Скорее всего избавлению от этой скифской опасности и обязано введение культа Зевса Спасителя в Ольвии и на Березани.

109.64—892. VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши, возможно: [(6 Betva)--]ov Su)[x̄Y.pt]—«*такой-то посвятил Спасителю*», но в целом контекст неясен. Заслуживает внимания двухчастная *сигма*.

110.75—1214. V в. По фр. венчика чл. чаши: 'Eppλ̄l Παχ-Ιροίολι.— «Гермесу Отчему». Вероятно, в данном случае Гермес выступает в качестве покровителя семьи.

Далее следуют несколько надписей с именами посвященных и сильно фрагментированные посвящения.

111.65—226. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика килика: ['Avaʃ]app7ig pē av[e&7]xev]—«меня посвятил Анаксагор».

Это посвящение синхронно еще одному посвящению Анаксагора, найденному на теменосе Ольвии: 'Avaʃ[a-•forT]g- -]⁷³. Этот Анаксагор идентифицируется с влиятельным лицом того же имени, фигурирующим в письме Ахиллора⁷⁴.

112.66—265. V в. По фр. стенки ион. чаши с красными полосами изнутри, по внутренней же поверхности процарапано и граффито: APIS. Две первые буквы даны в литературе, так что вероятно чтение: 'Ap Ia, включающее сокращение теонима Артемиды или Арея и сокращение имени посвятившего. На внутренней стороне сосуда посвященные надписи вырезались крайне редко; см. также № 107.

113.69—34. V в. По фр. венчика чл. расписной чаши: 'Архерιτο— «*посвящение Артемеса*».

Размещение надписи владельца на венчике сосуда не характерно для ольвийско-березанской практики⁷⁵, что и подтверждает другое аналогичное граффито с поселения Варваровка (раскопки 1938 г.): 'Архер.-?)д—«Артемес» — на фр. дна канфара, безусловно, являющееся надписью владельца. По мнению В. В. Рубана, это граффито датируется первой половиной III в.⁷⁶ Видимо, мы имеем дело если не с одним и тем же лицом (что предполагало бы уточне-

⁷³ Ольвия, с. 152.

⁷⁴ Подробную характеристику его см.: Вопросы интерпретации. . . с. 135.

⁷⁶ См.: граффити № 114—118. Относительно Ольвии см.: Граффити, № 76-80.

⁷⁵ См.: ВДИ, 1977, № 2, с. 152.

ние датировки нашего и варваровского граффито), то с традиционным сохранением редкого семейного имени. 114.74—409. Рубеж VI—V вв. По фр. венчика чл. чаши: [HfTptToXifi:] «Гегесиполид», имя посвяtitеля, которой могло стоять и в родительном падеже.

115.70—617. Рубеж VI—V вв. Но венчику фрагментированного чл. килика: [-] вѣ^ютю? «...Фемист».

Наклонная гаста перед *тетой* принадлежит, скорее всего, *альфе*, видимо, перфектному окончанию áyatéd^ха — «я посвятил, Фемист». На ионийской почве это имя имело форму ©ejj.toxTg (Милет, III в.), в других местностях — ©sfítaxos, как в березанской надписи, что может служить основанием для предположения о неионийском происхождении посвяtitеля.

116.70—315. Середина VI в. По фр. венчика ион. чаши с орн. из трех вертикальных полосок коричневого лака: Етр. сокращение имени посвяtitеля. Он же посвятил в одно из святилищ Ольвии чернофигурный килик с тем же сокращением своего имени⁷⁷. Указанный обломок мелкофигурного килика из Ольвии датируется по росписи третьей четвертью VI в., чему соответствует трехчастная *сигма* березанского посвящения. Отсюда следует исторически существенное для выяснения вопроса о соотношении Ольвии и Березани в VI в. заключение, что уже в третьей четверти этого столетия в обоих центрах действовали одни и те же лица, т. е. оба пункта были двумя элементами политически единого организма.

117.63—645. По фр. профилированной стенки (с курватурой) чл. сосуда: [(o SeTva той)--] отб це afvsd-rjxev]—«*такой-то, сын--опа, посвятил меня*».

118.74—351-(417. V в. По фр. верхней части тулова ион. буролак. чаши: [-]? pi áve[&irixsvj]—«*такой-то посвятил меня*».

119.75—1252 [(?) есть и другое граффито с тем же номером]. V в. По фр. венчика чл. чаши: -SEP--. Наиболее вероятным представляется чтение [Дкз]д. 'Epfjjiio] или [Джэд Earffjpo]?, 'Epfjxéco] по аналогии с пантикапейским граффито Д105 XWripoc. 'EpfisíD 'Aya&(5) — «Зевса Спасителя, Гермеса Доброго»⁷⁸. Но не исключено и иное чтение, вроде [Д'6]

⁷⁷ Граффити, № 78.

⁷⁸ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, с. 100.

Ερ[χεῖο]—«Зевса Геркия» — эпитет Зевса как семейного Покровителя.

1⁴⁰.74—625. VI в. По фр. края лутерия (или массивной щЫшки), под профилем остаток надписи: Ε, возможно, от слова [av&ex]e.

Граффити предоставляют в наше распоряжение большой материал по изучению народных верований — культовой магии. Известно, что в Нижнем Побужье значительную роль в культовой магии играло местное божество хтонического характера — Ахилл. Неожиданным образом, судя по нижеследующему материалу, немалая роль в магических актах принадлежала Аполлону, а именно Врачу (№ 131—136). Впервые фигурирует в магических действиях и Добрая Судьба (№ 121). Объектом магии могли быть как целые сосуды, на которые наносились изображения целительных, солярных и иных символов, так и обколотые черепки прямоугольной, круглой или эллиптической формы — амулеты, на которых вырезалось изображение соответствующих предметов (например, корабль, человек, глаз, птица, дерево, символ водной стихии и т. д.), всевозможного рода значки, буквы и слова. В примитивных обществах знаки письменности сами по себе обладали магическими свойствами, что, например, хорошо засвидетельствовано в отношении скандинавских рун. Аналогично и греческий алфавит был средством магических упражнений⁷⁹, что впервые в Северном Причерноморье с определенностью засвидетельствовано надписями № 139 и сл.

Характерная черта амулетов — затертость их краев и середины: керамический фрагмент терся о твердую поверхность и, поскольку он обычно имеет кривизну, одна сторона затиралась по краям, другая — в середине. Часто на амулетах по краям делались выщерблины — зазоры для привязывания бечевки и ношения их на теле. 121.64—933. Поздний VI в. Фр. стенки чл. чаши, превращенный в амулет прямоугольной формы. Судя по тексту, амулет слегка фрагментирован слева и примерно наполовину — справа. Обратная сторона затерта по краям, на лицевой стороне затерта поверхность подстк. 2. Надпись двустрочная: Τι^υ 'Αφρα&^j EμπJ/pcovos — «Счастливой Судьбе Софрона» (вариант: «от Софрона»).

⁷⁹ Dornseiff F. *Das Alphabet in Mystik und Magie*. В., 1925.

Граффито содержит обращение от лица, назвавшего себя по имени, к богине судьбы Тихе. Первая буква стк.24-ро или *фи*, в зависимости от чего можно читать разное имена.

122.62—161. V в. Фр. амулета из стенки чл. чаши. Края амулета на лицевой стороне (внутренняя сторона < черепка), где помещена надпись, затерты. От надписи/сохранились последние буквы: - - ЕМ. Контекст неясен.
123.67—147. VI в. Амулет из фр. серогл. чернолощ. закрытого сосуда, обколотого в форме диска. Содержит только букву Е неясного значения.

Далее следуют магические упражнения, адресованные Ахиллу.

124.75—1136. V в. Пластинка талькового сланца с надписью: 'Ауyl& — «Ахиллу», изображением головы змеи и многочисленными другими знаками. Знак в форме *ипсилона* — начальная буква слова *oufeia* — «здоровье» или *u"Γ*^{cl(XivElv)} — «быть здоровым» и т. д.⁸⁰ Как я покажу в специальной работе, головка змеи в данном случае, как и изображения змей на других граффити, воплощает в себе само божество — Ахилла.

125.71—110. V в. Дно чл. чаши со шт. орн., обколотое в форму диска. На внутренней стороне дна: 'Ау, А и другие буквы и значки с множеством прочерков. В середине — изображение птицы (кажется, журавля)⁸¹.

126.61—472. V в. На амулете из фр. венчика чернофигурного килика надпись: ['A^]tXXe† — «Ахиллу» с прочерками.

127.64—421. V—IV вв. По венчику целой одноручной чаши 'Ау и А, между которыми — разура, сглаженное место.

128.74—559. IV—III вв. На фр. венчика чл. чаши — елочка, изображение дерева. На Бейкуше, лежащем на побережье напротив Березани, раскопками А. С. Русяевой найден известный комплекс амулетов, связанных с культом Ахилла, и на некоторых из них представлена елочка.

129.67—673. IV—III вв. На фр. конического основания чл. чаши — елочка.

⁸⁰ См.: Граффити № 87а.

⁸¹ Ср. там же, № 85 (изображение птицы). О магических свойствах птиц см.: *Aristimpli. Aves, 710 sq.*

130.62—470. На фр. стенки эллинистической красногл. амфоры — елочка.

\ Далее следует группа магических надписей, адресованных Аполлону.

131.72—125. Черенок V в. Амулет из фр. стенки чл. чаши. На ^лицевой стороне — буквы 'Ал, сокращение теонима Аполлон и множество Г-образных знаков, символизирующих испрашиваемое у божества исцеление. Ясно, что при этом подразумевалась ипостась Аполлона — Врач, упоминаемый в надписях № 96, 135 сл. На оборотной стороне — прочерки, в том числе Г-образные.

132.71—350. Амулет из донца чл. чаши, на внутренней стороне — буквы 'Атг и различные знаки.

133.68—211. Амулет из обколотого в квадрат фр. стенки чл. чаши с буквами 'Ая в лигатуре, дополненными прочерками. Один из прочерков добавлен к горизонтали *альфы* так, что получилась лигатура 'Iатp(ó?).

134.71—541. Амулет из донца чл. чаши с буквами 'Атг, Т, Г и прочерками.

135.72—90. Черепок V—IV вв. Амулет прямоугольной формы, обколотый из стенки чл. чаши, с зазором для подвешивания на бечевке. На обеих сторонах — одна и та же надпись, включающая лигатуру 'Атс и Т. Буква Т, видимо, с предшествующими буквами образует сокращение эпиклеса Чатрбд.

136.70—74. V в. Фр. дна чл. чаши с буквами IAT -Icrc-(pog) и прочерками. К концам горизонтали *тау* причерчены вертикальные гасы, так что получилась буква П, а в целом — 'Атс, начальные буквы имени Аполлон. *Альфа* сокращения имени Аполлона, к которой в виде лигатуры добавляются элементы эпиклеса Чатрбд, обуславливает то обстоятельство, что эта эпиклеса имеет аттическую огласовку, а не ионийскую, с *этой*.

137.63—464. Рисунок уменьшен. На фр. сосуда — *альфа* и монограмма из букв А и Т = 'A(jroAAcuv) 'Iат(pбд)P

138.69—110. V в. Амулет прямоугольной формы, обколотый из фр. стенки чл. чаши, с зазорами на краях для подвешивания на бечевке. Края затерты (на рисунке границы этой разеры показаны пунктиром). В середине вырезаны прочерк, точка, сверху — *мю* или *сигма* (пенено), *альфа* и буквы которые можно понимать как аористный конъюнктив 2-го лица от глагола *τίθημι*, но трудно сказать, какое значение этого слова —

«сделай», «дай», «погребви» — имел в виду автор данного магического упражнения.

139. Без инв. номера, находка 1971 г. Амулет из фр. дая сосуда. На внутренней стороне — разлиновка, а по краю — первые 5 букв алфавита: А. В. Г. Д. Е, далее, видимо, часть *дзеты*. По-видимому, был вырезан весь алфавитный ряд. В Тире известны алфавитные ученические упражнения на разлинованных предварительно черепках, но эта разлиновка прямая, в то время как на березанском граффито представлено сочетание прямых линий и концентрических колец, непригодных для ученического алфавитного упражнения, затрудняющее его.

Буквы греческого алфавита, как отмечалось выше, согласно поверьям древних, обладали магическими свойствами. Был также особый набор магических знаков, выражавших круг понятий здоровья, блага, счастья и пр. Обе группы таких надписей представлены в числе березанских граффити. Все они были вырезаны на доньях открытых целых сосудов для питья или еды, на внутренней поверхности (сохранились не целые сосуды, а донья). Обычно ставилась одна буква алфавита, но могло быть и более.

140.66-98. V в. Чл. чаша: А.

141.64—496. VI—V вв. Ион. буролак. чаша: Д.

142.74—221. Около V в. Ион. буролак. чаша со следами *эпсилона*.

143.62—538. IV в. Чл. чаша, изнутри — *эта* (или *дзета*), снаружи — 4 прочерка по кругу поддона.

144.75—350. VI—V вв. Ион. кл. чаша с остатками скорее всего *теты*.

145.74—52. IV в. Чл. чаша со шт. орн. из идущих по кругу насечек, кажется, с буквами *Ка*.

146.62—417. VI в. Ион. буролак. чаша с *лямбдой*, видимо, трижды прочерченной.

147.66—416 (без прориси). V—IV вв. Чернофигурная чаша со шт. орн. из пальметт и круга ов. Изнутри — *омикрон*, снаружи — черта.

148.62—433. VI—V вв. Стенка ион. блюда с кл. орн. и насечками, идущими по обрезу стенки блюда. На дне снаружи — *Ф*. В данном случае прочерки сделаны по верхней части блюда, а буква проставлена на нижней части, вопреки обычному размещению букв на внутренней стороне сосуда, а прочерков — на наружной, как в № 143, 147.

149.64—330. VI—V вв. Чл. чаша с буквами ХХ [кресты (?)] или ХА.

В числе магических знаков на сосудах вырезались пентаграмма, крест и др.

151.67—330. V в. На ион. чаше с буролак. орн. — пентаграмма.

152.69—426. Около IV в. На чл. чаше — пентаграмма.

153.66—404. VI—V вв. На ион. чаше с бурым и краснолак. орн. — знак в виде сопряженных ножками двух букв. *пси*.

154.69—473. V в. На ион. чаше знак в виде двух сопряженных вершинами треугольников (ср. № 159). На наружной стороне дна краской нарисован крест или буква Х, например начало слова $x^{at}P^{\xi}$ ~ «будь здоров»; ср. № 149.

155—158 (без прорисей). Кресты на доньях изнутри (64—400, 61—86, 60—1019, 64—660), на последнем, кроме того, на дне снаружи — прочерки. Возможно, это буква Х; ср. № 154.

Далее следуют магические знаки и рисунки, сделанные то ли на целых сосудах, то ли на черепках.

159.74—182. Около V в. На фр. стенки буролак. кувшинчика — такой же знак, как и № 154.

160.75—244. На фр. амфорной ручки — пентаграмма.

161.62—588 ($2/5$ натуральной величины). Около V—IV вв. На фр. стенки красногл. амфоры — якоробразный знак и пентаграмма в круге.

162.74—768. III—II вв. (?) Аккуратно обколотый квадратный амулет из края массивной светлоглиняной миски типа лутерия. На наружной стороне черепка вырезаны волнистый знак водной стихии и корабль, на внутренней — корабль и прочерки.

163.70—263. IV—III вв. (?) Амулет из фр. края чл. чаши с прочерками.

164.64—751. Черепок — V в. Обломок квадратного амулета, сделанного из фр. стенки чл. чаши. На лицевой стороне — рисунок неясного значения, на оборотной — разура и прочерки.

§ 3. Культура колонии

Благодаря археологическим исследованиям, особенно ежегодным раскопкам, проводившимся экспедициям¹ В. В. Лапина и Эрмитажа, мы знакомимся не только с материальной культурой Березанского поселения, но и с духовной культурой, с бытом ее населения. Пока еще немного надписей, характеризующих отдельные стороны культурной жизни березанцев. Ольвия в этом плане представлена богаче⁸², но не следует упускать из виду хронологическую разницу памятников: если в Ольвии это в основном надписи конца VI—III в., то березанские граффити — на столетие древнее. По содержанию граффити, характеризующие культуру, быт, образование березанского населения, разделяются на застольные, в том числе и стихотворные, дарственные надписи и школьные упражнения.

1. Застольные надписи

165. Без инв. номера, находка 1975 г. По фр. крышки кухонного сосуда: ...s $\alpha\phi$ $\alpha\rho\rho\gamma$ $\beta\chi\iota\sigma[\tau\lambda\iota\sigma\text{--}]$.

В кратком сохранившемся контексте вычленяются три слова, первое из которых: $\acute{\alpha}\lambda\upsilon$ —«снова, вновь»⁸³. Слово $\alpha\rho\upsilon\sigma$ —омоним, включающий две группы значений. С одной стороны, это гомеровский эпитет «блистающий, сверкающий»; по Аристотелю, он является также эквивалентом слова $\chi\epsilon\iota\chi\omicron\delta$ —«белый, чистый» (Тор., 149а 7). С другой стороны, $\alpha\rho\upsilon\sigma$ (= $\alpha\epsilon\rho\upsilon\sigma$) применительно к предметам имеет значение «бесполезный, непригодный». Прилагательное $\beta\chi\iota\sigma[\tau\lambda\iota\sigma]$ —известный из Гиппократа эквивалент слова $\beta\omicron\chi\iota\sigma\tau$ —«помутневший», которое употреблялось в источниках применительно не к предметам, а к среде — воде, огню, дыму⁸⁴. Следовательно, оба сохранившихся в надписи прилагательных относятся не к сосуду, а к его **содержимому**, что предполагает значение $\alpha\rho\upsilon\sigma$ как $\alpha\epsilon\rho\upsilon\sigma$ —«непригодный». Отсюда нашу надпись нужно переводить как «...снова непригодная помутневшая пища», «...снова

№ 27-28. Гр. ФФНП, № 89~105; Ср.: Там же «е. березанскио надписи

⁸³ В предварительной публикации я ошибочно читал здесь имя на основании фригийской параллели — имени владельца сосуда $\lambda\iota\upsilon\lambda\upsilon\alpha\rho\upsilon\sigma$? в синхронной надписи из Гордиона.

-- *Hippocr. apud Galeni*, 19, 126. См.: LSJ, s. v.

) непригодная муть» — оставленная кем-то оценкастряпни, содержащейся в этом кухонном сосуде.

Надпись носит стихотворный характер, на что указывает поэтическое слово $\alpha\phi$, ее возможный размер — гекзаметр: [—] — | — ' w J — [—], но, разумеется, сохранившийся текст слишком краток, чтобы утверждать это.

Данная надпись относится к числу древнейших в Северном Причерноморье. Удлиненные пропорции букв в сочетании с маленькими кружочками *омикрона* и головки *ро* указывают на VII—ранний VI в. В частности, такая графика присутствует в ионийских надписях 591 г. в Абу-Симбеле⁸⁵. Таким образом, данное граффито датируется второй половиной VII в. или началом VI в.

На ионизм надписи указывает то обстоятельство, что $\alpha\chi\iota\beta\alpha\varsigma$ в форме $\beta\chi\iota\beta\iota\delta$ засвидетельствовано у Гиппократов, произведения которого отражают ионийский прозаический язык. 166.70—70. По фр. стенки серогл. черялощ. закрытого сосуда типа *кувшинчика* двустрочная надпись: [] $\Gamma\upsilon\lambda\sigma\sigma\upsilon\gamma$ $\langle\alpha\phi\rangle\sigma\tau$ [] $\eta\sigma\eta\ \dot{\iota}\alpha\rho\alpha\ \alpha/\omicron[\delta$] — «...Тихона шелудивым... *такого-то* радость — боль...».

Слово $\beta\chi\iota\beta\iota\delta$ имеет значение «зудящий, шелудивый, паршивый, грязный, чесоточный». Кроме того, у Гесиохия есть глосса $\beta\iota\rho\delta$ — «педераст». Сохранившееся $\phi\psi$? стк. 1 может быть или дательным падежом единственного числа, или родительным множественного обоих слов. Несмотря на эту неопределенность, общий смысл, стк. 1 ясен: речь идет о шелудивом теле Тихона или его членах, либо о шелудивости лица, домогавшегося Тихона⁸⁶. В стк. 2 сохранилось окончание родительного падежа, которое можно связывать с именем этого другого лица, например Эвалка: [] $\epsilon\omega\alpha\chi$] $\eta\epsilon\omicron$. В таком случае выражение этой шутливой надписи в стк. 2 «радость Эвалка — боль Тихона» подразумевает любовный акт: Эвалк наслаждается Тихоном, но его струнья, царапая Тихона, причиняют последнему боль.

Текст стк. 2 был переправлен: на месте \omicron вырезано α , на месте χ — *эпсилон*, усики которого нашли на следующую *альфу*, *ро* осталось, *альфа* не очень удачно перечерчена на *эпсилон*, последующая *альфа* осталась, на месте

w LSAG, tabl. 66-56, 58; 67, 1-5.

⁸⁹ формально можно читать также имя $\beta\rho\chi\upsilon\omega\nu$, но оно засвидетельствовано в беотийско-македонском ареале.

хи вырезана *сигма*, *омикрон* перечерчен в *эпсилон*. Таким образом, новый текст—составили следующие буквы стк. 2: [—JKEAEPЕAEE [—]]. что может быть понято как [] xs āsps āae[]. Если пятую букву справа в новом тексте принять, как и в старом, за *альфу*, нет реальной возможности вразумительно прочесть текст. Но если учесть, что вырезанный на месте четвертой справа буквы £ новый *эпсилон* нашел усиками на правую гасту *альфы*, как бы перечеркнув ее, то отсюда появляется возможность читать оставшуюся левую гасту *альфы* как *йоту*, и это дает предложенный выше текст. На āas- начинается несколько слов, и все они одного — негативного — плана. В целом это следующие группы: āaspeia — «кошунство, нечестие», dasXysta—«бесчинство, беспутство», āaejivo?—«недостойный». Любое из этих значений соответствует общему характеру надписи. Согласуется с этими словами и имперфект āeipe, но трудность заключается в том, что по смыслу к негативному das- подходят два значения глагола ds'ipsiv, прямо противоположные: «увеличивать» и «убирать». Таким образом, остается неясным, идет ли речь об увеличении негативности или, наоборот, говорится об ее исчезновении.

Некоторую параллель к нашей надписи составляет графито на дне аттического килика примерно конца V в., содержащее то же слово *φάρδι* ΜεΧαμΚσω elpu- δαηtg āXXo; eīgai. (Μυροίσι) — «я килик Мелантия. Кто станет утверждать иное — покроется струпьями»⁸⁷.

Березанская надпись — стихотворная; судя по следующим подряд четырем долгим слогам стк. 1, это гекзаметр. Метрическая схема стк. 1, возможно, выглядит так: [—w] ∪ | | ; стк. 2: [—] ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — | ∪ ∪] .

Характерный шрифт надписи, исполненной бустрофедоном, формы *ро*, *омеги*, *эпсилона* имеют параллели в ионийской эпиграфике, дающие ее датировку — вторая или третья четверть VI в., т. е. время около середины столетия⁸⁸. Об ионийском диалекте надписи свидетельствуют употребление *омеги*, указывающей на происхождение автора—эпиграммы из малоазийской Ионии, форма окончания [] xso и āeipe нового текста.

167.64—1085. Первая пол. V в. На фрагментированной чл. чаще с рифленным пояском у основания тулова два

⁸⁷ Friedländer P. Epigrammata, N 164.

⁸⁸ LSAG, tabl. 63-4, 13.

граффити. На дне снаружи — имя владельца: 'Απολλοϋ κρα-
νεοϋ—«сосуд Аполлофана». На венчике: <рад ат|то[]—
«говоря, порыва ветра...». В этом стихотворном отрывке
(иρϋ<; по утверждению Платона,—поэтическое слово),
видимо, ведется речь от имени божества. Сохранившееся
начало надписи выдержано в размере восходящего ирра-
ционального ионика: —• w

168.72—440. V в. На фрагментированной чл. солонке —
две надписи. На дне сначала было вырезано одно сокра-
щение имени владельца — 'Απ, затем по нему же — дру-
гое: Δε. На боковой поверхности, состоящей из двух че-
репков (не в контакте), представлен стихотворный текст.
На одном черепке дважды написано слово «факел». Сна-
чала резчик написал его в форме Βα'ιγ], затем, развернув
солонку на 180 градусов. — в форме Σαοϋ. Первая форма
употреблялась и в прозе и в стихах, вторая—только поэ-
тическая. На втором черепке вырезан также поэтический
эпитет в родительном падеже: αὐτοῦ[ο] — «раскаленного,
горячего, блестящего». Таким образом, в дйнном стихотвор-
ном отрывке шла речь о пылающем факеле. Метрическая
схема ввиду скудости сохранившегося текста определенно
не улавливается. Судя по повтору слов и букв, надпись,
возможно, является ученическим упражнением.

169.62—337. V в. На фр. венчика чл. чаши сохранились
буквы ΒΑ^Ε, начало слова j3ij«eiv—«черпать» (о вине),
в форме будущего времени или аориста⁸⁰.

170.71—197. IV в. На фр. венчика чл. чаши сохранились
буквы ΦΗ. Слева от φη располагалась ручка сосуда. Это,
возможно, начало слова f^1p]—«говорю...»: ср.

№ 167.

171.64—1031. IV в. фр. венчика и горла красногл. кув-
шина (венец покрыт красным лаком) с остатками надписи:
[?s7i]isv I)(a[t]ps oa[pi]].

Первое слово, часто фигурирующее в застольных над-
писях, восстановлено предположительно. Последнее слово
начиналось, кажется, на ояр-, им могло быть оар — «под-
руга» (поэтизм) или барсахгц;—«собеседник, сотоварищ»,
барογ, οαρταυι;—«беседа». Таким образом, содержание этой
фрагментированной надписи предположительно таково:
«...выпил, наслаждался беседой (собеседником, подру-
гой)». Граффито вырезано нетвердой, нетрезвой, видимо,
рукой, так как буквы «пляшут».

⁸⁰ Ср. ραφοισι: *Aristoph.*, *Lys.*, *51 и ραφτ: *Theucr.*, V. 127.

172.71—111. IV в. По дну от чл. чагаи со шт. орн. из пальметт и круга ов вырезана надпись, которую можно понимать следующим образом. На дне стояло сокращение имени владельца (владелицы): охт], как в № 74. Затем к лямбде слева была добавлена черта, так что получилась лигатура ик и в целом образовалась ионийская растяженная форма того же имени ОиХт]. Это каламбур, так как новая форма имени совпала со словом оиХ'] — «радуйся» — медиальная форма 2-го лица настоящего времени от глагола оиХшц упоминаемого Гесихием и грамматиком XII в. Григорием Коринфским⁹⁰. Оно существовало параллельно с глаголом оиХш того же значения, императив которого оиХе употреблялся в гомеровском эпосе в качестве приветствия. 173. ОАМ 23482. На верхней плоскости круглого основания ножки чл. чаши графито, вырезанное бустрофедоном: [~~ερ]Χιο~~ MeXтpтk]? mijik] [|] ха' те хяпш [тpо? 6<тpо]] — «...любезный кубок Милесии напиток... и при этом актер опускает брови долу...».

Черепок найден при раскопках Штерна 1906 г. В дневнике раскопок Е. Г. Кагаров (архив ОАМ, 59191, л. 36) дал следующий текст надписи: [Φ]ΙΑΥЄΜΕΛΝΕΙ ΝΕΠΟΜΝ, стк. 2: ΚΑΙ] ΕΚΑΤΪΜШОЕОФРГ, откуда следует, что уже после раскопок черепок был обломан справа. Сохранившийся текст надписи дополнен в соответствии с записью Кагарова.

Слово пб^т] стк. 1, несмотря на скол справа, имеет однозначный смысл — это ионийский вариант слова ποΐα (аттическое ποΐα) — «напиток, питье». Это слово — среднего рода, поэтому прилагательное [ερ]Χιο? относится не к нему, а к утраченному в лакуне слева существительному мужского или женского рода, каковым при слове «питье», вероятно, было обозначение содержавшего его сосуда. MeXтpaitjc — родительный падеж в ионийской огласовке имени MeXтpa, засвидетельствованного Свидой. В слове те от тау, согласно записи Кагарова, остались следы вертикальной гасты. Наречие хагш — «вниз» — предполагает в данном контексте несохранившийся глагол движения. Им могло быть слово οσpρuαi^εiv — «выражать что-либо движением бровей», «быть надменным» или οσpρuοΟαι — «быть надменным». И fi. Tj.os — «актер», и ххтш показывают, что в контексте с ними возможно первое зна-

⁸⁰ LSJ, s. v.

чение глагола: «выражать что-либо движением бровей» — об игре актера.

Наряду с указанным глаголом здесь можно восстанавливать и винительный падеж слова $\sigma\beta\rho\rho\beta$; («бровь») — $\sigma\beta\rho\rho\upsilon\upsilon$ или $\beta\rho\rho\alpha$ единственное или множественное число. В таком случае искомым глаголом движения может быть $\rho\alpha\chi\chi\epsilon\tau\upsilon$, ср. у Еврипида (Сус!, 167): $\chi\alpha\chi\alpha|\zeta\alpha\chi\epsilon\iota\upsilon\upsilon$ та: $\beta\rho\rho\rho\beta$ — «опустить брови», гесп. «становиться спокойным». Оба варианта дополнения приемлемы для метрической схемы надписи, стк. 1 которой выдержана в восходящем ионике, в том числе иррациональном, стк. 2 — в нисходящем ионике, в том числе иррациональном: — [. . .] w w | — w | — w — [. . . | . . . _ | _ w w | . . .] .

По своему содержанию остатки сохранившегося в стк. 1—2 текста могут быть связаны между собой в том смысле, что напиток, вино, из кубка Мелесии было предложено актеру, который при этом изобразил какую-то сцену. По-видимому, сохранилась меньшая половина текста надписи.

Датировка ее определяется бустрофедоном, который, как говорилось выше, во второй половине VI в. исчезает из ионийских памятников, за исключением милетских. На немилетское происхождение данного граффито указывает «хвостатое» *rho*, свидетельствующее о происхождении автора застольной надписи из островного ионийского ареала (см. № 2). Репертуар форм букв (особенно характерны *omega* и *rho* почти без корешка) также позволяет датировать надпись серединой — третьей четвертью VI в.⁹¹

Существенно сообщение надписи о миме-актере — первое в Северном Причерноморье упоминание о театральной сценке, разыгранной артистом. На Березани не было театра, но жители разыгрывали живые сценки на пирушках, как в данном случае в доме Мелесии. Равным образом в упоминавшемся надписью актере можно видеть заезжего лицедея, какого-либо известного артиста.

174. ОАМ 73237. Поздний VI в. Раскопки Лапина 1960 г. совместно с ОАМ. По фр. края чл. скифоса изнутри (вверх ногами относительно дна): *suae*, застольный возглас ликования. Первая буква надписи — *эпсилон* — вырезана ретроградно, как в граффито № 179.

2. Дарственные надписи

Эта группа граффити в основном выделена предположительно ввиду сильной фрагментированности материала. Надписи этой группы обычно включают имена дарителей и(или) одариваемых лиц, поставленные в родительном (№ 175) или дательном (№ 176) падеже. Такие надписи обычно размещаются на открытых, обозримых частях сосудов и часто отличаются аккуратной профессиональной резьбой букв.

175.74—427. Первая пол. V в.—По стенке фрагментированной чл. чаши, изнутри: []ро 'Ар'тргбХт]? 'Ixeot'ο — кажется, три имени в родительном падеже. Окончание — ρο может принадлежать и какому-либо слову и имени. Неясное скопление черт перед этими буквами может быть прочитано различным образом. Второе имя но совсем обычно. Есть имя 'Ар'ειτοΑις, в котором замена *эпсилон* этой объясняется ионийским диалектом резчика надписи⁹². Но замена *йоты* на :*ту* необычна, что заставляет видеть в 'Ар'τ)пбХт]? надписи родительный падеж не засвидетельствованного справочниками имени 'Ар'τοХт], которое хорошо вписывается в группу женских имен на -пбХт)⁹³. Из их числа ср., к примеру, ΠυτρστпбХт], возникшее в качестве параллели женского рода к мужскому имени 'НутртшХ^ (№ 114). Третье имя—'Ixeot'ο—может быть либо иатронимиком Археполы, либо именем второго (третьего) лица. Эта надпись, включающая имена двух-трех лиц в родительном падеже, имеет хорошую параллель в ольвийской надписи позднего IV в.: 'εχτυ'vQ · χαί <Δαίου>v(οε)—«чаша Элышиа и Федона»⁹⁴. Если на сосуде вырезаны имена любовников, это означает, что один из них подарил ее другому. С Березани происходит граффито раннего V в. На чл. килике: хбурафа? τον αιοφυτι &ει] αυρον ей ριχт, ρεχXηп χαί Ixatpтm — «и нарисованный (эту надпись) по справедливости да сделает свой подарок дающему другу и товарищу», что подразумевает обмен у друзей подаренными друг другу кубками⁹⁵.

⁹² Ср. "Арху-yos милетской надписи VII в. (Bechtel F. Die historischen Personennamen, S. 78).

⁹³ Ibid., S. 376-377.

⁹⁴ Граффити, № 96в.

⁹⁵ Яйленко В. И. Березанское граффито-приношение другу. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, 1, с. 356 сл.

176.64—1170. IV в. По фр. стенки небольшого чл. сосуда остаток надписи, которую предположительно можно понимать в качестве дарственной, содержащей имя одариваемой женщины: [ε. g. **Εἰς**ραχτ]^f. τ[β οἴκου] — «дар Евкрате». Возможны и иные варианты понимания надписи.

177.67—52. IV в. По фр. плечей серогл. чернолощ. закрытого сосуда, возможно, дарственная надпись, включающая женское имя: fe. g. Φσραυ-д—«Филине». Обращает на себя внимание аккуратное исполнение букв профессиональным резчиком.

178.66—11. V в. По фр. стенки чл. чаши, возможно, остатки женского имени, например: Μίχα[i]—«Мике». Это имя присутствует в одной из березанских надписей⁶⁶. Надпись отличается тщательной резьбой букв, выполненной профессиональным резчиком.

3. Алфавитные упражнения

179. ОАМ 23705. V в. По круглому основанию ножки чл. чаши две надписи: а) по нижней плоскости: Αεαυρο χι^ατ — «дары (или приношения) Леагра». Оба слова разделены крестом и чертой; б) на верхней плоскости та же надпись, но с сокращениями: Α(εαυρб) τχτχαι и ретроградно: Α(εαυρο) χι([χαΙ]). Тройное повторение одной и той же фразы, как и нечеткость написания букв (ретроградный *эпсилон* в имени Леагра, *таυ* — крестообразной формы, *альфа* на верхней плоскости — без перекладки, *лямбда* вырезана с лапками, слова разделены знаками), свидетельствует о том, что это школьное упражнение. Леагр — мифологическое имя, видимо фигурировавшее в упражнениях, заданных учителем. Не исключено, конечно, что это имя самого ученика (ср. № 182), и тогда τχτχαι означает не «приношения» мифологического персонажа, а нечто другое. Удивительным образом оно может соответствовать нашему слову «оценки».

180.75—1129. V в. На дне ион. сосуда — несколько надписей: лигатуры имен владельцев: 'Αττ и Εχ⁹⁷, а также ученические упражнения написание согласных — [] Π, Κ, Ε. Сделав упражнение, ученик приписал ΙαΤ, возглас радости⁹⁸. Одно тирское граффито содержит упражнение ученика, выполнив которое, он похвалил себя словом

⁶⁶ Граффити. № 28.

Такая лигатура раскрывается именно так (см. № 182).

⁹⁸ По Софоклу (фр. 631 P.), у варваров это возглас скорби.

χαῖος—«молодец». Согласно другому граффито из Тиря, усвоение учениками гласных и согласных происходило раздельно.

181.74—6. V—IV вв. На фр. стенки серогл. чернологц. миски — алфавитное упражнение: А. Г. Д. Е. Пропущена *бета*, вместо *эпсилона* сначала была вырезана *каппа*, что свидетельствует о первых усилиях учащегося по овладению алфавитом.

182.67—532. Горловина красногл. амфоры типа Слоха II, отбитая до шейки, с красной прерывистой полосой под венчиком и на верхних креплениях ручек. На горловине — несколько школьных упражнений. Амфора и надписи одинаково датируются III в. Две верхние надписи — не школьные, они относятся к амфоре и ее содержимому. Слева сверху: 'Αιτε(ΧΧατος) (Π и Ε даны в лигатуре), сокращение дорийского названия месяца розлива вина — Апелья, примерно соответствующего декабрю. Справа сверху: χε' в лигатуре = 25 ксестов — обозначение объема амфоры в 13.7 литра.

Школьные упражнения вырезались на горловине амфоры, отбитой от тулова. После этого нижняя часть горловины амфоры, шейка, снова оказалась фрагментированной, так что граффити школьника частично отбиты справа. Упражнения вырезаны одно под другим, перпендикулярно к венчику, тонким острием. На прориси надписи даны в развороте, расстояние между ними в целях экономии места слегка уменьшено.

Упражнение школьника состоит из следующих надписей. Сначала он вырезал свое имя — Φσχο[?] — Фок, мифологическое имя (стк. 1). Ниже он еще раз вырезал первую букву этого имени (стк. 2). Далее, в стк. 3, следует упражнение на слог КАК, повторенный несколько раз, причем слоги разделялись точками: К А К К А К - А - К А К К А К. Под этим упражнением вырезано слово χόλο! — «письмена» и, кажется, еще дважды повторен заучивавшийся слог КАК (стк. 4). Ниже следует упражнение на краткие двухбуквенные слова: ὄς, ὄς — «кабан (свинья), как» (стк. 5). Еще ниже — ρῶ ὄς ἰ[s?] — «мышь, которая свинья» [(?) скорее, он хотел повторить союз ὄς, но написал его с *омикроном*, отчего и получился вышепереведенный текст вместо должного «мышь, как свинья»]⁹⁹. Далее ученик

⁹⁹ По-гречески слово «мышь» — мужского рода, поэтому, наверное, подразумевался при сравнении кабан.

стер написанное (разура), очевидно, заметив ошибку, и ниже продолжил упражнение, начатое в стк. 5, написав слово «мышь» в именительном и родительном падежах: од. иод. $\sigma\gamma\ \epsilon^e[i]$ —«мышь, мыши (родительный падеж), что имеет...». Заключил свое упражнение ученик словом $\epsilon\tau\iota\chi\omicron\upsilon\rho(\epsilon)\kappa$ — «помощь», сделав в нем две ошибки¹⁰⁰, чем продемонстрировал, что ему действительно требуется помощь в обучении грамоте.

Надпись представляет собой целый урок: ученик сначала указывает, кем сделано упражнение, вырезав свое имя, и далее переходит к упражнению в написании слогов, отдельных кратких слов — существительных, служебных слов, простейшего глагола ($v'moi$, us , $\sigma\gamma$ $\omicron\gamma$, $e^e\epsilon t$), склоняет одно из существительных (род. $\tau\iota\gamma\omicron\gamma$), составляет из них простейшие фразы, причем слова подобраны близко звучащие (рлд. $\omicron\gamma$, $\sigma\gamma$ $\omicron\gamma$). Наконец, он пишет длинное слово «помощь», но в отличие от кратких слов делает в нем ошибки.

Данное граффито имеет аналогии среди других школьных упражнений, найденных в греческом мире. Приводу одно из них — упражнение ученика, вырезанное на кирпиче (надпись того же эллинистического времени, найдена в Серра Орландо, провинция Кальтанисетта, Сицилия)¹⁰¹:
 SSSSSSSSSS $\chi\epsilon\lambda\sigma\eta$ KKKKKKKKKK $\rho\beta\chi\alpha\eta\eta$ 86д.

Вырезав по десять раз *сигму* и *каппу*, ученик приписал слова в именительном и винительном падежах: «черепаха, большой камень, дав» (надпись составлена на дорийском диалекте). Ср. в березанском граффито упражнение на слог КАК, заключенное словом $T\upsilon\tau\omicron\tau$ — «письмена». Следующее упражнение сицилийского школьника, как и в березанском граффито, включает приблизительно, одинаковые по звучанию слова: $\nu\alpha\tau$ $\nu\sigma\alpha\tau$ $\nu\alpha\tau\alpha$ $\nu\sigma\omicron\tau$ $\tau\sigma\iota\alpha\omicron\upsilon\upsilon$, $\sigma\gamma$ $\nu\sigma\omicron\tau$ α $\nu\alpha\omicron\gamma$ —«новому кораблю молодежь обтесала новые доски, чтобы корабль мог плыть» Завершается упражнение фразой, конечно, еще непосильной для березанского ученика: $\tau\omicron\upsilon\ \text{Ze}\sigma$, $\delta\alpha\alpha\alpha$ $\iota\tau\omicron\alpha\alpha$ [$\alpha\epsilon i$] $\epsilon\nu$ $\chi\alpha\iota$ $\iota\tau\omicron\chi\alpha\tau$ — «О Зевс, сколько всего проходит у ворот!»

100 Возможно и иное чтение: $\Upsilon\lambda$ $\chi\omicron\tau\eta$ (В Д., но оно представляется маловероятным в данном контексте).

101 *Diels H.* Schulknabenscherze auf einem sizilischen Ziegelstein. - *Sb. Ak. Berlin*, 1913, Hbbd. 2, S. 715-718.

Мы рассмотрели 182 березанских граффити и, как видим, малая эпиграфика предоставляет в наше распоряжение множество сведений самого различного свойства, вводящих нас во все стороны жизни населения Березани, в том числе уже первых десятилетий существования колонии. А ведь это только малая толика березанских граффити, хранящихся в музеях страны! Годами, десятилетиями лежат там эти надписи кашеевым сокровищем и ожидают специалистов. Сколько мы могли бы уже знать о Березани! Я хотел бы завершить свою небольшую публикацию добрым словом о В. В. Лапине, который нашел эти граффити во время раскопок, обязанных прежде всего его энтузиазму, и бескорыстно передал их в мое распоряжение. *Sit tibi terra levis.*

* * *

Коррекционное примечание. В статье, вышедшей в свет после сдачи данной монографии в печать, Ю. Г. Виноградов читает граффито № 1 как 'Istv&Eai -oiiXt] 'apusti^os — «Идантемиду, развратнику, (эта) кружечка (в подарок)», обвинив меня в том, что «ошибочное толкование, проистекающее от неверного разбора пятой буквы (омикрон вместо теты) и неприемлемого чтения патронимика тб *pXxi) вместо оправданного dat. to^шXt], т. е. ппi o^шXt] in crasi (вар. oty-ita]?), привело к преждевременному рискованному выводу о присутствии в надписи эолийских форм» (Варвары в просопографии Ольвии. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье, с. 140—141). Чтение названным автором имени 'ISdv9efit, пользуясь его выражением, не только «рискованно», но и в принципе невероятно. Он усматривает в этом имени две основы: скифскую 'ISav- и греческую -5>ejic, но такое сочетание невозможно, ибо подобных скифско-греческих composite в антропонимике нет, а в Нижнем Побужье VI—V вв. до н. э. и в принципе не может быть, поскольку греко-скифские отношения здесь характеризовались культурным антагонизмом (ср. рассказанный Геродотом эпизод с умерщвлением Скила). Сказанное заставляет видеть в пятой букве *омикрон* и считать, что точка в середине его кружка — случайного происхождения. Далее, чтение 'ISavSejai невозможно и по той причине, что имена на -9efxi имеют такое окончание в вокативе, абсолютно не подходящем к контексту надписи. Дательный падеж таких имен представлен в источниках различными флексиями, но не -Qefit (его можно лишь теоретиче-

ски вообразить по форме Ναοχραп в навкратийском граффито VI в.). Таким образом, чтение 10. Γ. Виноградовым имени 'Ioaυ-9sfj.ιe невероятно с точки зрения принципов образования сложных имен и малосостоятельно морфологически. Поскольку ο'ιϋX-ιj надписи относится к 'I8avo εp.1, это родительный падеж слова ο'ελι), свойственный только эолийскому диалекту (от чтения здесь патронимика то Ч'ιoϋB], предложенного в предварительной тезисной публикации 1979 г., я отказался еще до выхода в свет статьи Ю. Г. Виноградова, как можно судить по с. 269 данной монографии, сданной в печать весной 1981 г.) Из изложенного здесь на с. 268 явствует, что фигурирующая в предварительной публикации датировка «V» век — опечатка (вместо «VI» век). Что же касается мнения Ю. Г. Виноградова об окρηB] надписи как варианте слова - " то это ляпсус, поскольку и женская форма этого слова ο'ιριXis (LSJ, s. v) безусловно показывает, что оно пишется через *омикрон*, а *омега* в данной надписи прочерчена ошибочно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ДАН — Доклады Академии наук СССР, серия В
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 СА — Советская археология
 ATL — *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Cambridge (Mass.), 1939—1953, v. 1—4*
Buck — *Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1968*
 FGII — *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker.*
Hill — *Hill G. F. Sources for Greek History between the Persian and Peloponnesian Wars. Oxford, 1951.*
 IG — Inscriptiones Graecae
 LSAG — *Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1969*
 LSJ — *Liddeell H. G. Scott R. Jones H. S. A Greek-English Lexicon, with a Supplement. Oxford, 1968*
 ML — *Meiggs R. Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969*
 RE — Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
Schwyzler — *Schwyzler E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim, 1960*
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
 SGDI — Sammlung der griechischen Dialektinschriften
 Syll.³ — *Dittenberger G. et alii. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae, 1915—1924, v. 1—4*
Tod — *Tod M. N. Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1946—1948, v. 1—2*
 Abh. Ak. Berlin (München, Wien) — Abhandlungen der Preussischen (Bayerischen, Österreichischen) Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 AM — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institute. Athenische Abteilung
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BSA — Annual of the British School at Athens
 CPh — Classical Philology
 CQ — Classical Quarterly
 GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 PP — La parola del passato
 REG — Revue des études grecques
 RF — Rivista di filologia
 Sb. Ak. Berlin — Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse
 SCO — Studi classici e orientali
 VAHD — Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ	4
§ 1. Историография древнегреческой колонизации	4
§ 2. Три направления изучения греческой колонизации	46
§ 3. Значение эпиграфических источников	47

1

ЭЛЛИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава I	
ОТПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИИ В КИРЕНУ (по данным «стелы основателей») (№1)	61
§ 1. Текст и перевод надписи	61
§ 2. Характер документа	67
§ 3. Причины и обстоятельства отправления колонии (по данным ферского декрета VII в.)	76
Глава II	
СТАТУС ЛОКРИДСКИХ ЭПОЙКОВ	83
§ 1. Раздел земли и прием эпойков локридским полисом (по данным «таблицы Паппадакиса») (№ 2)	83
1. Лексический анализ и перевод надписи	84
2. Принятие полисом эпойков и раздел земли	93
§ 2. Декрет опунтских локров о навпактских эпойках (№ 3)	97

Глава III	
РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ КОЛОНИСТАМИ (по данным декрета иссейцев) (№4)	109
§ 1. Текст надписи и его реконструкция	109
§ 2. Раздел земли колонистами	121

2

АФИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Глава IV	
АФИНСКИЕ КОЛОНИИ И ИХ ТИПОЛОГИЯ	135

Глава V	
АПОЙКИЯ	155
§ 1. Декрет об отпращивании колонии в Брею (№ 5)	155
§ 2. Декрет о неизвестной колонии (№ 6)	168

§ 3. Декреты о Гестиэ (№ 11—13)	171
§ 4. Отправление эройков в Адриатику, 325/4 г. (№ 14)	193
Глава VI	
КЛЕРУХИЯ	199
§ 1. Декрет о Саламне (№ 15)	199
§ 2. Декрет о митиленях, после 427 г. (№ 16)	203
§ 3. Декрет о лемносских клерухах, 387/6 г. (№ 17).	206
§ 4. Декрет о пошлинах (№ 18)	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
ЭКСКУРСЫ	247
I. Спорные вопросы греческой колонизации Колхиды	247
II. Эпиграфические источники по колонизации, религиозной и культурной жизни Березанского поселения	258
§ 1. Состав березанских колонистов	259
§ 2. Сакральная жизнь Верезанской колонии	287
§ 3. Культура колонии	298
1. Застольные надписи	298
2. Дарственные надписи	304
3. Алфавитные упражнения	305
Список сокращений	310

Валерий Петрович Яйленко

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

VII—III вв. до н. э.

(По данным эпиграфических источников)

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский

Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор Т. В. Полякова

Корректоры Г. Г. Петропавловская, Л. Д. Собко

ИБ № 25000

Сдано в набор 4.11.81. Подписано к печати 15.06.82. Т-10525. Формат 84X108V32- Бумага типографская М1 Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,48. Уч.-изд л 18,2 Тираж 3850 экз. Тип. зак. 1160

Цена 2 р.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Орденa Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
109034, Ленинград, В-31, Н лпшш, 12